Тан-Богораз Владимир Германович
Чукчи

Lib.ru/Классика: [Регистрация] [Найти] [Рейтинги] [Обсуждения] [Новинки] [Обзоры] [Помощь]

- Оставить комментарий
- Тан-Богораз Владимир Германович (yes@lib.ru)
- Год: 1934
- Обновлено: 28/04/2014. 897k. Статистика.
- Описание: Этнография Научные труды
- Иллюстрации/приложения: 1 штук.

Скачать FB2

Оценка: 7.59*10 Ваша оценка: Не читал OK

- **Аннотация:**
  Часть I

В. Г. Богораз

Чукчи

Авторизованный перевод с английского

Часть I

Научно-исследовательская ассоциация Института народов севера ЦИК СССР
Материалы по этнографии. Том V
Издательство Института народов Севера ЦИК СССР
Ленинград, 1934

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора
Предисловие автора к русскому изданию

Часть I. Социальная организация

Глава I. Название и местообитание
Самоназвание. -- Древнее местообитание. -- Современное местообитание. -- Соседние племена. -- Характеристика страны. -- Стойбища и селения. -- Поселки приморских чукоч: чукотские, эскимосские, поселки к северу от мыса Чаплина, селения по берегу Ледовитого океана.
Глава II. Общая характеристика чукоч
Внешний вид. -- Смешение с соседними племенами. -- Рождаемость. -- Роды и брак. -- Старческий возраст. -- Органы чувств. -- Опрятность. -- Болезни. -- Духовные качества. -- Времена года. -- Язык.
Глава III. Сношения чукоч с русскими
Открытие Чукотской земли. -- Войны. XVII век -- Походы Пазлуцкого. -- Прекращение войны. -- Торговля. -- Открытие торговли на Колыме. -- Анюйская ярмарка. -- Чукотский ясак и "чукотские подарки". -- Правила Трескина. -- Реформа Майделя. -- Распространение оленных чукоч и новый ясак. -- Анадырские власти. -- Торговля спиртом. -- Общая характеристика русского управления. -- Издержки производства.-- Вымогательство. -- Игранные реформы. -- Пособие во время голодовки. -- Медицинская помощь. -- Школы. -- Ученые экспедиции. -- Общая характеристика русского населения. -- Православная миссия. -- Современное положение (в начале XX века). -- Американское влияние. -- Общие выводы.
Глава IV. Чукотская торговля
Торговля в древнее время.-- Торговля с русскими. -- Анюйская ярмарка.-- Прочие ярмарки. -- Пути сообщения. -- Табак и кирпичный чай. -- Спирт. -- Торговля с китоловами. -- Торговля оленями. -- Торговля внутри страны. -- Единицы цен и цены вообще.
Глава V. Семья и семейная группа
Мужчина в семье. -- Система родства. -- Семейные группы. -- Семья. -- Положение стариков. -- Положение женщин. -- Положение детей. -- Усыновление. -- Добровольная смерть.
Глава VI. Брак
Брак у оленных чукоч. -- Целомудрие женщин. -- Насилие над женщинами.-- Брак между родственниками. -- Брак между людьми неравного возраста. -- Отработка за жену.-- Условленные зятья. -- Похищение женщин, -- Брак уходом. -- Смешанные браки. -- Свадебный обряд. -- Развод. Многоженство. -- Групповой брак. -- Левират. -- Брак у приморских чукоч.
Глава VII. Стойбище и поселок
Стойбище оленных чукоч. -- Хозяин стойбища. -- Помощники. -- Материальные условия. -- Помощники-иноплеменники. -- Бедняки. -- "Праздные скитальцы".-- Соседнее стойбище. -- Послок приморских чукоч. -- Байдарная артель. -- Распределение продуктов промысла. -- Бедняки. -- Скитальцы. -- Гостеприимство.
Глава VIII. Сильные люди, воины, рабы
"Сильные люди".-- "Насильники". -- Войны и воины. -- Войны с Таньгами.-- Герои войны. -- Войны с казаками. -- Войны с эскимосами. -- Войны с тунгусами и юкагирами. -- Внутриплемениые воины. -- Рабы.
Глава IX. Право
Совет семейной группы. -- Убийство и кровавая месть внутри семейной группы. -- Убийство и кровавая месть вне семейной группы. -- Вира. -- Мелкие преступления. Воровство. -- Законы, охраняющие собственность.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В происходящее в настоящее гремя огромной работе по социалистическому освоению Крайнего Севера к культурно-экономическому подъему населяющих его народов ощущается острая потребность в исследованиях, освещающих все многообразие этой богатой, но слабо изученной окраин; нашего великого Союза. В частности нужны исследования социально-экономического строя народов Севера, помогающие нам лучше ориентироваться в сложном переплете общественных отношении и тем самым ускорить темпы социалистического строительства на Севере.

Институт народов Севера ЦИК СССР, идя навстречу назревшей потребности, предпринял издание исследований по экономике, истории, этнография и языкознанию народов Севера. На ряду с серией "Трудов", дающей оригинальные работы научных работников Института по вышеупомянутым вопросам, Институт в серии "Материалы" начал публикацию наиболее ценных работ прошлого, написанных о народах Севера, как на русском, так и на иностранных языках.

Настоящим выпусков "Материалов по этнографии" Институт народов Севера приступает к публикации переведенной с английского языка монографии "Чукчи", принадлежащей перу лучшего современного знатока народов и языков Крайнего Севера -- В. Г. Богораза.

* * *

Перед тем как перейти к изложению и анализу "Чукоч", необходимо хотя бы в самом сжатом виде остановиться на основных вехах жизни В. Г. Богораза.

В. Г. Богораз (псевдоним -- Тан) родился 15 апреля 1865 г. в городе Овруче Волынской губернии. В раннем детстве перевезен в Таганрог. В таганрогской гимназии учился одновременно с А. П. Чеховым. В 1880 г., после окончания гимназии, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, откуда перевелся на юридический факультет, но не окончил его, так как уже в 1882 г. был выслан из Петербурга на родину, а в 1888 г. арестован за принадлежность к партии Народной Волн и просидел год в тюрьме. После освобождения перешел на нелегальное положение. В 1885 г. был одним из организаторов екатеринославского съезда Народной Волн и редактором последнего номера журнала "Народная Воля". 9 декабря 1866 г. В. Г. Богораз был вновь арестован и после трехлетнего заключения в Петропавловской крепости сослан на десять лет в Колымский округ Якутской области, где и пробыл с 1890 по 1898 г. В колымской ссылке В. Г. Богораз стал этнографом и лингвистом, изучив быт и языки местных народностей: ламутов и чукоч, а также северных русских. В особенности обстоятельно В. Г. Богораз изучил чукоч, среди которых он кочевал около трех лет (1835--1897 гг.) в связи с Сибиряковской экспедицией.

В 1898 г. В. Г. Богораз возвратился из ссылки благодаря ходатайству Академии Наук и вошел вместе с Туган-Барановским в редакцию легальных марксистских жури лов "Начало" и "Жизнь". Одновременно он становится научным сотрудником Музея антропологии я этнографии Академии Наук. Вскоре, однако, В. Г. Богораз был выслан полицией из Петербурга и уехал в Америку, где в качестве руководителя Анадырского отдела принял участие в северо-тихоокеанской экспедиции Джезупа, организованной известным антропологом и лингвистом Францом Боасом, силами нью-йоркского Музея естественных наук и петербургской Академии Наук. В течение 1900--1901 гг. В. Г. Богораз путешествовал по Камчатке, Анадырскому краю и Чукотке. Вовремя этой экспедиции, кроме чукоч, он изучал коряков, ительменов (камчадалов) и азиатских эскимосов. По возвращении в 1901 г. в Петербург он вновь был выслан полицией, после чего уехал в Нью-Йорк, где до 1804 г. работал в "Музее естественных наук.

С 1900-х гг. В. Г. Богораз ведет большую работу по развитию русско-американской научной связи. Вместе с покойным Л. Штернбергом он является одним из основателей русского о дела Союза американистов и неоднократно, вплоть до последнего времени, принимал участие в международных конгрессах американистов.

Осенью 1904 г. В. Г. Богораз вернулся в Россию и участвовал в организации Крестьянского союза и трудовой группы Государственной Думы. В 1906 г. был одним из организаторов "народно-социалистической партии", сотрудничал в "Родной Земле" и т. л. О В. Г. Богоразе в связи с этой газетой мы имеем следующее замечание В. И. Ленина: "Направление этой газеты ["Родной Земли"] несомненно, левее кадетского. По всем данным, можно назвать это направление трудовическим. Как на документальное подтверждение такой политической характеристики можно указать на сотрудничество в этой газете г. Тана. Г. Тан значится в опубликованном списке членов организационного комитета "трудовой (народно-социалистической) партии" {В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. X, стр. 275.}.

Весьма любопытно и другое замечание Ленина: "В "Пестрых встречах" новогоднего номера "Речи" г. Тан затронул важный вопрос, на который рабочим следует обратить серьезное внимание. Это--вопрос о росте новой демократии.

"Вот уже с год или, может, побольше, -- пишет г. Тан, -- русло жизни опять начинает меняться и таять. Вместо убыли воды появляется прибыль, бог знает откуда, из недр подземных и из дальних источников. Три года все было тихо и пусто. Теперь появляются люди, выползают один за другим из разных щелей и медвежьих углов...". "Всего интереснее, люди крестьянского звания, пришедшие, снизу. Имя им -- легион. Они заполонили средние области жизни и даже покушаются на высшие, особенно в провинции. Техники, счетчики, агрономы, учителя, всякие земские служащие. Все они похожи друг на друга. Серые с лица, широкие в кости, нескладные с виду; к рефлексам не склонны, напротив, живучи, как кошки... Жизнь, очевидно, шагнула еще на ступень, ибо мы, разночинцы, сравнительно с ними -- так же, как были дворяне сравнительно с нами".

Метко и верно сказано, хотя не следует забывать, что и старые разночинцы и новые, "крестьянского звания", демократическая интеллигенция и полуинтеллигенция -- представляют из себя буржуазию в отличие о дворян-крепостников" {Там же, т. XVI, стр. 281.}.

Во время империалистической войны В. Г. Богораз поддался шовинистическому угару, стал оборонцем и, несмотря на свой довольно пожилой (50 лет) возраст, пошел добровольцем на фронт в качестве начальника одного из санитарных отрядов Союза городов. В 1918 г. он возобновил свою работу в Музее антропологии и этнографии Академии Наук. В 1920 г. В. Г. Богораз стал "сменовеховцем". С этого времени начинается его активная, преимущественно связанная с этнографией и советским Севером, научная и общественная работа. С 1921 г. В. Г. Богораз -- профессор этнографии, сначала в Географическом институте, потом, после слияния Географического института с Ленинградским университетом, в последнем. В университете он стоял во главе комиссии по студенческим этнографическим экскурсиям и редактировал сборники этнографических материалов собранных студентами.

В. Г. Богораз был одним из инициаторов создания Комитета содействия народностям северных окраин и с момента организации Комитета Севера (1924 г.) состоит его деятельным членом. С 1925 г. и по сие время -- профессор Ленинградского историко-лингвистического института.

Большую роль В. Г. Богораз сыграл также в создании первого специального учебного заведения для народов Севера -- Института народов Севера ЦИК СССР.

С 1930 г. В. Г. Богораз -- действительный член Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и профессор Северного отделения Педагогического института им. Герцена. В 1932 г. организовал Музей истории религии Академии Наук и с тех пор является его директором. С того же времени состоит членом редакционной коллегии журнала "Советская этнография".

За последние годы В. Г. Богораз проделал значительную работу по развитию луораветланской (чукотской) письменности, составил алфавит и первые учебные книги и грамматику на этом языке и перевел ряд политических брошюр.

В. Г. Богораз, под именем Тана, известен и как беллетрист и поэт. Начал писать он еще в колымской ссылке (в 1896 г.). Изданные в 1899 г. его "Чукотские рассказы" и в 1900 г. "Стихотворения" имели большой успех. В 1912 г. было издано собрание сочинений в 12 томах. Его стихотворения "Красное знамя" (перевод), "Первое мая" и "Кронштадтские матросы" широко известны и вошли во все революционные песенники.

В советское время повести и рассказы Тана переизданы дважды в пяти томах; кроме того, им написаны два новых романа: "Союз молодых" и "Воскресшее племя". Некоторые из рассказов Тана переведены на английский, немецкий и польский языки.

* * *

Перу В. Г. Богораза принадлежит ряд работ по этнографии народов Севера. Основными из них являются:

1) Ламуты. "Землеведение", VII, кн. I, Москва, 1900.

2) Очерк материального быта оленных чукоч... Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук, т. II, СПБ, 1901.

3) The Chukchee. Publications of the Jesup North Pacific Expedition, Vol. VII, P. 1--3. Leiden -- New York 1904--19C9.

4) Chukchee Mytliologie. Publications of the Jesup North Pacific Expedition, Vol. VIII, P. 1. Leiden -- New York 1910.

5) Религиозные идеи первобытного человека, по материалам, собранным среди племен Северо-восточной Азии, преимущественно чукоч. "Землеведение", кн. I, 1906 (по-английски в "American Anthropologist", Vol. II, No 2, 1925).

6) К психологии шаманства у народов Северо-восточной Азии. "Этнографическое обозрение", LXXXIV-LXXXV, Москва 1910.

7) Новые задачи российской этнографии в полярных областях. "Труды северной научно-промысловой экспедиции", в. 9, Петербург, 1921 по-английски в Problems of Polar Researches, No 7, New York 1928).

8) Ideas of Space and Time in the Conception of the Primitive Religion. American Anthropologist 1925, No 2.

9) Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке. Сборник Музея антропологии и этнографии, в. 6. Л. 1927.

10) Новые данные к вопросу о протоазиатах. "Известия Ленинградского государственного университета", т. I, 1928.

11) Le mythe de l'Animal Dieu, mourant et ressuscicant. Atti del XXII Cortgresso Internazionale degli Americanisti, Roma 1928.

На ряду с этнографическими необходимо назвать следующие основные работы В. Г. Богораза по языкам Севера:

1) Образцы материалов по изучению чукотского языка к фольклора. "Известия Академия Наук", No 3, СПБ. 1899.

2) Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, СПБ. 1900.

3) Областной словарь колымского русского наречия. СПБ, 1901.

4) The Folklore of North Eastern Asia as compared with North Western America. American Anthropologist, IV, 1902.

5) Материалы для изучения языка азиатских эскимосов. "Живая старина", No 70--71, СПБ, 1909.

6) The Eskimo of Siberia. Publications of the Jesup North Pacific Expedition, Vol. VIII, P. 3, Leiden -- New York 1918.

71 Koryak Texts. Publications of the American Ethnological Society, Vol. V, Leiden 1917.

8) О так называемой языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени. "Известия Академии Наук", No 8--11, П. 1919.

9) Chukchee (Essay of a comparative Study of Chukchee Group of Languages). Handbook of American Indian Languages. Bulletin of the Bureau of American Ethnology, V. 2, Washington 1922.

10) Материалы по ламутскому языку. Тунгусский сборник, Л. 1931.

11) Луораветланский (чукотский) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. 3. Труды Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР по лингвистике, т. III, Л. 1934.

12) Юитский (азиатско-эскимосский) язык. Там же.

Многотомная монография "Чукчи" является наиболее значительным произведением В. Г. Богораза и написана на основе материалов, собранных им в "Чукотской землице" за годы ссылки и экспедиций. Эта работа создала эпоху в изучении чукотской народности и поставила Богораза в ряды крупнейших этнографов современности. С полном правом В. Г. Богораз заявляет в предисловии к настоящему изданию "Чукоч", что в изучении чукотской народности он был "пионером, несмотря на предыдущие работы Врангеля, Мэйделя, Аргентова и некоторых других". Несмотря на то, что "Чукчи" написаны в начале XX века и покоятся на материалах конца XIX века, они сохранили свое значение и в настоящее время, ибо и сейчас нет другой работы, которая с такой обстоятельностью дала бы картину материального быта, религиозных верований и отчасти социального строя чукоч, одного из наиболее отсталых и наименее изученных народов Крайнего Севера.

Останавливаясь для лучшего понимания "Чукоч" на обрисовке теоретических взглядов В. Г. Богораза, мы должны припомнить, что он начал свою научную работу, будучи народником *и* тем самым сторонником русской школы субъективной социологии, хоти и не весьма последовательным.

От субъективной школы в социологии у В. Г. Богораза идет преувеличение роли личности, непонимание общественно-экономической формации, непонимание взаимной увязанности всех сторон жизни общества и беспредельный эклектизм. Влияние этой школы чувствуется во всей работе В. Г. Богораза, и поэтому можно ограничиться лишь приведением одного примера, на которой останавливается сам В. Г. Богораз в предисловии к настоящему изданию. Имея в виду материальную культуру, религию, социальный строй и мифологию, он говорит: "Ранее вопросы, рассматриваемые в этих четырех разделах, представлялись поящими рядом, теперь они связались в отношениях социально-экономической базы и надстроечных форм".

Но В. Г. Богораз был не только сторонником русской школы субъективной социологии; в своей исследовательской работе он испытал сильное влияние так называемой американской школы исторической антропологии (родоначальником которой является Боас). Руководящей идеей исторической антропологии, по словам Р. Лоуи, современного корифея этой школы, является "...избегать всеобъемлющих и шатких теорий минувшего и приняться за трезвое историческое исследование, связанное с интенсивным местным изучением отдельных областей" {R. Lowie, Primitive Society, p. 436.}. "Всеобъемлющими и шаткими теориями" Лоуи считает марксизм и учение Л. Моргана.

История, в понимании исторических антропологов, заключается в отрицании "химерического закона социальной эволюции", в признании невозможности разграничения "хаотического смешения культур", в сосредоточении исследования на ограниченных историко-географическнх областях. Отправной точкой исторических антропологов пои рассмотрении начальных эпох человеческой культуры является признание извечности частной собственности и отдельной семьи, следовательно, отрицание первобытного коммунизма, отрицание рода как всеобщей ступени в развитии общества, в частности отрицание примитивности материнского рода. Все свое внимание исторические антропологи направляют па разрешение частных, местных проблем, испытывая отвращение к синтезу полученных выводов. Поэтому не приходится удивляться, что эмпиризм расцветает пышным цветом в работах "исторических" антропологов.

"Чукчи" представ тают типичный пример эмпирической работы, сделанной в духе американской школы исторической антропологии. Подробно описывается материальный быт, религия и т. д. чукоч, но нет ни малейшей попытки определить ступень общественного развития, на которой находятся чукчи, найти место чукоч в общей цепи развития человеческого общества, выявить основные закономерности чукотского общества. Эмпирический характер "Чукоч" и его недостатки признает сейчас и сам автор. Так, в предисловии к настоящему изданию "Чукоч" автор говорит:

"Переходя к пересмотру всего материала моей монографии с новой точки зрения, я должен прежде всего отметить эмпирический характер своей работы. Я старался следовать за фактами и с некоторым трудом решался на обобщения. Ибо я должен сказать вообще, что во время моей полевой работа, а также и после того, я относился в недоверием ко всем существовавшим в то время теориям развития первобытного общества. В этом отношении я в то время больше приближался к Францу Боасу, который до сих пор во всех этнографических и социологических вопросах занимает такое же преувеличенно осторожное, скептическое положение" {Предисловие к "Чучкам", стр. XV.}.

Эмпиризм привел В. Г. Богораза также к пренебрежительному отношению к научной терминологии, и она у него отличается чрезвычайной расплывчатостью, нечеткостью и неопределенностью. Даже в одной из своих наиболее теоретических работ Богораз посчитал возможным сказать: "Я... не придаю особого значения точному определению терминологии" {"Основы этногеографии", Л. 1928, стр. 42. Впрочем, эта работа была закончена автором еще в 1925 г.}.

Помимо работ о народах Севера, В. Г. Богоразу принадлежит также ряд общеэтнографических работ, преимущественно по вопросам первобытной религии, материальной культуры и распространения человечества на земле. В этих работах, в особенности в последние годы, он энергично стремится освободиться от старых точек зрения и овладеть материалистическим пониманием истории. Все же нужно сказать, что это дается ему с огромным трудом, как об этом свидетельствуют его "Основы этногеографии". Витой работе В. Г. Богораз не рассматривает историю человечества как единый процесс, на каждой ступени которого господствуют особые законы, отличные от законов органического и неорганического миров. Наоборот, мы видим, что в указанной работе этнография определяется как естественно-общественная наука, как "смычка наук естественных и наук общественных".

Такая натуралистическая точка зрения толкает его на путь сведения общественных закономерностей к закономерностям естественным, на путь бесплодных аналогий. В. Г. Богораз при рассматривании общественных явлений считает возможным говорить о "переменных токах культуры", "мужских и женских культурах", "мутационном развитии культуры" и т. д. На стр. 27 он утверждает, что "человеческая культура является силой, подобной различным другим существующим силам, физическим, химическим и геологическим..."

Совершенно прав Ленин, указывая, что "нет ничего легче, как наклеить "энергетический" или "биолого-социологический" ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но и нет ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие" {В. И. Ленин. Собрание сочинений, т. XVII, стр. 268.}.

В следующей своей общетеоретической работе, "К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений" {"Этнография" No 1/2 за 1930 г.}, В. Г. Богораз сделал новый, уже более значительный шаг по пути приближения к материалистическому пониманию истории.

Автор пришел к заключению, что "...только марксистский метод с его усложненным подходом, одновременно комплексным и диалектическим, дает возможность правильной классификации, объяснения и увязки этнографических явлений в одно неразрывное целое" {Там же, стр. 6.}.

В этой работе мы находим много оригинальных выводов и заключений, представляющих собою "попытку выдвинуть вперед в изучении этнографических явлений хозяйственные формы, взятые в процессе динамическом, и связать с этими формами изменение психологических явлений, религиозных верований, фольклора и т. д." {Там же, стр. 13.}. В особенности это относится к главам; "Анализ фольклора" и "Анализ религиозных верований". Автору удалось объяснить, между прочем, возникновение табу, связанных с несовместимостью одновременного использования продуктов различных хозяйственных типов. "Во всех этих фактах,-- говорит В. Г. Богораз, -- дело идет не о мировоззрениях, а о фактах хозяйственной жизни, добывания продуктов, их приготовлении, варке пищи, мытье посуды, а также о потреблении пищи. И запреты, сюда относящиеся, имеют характер вполне материалистический. Любопытно указать, что при столкновении рыболовства с охотой от нарушений табу страдает рыболовство: рыба перестает ловиться. При столкновении скотоводства с охотой страдает охота: исчезают зайцы. Низший хозяйственный тип защищается от высшего магическими религиозными запретами -- табу" {Там же, стр. 22.}.

Останавливаясь на вопросе о классовом расслоении у примитивных народов, подвергшихся влиянию цивилизация, автор совершенно правильно подчеркивает, что "этнографы до сих пор проходят мимо явлений классового расслоения в пределах натурального хозяйства и просто не видят их, страдая каким-то специальным этнографическим дальтонизмом.

Таким образом племена первобытные, например, из числа так называемых малых народностей Севера: самоеды, тунгусы, чукчи с коряками и т. д., изображались до последнего времени в качестве какого-то сплошного национального тела, окрашенного в одну и ту же бесклассовую краску. Так же подчас однообразно и бесклассово изображались даже племена не весьма первобытные, каковы коми-зыряне, вотяки и карелы.

Между тем у чукоч и коряков, у самоедов, остяков и т. д. существует определенное классовое расслоение. Есть богатые оленеводы и полузависимые, бедные "подсоседки" и даже прямо батраки" {Там же, стр. 15.}.

Но на ряду с вышеуказанными блестящими экскурсами в работе В. Г. Богораза мы находим совершенно недостаточный анализ развития первобытных общественных отношений, неправильное понимание социально-экономических формаций, частичное их смешение с стадиями культуры, преувеличение роли техники, непосредственное сведение идеологических форм к видам, хозяйственной деятельности ("увязка" аниматизма с рыболовством, анимизма с охотой, фетишизма с мотыжным земледелием), признание классового расслоения уже на самых ранних ступенях общественного развития, игнорирование исследований Энгельса и Моргана в области развития родового строя и семьи. Например, по вопросу о развитии семьи автор утверждает: "мы... не можем установить основную форму первобытной семьи, так как у разных народов на весьма первобытных стадиях существует семья моногамная и семья полигамная, общественные формы брака и индивидуальные формы брака" {Там же, стр. 8.}. Вслед за Куновым В. Г. Богораз считает, что отцовский род предшествует материнскому, возникшему лишь на стадии мотыжного земледелия.

Построенная на вышеизложенных предпосылках "периодизация хозяйственных форм и стадий" хотя и содержит в себе много материалистических подходов, все же не может быть названа марксистской. Совершенно правильно в этой связи автор замечает: "Я не решился бы назвать предлагаемую мною схему ответственным термином "марксистского метода", но полагаю, что она все же представляет некоторое приближение к этому методу {Там же, стр. 13.}.

Таким образом мы видим, что и эта работа В. Г. Богораза, представляя собой несомненный прогресс по линии приближения автора к марксизму, все же в основных своих положениях остается на уровне механистического материализма.

* * *

После кратких замечаний о теоретических взглядах В. Г. Богораза переходим к рассмотрению первой части "Чукоч".

В главе "Сношения чукоч с русскими" и "Торговля" В. Г. Богораз описывает завоевание "Чукотской землицы", имевшее своей ближайшей целью объясачение туземцев, но не увенчавшееся успехом благодаря героическому сопротивлению "немирных чукоч". Там же автор показывает, как на смену "прямому действию" казачьих банд пришел торговый капитал, обходным путем подчинивший маленькую свободолюбивую народность царизму. Богораз красочно описывает мерзкую картину падения нравов местной администрации и представителей православной церкви, всегда составлявшей "только особый отдел российского правительства" {"Чукчи", стр. 31.}.

Описывая методы вымогательства, хитросплетений и самодурства русской администрации с середины XVIII века, Богораз указывает, что правительство предыдущего периода, было, по крайней мере, откровенно и действовало просто: казаки и казачьи начальники требовали от инородцев покорности и платежа ясака. Преимущественными средствами для поддержания этого требования были: "огненный бой", взятие заложников, пытки и смертная казнь" {Там же, стр. 62.}.

Имей перед глазами судьбу ительменов и юкагиров, почти поголовно уничтоженных царизмом, автор говорит: "Можно утверждать, что вымирание туземных племен в Северо-восточной Сибири происходило в прямой или не прямой связи с воздействием культуры, как это имело место также и в других странах". "Если цивилизация станет приступать вплотную, то чукчи, должно быть, пойдут по пути других первобытных народов, и тогда они вымрут и исчезнут" {Там же, стр. 78.}.

Так оно и было бы, если Октябрьская революция, свергнув старый строй, не освободила бы чукоч от воздействия царской "культуры" и "цивилизации" и не представила этой отсталой народности возможности при помощи русского пролетариата развивать свею культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Вообще нужно отметить, что Богораз и в других своих работах выступает с критикой, колонизаторских методов буржуазных государств. Так, в "Основах этногеографии" он отмечает, что "легенда о полузверином уровне первобытных племен служит идеологическим оправданием их истребителей" {"Основы этногеографии", Л. 1928, стр. 35.}.

Монография В. Г. Богораза, в особенности главы "Стойбище и поселок" и "Сильные люди, воины, рабы", дает очень много для понимания первобытно-коммунистического характера чукотского общества и процесса его разложения. Этот материал тем более интересен, что в годы написания "Чукоч" автор не был сторонником понимания первобытных отношений как первобытно-коммунистических. "Только в последние годы,-- говорит В. Г. Богораз,-- я пришел к убеждению, что целый ряд фактов, относящихся к чукотской семейной и брачной жизни и к другим элементам чукотского общественного строя, которые я описывал осторожно и предположительно, могут быть пенить" и объяснены только как пережитки и реликты ранней стадии первобытно-коммунистического общества" {Предисловие к "Чукчам", стр. XV.}.

К наиболее характерным первобытно-коммунистическим моментам чукотского общества, судя по работе В. Г. Богораза. относятся: бытовые оленеводческие коллективы у кочевых чукоч, коллективная охота на кита и байдарная артель у приморских, гостеприимство и праздники раздачи у обеих частей чукоч и т. д. Первобытно-коммунистические черты кочевых чукоч В. Г. Богораз описывает следующим образом: "В большинстве случаев стойбище объединяет родственные семьи: братьев, двоюродных братьев и т. п. с их женами и детьми. Такое положение вещей мы встречаем у оленеводов, не слишком богатых, стада которых не столь велики, чтобы заставить их кочевать особыми стойбищами" {"Чукчи", стр. 142.}. В предисловии к "Чукчам" автор выражается еще более определенно: "Раньше соседи по стойбищу были вполне равноправны и составляли вместе один оленеводческий коллектив. Основной хозяин этого коллектива, так называемый "переднедомный владелец", мало превосходил своих соседей по числу оленей. Такие коллективы полноправных соседей по стойбищу существуют и теперь, но на богатых стойбищах бедные мало-оленные соседи стали зависимыми" {Предисловие к "Чукчам", стр. XXIV.}. Коммунистические отношения распространяются не только на членов стойбища, но и захватывают и ряд соседских стойбищ. "Соседские стойбища,-- замечает по этому вопросу автор,-- при перемене пастбища обычно идут по одному и тому же пути и таким образом надолго сохраняют соседство. Они собирают вместе все имеющиеся у них меха и шкурки и отдают их кому-нибудь одному, который везет их на продажу в очень далекий район" {"Чукчи", стр. 154.}.

Вполне аналогичный с бытовым оленеводческим коллективом характер имеет байдарная артель у приморских чукоч. "Байдарная артель,-- пишет В. Г. Богораз,-- составляется из ближайших родственников владельца байдары. Это нечто вроде семейно-кооперативной группы. Члены, артели охотятся вместе и поровну делят между собой добычу" {Там же, стр. 154.}.

Как и все примитивные народы, чукчи отличаются своим исключительный гостеприимством. Так, например, приморские чукчи, "живущие на местах, часто посещаемых проезжающими, делают запасы собачьего корма не столько для себя, сколько для проезжих гостей. Часть запасов, которая расходуется на гостей, значительно превосходит часть, потребляемую в своем хозяйстве" {Там же, стр. 160.}.

Далее, приводя большой фактический материал, В. Г. Богораз показывает, как внедрение торгового капитала и появление усиленного спроса на пушнину и меха повлекли за собой разложение первобытных отношений, все более вытесняемых товарными отношениями. В среде туземцев появляются крупные оленеводы и приморские торговцы "поворотчики". Богатые оленеводы "...скупают песцов, также красных лисиц и горностаев и даже белок, собирая ее от беднейших соплеменников ".. В обмен на пушнину они отдают продукты того же оленного хозяйства: пыжиковые шкуры, необходимые для выделки одежды, а также готовую одежду и обувь, оленье мясо и сало, битые оленьи туши и даже живых оленей" {Предисловие к "Чукчам", стр. XXV.}. Бытовые оленеводческие коллективы все более н более превращаются в хозяйства крупных оленеводов с зависимыми от них "помощниками", комплектующимися по преимуществу из бедных родственников. Возникает классовое расслоение между богатыми и бедными. Страницы, посвященные описанию развития торговли и в связи с ней разложению первобытных общественных отношений, принадлежат к лучшим страницам "Чукоч".

В качестве первобытно-коммунистического пережитка следует отметить и ежегодные праздники раздачи, представляющие, как правильно замечает В. Г. Богораз, "реминисценцию права ближайших и дальних соседей на участие в потреблении продуктов нового крупного хозяйства, которое возникло и развивалось сравнительно недавно" {Там же, стр. XV.}. Еще в 1926/27 году, судя по весьма неполный данным полярной переписи, бесплатно было роздано пыжиков, оленьего мяса и т. д. в общей сумме 19039-голов в год.

Наиболее сложным вопросом первой части монографии, без сомнения, является вопрос о социальном строе чукоч. Нужно сказать, что В. Г. Богораз не дает исчерпывающего анализа чукотского общества. В особенности большая неопределенность у него чувствуется в том, что же считать единицей чукотского общества. Так, на странице 91 мы находим утверждение, что "единицей чукотской социальной организации является семья или семейная группа". Несколько строк ниже говорится: "можно было бы сказать, что отдельный человек, живущий одиноко, является основной единицей чукотского общества". Еще дальше, на стр. 142, мы читаем: "стойбище у оленных чукоч и поселок у приморских представляет собою социальную единицу". Впрочем, впоследствии, в предисловии к "Чукчам", В. Г. Богораз признает, что "суждение об отдельном человеке, живущем одиноко, как об основной единице чукотского общества было высказано предположительно я в результате недоумения, ибо я искал у чукоч элементов родового строя, какие существовали у других соседних народов Сибири, и не мог их найти" {Там же, стр. XV.}. Но и после устранения отдельного человека, живущего одиноко", остается неясным, что же именно является "основной единицей" чукотского общества. Из ряда указаний автора о том, что "организация приморского поселка основывается не на семейном родстве, а на принципе территориального сожительства" {"Чукчи", стр. 154.}, а что "организация стойбища оленных чукоч связана с отношениями семейной группы" {Там же, стр. 96.}, становится ясным, что основной единицей чукотского общества является семейная группа.

Но что же представляет собой семейная группа? На это В. Г. Богораз дает следующий ответ: "группа родственных семей обозначается термином varat (буквально: собрание живущих вместе). Более характерным для семейной группы является другой термин -- cin-jьгьn (группа участников места)" {Там же, стр. 94.}. "...Varat крайне неустойчив, и число семей "пребывающих вместе" меняется почти каждый год. Сверх того, если между двумя varat, обычно живущими по соседству, начинается ссора, то всегда находятся несколько семей, которые одинаково связаны как с той, так и с другой стороной. Ядром объединения является группа родных братьев, а также группа двоюродных братьев" {"Чукчи", стр. 94.}.

О функциях семейной группы автор говорит: "В случае кровавой мести родные и двоюродные братья всегда выступают вперед" {Там же, стр. 95.}. "В действиях против врагов, вовремя войны единицей являлась семейная группа" {Там же, стр. 95.}. "В древние времена, в случае какого-нибудь "неудобного дела", запутанного кровавого столкновения внутри семейной группы, собирался совет из стариков и модных мужчин, принадлежащих к этой семейной группе" {Там же, стр. 179.}.

В предисловии к настоящему изданию В. Г. Богораз дает следующую общую характеристику "семейной группы": "... Семейная группа определяется единством огня, единством знаков помазания, которое совершается на ежегодном весеннем празднике, единством тамги и тавра, которое выставляется на общесемейной собственности, например, на оленях. Объединяющих элементов много, но все они не могут придать семейным группам прочность. Семейные группы постоянно распадаются и переливаются в новые группы" {Предисловие, стр. XVIII.}.

Вышеприведенные выдержки со всей отчетливостью показывают, что, семенная группа по своему составу и функциям чрезвычайно схожа с родом.

Наиболее существенной и, пожалуй, единственной отличительной чертой семейной группы от рода, судя по этому описанию В. Г. Богораза, является ее "текучесть".

Но как же сам автор смотрит на сопоставление семейной группы с родом? В этом отношении у него нет определенной точки зрения. В то время как на стр. 94 он говорит, что "чукотский varat отчасти можно рассматривать как зачаток рода", на следующей странице он утверждает, что "в старину связь между "пребывающими вместе была крепче и больше приближалась к роду" {"Чукчи", стр. 95.}. Первую из приведенных здесь точек зрения В. Г. Богораз защищает и в предисловии к настоящему изданию "Чукоч", где он со всей силой обрушивается на тех, кто утверждает, что "родовой строй у чукоч некогда существовал, а потом разложился, так разложился, что следов не осталось. Общественные формы вообще не исчезают бесследно. У чукоч можно отметить не исчезновение родового строя, а, наоборот, первый зачаток родовой организации, которая, однако, по разным причинам не могла укрепиться" {Предисловие, стр. XVII.}.

Однако вслед за этим В. Г. Богораз заявляет: "Я, впрочем, не отрицал существования родового строя у чукоч, но только указываю на его раннюю форму и слабое развитие" {Там же, стр. XVI.}. "Если бы удалось установить у чукоч наличие родового строя, то этот родовой строй будет иметь своеобразную специфику, отличающую его от других образцов родового строя, существующих у соседних народностей. Эта своеобразная специфика потребует своего объяснения" {Там же, стр. XVI.}.

Из этих высказываний видно, что В. Г. Богораз не замечает, что он сам описал существование родового строя у чукоч в его специфической форме, но не дал объяснения этой специфике, в частности не мог разрешить вопрос о том, представляет ли чукотская семейная группа "зачаток* или ослабление родовой организации, ибо этот вопрос неразрешим полностью без подробного анализа брачных норм чукоч, а как раз на эту сторону автором обращено совершенно недостаточное внимание. Впрочем, отцовско-правовой характер чукотской "семейной группы" не позволяет говорить об ее особой примитивности. Характерно, что в "Кратком отчете об исследовании чукоч Колымского края" {"Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества", т. XXX, Иркутск 1899.}, опубликованном в 1899 г., непосредственно после возвращения В. Г. Богораза из Колымы, он отождествлял семейную группу с родом, утверждая, что "единственной, сколько-нибудь прочной связью в среде чукотского племени является связь семейная, которая в Некоторых отношениях расширяется и переходит в родовую".

"По рассказам, в старину,-- продолжает В. Г. Богораз,-- эта связь была сильнее, чем теперь, что обусловливалось необходимостью держаться вместе при постоянных войнах и междоусобицах.

Сравнительная безопасность жизни под русским покровительством и развитие оленеводства, обусловливающего большую разрозненность населенья, значительно ослабили родовую связь, по крайней мере, что касается чукоч Колымского края" {Там же, стр. 33.}.

По вопросу о составе и функциях чукотского рода он там же говорит следующее: "Совокупность ближайших родственников по мужской линии выделяется как совокупность людей, обязанных друг другу помощью (kьгŋə-tumgərət). Она объединяется общностью огня, единокровностью (которая признается именно за мужской линией, а не за женской), тождеством начертаний на лице при помазании кровью и тождеством наследственных обрядовых напевов".

"Совокупность всех вообще родственников по мужской линии составляет также cinjьгьn, т. е. собрание тех, за кого следует мстить".

"Оригинальный обычай переменного брака в основе своей также служит для укрепления связи между родственниками, двоюродными, троюродными и четвероюродными братьями, среди которых он преимущественно осуществляется" {"Известия Восточно-сибирского отдела Русского Географического общества", т. XXX, Иркутск 1899, стр. 34.}.

"В сущности говоря, -- добавляет В. Г. Богораз,-- переменный брак является видоизменением коммунального брака внутри данной семейно-родовой группы, с расчленением ее на более мелкие группы по выбору заинтересованных лиц" {Там же, стр. 35.}.

"Далее в области семейно родовых отношений находим зачаточное представление о старшем в роде (əгməcən) и о наследнике, который является блюстителем домашних пенатов (əun milgьlьn)" {Там же, стр. 38.}.

В заключение, говоря о кровной мести, он отмечает, что "кровомщение вступает в силу только тогда, когда убийство совершено членом чужого рода; напротив того, убийство, совершенное внутри рода или в более тесных пределах семьи, остается безнаказанным" {Там же, стр. 41.}.

В итоге всего нужно сказать, что анализ чукотского общественного строя имеет большое теоретическое и практическое значение, и поэтому необходимо повести дальнейшую исследовательскую работу в указанном направлении, в частности в направлении выяснения того, не объединяет ли В. Г. Богораз под названием семейной группы два различных общественных явления: с одной стороны -- кровнородственный союз, в той или иной степени совпадающий с родом, и с другой стороны -- домохозяйство, объединение родственных семей, составляющее часть кровнородственного союза, а иногда и совпадающее с ним.

Одновременно с этим нужно подробно изучить экономическое содержание varat'a, что В. Г. Богоразом сделано в совершенно недостаточной степени, а также исследовать брачные нормы чукоч в связи с "семейными группами".

Большой интерес представляет глава о браке. Тщательно описанный обычай группового Зрака у чукоч, с одной стороны, служит дополнительным доказательством верности учении Л. Моргана о групповом браке как всеобщей ступени в развитии брачных отношений и реальным опровержением модных теорий буржуазной этнологии об изначальности моногамии.

Некоторые особенности чукотского группового брака проливают свет также на сущность семейной группы. Определяя состав соучастников группового брака, В. Г. Богораз пишет: "двоюродные и троюродные братья чаще всего бывают связаны узами группового брака. Родные братья, напротив, никогда не вступают в такой союз" {"Чукчи", стр. 135, 136.}. "Члены брачной группы стоят друг к другу ближе, чем даже родственники по мужской линии, но... эти две связи обычно соединяются" {Там же, стр. 137.}. "В старину такая форма брака, как совершенно правильно указывает автор, служила, очевидно, связью между членами родственной группы. С течением времени в такой союз стали вступать и другие люди, связанные не родством, а только дружбой" {Там же, стр. 136.}. На это указывает и отмеченный В. Г. Богоразом обычай, согласно которому не состоящие между собой в родственных отношениях чукчи, вступая "в групповой брак, совершают помазание кровью и жертвоприношение сначала в самом шатре, потом в другом. После этого они считаются принадлежащими к одному огню, что делает их родственными по мужской линии" {Там же, стр. 166.}. Этот пережиток, по мнению Л. Я. Штернберга, известного русского морганиста, лучшего знатока социального строя народов Севера, служит неоспоримым свидетельством, что групповой брак практиковался первоначально исключительно между братьями и кузенами по мужской линии, как теперь у гилячоч, и что эндогамия была неизвестна" {Л. Я. Штернберг, "Турано-ганованская система и народы Северо-восточной Азии". Материалы Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР по этнографии, т. III, стр. 155.}.

"Другая форма группового брака [чукоч],-- продолжает Л. Я. Штернберг,-- более типична для туранской системы; это групповой брак нескольких мужчин, женатых на сестрах. Узы, связывающие этих лиц, крепче, нежели узы между родными братьями; они должны вместе сражаться и вместе пасть, а это значит, что они, как члены рода, связаны обязанностью кровавой мести. Принимай во внимание указанные выше несомненные признаки обязательного кузенного брака, нужно полагать, что такие лица, берущие в жены сестер, раньше были "братьями" (родными и коллатеральными), как у гиляков, и что термин "кузен" ("кузина") был раньше термином дифференцированным, как в туранской системе. Только вынужденная эндогамия слонила старую систему, оставив, однако, сильные пережитки в групповом и кузенном браке" {Л. Я. Штернберг. "Турано-ганованская система и народы Северо-восточной Азии". Материалы Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР по этнографии, т. III, стр. 155.}.

В изложения вопроса о браке у оленных чукоч нужно подчеркнуть принципиальную ошибку В. Г. Богораза, назвавшего чукотский брак моногамным, что, конечно, неверно, ибо возникновение моногамии связано с возникновением классового общества и закрепощением женщины. Впрочем, из характеристики самого автора вытекает, что брак у чукоч не моногамный, а типично парный, легкорасторжимый. Так, на стр. 132 он говорит: "У чукоч брачные узы разрываются легко, по самым разнообразным причинам". Еще дальше он отмечает: "В 1898 году, когда я работал по переписи чукоч Колымского округа, я имел возможность установить, что почти треть всех женщин разводилась по одному разу или по несколько раз".

Интересно отметить также, что, по свидетельству В. Г. Богораза, у чукоч сохранились рассказы о кровнородственном браке "времен первого творения" {"Чукчи", стр. 118.}.

На этом можно закончить рассмотрение первой части монографии "Чукчи". Из всего сказанного мы убедились, что работа В. Г. Богораза отличается насыщенностью фактами и блестящим изложением и представляет собою наиболее обстоятельное исследование чукоч. Исходя из этого, Институт народов Севера считает, что "Чукчи", несмотря на свои идеологические дефекты, а также на некоторый излишне подчеркнутый натурализм в описании сексуальной жизни чукоч, сослужат большую службу практикам и теоретикам социалистического строительства в выяснении истории и общественного строя чукоч. Рассматривая эту монографию как исторический документ отражающий жизнь чукоч конца прошлого века, Институт не считает целесообразным снабжать "Чукоч" какими-либо дополнениями, освещающими те решительные изменения в культурно-экономическом положении чукоч, которые произошли за советское время. Для этого должны быть предприняты новые исследования и написаны новые работы. Одновременно читатель должен, конечно, помнить, что работа В. Г. Богораза написана более тридцати лет назад и что целый ряд явлений чукотской общественной жизни уже исчез или изменился до неузнаваемости под влиянием той огромной работы, которая идет в нашем союзе по культурно-экономическому подъему народов Крайнего Севера.

Вполне прав автор, когда он в предисловии к настоящему изданию "Чукоч" пишет: "Именно в связи с этой огромной работой, развернувшейся на Советском Севере, оказалось, невозможным дополнить мою монографию более поздними данными. Пришлось бы написать еще четыре таких же больших дополнительных тома. Историю чукотского народа дополняет и изменяет советская жизнь, переводя ее из старых архаических форм в новую социальную организацию" {Предисловие к "Чукчам", стр. XIV.}.

Я. П. Алькор

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Монография "Чукчи" представляет результат моей исследовательской работы среди чукотской народности, во-первых, в Колымском округе, где я был в ссылке с 1890 по 1898 год, во-вторых, во время путешествия на Камчатку, в Анадырский край и на Чукотский полуостров в 1900--1901 годах. В колымский период я занимался чукчами, в особенности в 1895--1898 годы в связи с Сибиряковской экспедицией. Часть собранных материалов: тексты, небольшой грамматический очерк и фольклорные записи были опубликованы по-русски в изданиях Академии Наук {"Образцы материалов но изучению чукотского языка и фольклора". Известия Академии Наук, СПБ. 1898, т. X; "Материалы по изучению чукотского языка и фольклора", ч. 1, СПБ. 1900.}. Анадырско-чукотская работа составляла часть северо-тихоокеанской экспедиции имени Джезупа, организованной профессором Францем Боасом и осуществленной соединенными силами русской Академии Наук и Американского музея естественных наук в Нью-Йорке.

Весь материал, относящийся к чукчам, был мною обработан по отделам и частям в период с 1901 по 1914 годы и опубликован по-английски в Нью-Йорке и отчасти в Вашингтоне. Четыре раздела монографии о чукчах: 1) материальная культура, 2) религия, 3) социальная организация и 4) мифология -- представляют в целом седьмой и начало восьмого тома "Трудов Северо-Тихоокеанской экспедиции" {Сюда же примыкает и пятый раздел, относящийся к фольклору азиатских эскимосов и составляющий третью часть восьмого тома вышеуказанных трудов.}.

Лингвистический очерк чукотского языка включен в материалы по языкам американских индейцев, выходившие в Вашингтоне в двух томах в издании Смитсониановского института {Очерк этот был написан и даже частично набран еще в 1914 году, до войны, но мог быть, опубликован только после войны, в 1922 году. За все это время я имел возможность просмотреть только часть корректур, что привело к некоторым недоразумениям, впрочем, не имеющим существенной важности.}.

В изучении чукотской народности я был, можно сказать, пионером, несмотря на предыдущие работы Врангеля, Майделя, Аргентова и некоторых других. Предисловие к моим "Материалам по изучению чукотского языка и фольклора", написанное академиком К. Залеманом, включает несколько лестных для меня строк:

"Убедившись из представленных В. Г. Богоразом "Образцов" в высоких научных достоинствах его исследований среди чукчей, Историко-филологическое отделение в заседании 7/19 апреля 1899 года постановило издать на средства Академии его "Материалы", причем наблюдение за печатанием было поручено нижеподписавшемуся. Но еще до окончания набора автор должен был оставить столицу, вследствие лестного предложения Американского музея естествознания участвовать в новой экспедиции в Северо-восточную Сибирь. Остается надеяться, что В. Г. Богоразу удастся пополнить и расширить свои коллекции и по возвращении из вторичной поездки окончить столь удачно начатое дело изданием словаря и грамматики. Таким образом слава первого научного исследователя чукотского языка навсегда будет связана с его именем".

Говорить об индивидуальной славе, однако, не приходится. Социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев, попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных. Эта работа в общем была коллективная. Ею занимались целые группы политических ссыльных, ставших учеными исследователями. Могу указать на нашу "этнотройку", куда входили вместе со мною мои близкие друзья: покойный Л. Я. Штернберг и В. И. Иохельсон, ныне еще здравствующий, а также на весь обширный состав якутской Сибиряковской экспедиции, который начинается Э. К. Пекарским, давшим монументальный словарь, якутского языка.

Работы Штернберга и Пекарского опубликованы по-русски. Работы мои и Иохельсона в основном опубликованы по-английски и по-русски до сих пор не появлялись. Во все время 1900--1914 годов в старой России нельзя было найти издательства для таких многотомных обширных изданий с многочисленными иллюстрациями и туземными текстами. Только теперь, после двадцатилетнего перерыва, поставлен на очередь вопрос об издании русского перевода. Перевод моей монографии о чукчах был сделан лет пять тому назад по побуждению покойного Карла Яновина Лукса, этого крупного первостепенного деятеля среди северных народностей, безвременная гибель которого ощущается болезненно и ныне.

Перевод исполнен, мною при участии С. Н. Стебницкого и М. Л. Стебницкой.

Для первых двух глав использован перевод Степанова, присланный из Якутского наркомпроса в Якутскую комиссию Академии Наук и переданный мне для проверки. Впрочем, этот перевод местами переходил в переложение и мог быть использован только частично.

* * *

Обозревая в настоящее время свои материалы о чукчах, я могу сказать, что они относятся еще к XIX веку и представляют эпоху, отошедшую в прошлое. Самое название этого народа успело измениться. И чукчи именуются ныне по собственному самоназванию лу-ораветланами, что означает в буквальном переводе "настоящие люди". При царском режиме чукчи и другие народности вообще не считались людьми, а только "людишками". Они называются чукчами в государственных актах, а в просторечии русские казаки и чиновники давали им презрительные, уменьшительные клички: чукчишки и т. д.

В советскую эпоху началась возрождение северных народностей, в том числе лу-ораветланов. Быстро развивается школа, медицинские пункты и другие культурные учреждения. Хозяйство от старых, первобытных форм переходит к новым формам, одновременно индустриализированным и коллективизированным. Возникла молодая лу-ораветланская литература и осуществляется введение национального языка в школе, управлении и суде. Важнее всего, что возник и развился новый чукотский молодняк, комсомольский и партийный, а также советский беспартийный.

Таким образом и на этой далекой северо-восточной окраине нашего великого Союза осуществляется творческий лозунг революции: "Преодолеть пережитки капитализма в экономике и сознании людей". На севере мы преодолеваем также пережитки других социальных формаций, более ранних, подвергшихся в дальнейшем влиянию капитализма, зашедших далеко по пути разложения и накануне революции представлявших пестрое смешение элементов первобытно-коммунистических с элементами классовыми, капиталистическими.

Русское издание моей книги совпадает с пятилетием первой лу-ораветланской культбазы на Чукотском полуострове в бухте Лаврентия и с открытием второй луораветланской культбазы в Чаунской губе, а также с трехлетием организации Чукотского национального округа.

Эти недавние даты указывают на значительный этап напряженной работы по реконструкции чукотского хозяйства и по водворению новой, советской культуры в захолустной и далекой бывшей "Чукотской землице".

Именно в связи с этой огромной работой, развернувшейся на Севере, оказалось невозможным дополнить мою монографию более поздними данными. Пришлось бы написать еще четыре таких же больших дополнительных тома. Историю чукотского народа дополняет и изменяет советская жизнь, переводя ее из старых, архаических форм в новую, социалистическую организацию.

Моя монография о чукчах мне кажется во многих местах устарелой, и я мог бы теперь изменить самый метод анализа, установку взаимных отношений между четырьмя разделами моей монографии: 1) материальная культура, 2) религия, 3) социальная организация и 4) мифология. Ранее вопросы, рассматриваемые в этих четырех разделах, мне представлялись стоящими рядом, а теперь они связались в отношениях социально-экономической базы и надстроечных форм.

Я, однако, предпочел напечатать мой основной текст без всяких изменений в качестве исторического материала, написанного и изданного тридцать лет назад. В настоящем издании я переставил лишь отдельные части с тем, чтобы опубликовать прежде всего то, что относится к общественному строю чукоч.

Все русское издание моей работы предположено в трех частях. В первую часть включаются главы: самоназвание чукоч и характеристика страны, общая характеристика чукоч, торговля, взятые из первой частя английского издания. Далее следуют полностью все главы третьей части английского издания, относящиеся к социальной организации, а именно: семья и семенная группа; брак; стойбище и поселок; сильные люди, воины, рабы; право; сношения чукоч с русскими; последняя глава переставлена ближе к началу, после третьей главы.

Часть вторая обнимет религиозные верования (вторую часть английской монографии; часть третья обнимет хозяйственные формы и материальную культуру и совпадет с первой частью английской монографии, за исключением трех вышеуказанных глав, включенных в первый том настоящего издания.

* * *

Переходя к пересмотру всего материала моей монографии с новой точки зрения, я должен прежде всего отметить эмпирический характер всей моей работы. Я старался следовать за фактами и с некоторым трудом решался на обобщения. Ибо я должен сказать вообще, что во время моей полевой работы, а также и после того я относился с недовернем ко всем существовавшим к то время теориям развития первобытного общества. По этому поводу с покойным Штернбергом у нас были не раз долгие споры, конечно, дружеские, и в этом отношении я в то время больше приближался к Францу Боасу, который до сих пор во всех этнографических и социологических вопросах занимает такое же преувеличенно осторожное, скептическое положение. В изложении своих материалов я всегда старался быть осторожным. Например: в главе "Право" изложил серию фактов и связал их вместе так, чтобы выводы вытекали сами собой. Такое же фактическое изложение с распределением материалов по рубрикам имеется и во главе "Воины, сильные люди, рабы". В настоящее время я от этого скептицизма отошел и усвоил, хотя с некоторой медленностью, основы марксистского мышления, которое стараюсь применять в моих работах последних пяти лет. В результате этого преувеличенного эмпиризма нередко получалось разъединение основных элементов социального строя чукотской народности.

Первая глава третьего раздела моей монографии, посвященная социальному строю, пятая пава настоящего издания начинается так:

"Единицей чукотской социальной организации является семья и семейная группа. Однако семейные узы не слишком крепки, и отдельные члены семьи часто прерывают связь со своими родственниками и уходят на сторону.

Многие чукотские сказки начинаются с описания жизни одинокого человека, который не знает других людей и живет в пустыне.

Можно было бы сказать, что отдельный человек, живущий одиноко, является основной единицей чукотского общества. Даже женщина, с ее общественным положением ниже мужского, нередко бросает отца или мужа и уходит от них к другим людям.

Чукчи, отошедшие от своих семей, никогда не сохраняют воспоминаний о родственных связях. Отделившись от семьи, они тем самым становятся для нее чужими".

В настоящее время, я, конечно, понимаю, что так писать не следовало. Можно было выдвигать в той или иной степени семью и семейную группу как основу общественного строя, но "отдельный человек, живущий одиноко", конечно, не может являться единицей общества, чукотского или всякого другого.

Я все же не могу не указать дополнительно, что мое суждение о чукотской семье, было скорее отрицательное, а не положительное: "Семейные узы у чукоч не слишком крепки".

Суждение об сдельном человеке, живущем одиноко, как об основной единице чукотского общества было высказано предположительно и в результате недоумения, ибо я искал у чукоч элементов родового строя, какие существовали у других соседних народов Сибири, и не мог их найти.

Только в последние годы я пришел к убеждению, что целый ряд фактов, относящихся к чукотской семейной и брачной жизни и к другим элементам чукотского общественного строя, которые я описывал осторожно и предположительно, могут быть поняты и объяснены лишь как пережитки и реликты ранней стадии первобытного коммунистического общества, либо предшествующей родовому строю, либо относящейся к периоду становления родового строя.

Яркий пример этого встречается на той же первой странице, в разделе "Система родства". В моем тексте сказано: "В чукотской системе родства отцовская линия в значительной степени преобладает над материнской". Далее идет целая серия довольно убедительных фактов: например, чукчи говорят, что даже самый далекий родственник с отцовской стороны ближе к семейному очагу, чем ближайшие родственники по матери.

Чукотские системы родства и свойства мне казались в то время близкими к нашей современной системе, которая вытекает из патриархального рода, находящегося в состоянии разложения и перерождения. Перебирая таблицу чукотского родства, я, конечно, отметил и довольно подробно указал значение слова "товарищ", которое употребляется в различных сочетаниях и в сущности совершенно покрывает и включает понятие "родственник". Нельзя просто говорить: "брат", "сестра", "двоюродный брат"; надо говорить: "брат товарищ", "сестра товарищ", "двоюродный брат товарищ". "Имеющий товарищей" означает также "имеющий родственников", на местном русском наречии -- "родистый".

Муж, говоря о своей жене, называет ее "мой товарищ". Семья -- это "домашние товарищи", в групповом браке мужчины называют друг друга "товарищи по жене" и т. д.

Старик, сидящий в спальном помещении, называет курительную трубку "товарищем скуки". Путник в дороге называет "товарищем скуки" идущую за ним собаку и т. д.

Эти факты указаны в моей работе с достаточной четкостью. Но только в последние годы я осознал, что эго преобладание слова "товарищ" над словом "родственник" является наследством, полученным от вышеуказанной сравнительно ранней стадии первобытного коммунистического общества.

Одновременно с этим я должен указать, что элементы классового расслоения, существующие в чукотском обществе, были отмечены мною с достаточной четкостью. В этом легко убедиться, прочитав главу 8-ю: "Воины, сильные люди, рабы". В последующих изложениях этой главы, которые мне приходилось несколько раз печатать по-русски, я даже позволил себе изменить заглавие и назвал эту главу: "Элементы классового расслоения", ибо это вполне соответствует ее содержанию. Мне неоднократно задавали вопрос печатно и на диспутах: каким образом элементы классового расслоения, зашедшего довольно далеко, особенно у оленных чукоч, могут сочетаться с таким первобытным общественным строем, как становление рода. Но я должен указать, что эта ранняя родовая организация, хотя и не достигла большого развития, но подверглась разложению в течение долгого периода времени. Элементы классового расслоения возникли позже в порядке такого разложения.

Однако моим критикам такое соединение малоразвитого родового строя в элементов классового расслоения казалось недопустимым, и они тотчас же высказывали такое предположение: родовой строй у чукоч существовал, но потом разложился и так разложился, что даже в следов не осталось или я не заметил этих остатков и следов.

Если вникнуть в существо этих упреков, то они имеют своеобразный и, я сказал бы, отрицательный характер. Меня упрекают за пропуски, за факты не отмеченные. Я пропустил элементы чукотского общественного строя, которые, конечно, существуют, должны существовать, а в моем изложении они почему-то отсутствуют.

Л. Я. Штернберг относил это отсутствие развитого рода именно к народности, бывшей объектом изучения: "коряки [а также и чукчи] потеряли род, у них не сохранилось ни следа классификаторской системы родства туранского типа". Другие, оставляя в стороне коряков и чукоч, обращали упреки ко мне.

Я не могу признать правомерным такой откровенно дедуктивный подход в изучении фактов. Я первый готов приветствовать дальнейшие исследования чукоч, но я не убежден, что они могут изменить действительную значимость отмеченных мною фактов. Если бы удалось установить у чукоч наличие "родового строя", то этот родовой строй будет иметь своеобразную специфику, отличающую его от других образцов родового строя, существующих у соседних народностей, и эта своеобразная специфика потребует своего объяснения.

Я, впрочем, не отрицал существования родового строя у чукоч, но только указывал его раннюю форму и слабое развитие.

О такой первобытной организации чукотского общества единодушно свидетельствует ряд путешественников и исследователей в течение последних двух столетий, начиная от Сарычева и кончая Геотарпом Майлелем.

Сарычев писал: "У чукоч нет начальников и властей. У каждой группы чукоч есть один человек, который богаче других, который имеет большую семью, но и он выделяется очень незначительно и не имеет права наказывать кого бы то ни было".

Гергард Майдель, который одновременно был колымским исправником и русско-немецкий ученым географом, в своем известном сочинении "Путешествие по Якутской области" гочорит по этому поводу: "Среди чукоч не било начальствующих лиц. Эта странная анархия бросалась в глаза уже во время бывшей войны с чукчами. Уже давно удалось бы притти к соглашению с чукчами, если бы только у них было какое-нибудь начальствующее лицо, как оно существует у всех остальных народов Сибири, с которым можно было бы вести переговоры".

"Замечательно, как может существовать народ без всяких начальствующих лиц", -- восклицает Майдель. Он старается объяснить это отсутствие властей крайней отдаленностью чукотской территории, которая никогда не подвергалась нападению враждебных соседей. Оттого чукчи не имели нужды в военном предводителе.

"Но если бы русские походы на чукоч продолжались еще некоторое время, -- замечает Майдель,-- то очень возможно, что у чукоч появились бы начальники".

Во всем этом есть доля истины. Военные начальники у чукоч в результате упорной войны с коряками и русскими, действительно, явились, но потом снова исчезли.

Тот же самый Майдель в качестве колымского исправника пытался ввести у чукоч начальственную организацию с ясачными родами, с родовыми старшинами, даже с чукотским верховным князем, потомком того свирепого военного вождя, который некогда разбил на-голову майооа Павлуикого и взял его в плен.

Здесь приходится отметить то обстоятельство, что русские власти старались всегда опираться на верхний слой родового общества у народностей Сибири. Они выдвигали вперед родовых старшин и старались поддерживать их всей силой своего авторитета. Родовые старшины должны были собирать ясак с подведомственных им родовичей и затем вносить его исправно в царскую казну. Родовые старшины для русских чиновников были необходимыми начальственными лицами.

Таким образом в сообщениях ученых и казенных чиновников отсутствие начальственных лиц свидетельствует во всяком случае об отсутствии или о слабом влиянии верховного родового слоя.

"Из более ранних сообщений, относящихся к тому же предмету, отмечу донесевие якутского служилого человека Петра Ильина Попова, сделанное 2 сентября 1711 года якутскому казачьему пятидесятнику Матвею Скребыкину. В том донесении одинаково четко описываются народы, живущие по обоим берегам Берингова пролива, в Азии и в Америке. Это описание полярной Америки хотя и сделано через полвека после плавания Дежнева, но все же на 17 лет предшествует плаванию командора Витуса Беринга, по имени которого назван Берингов пролив.

В описании сказано: "А живут де они, островные люди, собою також, что де и они, чукчи, и начальных де людей никаких у них нет". Островными людьми здесь называются американцы, и сама Америка описана как большой остров. Русским казакам -- завоевателям из Азии -- через Берингов пролив и Америка должна была казаться большим островом.

Также и насчет ясака эти воинственные немирные чукчи Петру с его товарищами говорили: "И прежде сего русине люди у них, чукоч, кочами морем быЕали. И в то де время они, чукчи, им, русским людям, никакого ясаку не платили и ныне де платить не будем и детей своих в аманаты не дадим".

Сюда же относятся показания казака Бориса Кузнецкого, бывшего у чукоч в плену в 1754 году: "Предписанные чукчи главного командира над собою не имеют, а живет всякий лучший мужик со своими сродниками и с собою. И тех лучших мужиков яко старшин признают и почитают потому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, и их вменяют ни во что, для того ежели хотя за малое что осердится, то и убить их до смерти готовы..."

И далее у него же: "Хотя их между разговорами намерение в подданстве ее императорского величества быть и ясак платить есть, только по их древней легкомысленности и непостоянству, что старшин своих не слушают, -- никакой надежды быть не может" (Северный Архив 1825, часть 18, стр. 185).

Кузнецкий указывает, что у чукоч, собственно говоря, есть лучшие мужики -- старшины. Они почитаются только потому, что имеют много оленей. С другой стороны, они не имеют особого внимания. Чукчи "старшин своих не слушают", а "если хотя за малое что осердится, то и убить их до смерти готовы".

Это описание, относящееся к половине XVIII века, очень точно соответствует тому положению старшин, из "лучших мужиков", которое существовало у оленных чукоч в конце XIX века. Богатый оленевод имел влияние только на людей, обитавших на его стойбище и экономически от него зависевших. Дальше собственного стойбища его влияние не распространялось. Из тех же источников можно усмотреть, что туземные народности в Америке, эскимосы и индейцы, имели родовой строй более развитый, чем у чукич, в частности имели старшин (князьцов) с более крепкой властью.

"Владельца у них ни которого нет, только между ими есть князьцы, которых они противно других иноверцев, а особливо как чукчи, гораздо больше почитают и боятся" (Северный Архив, 1825, часть 18, стр. 168).

О том же самом отсутствии начальственных лиц свидетельствуют и собственные заявления чукоч, ранние и более поздние.

Возьму, например, из третьей главы в разделе о деятельности православных миссионеров среди чукоч заявление чукчи Киляты, сделанное миссионеру Венедикту в 1898 году:

"У нас, ты знаешь, нет ни вождей, ни начальников, так что если бы ветер сдул тебя в море, то твой народ нам бы не поверил, они сказали бы, что мы тебя убили. Так вышла бы большая беда -- торговле перерыв".

Меньше всего я могу согласиться с тем предположением, что родовой строй у чукоч некогда существовал, а потом разложился, так разложился, что и следов не осталось. Общественные формы вообще не исчезают бесследно. От них остаются пережитки, целые пласты, которые недвусмысленно свидетельствуют об их прошлом существовании. Пережитки родового строя существуют в современной Европе, на западе и на востоке, несмотря на то, что родовой строй много веков назад сменился более поздними общественными формами.

У чукоч можно отметить не исчезновение родового строя, а наоборот, первый зачаток родовой организации, которая, однако, по разным причинам не могла укрепиться.

Это было мною отмечено во многих местах. Например, рядом с семьею постоянно указывается также и семейная группа varat, т. е. собрание живущих вместе.

"Чукотский varat можно рассматривать как зачаток рода. Однако varat крайне неустойчив, и число семейств "пребывающих вместе" меняется почти каждый год..." Ядром объединения является группа братьев, а также группа двоюродных братьев. Обе эти группы вместе называются "группа юношей". Семейная группа является также "группой кровочстителей" {Ср. глава V, стр. 94.}.

Организация стойбища оленных чукоч связана с соотношениями семейной группы. На каждом стойбище есть передний шатер, место которого определяется старшинством его владельца. При всем том организация стойбища очень неустойчива и слаба, так же как и организация семейной группы.

Далее, семейная группа определяется единством огня, единством знаков кровопомазания. которое совершается на ежегодном весеннем празднике, единством тамги или тавра, которое выставляется на общесемейной собственности, например, на оленях. Объединяющих элементов много, но все они не могут придать семейным группам прочность. Семейные группы постоянно распадаются и переливаются в новые грани. Одним словом, это не разложение рода, а первый очерк рода.

В третьей главе подробно рассказано о той неуклюжей и смешной работе, которую русская администрация проделала по пути укрепления так называемого чукотского рода.

Первый документ о принятии в русское подданство первого чукчи называет его чукотским тойоном, т. е. родовым старшиной, и старается сделать его отличным "против прочих, сим главным тойона названием".

Я описал полное крушение мертворожденной системы "родового устройства", организованной Майделем.

Я указал, например, что через некоторое время все роды перемешались, так называемые родовичи меняли свое местожительство и совершенно забывали эту казенную связь.

В 1895 году некий Tolьjo был сделан помощником тойона анюйского рода. Он сказал мне вполне рассудительно: "Я теперь тойон и имею вот этот кортик и связку бумаг как знаки моего достоинства. Но куда девался мой род, я не могу отыскать никого".

Я говорил также о том военачальнике оленных чукоч, который победил Павлуцкого. Майдель сделал чукотским князем правнука или праправнука этого самого начальника. Однако сведения наши об этом военачальнике весьма неопределенные. Мы даже не знаем его имени. Борис Кузнецкий, бывший у чукоч в плену в это же самое время в половине XVIII века, свидетельствует прямо: "Предписанные чукчи главного командира над собою не имеют".

Все же такой военачальник, повидимому, существовал. Он имел за собой многочисленную и сильную семейную группу. При отгоне оленных стад от коряков и чуванцев, после поражения Павлуцкого на долю этой семьи досталась значительная часть. Его последний потомок Ejgeli, у которого я жил на реке Омолоне в 18S6 году, имел шесть взрослых сыновей, четыре живых жены и пять оленьих стад, в общем до двадцати тысяч оленей. Это была, таким образом, богатая и сильная "группа братьев". Однако связи этой группы с другими семейными группами более отдаленных родственников были забыты почти совершенно.

В чукотских преданиях, связанных с коряцкими и русскими войнами, очень обильных и красочных, победитель Павлуцкого отсутствует. В цикле сказаний, относящихся к имени Павлуцкого, на первое место выдвигается коллектив: "мы", "наши". Указано, что в знак радости, после победы над Павлуцким, устроили гонку судов жители приморского селения Нетен. На эту гонку собрались люди из ряда приморских селений полярного прибрежья. Но и здесь на первом месте -- коллектив, и нет указания на богатых устроителей гонки, какие выделяются теперь (см. ниже, глава VIII).

Русско-чукотская война длилась около века. Ранее того в течение многих веков шли пограничные чукотско-коряцкие войны. В чукотском фольклоре они занимают более видное место, чем собственно войны с русскими казаками, в частности с Павлуцким. Именно в этом цикле преданий, относящихся к войне с коряками, выдвинулась фигура военачальника, так называемого Кивающего Головой. Это имя дано ему потому, что он подавал сигнал о нападении кивком головы.

Однако любопытно указать, что это вполне естественное объяснение его имени наполовину забыто. И сказочники мне сообщали, что имя Кивающего Головой произошло от привычки кивать головой во время тряской езды на оленях по неровной и холмистой тундре. Очевидно войны с Таньгами (Tanŋьt) способствовали появлению военачальника, но обычные условия жизни чукоч не соответствовали развитию и укреплению власти такого вождя. Как только войны прекратились, военачальник исчез и даже самое значение его имени было забыто.

Возможно все же, что рассказы о Кивающем Головой относятся к циклу войн с русскими и что в этих преданиях просто перемешаны более древние и более новые слои, тем более, что коряки и русские обозначены одним и тем же именем "Таньги".

Кивающий Головой все же описан не начальником, а сильным воином. "Сильно укрепились Таньги в деревянной крепости. Сверху, над дымовым отверстием другое укрепление. Стоят лучшие стрелки и стреляют вниз, в нападающих. Стали осаждать не могут, ибо среди стоящих вверху один -- очень злой, каждою стрелою убивает человека. Пришел Кивающий. "Ну, что?" -- "Не могли".-- "Какие вы бессильные, -- говорит Кивающий.-- Ну, я теперь. Вы только смотрите".-- "Как же, как же, ты сам".

"Кто будет моим подмышечным помощником?" -- "Я, -- кричит Еленнут. "Хорошо". Стали вплотную друг к другу, голова Еленнута около подмышки его вождя. Стрелы Еченнутз посыпались так часто, как капли мочи, и заполнили все места. Потом Кивающий подскочил: "Я теперь попробую". Выстрелил однажды, сбил всю деревянную надстройку, разбил вход, разорвал связи дверей и ринулся внутрь".

Во всем чукотском фольклоре это -- наиболее четкое место, относящееся к военачальнику.

В обширной повести об Эленди и его сыновьях, которая описывает три поколения "сильных людей", о военачальниках нет речи. Эленди, его сыновья и внуки сами ведут войны с коряками и эскимосами, делают набеги на северо-американские поселки большею частью в одиночку, без посторонней помощи, разве только сам-друг с женою. Целью набегов и войн с эскимосами являются: тюленьи, моржовые кожи и ремни, китовое мясо и жир, а в войнах с коряками -- оленьи стада и молодые пастухи, состоящие при них, которые превращаются в рабов.

Все это богатство чукотские богатыри забирают в свою собственную пользу, а отчасти делят его с ближайшими родственниками, чаще всего с родными братьями.

Можно привести ряд дополнительных аргументов, в достаточной степени веских, в подтверждение того, что у чукоч не было развитой родовой организации и что их социальный строй, несмотря на позднейшее классовое расслоение, все же является весьма первобытным.

Прежде всего укажу на убийство стариков, которое существует и доныне, в особенности среди приморских чукоч. У оленных чукоч убийство стариков существует преимущественно в тех семьях, которые имеют приморское происхождение. Надо сказать, что положение стариков у приморских звероловов вообще не особенно почетно. Морской промысел требует большого напряжения физических сил, активности и смелости. Люди пожилые, естественно, отступают назад. Ведущее место занимает более молодое поколение, люди, находящиеся в полном расцвете физических и духовных сил. С уменьшением, активности влияние стариков тоже уменьшается. Мало того, вся приморская жизнь с ее постоянным чередованием периодов жестокого голода с периодами сравнительного изобилия настолько тяжела, что она не дает места долговечности. Морские охотники скорее изнашиваются и раньше умирают.

Еще в XVIII веке экономические причины убийства стариков выдвигаются вперед очень, четко. Мы имеем показания того же Бориса Кузнецкого. Там между прочим указано: "Когда у которого сына отец или мать придут в старость, то их у себя более не держат, а в бывающие морозы отвозят от своих жилищ вдаль и оставляют, где они и замерзают" (стр. 188).

У оленных чукоч эти причины отпадают вследствие появления и развития нового предмета собственности. Старики являются владельцами стада, даже если они впали в детство и стали слабоумными. То же относится к болезненным, хилым и даже искалеченным владельцам оленного стада. У оленных чукоч глубокие старики встречаются чаще и сохраняют значение дольше, чем у приморских.

В общем, однако, убийство стариков, которое раньше было связано с социально-экономическими причинами, теперь оторвалось от экономической базы и связалось с религией. Убийство старика является добровольной смертью, самообреченнем на жертву духам или предсмертным вызовом духам на последнюю борьбу.

Сделав такое самообречение, от него нельзя отказаться под страхом того, что духи, лишенные обещанной добычи, жестоко отомстят семье обманувшего их неудачного самоубийцы.

Убийство осуществляется ближайшими родственниками, женою, детьми обреченного, однако с большою неохотой, с муками, со слезами. Местами явились шаманы-специалисты по отправлению на тот свет самообреченных стариков. В других случаях эту роль исполняли за особую плату русские казаки. Этот обычай в своей измененной форме, переключившийся на новые мотивы, во всяком случае свидетельствует об отсутствии особого почтения к старшим поколениям.

У морских звероловов мы имеем коллективную охоту на кита, с участием в промысле всех групп наличных охотников и с участием в разделе добычи всего наличного населения ближайших приморских поселков и стойбищ оленеводов.

Коллективная охота на кита до самого последнего времени являлась венцом, наивысшим промысловым моментом всего зверобойного промысла. Это -- одновременно промысел и праздник, игрище, сплетение обрядов. Групповые и индивидуальные методы охоты в своей повседневной, будничной скромности гораздо меньше бросаются в глаза.

У оленных чукоч, у которых основное производство с большим укрупнением оленных стад выдвинуло богатых хозяев с зависящими от них пастухами, такой широкий общественный характер сохранился не в производстве, а в употреблении. Праздники осеннего убоя тоже привлекают гостей из ближайших стойбищ, из приморских поселков и даже из эскимосских, ламутских и русских поселений. Здесь производится раздача битых туш, частей мяса и пыжиков, которая даже в 1926--1827 году, по весьма неполным данный северной переписи, достигала в общей сумме 19039 голов в год. В переписи эта графа помечена: "отдано безвозмездно". Такая безвозмездная раздача у других оленеводов, у коряков и самоедов, у тунгусов и зырян имеет характер гораздо более узкий, в общем вся сумма розданных оленей у всех эти народностей равняется 8500 в год, т. е. более чем вдвое меньше, ч м у одних только чукоч.

В этом своеобразном празднике я раньше подчеркивал характер "потлача", наподобие северо-американских праздников раздачи, где выдающуюся роль имеет богатый старшина, который такой раздачей стремится укрепить свое влияние на ближайших соседей и поднять свою общественную роль среди других старшин. Однако сравнительно с американским праздником раздачи чукотский убой слишком примитивен. Он совершается ежегодно и правильно и не влечет за собой особого возрастания авторитета раздатчиков мяса и шкур. Он представляет больше всего реминисценцию права ближайших и дальних соседей на участие в потреблении продуктов нового крупного хозяйства, которое возникло и развилось сравнительно недавно.

* * *

Любопытно указать, что коряки, родственные чукчам прежде всего по языку, также по основному хозяйственному разделению на оленных и приморских, представляют элементы общественного строя, отчасти сходного с чукотским.

Следует, впрочем, отметить элементы сходства и различия, переплетенные весьма своеобразно. Так, относительно системы родства Иохельсон указывает, что она имеет более простой характер, чем так называемая классификаторская система. Он подчеркивает сходство коряцкой системы с нашей современной европейской.

Я со своей стороны должен указать, что термин "товарищ" встречается также и в коряцкой системе, хотя гораздо реже, чем в чукотской, и только в нижеследующих сочетаниях: "кузен-товарищ", "кузина-товарищ". Повидимому, все же и эта система, так же как и чукотская, указывает на древнюю социальную структуру, а никак не на современную.

Другое любопытное различие: родители -- по-чукотски ətlьgьt, буквально -- "отцы"; по-коряцки ətlawge, буквально -- "матери".

Коряцкий термин, связанный с материнитетом, очевидно, древнее чукотского.

Иохельсон отрицает существование рода у коряков. С этого отрицания начинается у него 13-я глава монографии "Коряки" -- социальная жизнь.

По свидетельству Иохельсонэ, общественные единицы, в виде организованных родовых групп, у коряков отсутствуют. Общественной единицей является агнатная семья.

Все же я должен отметить, что концепция общественной жизни получается та же, что и у чукоч: семья и семейная группа, составляющие вместе зачаток родовой организации.

Убийство стариков у коряков тоже существовало; но в настоящее время (т. е. 30 лет назад) оно исчезло.

Иохельсон отмечает у приморских коряков влияние стариков: "Часто общественное мнение стариков оказывает нравственное давление на поведение ссорящихся сторон". Из среды стариков избирается старшина, который собирает ясак и передает его русским. Однако влияние старшины имеет поверхностный характер и дальше сбора ясака не распространяется. У оленных коряков старшиной всегда является очень богатый оленевод. Наконец, физическая сила также дает влияние и преимущество.

В общем и в этом получается картина, подобная чукотской.

Мне кажется, однако, даже на основании материалов, собранных Иохельсоном, что коряцкая народность пошла дальше по пути укрепления рода, чем народность чукотская.

У приморских коряков Иохельсон отмечает коллективный метод ведения охоты на кита и на белого дельфина. Распределение продуктов от такой охоты Иохельсон называет коммунистическим.

У оленных коряков Иохельсон отмечает большие шатры, которые раньше были гораздо обширнее. В шатре стояло рядом несколько спальных помещений, где помещались бок-о-бок хозяева и пастухи. Также и теперь Иохельсон находил в одном шатре двадцать пять человек.

Чукотские шатры значительно меньше, и редко вмещают больше двух спальных помещений. *С* другой стороны, чукотские шатры выше и просторнее коряцких.

В коряцкой технике мы видим такую же важную роль каменных и костяных орудий вплоть до советской эпохи. Именно у коряков для охоты на белых дельфинов применялся метательный дротик непременно с наконечником из камня.

Коряцкое шаманство не пошло дальше чукотского, по крайней мере, в своем внешнем оформлении. Коряцкий шаман не имеет особого облачения, но бубен его больше чукотского и вместо боковой ручки придерживается на крестообразной рукояти. Таким образом коряцкий бубен относится к азиатскому типу, между тем как чукотский бубен относится к американскому типу.

В области брака можно указать на следующие различия. Групповой формы брака у коряков не существует, коряки ценят целомудрие девушек и верность жен. Они вообще склонны к ревности и жестоко расправляются с изменницами и соблазнителями. Все это весьма отличается от чукотских брачных обычаев.

В общем, однако, не следует преувеличивать своеобразность развития чукотского, как и коряцкого, общества.

Оба эти общества сделали ряд шагов по линии создания родового строя. Но элементы родового строя, в общем довольно разнообразные, не успели укрепиться и оттеснить назад более древнюю стадию первобытного коммунистического общества, хотя и весьма разложившуюся.

Причиной такой отсталости и недоразвитости родового общества у эскимосов и у чукоч с коряками нужно считать прежде всего крайнюю географическую уединенность занимаемых ими обширных областей.

Если представить себе общее движение народностей северной Евразии, проходившее некогда с юго-запада на северо-восток, от Саяно-Алтайских горных узлов к Берингову проливу (который в то время, вероятно, был еще Беринговым перешейком или даже целой полосой континента Берингия), то именно эскимосы и чукчи с коряками являются крайними членами этой великой цепи рассеяния народов. Они принесли с собой более древнюю социально-экономическую структуру и до известной степени сохранили ее до позднейших времен, вместе с искусством типа Мадлэн и весьма первобытною техникой как добывающих, так и обрабатывающих отраслей хозяйства.

Одновременно с этим действовали и другие причины, которые привели это древнее общество на путь разложения, быть может, уже за много столетий назад. Эти причины лежат прежде всего в условиях хозяйственной организации, возможной на севере. Северные зоны морского прибрежья, тундры, лесотундры и тайги, имеют изобилие продуктов почти исключительно животного происхождения, в общем весьма неравномерна, допускающее сезоны и даже целые годы полного недоурожая, недолова, скудости и голода.

Таким образом северные жители стараются разнообразить источники хозяйства для того, чтобы создать себе юолее разнообразную опору. Северные промышленники никогда не замыкаются в одной узкой отрасли хозяйства. Их хозяйство -- комплексное, например: рыболовство, мясная охота плюс пушная охота. Рыболовство, в свою очередь, бывает озерно-речное и полуморское (устья больших рек, морские лиманы и бухты). Мясная охота, в свою очередь, распадается из сухопутную (лось, дикий олень, медведь) и морскую.

Необходимым добавочным промыслом повсюду является пушная охота. Правда, пушная охота возникла и развилась только в последние три века, вместе с появлением русских, создавших внезапный и настойчивый спрос на соболя, лисицу и песка. До появления русских почти не было ни спроса, ни промысла. По общему свидетельству служилых и промышленных людей, тайга и тундра в первые годы после завоевания одинаково кишели драгоценным пушным зверем.

В полярной Америке и в полярной Евразии формы комплексного хозяйства были вообще одинаковы.

Однако в северной Евразии к основным рыболовству и охоте рано присоединился более высокий тип хозяйства: скотоводческий, а именно оленеводство, по кавыкам своим весьма первобытное, но все же далеко превосходившее основные присваивающие промыслы: рыболовство, охоту, как по обилию продуктов, так и по обеспеченности и правильности их добывания.

В последние два века сюда присоединились более поздние формы скотоводства: разведение лошадей, рогатого скота, принесенное на западе русскими, а на востоке -- бурятами и якутами.

Мы имеем в полярной полосе Америки наиболее отсталое хозяйство так называемых сухопутных эскимосов, открытых и обследованных датскими экспедициями Туле. Эти эскимосы никогда не выходят к морю для зверобойного промысла. Они существуют рыболовством и скудной сухопутной охотой, почти не имеют собак и хозяйство ведут до такой степени беспомощное, что в сущности постоянно стоят на рубеже голодной смерти.

Группы пеших рыболовов и сухопутных охотников встречаются также и в северной Евразии. Таковы: на западе -- алтайские шорцы, а на востоке -- юкагиры. Есть основания думать, что в древнее время такое первобытное и скудное хозяйство было распространено гораздо шире.

Однако вообще мы встречаем в Евразии более значительное разнообразие хозяйственных форм, чем в Америке. В частности в северо-восточном углу Евразии у чукоч и коряков мы встречаем два параллельных хозяйственных быта: оленеводческий и приморский зверобойный, которые проходят рядом, соединяясь и разъединяясь и создавая новую пестроту хозяйственных связей.

При всем том оленеводы и морские звероловы у чукоч и коряков составляют одно и то же общество. Они живо сознают свое племенное единство и даже в самоназвании противопоставляют себя всем своим соседям в качестве "настоящих людей", которые говорят "настоящим языком" и имеют "настоящие лица".

В литературе неоднократно возбуждался вопрос, не представляют ли оленные и приморские чукчи (а также заодно оленные и приморские коряки) в сущности две различные народности.

Рядом с приморскими чукчами из прибрежьях у Берингова пролива действительно обитают азиатские эскимосы, которые во многих отношениях сходны с приморскими чукчами. Техника промысла и техника выделки орудий, нища, жилище, одежда, религия, фольклор представляют много совпадений, которые, повидимому, отчасти восходят к общему происхождению, а отчасти объясняются заимствованием. Эти заимствования отражаются также и в языке. Эскимосы позаимствовали у чукоч термины сухопутной охоты. Чукчи позаимствовали у эскимосов термины охоты приморской. Также и языки чукотский и эскимосский, хотя и принадлежат к различным группам, а именно: чукотский -- к инкорпорирующей группе языков, а эскимосский -- к агглютинирующей группе языков, все же представляют много сходных элементов, особенно в построении спряжения переходящего глагола.

Я все же не считаю возможным утверждать, что приморские и оленные чукчи принадлежат к двум различным народностям и в частности что приморские чукчи совпадают с азиатскими эскимосами. Наиболее древние данные чукотского фольклора говорят постоянно о войне с азиатскими эскимосами, которые были в результате этой войны оттеснены на восток и даже в Америку.

Если сопоставить чукотское хозяйство с одной стороны с коряцким, а с другой с эскимосским, мы находим у чукоч, во-первых, оленеводство, близкое к коряцкому, во-вторых, зверобойный промысел, близкий к эскимосскому, но, кроме того, еще элементы, которые не объясняются ни из того, ни из другого источника, а занимают промежуточное положение.

Еще труднее допустить, что оленные коряки и приморские коряки представляют различные народности. Приняв такое разделение, пришлось бы, кроме того, итти дальше и, например, для охотских ламутов (эвенов), которые тоже разделяются на оленеводов и приморских рыболовов-зверобоев, допустить также различное происхождение. Вопрос о различном происхождении оленных и приморских чукоч. во всяком случае остается открытым.

Разнообразие хозяйственных укладов дало толчок к очень раннему развитию внутриплеменного обмена, который в дальнейшем расширился и стал междуплеменным обменом.

В наиболее крайнем районе северо-востока, между реками Колымой и Анадырем, развитии" торговли содействовало также географическое положение между двух океанов: Полярного и Тихого, а также соседство Америки. Азиатские эскимосы и чукчи с коряками, конечно, не нуждались в особом открытии Америки. Америка была для них близкая соседняя страна, знакомая и доступная с незапамятных времен.

* * *

Мы имеем у чукоч, а также у коряков такие источники классового расслоения: 1) укрупнение оленьих стад, которое повело у оленеводов к появлению зависимых соседей и безоленных пастухов и большому укреплению социальной верхушки, 2) энергичное развитие торговли, особенно у приморских чукоч с эскимосами, которая велась в пределах Евразии от морского прибрежья внутрь страны и обратно, а в более широких границах проходила транзитом из Азии в Америку.

Речное рыболовство и сухопутная охота в условиях натурального хозяйства вообще не создают возможности накопления больших богатств. Промысел в нормальных условиях не приносит излишка: пойманная рыба и добытое мясо идут на прокормление людей и собак, на гостеприимство для проезжающих. Различие удачи и умелости у охотников не настолько велико, чтобы создать возможность накопления богатства у особенно удачливого охотника. Нередко бывает, что удача одного года сменяется неудачей другого, приносящей нужду и даже нищету.

Однако в различных местах, в устьях больших рек, в приморских заливах, большое обилие рыбных богатств создает в рыболовстве возможность нормального излишка, а стало быть, и условия социального неравенства.

На Аляске и на всем тихоокеанском побережьи Северной Америки рыболовно-охотничьи народы имели влиятельных старшин, элементы родовой знати, а также зависимых работников, в том числе довольно многочисленных рабов. Положение рабов было совершенно бесправное, их перепродавали от племени к племени, также приносили в жертву на могиле хозяина. Торговля и война здесь, как и всюду, подчеркивали и подкрепляли классовое расслоение.

Рыболовное хозяйство у чукоч вообще было мало распространено. Морской зверобойный промысел временами отличался большим обилием добычи, но он постоянно перемежался сезонами и даже целыми годами полного неулова, что приводило население на край голодной смерти. Здесь не было нормального излишка производства, а стало быть, не было почвы для экспроприации продуктов дальше известных, весьма ограниченных размеров.

Таким образом классовое расслоение у чукоч развивалось главным образом по двум определенным линиям: среди оленных чукоч -- на основе укрупнения оленных стад и среди приморских чукоч -- на основе развития торговли.

Возможно, что и то и другое не отличаются слишком значительной древностью. Древнейшие данные о состоянии чукотского общества дает фольклор, в общем обильный и разнообразный. Среди этого фольклора выделяется значительная часть, которая в общем не имеет фантастического элемента и относится к войнам чукотского народа с азиатскими эскимосами, с оленными коряками и с русскими. Древнейший слой этих рассказов относится к давно минувшим временам, заполненным постоянной войной чукоч с азиатскими эскимосами. В то время эскимосы, очевидно, занимали в Азии более обширную территорию, чем ныне.

Эти древние рассказы вообще весьма обезличены и стерты. Нет собственных имен, нет типичных фигур; постоянно встречается ряд однообразных поединков двух бойцов -- эскимосского и чукотского -- из-за морской добычи.

По догадке, сделанной мною совместно с датским профессором Вильямом Талбицером, эти рассказы могут относиться к XII--XIII веку текущей эры, когда эскимосы на всем обширном протяжении своих территорий переживали ряд характерных продвижений. На востоке -- в Гренландии и Лабрадоре -- они продвигались наступательно вперед, вытесняя норманнов, занявших Гренландию, когда там еще не было никакого населения. В Азии, напротив того, они отодвигались, оставляя поселки на тихоокеанском и полярном прибрежьи и в общем переливаясь из Азии в Америку. В Азии эскимосы отступали, оттесняемые чукчами.

В этих древнейших рассказах чукчи вообще называются оленными, в противоположность эскимосам, существующим морским промыслом. Однако описание жизни этих чукоч не имеет особой связи с оленеводством. Действие постоянно происходит на морском прибрежья. Эскимос изображен промышленником, который только что добыл несколько моржей или даже кита. Чукча изображается в сущности бродягой, который пришел из глубины страны; в одних случаях он выпрашивает у эскимоса лакомый морской кусок, в других случаях он нападает на эскимоса, убивает его и захватывает добычу.

Возможно, что эти пешие чукчи, пришедшие к морскому берегу из глубины страны, были подобны сухопутным эскимосам восточной полярной Америки, о которой было сказано выше.

Другие рассказы о битвах чукоч с эскимосами относятся к значительно более позднему времени. Они переполнены подробностями хозяйственно-социальной жизни. Герои имеют имена, торговые экспедиции перемежаются пиратскими походами, чукчи и эскимосы имеют различные степени социального расслоения.

Главная часть этих исторических рассказов относится, как было указано, к войнам с коряками. Обе народности изображены оленеводческими. Но коряки имеют большие стада, а чукчи, ведут смешанное хозяйство: наполовину -- оленное, наполовину -- морское зверобойное. Коряки зверобойного промысла не знают. Их дополнительным промыслом является рыболовство. Чукчи всегда изображаются стороной нападающей. Они побеждают коряков хитростью и силой, отгоняют коряцкие стада, стариков убивают, юношей и девушек уводят вместе со стадами в виде подневольных пастухов.

Часть этих рассказов, очевидно, имеет реальную основу. В половине XVIII века, после поражения Павлуцкого, когда русские казаки и солдаты отступили на тысячу верст, чукчи действительно сделали ряд нападений на коряков и оленных чуванцев, бывших союзниками и данниками русских завоевателей. В результате этих нападений чукчи отогнали в течение четверти века несколько десятков тысяч оленей.

На нижнем течении реки Опуки, близко к чукотско-коряцкой границе, обитает коряцкая группа, которая говорит особым диалектом оленных коряков, но оленей не имеет, существует рыболовством. По их преданиям, их оленьи стада были отогнаны чукчами пять поколений назад, тотчас же после отступления русских из Анадырского края.

Таким образом в конце XVliI века экономическое положение оленных чукоч во многих отношениях изменилось. Их оленьи стада в общем, возможно, удвоились.

С другой стороны, возобновились сношения с русскими, на этот раз торговые: был" устроены русско-чукотские ярмарки, и оленные чукчи получили чай и табак, ножи и топоры, даже ружья и огнестрельные припасы. Эти продукты перепродавались на восток и доходили до Америки. Это создало для чукотской верхушки двойной источник обогащения.

Именно с этого времени начинается выделение оленеводческой верхушки, владетелей многочисленных стад, составляющих в общем три четверти всего оленьего поголовья. Они сосредоточили в своих хозяйствах несколько сот пастухов безоленных или малооленных, в общей по пяти пастухов на каждое стадо, не считая зависимых родственников. Все эти зависимые люди составили категорию так называемых соседей по стойбищу (nьm-tumgьt). Раньше соседи по стойбищу были вполне полноправны и составляли вместе один оленеводческий коллектив. Основной хозяин этого коллектива, так называемый "переднедомный владелец" мало превосходил своих соседей по числу оленей. Такие коллективы полноправных соседей по стойбищу существуют и теперь, но на богатых стойбищах бедные, малооленные соседи стали зависимыми.

Чукотский фольклор более позднего времени, обильный бытовыми рассказами, отражает элементы такого укрупнения стад, привлекающих пастухов из соседних околотков и даже с морского прибрежья. Описываются юноши, уходящие во множестве с морского прибрежья в глубь страны искать счастья среди оленеводов. Есть между ними люди довольно пожилые, изгнанники, бегущие от мести врагов или от злого нападения духов. Они поступают в пастухи к богатым оленеводам, на их работу есть постоянный спрос, превышающий предложение. Хозяин нередко идет на материальные жертвы, чтобы удержать при себе подходящего пастуха. Самые удачливые из этих пришельцев поступают в приемные зятья в такие семьи, где преобладают девушки, и через несколько лет становятся, в свою очередь, хозяевами стада.

Впрочем, и другие пастухи при чужом стаде могут в благоприятные годы постепенно накопить несколько десятков важенок и так понемногу выйти на путь самостоятельного хозяйства. Рассказы из фольклорных источников имеют, как указано, характер вообще оптимистический. Вместе с тем по всем оленеводным околоткам разбросаны семьи, которые явственно помнят о своем приморском происхождении и даже называют имя какого-то деда или прадеда, который пришел из поселка Janraŋaj или Lūren с парой запасной обуви и с котомкой за плечами, как раз так, как описывается в чукотской сказке.

Эти любопытные рассказы таким образом определенно приукрашают процесс социального расслоения среди оленных чукоч. Они говорят только об удачниках, о бедных искателях счастья, которые вышли в богатые хозяева, оставляя совсем в тени или забвении те многочисленные слои, которые не имели удачи и до сего времени остались в пастухах при чужом стаде.

Рядом с этим я записал несколько рассказов в виде автобиографий самих пастухов. Эти рассказы, напротив того, отличаются повышенным классовым настроением. В противность фольклорным рассказам они описывают богатых оленных хозяев жадными, жестокими и злыми, -- эти рассказы менее всего являются радужными.

Любопытно указать, что самые последние по времени рассказы, относящиеся к войнам с русскими, тоже подмечают классовое расслоение, но не в собственной среде, а у русских завоевателей. Конечно, к чужестранным завоевателям было легче подойти с классовым осуждением, чем к своим собственным силачам и богачам, и можно привести поразительное место из чукотском рассказа о гибели Павлуцкого: "Двух бедняков, всеми обижаемых, которых не досыта кормили, наши не тронули и ост шили в живых. Дали им сильные упряжки и жирный дорожный запас и сказали: "Поезжайте к своим и скажите, что вы видели [о гибели Павлуцкого], затем чтоб прекратилось злое убивание людей".

Чукотский рассказчик подметил классовое расслоение в русском завоевательном отряде. Надо указать, что в среде этих отрядов, особенно у Павлуцкого, были большие несогласия. Коряки с чуванцами, которые везли военные обозы на собственных оленях и собаках, были готовы при первом удобном случае оставить своих господ и бежать в сторону, захватив и запасы. Местные казаки, осевшие на устьях реки Колымы, тоже неохотно отправились в поход и, по русскому преданию, даже изменяли Павлуцкому, бросили его на произвол судьбы и ушли домой.

Укрупнение оленеводства у чукоч привело крупные хозяйства и целые околотки к выдвижению оленеводства как специальной формы хозяйства, с оттеснением на задний план всех остальных форм хозяйства, обычно являвшихся составною частью хозяйственного комплекса, типичного для севера. В наиболее богатых оленных околотках, например на вершине рек Омолона и Олоя, Анадыря и Чауна, богатые оленеводы и их пастухи или зависимые соседи не имеют ни досуга, на возможности заниматься чем-либо другим, кроме ухода за стадом. Многотысячные оленьи стада привлекают все их внимание и полностью занимают все их рабочее время. Они не могут выйти летом на берег реки для рыболовства или на берег моря для охоты за тюленями. Тем более они не могут делать далеких охотничьих экспедиций за дикими оленями или горными баранами, как это делают тунгусы с ламутами. Они не имеют возможности также расставить по тундре песцовый пастник на многие десятки верст налево и направо. Самое большее, что им доступно, это -- расставить зимою железные капканы на тундренных участках, поблизости от пастбища.

Чукотское присловие говорит: "Стадо -- как аркан: на одном конце привязаны оленя, на другом конце -- хозяин".

Впрочем, эти многооленные специализированные хозяева собирают в обилии наилучшую пушную валюту, необходимую им для торговли с факторными. В первую очередь они скупают песцов, также красных лисиц, горностаев и белок, собирая ее от беднейших соплеменников, а также от других соседних народностей: ламутов, тунгусов, юкагиров и даже русских. В обмен за пушнину они отдают продукты того же оленного хозяйства: пыжиковые шкуры, необходимые для выделки одежды, а также готовую одежду и обувь, оленье мясо и сало, битые оленьи туши и даже живых оленей.

При всей своей косности богатые оленеводы, живущие в самой глухой тундре, являются удачливыми скупщиками, получающими огромный барыш от этих торговых операций.

Торговля между оленными и приморскими чукчами, очевидно, развилась гораздо раньше появления русских, однако и здесь нельзя говорить о слишком большой древности. Эпоха более ранних чукотско-эскимосских войн, конечно, не могла способствовать развитию торговых отношений между приморскими зверобоями и тундренными оленеводами. Возможно, что чукчи в то время не были настоящими морскими звероловами. Только в порядке оттеснения азиатских эскимосов по прибрежью обоих океанов с запада на восток и с юга на север чукчи, заместившие азиатских эскимосов на издавна насиженных местах, могли сделаться настоящими зверобоями, тогда и возникла хозяйственная двучленность чукотского племени, которая привела к оживленному внутриплеменному обмену.

Развитие такого обмена привело даже к возникновению особого рода торговцев, так называемых "поворотчиков", которые всю жизнь странствовали между морским берегом и внутренней оленной тундрой, совершая экспедиции туда и обратно и каждый раз возвращаясь к исходному пункту. Исходным пунктом было морское прибрежье. Поворотчики были приморского происхождения, они привозили к оленеводам приморские товары: ворвань, широкие связки ремней, нарезанных из моржовой кожи и лахтачной шкуры, совершенно необходимые в тундренном хозяйстве,-- далее, особо шкуры тюленя-лахтака, дававшие лучший подошвенный материал для летней и осенней обуви.

Поворотчики выменивали эти товары на мягкие пыжиковые шкурки, которые служили и служат до сих пор незаменимым материалом для зимней одежды всех племен, обитающих на севере.

Поворотчики вначале ездили на собаках. Собачья упряжка более годится для легковой езды, а для перевозки грузов пригодна сравнительно мало. Кроме того, возникает вопрос о собачьем корме для всех этих бесчисленных собак. Корм приходится частично привозить с собою с места, я частично убивать постоянно оленей, изо дня в день выменивая их у оленеводов.

Таким образом перевозка грузов на собаках съедает на корню значительную часть полученных продуктов, переводя большую часть возможного дохода в издержки производства.

В связи с этим поворотчики рано перешли от собак к оленям. Они приняли все внешние формы оленеводства, однако оленеводами в сущности не стали. Они покупали оленей преимущественно упряжных, но свободных, незанятых оленей у них было довольно мало. Они кочевали на оленях от морского берега в глубь тундры довольно медленна но совершенно неуклонно, свободных оленей убивали на пищу и каждый раз прикупали новый потребительный фонд.

Появление русских товаров дало толчок к дальнейшему развитию торговли морских поворотчиков. Правда, русские товары явились с запада, с оленной стороны, но оленеводы торговцами не стали. Торговля с русскими перешла вскорости в руки морских поворотчиков. Они, как указано, обзавелись оленями и вели свое кочевье от само: о мыса Дежнева до Анюйских и Колымских ярмарок. Русские товары они покупали драгоценной пушниной, которую собирали на тундре и на собственных прибрежьях и даже привозили из Америки. По дороге на русские реки, туда и обратно, они вели торговлю с оленеводами на прежних основаниях обмена приморских продуктов на оленные. Мало того, часть своих торговых операций они перенесли в Америку, куда с давнего времени ездили на байдарах через море, выменивая русские товары и лоснящиеся пыжиковые шкуры на лисиц, бобров и куниц, которых добывали эскимосы на Аляске и на реке Мекензи. Такие торговые поездки, как было указано выше, перемежались с пиратством. У нас есть указания, что ранее прихода русских целые флотилии кожаных байдар выезжали из поселка Уэлен на мысе Дежнева и стариннейших чукотских поселков Lūren и Janraŋaj, также из эскимосских поселков на мысах Дежнева и Чаплина.

Эти походы в иных местах выдвигали вперед свое пиратское лицо. В других местах, где неожиданные гости из-за моря не могли бы иметь перевеса, они занимались торговлей не менее выгодной, чем открытый грабеж, да и представлявшей по существу грабеж, даже не весьма замаскированный.

Во второй главе повести об Эленди и его сыновьях подробно описано течение такой заморской торговли, смешанной с пиратством.

Вот Эленди приехал в гости к богатому айвану (эскимосу). Сидят, едят. Гость видит: на ремнях висит всякое мясо, тюленина, рыба, моржатина, на другой стороне -- лахтачные кожи, подальше -- лахтачные ремни, еще дальше -- мешки из некроеной тюленьей шкуры.

Все сидят молча, эскимос долго думает, потом спрашивает гостя: "Что же ты, разве попусту сюда приехал?" Гость отвечает: "Двадцать твоих лахтаков достань, по двадцати связок ремней, белых и черных тюленьих чемоданов, всего, что есть, по двадцати". -- "Что же привезли на продажу?" -- "Ничего". -- "Даром не дам".-- ""Да ведь я увезу. Или, пожалуй, я убью тебя. Разве кто-нибудь жалеть станет?"

Спор этот кончается единоборством, причем Эленди побеждает хозяина и вместе с тем пиратский подход побеждает спокойную торговлю.

Конец XVIII бека прекратил войну не только на русско-коряцко-чуванском фронте, но также и на фронте азиатско-американском. В течение всего XIX века торговля приморских поворотчиков вырастает на ряду с укреплением оленного хозяйства у чукоч. Она, можно сказать, обгоняет его и расширяется, захватывая более отдаленные народности и даже принимая транзитный характер. Прибыль торговцев растет из десятилетия в десятилетие. И в этом отдаленном углу северовосточной Евразии рядом вырастают три группы богатых и влиятельных людей: русские торговцы на реке Колыме, крупные оленеводы на всех тундрах между Колымою и Анадырем и приморские торговцы-поворотчики, родом из прибрежных поселков.

На русской стороне рядом с местными торговцами являлись приезжие купцы из Якутска и даже из Иркутска, которых манила прекрасная пушнина Анюйской и Колымской ярмарок. Из приморских торговцев наиболее удачливые тоже собирали богатства.

Примеры, указанные в различных местах книги, можно дополнить и другими. Во второй" половине XIX века на Анадыре выдвинулся "морской поворотиик" Кото, который одновременно с чукотской семьей завел себе на Анадыре русскую жену, прижил с нею сына и оставил ему большую часть наличных денег, нажитых в торговле, тогда как своим чукотским детям на тундре Кото оставил оленей, шкуры и пушнину.

В половине XIX века является новый торговый элемент -- американские китоловы, в связи с чем в приморских поселках, по преимуществу из эскимосов и только отчасти из чукоч, выдвигаются новые торговцы -- оседлые, имеющие на морском берегу целые лавки, купленные от американцев вместе с подбором товаров.

Сухопутная торговля тотчас же начинает хиреть. Русские купцы разоряются. В последние десятилетия XIX века в Средне-Колымске и Нижне-Колымске самые большие дома стояли нетопленые и заколоченные наглухо. Владельцам этих домов не стоило приезжать на полуопустевшие ярмарки из далекого Якутска.

Таким образом в Средне-Колымске начиная с половины 80-х годов наша ссыльная колония могла устроиться в так называемом Павловском доме, принадлежавшем купцу Николаю Павловичу Бережнову. Отец его, покойный Павел Бережное, был человек богатый, а сын его совершенно разорился.

Павловский дом по местным условиям поражал величиной. Он имел даже большую залу, настолько большую, что мы могли там устраивать театральные представления.

Торговля морских поворотчиков тоже сократилась, хотя и не столько. Она в сущности вернулась к тому обороту, который имела до появления русских. Основой ее снова стал междуплеменной обмен приморских продуктов на продукты оленного хозяйства.

Береговые торговцы, напротив того, стали богатеть. Эскимос Quvar с мыса Чаплина на тихоокеанском берегу и значительно позднее чукча Alitet на северном прибрежьи имели по несколько лавок. Морские поворотчаки стали их комиссионерами и брали у них американские ружья, патроны и белую муку для переуступки оленеводам на Чаунской тундре.

Мало того, приморские торговцы стали, в свою очередь, скупать оленей, давая их на выпас своим оленеводческим "дружкам".

В первые годы XX века процесс этот был еще в самом начале своего возникновения.

Мировая война, которая, можно сказать, убила торговлю на всем протяжении тундры, от Печоры до Колымы, за невывозом товаров на север, сравнительно мало повлияла на чукотскую торговлю. Русские торговцы, разумеется, вышли из игры.

Американские китоловы, спиртовозы и торговцы, которые раньше захватили на прибрежьи большую часть торговли и оттеснили русских на задний план, теперь стали полными хозяевами положения, и бывшая "Чукотская землица" стала как будто превращаться в американскую колонию.

Советизация Чукотки сразу положила конец торговой эксплоатации; как американские и русские, так и приморские туземные торговцы потеряли почву из-под ног. Их заменили советские фактории, которые старались разветвлять свою сеть и охватывать ее ячеями одинаково приморские поселки и оленные стойбища. Вслед за факториями стала развиваться кооперация, и местная торговля старого хищнического, разбойничьего типа прекратила свое существование. Некоторые отдельные волки еще держались до последних годов третьего десятилетия XX века. Таким, например, был колымчанин Шкулев, который укрепился как раз на границе бывшей "Чукотской землицы" и более поздней Колымской Чукотки {"Советский Север", 1931, No 7--8.}.

Этот стык отдаленнейших пределов Якутской АССР и ДКЗ, особенно Чаунская тундра, доныне остается очень глухим и мало изведанным краем.

Классовая верхушка, созданная этой торговлей, оказалась значительно менее прочной, чем оленеводческая головка, выросшая на тундре на базе укрупнения оленных стад. Последняя все еще борется за свое существование Правда, ее экономическая база сокращается с каждым полугодием, по мере того, как рядом вырастают колхозы и совхозы, объединяя в своих руках определенную часть поголовья и также занимая соответственную часть моховых пастбищ.

Однако в ряде мест еще существует крупный оленный хозяин вместе со своими пастухами и другим окружением зависимых соседей. В некоторых более глухих околотках произошло даже сгущение этой оленеводческой верхушки, которая всемерно старается отступить подальше, избегая советских воздействий. Положим, это явление временное, обреченное на быстрое исчезновение.

В тех же глухих местах еще сохранилась частично торговля морских поворотчиков, которые снабжают этих откочевавших оленеводов товарами, так или иначе купленными из советских факторий. Впрочем, эта последняя торговая прослойка является весьма худосочной и по мере развития работы Госторга и кооперации она исчезает бесследно.

На Колыме и на Анадыре все племена, живущие в соседстве с оленными чукчами, каковы юкагиры, тунгусы и даже та пестрая "смешица", которая составилась из обруселых обрывков погибших народностей, усвоивших русский язык, в общем существуют рыболовством (ездовое животное -- собака) или сухопутной охотой (ездовое животное -- верховой олень при скудном и ограниченном оленеводстве).

Также и несомненные потомки казаков-завоевателей, более чистой русской крови, существуют рыболовством. Эти рыболовные и охотничьи группы пополняют свое питание, особенно во время неизменных весенних голодовок, подачками от более сытых чукотских оленеводов. Создаются отношения паразитического характера.

Чукчи упрекают русских: "Вы, русские, как голодные чайки на вашей реке. Вы никогда сыты не бываете, вам все мало". Опираясь на свое стадо, зажиточный оленевод смотрит свысока на русских приживальщиков. Про свою собственную продовольственную базу оленные чукчи говорят с известным самодовольством: "Наша еда вокруг нас на ногах ходит. Наша еда растет, пока мы спим".

В то же самое время в других отношениях чукотская культура гораздо первобытнее русско-юкагирских рыболовов и тунгусских охотников. Чукчи до сих пор не знают кузнечного промысла. Тунгусы и юкагиры, отчасти коряки куют из различных обломков старого железа ножи, тесла и именно во время голодовок вымениваютъ их у богатого оленного соседа на мясо для себя и своих собак. Они продают оленеводам всякую товарную мелочь, перекупленную у русских торговцев или, просто говоря, завалявшуюся в ящиках.

С другой стороны, богатые чукотские оленеводы вымениваютъ у тех же соседей лучшую пушнину: песцов и лисиц, горностаев и белок и потом с большим барышом перепродаютъ пушнину купцам. Получаются довольно сложные социальные и междуплеменные отношения.

Такое же расхождение можно отметить, например, в положении женщин. С одной стороны, производственная специализация отделила у чукоч женщину от мужчины резче, чем у тунгусов с ламутами. Чукотская женщина никогда не бывает охотницей, даже сухопутной, не говоря уже о морском промысле. Напротив того, у тунгусов и ламутов попадаются женщины-охотницы, которые ходят с луком и ружьем за белками и даже за оленями.

Тунгусская женщина постоянно кочует одна, так как мужчина-охотник в то же самое время бродит далеко от шатра по склонам, "белков". Женщина ведет свою кочевку в сторону его передвижения {Тунгусско-юкагирская песня в песенном переводе на северно-русский язык поет:

"Мое кочевище, как двоена ниточка,
Такое прямое, такое хорошее.
Кабы мне да новые резвины (жерди),
Я бы юрту сама ставила, сама ночевала".}.

Чукотская женщина не ведет самостоятельной кочевки. Она ведет только караван груженых саней, мужчина гонит оленье стадо. Чукотская женщина больше привязана к дому, к шатру, чем тунгусская. Мужчина ездит на охоту, уезжает на ярмарки, женщина чаще всего никуда не выезжает из своего околотка. В соответствии с этим чукотские женщины выработали даже особый говор, отличный от мужского, прежде всего полногласными формами, которые вообще древнее сокращенных. Есть определенные различия также в произношении и отчасти в словаре.

Положение женщины у чукоч в общем довольно приниженное: "Если ты -- женщина, молчи", "если ты -- женщина, гложи кости",-- говорят чукотские пословицы, конечно, мужские.

С другой стороны, чукотский брак не знает калыма и в общем не знает принуждения. Женщину можно добыть лишь упорным трудом, испытаниями, причем решающий голос принадлежит, конечно, отцу, но и голос девушки-невесты тоже имеет определенное значение и вес. В групповом, так называемом "переменном" браке основным элементом являются женщины, которые объединяют мужчин -- "товарищей по браку". Если муж называет жену "товарищем" (см. выше), этот термин является не только архаическим пережитком, но также свидетельствует о некотором равноправии в браке.

Чукотская женщина при случае не даст себя в обиду. Своенравная дочь, нелюбимая жена, ухолит из семьи и прибивается к чужому стойбищу. В сказке женщина, брошенная мужем, ушедшим к другой, жестоко отомщает и мужу, и соперице.

В богатырских сказаниях встречается фигура женщины-воительницы, описанная трезво и реально. Вот эпизод из нескончаемых чукочско-коряцких войн. Трое братьев Таньгоз-коряков сражаются с братскою группою чукоч, совсем как в римской легенде Горации с Курияциями, но у чукоч два брата и третья -- сестра. Два брата коряцких и два брата чукотских убиты. Остались коряцкий богатырь и чукотская девица.

"Биться с тобою не стану: ты -- женщина".-- "Нет,-- сказала сестра,-- попробуй, тогда мы увидим". Она подобрала свои косы, опоясалась туго по поясу, убрала рукава, и они фехтовали на копьях целый день, пока солнце не село. К закату Таньг-богатырь начал задыхаться и язык у него вывалился изо рта. Он ослабел и присел. Девушка сказала ему: "Не стану убивать тебя, я-- женщина, мне совестно". Таньг возразил: "О, эта чукотская женщина с расписанным носом, которая меня победила... Ну, ладно, убей меня, мне стыдно вернуться домой. Я многих убил, теперь, мой черед". Спор этот длился долго. Наконец Таньг-богатырь произносит установленную формулу: "Кончай меня, если я стал для тебя дичью". И женщина убивает его. Кстати сказать, эта формула выражает готовность к ритуально насильственной смерти и является вызовом не только противнику в битве, но также и злому духу.

В различных сказках есть указания на девушек и молодых женщин, находящихся в привилегированном положении. Например: "у Передней Головы есть дочь, никем невидимая, никому не показанная". Передняя Голова -- это созвездие Арктура.

В другой сказке: "девушка сидит в спальном помещении, очень красивая. Все время шьет и приготовляет новую хорошую одежду. Ее красоту нельзя показывать людям. Если высунет голую руку из крытой кибитки, все мужчины, даже старики, умирают на месте от сладострастного задотрясения".

И еще отрывок более героического содержания: "Ринулись вместе на Таньгов: Кивающий Головой и его жена. Жена с топором, он с ножом. Так и рубят по головам. Избили всех Таньгов-коряков, других задавило обрушившееся жилище. Бежавшие чукчи-соседи стали возвращаться. Послал их к оленям, сделал работниками: "Идите, пасите". После того, кочуя, они не заботятся ни о чем, ибо другие разбивают шатер, они потом входят. Даже жену его кормят другие варильщицы мяса".

Некоторые из этих подробностей, вероятно, заимствованы из русских сказок. Все они, однако, относятся в высшему слою, богатым оленеводам, сильным воинам -- грабителям чужих стад и женщин". Кстати сказать, в чукотском фольклоре существует особый термин: "женоотниматель".

* * *

Для хозяйственной жизни коряков и чукоч наиболее типичным является указанное выше существование двух параллельных хозяйственных форм: оленеводческой и зверобойной. Эти формы существуют не только параллельно, но также противопоставляясь друг другу.

Оленное хозяйство и зверобойно-рыболовное хозяйство в общем не могут слишком приближаться друг к другу и должны разделяться пространством в несколько десятков километров. Ездовые собаки, одинаково необходимые как для зверобойного, так и для рыболовного хозяйства, враждебны домашним оленям и ничуть не отличают их от диких оленей. При подъезде на собаках к оленному стойбищу происходят постоянные недоразумения: трудно удержать свору собак, даже запряженных в тяжело нагруженную нарту, чтобы так или иначе они не догнали какого-нибудь молодого оленя, который немедленно будет сбит с ног и заеден, даже растерзан на части. При малой отдаленности собачьего хозяйства от оленного собаки, отпущенные на отдых или просто сорвавшиеся с привязи, повадятся ходить в оленье стадо, и они будут для этого стада не менее опасны, чем волки.

А между тем на лето, месяца на три или на четыре, собак отпускают на волю, не запрягают и не держат на привязи. Они ходят на свободе, питаются объедками, рыбьим потрохом, костями ж часто вынуждены добывать себе дополнительное пропитание самостоятельной охотой, местами за евражками (Spermophyllus sp.), местами за ленною птицей, а также за дикими оленями и даже за лосями.

Конечно, бывают околотки со смешанным хозяйством, где ездовые собаки относятся к оленям менее свирепо. С другой стороны, оленные чукчи даже в глубине территории имеют по несколько собак, которые служат, во-первых, для охраны жилища как от диких зверей, так и от злых духов, а во-вторых, употребляются для жертвоприношения и, наконец, дают собачий мех для опушки мужского и женского платья.

В общем, однако, собачье и оленное хозяйства должны существовать далеко друг от друга. Возможно, что даже взаимные запреты относительно совместной варки сухопутного (оленьего: мяса и морского (тюленьего) мяса являются только отражением этой разобщенности двух видов коряцко-чукотского хозяйства.

С другой стороны, большие чукотские стада, заключающие в себе по несколько тысяч оленей, повидимому, возникли лишь в последние три века. Крупное коряцкое оленеводство, очевидно, древнее чукотского. Впрочем, о развитии коряцкого оленеводства мы знаем меньше, чем о развитии чукотского. Все же и у коряков мы имеем более древнюю форму, которая состоит в сочетании малочисленного оленьего стада с подсобным зверобойным и рыболовным промыслом. Такое комплексное хозяйство мы имеем у коряков на северной Камчатке, у алюторских коряков на Тихоокеанском берегу, у разных групп оленных чукоч, живущих близко к прибрежью Полярного моря, от Северного мыса до мыса Дежнева.

По согласным сообщениям чукоч и коряков, поддержанных фольклорными данными, в древнее время не существовало крупного оленного хозяйства, а преобладал именно такой комплексный тип. Возможно, что в более древнее время это комплексное хозяйство имело коллективный характер. Теперь оно представляется более сложным. С каждым приморским поселком связано несколько стойбищ, распложенных поодаль, в виде венка, на расстоянии 40--50 километров. При каждом стойбище, разумеется, только одно стадо. Происходит постоянный обмен работников между поселком и стойбищами, так как каждый морской зверолов, а южнее каждый рыболов" имеет по несколько оленей, которые находятся на попечении какого-нибудь родственника среди пастухов. Время от времени из семьи зверолова кто-нибудь уходит на оленное стойбище, в особенности молодежь. Пришелец проводит там несколько дней, лакомится олениной и уносит домой немного оленьего сала или мяса и несколько пыжичьих шкур для зимней одежды. Эта происходит по преимуществу осенью, тотчас по окончании летне-осеннего промысла рыбы.

Весною, напротив, пастухи, в особенности опять-таки молодые, спускаются к морю, участвуют в зверином и рыбном промыслах и уносят добычу домой.

Оленеводы и зверобои связаны тесными родственными узами, нередко оленеводы отстают от оленьего стада и остаются зверобоями на морском берегу. Рядом с этим зверобои уходят от прибрежья к оленьему стаду и превращаются в оленьих пастухов.

Эта основная комплексность чукотского хозяйства приводила к тому, что оленные чукчи на всем протяжении тундры от Индигирки до Анадыря и приморские чукчи по северному и тихоокеанскому прибрежью имели живое сознание племенного единства и при военных столкновениях вставали совместно для отражения завоевателей. Русские завоеватели наступали на чукоч с запада, с оленной стороны, и их отразили главным образом оленные (чаунские) чукчи. Однако, по свидетельству различных казачьих отписок, среди оленных воинов постоянно попадались собачники и так называемые пешие или ходячие чукчи, т.е. люди, не имевшие ни оленей, ни собак. Пешие воины, конечно, могли происходить из оленной бедноты, но в общем собачники к пешие воины характерны именно для приморских чукоч.

У оленных коряков в бассейне Охотского моря оленеводство является, повидимому, более замкнутым в себе. Общение между приморскими рыболовами и тундренными оленеводами ограничивается только торговлей. Молодежь из приморских поселков редко уходит работать на оленное стойбище, оленеводы принимают приморских довольно неохотно. Оленеводы о них говорят: "Будучи зверобоями, они не привычны пасти". Крупное чукотское оленеводство, как указано выше, было постоянно открыта для приморских пришельцев.

Одновременно с этим торговый обмен в пределах чукотского общества и даже в пределах совокупности племен, обитающих на крайнем северо-востоке от Колымы до Анадыря и до Охотского моря, можно анализировать с большой четкостью.

До появления русских народы этой области вели постоянные пограничные войны. Например: чукчи с коряками, чукчи с азиатскими эскимосами. Поэтому обмен за племенные границы почти не выходил. Внутри чукотского общества, как указано выше, шел постоянный обмен между приморским, звероловами и тундренными оленеводами. Обмен этот развивался в формах натурального хозяйства, однако уже намечалось выделение важнейшего товара с той и с другой стороны, который мог бы в дальнейшем приобрести характер денежного товара. У оленных чукоч таким товаром служил однолетний пыжик, у приморских чукоч -- связка лахтапного ремня или лахтачная шкура, которая назначалась преимущественно на подошвы для осенней и летней обуви и в обмене нередко тазрезывалась на половины и на четверти.

Появление русских после бурного периода долговременной войны все же привело к замирению всей этой области и прекращению войн между отдельными племенами. Таким образом и междуплеменный обмен, в прошлом довольно случайный, теперь мог развернуться шире.

Русские торговцы привезли и ввели в оборот различные товары, до того незнакомые, которые ценились очень дорого и представляли предмет постоянных вожделений для местных жителей. Сюда относятся прежде всего железо и железные изделия, железные и медные котлы; далее -- табак, спирт, чай и сахар, ткани, огнестрельное оружие, огнеприпасы.

Русские товары выдвинулись на первый план также и в торговле междуплеменной, имевшей нередко транзитную форму. При этом они перепродавались и переходили от племени к племени по цене, постоянно возраставшей.

Русско-чукотская торговля тоже имела меновой характер и не исчислялась в денежной валюте даже номинально. С русской стороны она велась под строгим регламентом, установленным правилами губернаторов и генерал-губернаторов, и, стало быть, в общем имела скорее феодальную форму. Надобности в денежной валюте не ощущалось. Единицами обмена стали один кирпич чаю весом примерно в дна фунта и одна двухфунтовая папуша черкасского листового табаку; обе единицы имели одинаковый вес и одинаковую цену, и в конце XIX века равнялись одному белому песцу.

Однако с отменой правил генерала Трескина, в начале 70-х годов XIX века, при исправнике Майделг, и после введения более свободной торговли обменные цены чукотских и русских товаров стали колебаться. Один кирпич чаю, стоивший в Иркутске 20--40 копеек, в Якутске стоил 1 рубль, а в Колымском округе 2 рубля. Эта расценка, однако, имела силу только на ярмарках и не дальше Анюйской крепости, на восток от Колымы. На тундре за песца чукотские скупщики из морских поворотчиков давали полкирпича и даже четверть кирпича чаю.

Любопытно отметить, что в период регламентации основным товаром с русской стороны были медные котлы, которые по правилам генерала Трескина расценивались в 20 красных лисиц за один пуд, но для более позднего периода сравнительно свободной торговли эта меновая единица оказалась слишком громоздкой и была заменена более мелкими и подвижными товарами. Другие русские товары, хотя имевшие большую продажную ходкость, как сахар и спирт. все же не стали меновой единицей. Приморская торговля с американскими китоловами не выделила никаких основных единиц обмена. Основными товарами с чукотской стороны были полосы китового уса, а с американской стороны -- пачка патронов, стандартный мешок крупчатки в 1 пуд 10 фунтов -- 44 американских фунта.

Денежное обращение не могло установиться до самой мировой войны. Даже представление чукоч о деньгах было довольно неопределенное. Русский бумажный рубль по-чукотски обозначался kelitul, просто "кусок пестрого".

* * *

Заканчивая рассмотрение ч. 1 "Чукоч", в заключение должен заметить, что изучение чукоч было, можно сказать, делом моей жизни. Кроме научной работы, оно давало мне темы также для повестей и романов и даже для стихов. Но во всю предыдущую эпоху оно имело значение исключительно теоретическое.

Только революция и новое советское строительство дали другое практическое задание и открыли возможность на склоне моей жизни работать для возрождения тех отдаленных народностей, среди которых я провел лучшую часть моей молодости.

Это практическое применение накопленных мною знаний привело в конце концов к изменению всего теоретического подхода и научного метода. И таким образом я отказался от своего закоренелого скептицизма и в 1930 году мог написать статью "К вопросу о приложении марксистского метода к изучению этнографических явлений".

Этот новый метод научного марксизма я стараюсь усвоить по мере своих сил и разумения и применяю его в своих новых работах так, как велит мне моя совесть ученого.

В. Г. Богораз

Ленинград, 4 мая 1934 г.

ЧАСТЬ 1
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ТРАНСКРИПЦИЯ ЗВУКОВ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА

Гласные звуки *а, е, i, о, u* произносятся как соответственные звуки латинского или русского языков.
ое -- произносится как *е,* но имеет другое употребление.
ь -- глухой закрытый звук, произносится как русское *ы,* но значительно короче.
ы --глухой закрытый короткий звук *е.*
Согласные звуки *k, m, n, p, r, t, v* произносятся как соответственные звуки латинского или русского языков.
w -- произносится приблизительно как английское *w.*
l --произносится как немецкое *l.*
c -- произносится как русское *ч;* в женском произношении -- как русское *ц.*
q -- глубоко-заднеязычный звук *к,* примерно как *kx.*
ŋ -- заднеязычный носовой звук, примерно как *нг.*
g -- гамма, густой придыхательный *г.*
j -- произносится как русское *й.*
d и *s* -- всегда смягченные, примерно как русские *дь* и *сь.*
n -- часто смягченное, примерно как *т.*
tl -- произносится слитно, как один звук.
k, g и ŋ -- иногда лабиализуются, т. е. принимают губной оттенок, для них приняты обозначения k^w, g^w, n^w.

Глава I
НАЗВАНИЕ И МЕСТООБИТАНИЕ

САМОНАЗВАНИЕ

Слово "чукчи" происходит от чукотского слова cawcu {Чукотские слова транскрибированы соответственно принятому в настоящее время луораветланскому алфавиту (фонетическую транскрипцию см. на стр. 2).} (чаучу), что значит "богатый оленями". (Зленные чукчи называют себя этим именем в отличие от других родственных народов, как, например, оленных коряков или приморских чукоч. Это же самое слово употребляется как самоназвание также оленными коряками, между "тем как оба племени друг друга называют словом tanŋьtan (множ. число tanŋьl) {Tanŋьtan по-коряцки обозначает: "враг", "чужой". Вероятно, и в чукотском языке некогда существовало то же значение этого слова.}.

Приморские чукчи называют себя и прочих приморских жителей aŋqalьt("морской народ"), от слова aŋqь ("море"); или ramaglat ("прибрежные жители"). Противопоставляя себя прочим племенам, оленные и приморские чукчи употребляют самоназвание lii-yilьlьt ("настояще-язычные", т. е. имеющие настоящий язык), а также щкфцуедфе ("люди"), или lьe-orawetlat ("настоящие люди"), подобно тому, как азиатские эскимосы называют себя Juьt или Jupiьt (juk -- "человек"; jupi -- "настоящий человек"). Всех иноплеменников чукчи называют alva-jelьlьt ("иноязычные").

Таким образом утверждение многих путешественников, от Крашенинникова до Богдановича, что приморские чукчи и коряки, с которыми им приходилось вступать в сношения, называют себя cawcu, указывает на то, что эти морские промышленники принадлежали к оленному племени и, вероятно, еще имели стада внутри страны. Подобные факты до сих пор имеют место в пределах чукотского и коряцкого расселения.

Самоназвание "туски", которое W. H. Hooper приписывает чукчам со странным объяснением, будто оно значит союз или братство, вероятно, произошло от неправильного употребления слова "чуски" вместо "чукотский". Hooper, например, пишет "Чуский Нос", вместо "Чукотский Нос".

Название "чухмари", устанавливаемое А. А. Ресином для племени "промежуточного между коряками и чукчами" {А. А. Ресин, Очерк русского побережья Тихого океана. ИРГО, т. XXIV, в. 3, стр. 156.}, происходит от распространенного на Камчатке названия чукоч "Чухмарье". Ресин называет так туземцев, живущих на Опукском и Туманском прибрежьях, т. е. кереков и тэлькэпских оленных чукоч, которые в действительности представляют собою наиболее примитивные отпрыски коряцкого и чукотского племени.

W. H. Dail считает кереков эскимосами. По крайней мере, он утверждает, что эскимосы медленно движутся на юг, вдоль берега. В 1879"году, говорит он, новая эскимосская колония расположилась на Алюторском мысу, а другая колония готовилась присоединиться к ней в следующем году. Мыс Алюторский на русских и американских картах -- это в действительности мыс Ананкск, вблизи которого расположены первые юго-западные поселения кереков, тогда как настоящий Алюторский мыс лежит близ бухты Корфа (на русских картах -- мыс Говенский).

В прежние времена чаплинские эскимосы действительно посылали торговые экспедиции к мысам Барыкова и Наваринскому, где находятся первые северо-восточные поселения кереков. Однако до мыса Ананнон и до бухты Корфа они никогда не доходили.

Некоторые группы оленных чукоч, например, оленеводы, живущие вокруг Чаунской бухты и к северу от реки Анадыря, у русских называются Беломорскими чукчами. Это название, вероятно, имеет связь с чукотским самоназванием elg-aŋqa-ŋaw-jьtoot ("потомство беломорской женщины"). Так чукчи называют себя в своих фольклорных рассказах. Приморских чукоч русские называют "носовыми". Распространено также название "Кавралин", от чукотского слова kavralьt --"взад и вперед ходящие". Чукчи называют так торговцев туземного происхождения, которые кочуют на оленях от Восточного мыса и от мыса Чаплина по ярмаркам на берегах Колымы и Анадыря, занимаясь также меновой торговлей на своем пути между оленными стойбищами. Kavralьt по преимуществу потомки приморских чукоч. Многие из них в молодости были охотниками на тюленей; затем они перешли к оленеводству и, приобретя несколько десятков оленей, стали заниматься меновой торговлей.

ДРЕВНЕЕ МЕСТООБИТАНИЕ

Согласно преданиям чукоч, в древние времена они все были прибрежным народом и жили морским промыслом и отчасти оленеводством. В современной жизни оленных чукоч существуют некоторые следы прежнего уклада. Древние рассказы их наполнены приморским бытом и лишь в меньшей степени относятся к оленеводству. Их зимние жилища устраиваются таким же образом, как жилища приморских чукоч. Их семьи остаются на одном месте в течение трех или четырех месяцев, пока пастухи со своими стадами передвигаются от одного пастбища к другому.

Внутреннее помещение зимнего шатра называется umqə-nelgьn -- "шкура полярного медведя", хотя в настоящее время даже североокеанские приморские чукчи делают свои спальные полога из оленьих шкур. Ящик для инструментов у оленных чукоч называется "вместилище из китового уса" -- ŋalawgocgьn, хотя в настоящее время китовый ус не употребляется ни на какие поделки для домашнего хозяйства. Большие мешки для хранения пищи и одежды, хотя сшиваются из оленьих шкур, но всегда имеют форму мешка из тюленьей шкуры, содранной целиком, с поперечным отверстием посредине.

В религиозных верованиях и обрядах собака играет более важную роль, чем олень, хотя, при настоящих условиях жизни, собаки почти не имеют значения в хозяйстве. Собаководство трудно совместимо с оленеводством. Оленные чукчи говорят: "русские напрасно удивляются тому, что мы держим так много собак. Собака -- хранитель человека, сильная помощь во всяком несчастьи, верный друг, оберегающий от злого начала". При путешествии собака, как товарищ, отгоняет злого духа, между тем как олень не имеет такой силы. Но время заразных болезней надо потереть щенка об одежду гостей, приехавших издалека. Щенок или отгонит злых духов, которые могли притти с путником, или, если они слишком могущественны, по крайней мере, послужит искупительной жертвой.

С другой стороны, названия месяцев у чукоч и у коряков указывают на то, что, быть может, оба племени или, по крайней мере, некоторая часть их пришли из более южных мест и что оленьи стада были у них уже в то время. Некоторые названия месяцев не соответствуют действительной смене времен года на северной тундре. Например, пятый месяц чукотского года (с начала апреля до начала мая) называется "месяцем вод" (imlьrьlьn -- "водяной"). Реки тундры, однако, вскрываются только в конце мая. Третий месяц коряцкого календаря называется "ложно-оленеродный месяц" -- tьnmьqoja-jo-jelgьn, а четвертый -- "действительно-оленеродный месяц" -- lge-qoja-jo-jelgьn. Эти названия как будто свидетельствуют о том, что в стране, в которой коряки жили прежде, оленьи телята рождались месяцем ранее, чем теперь. Коряки и чукчи сами отмечают указанную несогласованность в обоих случаях и удивляются ей.

Одна интересная деталь чукотского фольклора также указывает на южное происхождение чукоч, а именно рассказ про "большого червя", который живет вблизи страны мертвых. Этот червь -- красного цвета, полосатый и так велик, что нападает даже на крупных зверей. Когда он голоден, то становится очень опасным и может напасть из засады на дикого оленя и убить его, сжав в своих кольцах. Он проглатывает свою жертву целиком, так как у него нет зубов. Наевшись, он спит в течение нескольких дней там, где поел, и дети мертвецов не могут разбудить его, даже бросая в него камнями. Это подробное описание представляет собою не что инее, как описание удава. Очевидно, оно древнего происхождения, так как местообитание червя находится на небе, по соседству с душами умерших. Нигде в северо-восточной Азии змей нет. Поэтому данный рассказ, если он базируется на фактах, указывает на юг, на те далекие теплые берега, где действительно обитают удавы.

Быть может, уместно упомянуть здесь еще об одной легенде, которая, вероятно, не менее древнего происхождения. Легенда следующая.

В древние времена в Анюйских горах жил громадный зверь, называемый Kelilgu. Он был высокий и длинный, ходил всегда с широко разинутой пастью и лапы у него были с длинными когтями. Один молодой пастух, блуждая среди скал в поисках пропавшего оленя, был замечен Kelilgu и съеден им.

Спустя некоторое время отец молодого человека отправился искать его. Он пошел в горы и скоро встретил Kelilgu. Увидев его, он сказал: "Kelilgu, смейся! Я жирен, ты можешь съесть меня. Мои олени также жирны, ты можешь съесть их!" -- "Ха-ха-ха!" -- засмеялся Kelilgu. Его пасть раскрылась так широко, что верхняя челюсть коснулась спины, а нижняя достигла груди. Смеясь, он остановился, так как должен был закрыть свои челюсти лапами; таким образом человек выигрывал расстояние. Через некоторое время зверь все же настиг его, но он опять повторил: "Kelilgu, смейся! Я жирен, ты можешь съесть меня, мои олени также жирны, ты можешь съесть их!" -- "Ха-ха-ха!" -- засмеялся Kelilgu, и его челюсти раздвинулись, но он, так же как и раньше, закрыл их лапами и продолжал преследование. Наконец они достигли селения, где молодые люди, собравшись в большом количестве, убили Kelilgu копьями. Но он также убил многих, потому что был проворен и легок, прыгал высоко, кусал зубами и царапал лапами.

СОВРЕМЕННОЕ МЕСТООБИТАНИЕ

Селения приморских чукоч расположены по берегу Ледовитого океана между мысом Эрри и мысом Восточным и по берегу Берингова моря, между Восточным мысом и Анадырской губой, исключая несколько вкрапленных между ними эскимосских селений -- двух вблизи Восточного мыса и семи между мысом Чаплина и мысом Улахпен. Последний у чукоч называется Wuteen, тем же именем, как и находящееся вблизи селение.

Стойбища оленных чукоч рассеяны по всей стране на северо-восток от линии, проведенной от устья Индигирки к мысу Ананнон.

Часть страны, лежащей на запад от рек Чауна и Анадыря, образует так называемую "Чукотскую землицу". Эта территория, согласно одному из параграфов "Российского Свода Законов", считалась "не вполне покоренной". Ее обитатели, равно как и все прочие чукчи, имели привилегию решать все свои дела по собственным обычаям, включая даже дела об убийстве, если таковое совершится в пределах их территории. Такие привилегии иногда вели к странным результатам.

Г. Дьячков {Г. Дьячков, Анадырский край. "Записки общества изучения Амурского края", т. II, 1893, стр. 64.} описывает следующий инцидент, имевший место среди алюторских коряков. В 1882 году был убит человек; братья убитого, воздержавшись от обычной мести, послали жалобу в Гижигинское управление. В течение целого года не было ответа. Но в конце концов сборщик податей, казачий офицер из Гижигинска, проезжавший через означенную местность, объяснил жалобщикам, что они могут расправиться с обидчиком согласно своим племенным обычаям. Тогда родственники убитого, собравшись вместе, отправились вселение убийцы, набросали горящего дерева в землянку убийцы, где он жил со своей многочисленной семьей, и сожгли всех обитателей дома живьем.

Причиной столь необычной снисходительности русского законодательства было то обстоятельство, что последние походы, которые русские предпринимали против чукоч в XVIII веке, были весьма неудачны. Так, казачий голова Шестаков со своим отрядом был разбит на голову и сам был убит 14 марта 1730 года на реке Egac, а майор Павлуцкий, после некоторых временных удач, был точно так же разбит и убит 21 марта 1747 года на берегу Майорского озера, недалеко от с. Маркова, на среднем течении Анадыря. Посла этого правительство, утомленное расточительной, и бесполезной "войной, отозвало свои гарнизоны, а в 1764 году даже приказало разрушить Анадырский острог, отдаленнейший русский пост в северо-восточной Азии.

Сношения с чукчами, возобновленные в 1789 году, стали вестись с большой осмотрительностью и новых попыток к завоеванию чукоч силою не предпринималось. Пограничные части племени постепенно подчинились русскому влиянию. Но основная чукотская масса до настоящего времени осталась вне русификации. До сих пор существуют чукотские стойбища и селения, где не видели русского лица и не слышали русского слова.

Около столетия тому назад территории оленных чукоч простирались за границы так называемой "Чукотской землицы", в сторону Ледовитого океана до реки Баранихи, а в сторону Тихого океана до реки Опуки; но затем, в 20-х годах XIX столетия, оленные чукчи, побуждаемые увеличением своих стад, стали расширять пределы своего обитания на запад и на юг. В 60-х годах они перешли реку Колыму и распространились по тундре между Колымой и Алазеей; некоторые стойбища перешли даже Алазею и дошли до Индигирки. В то же самое время другие кочевники направились от Сухого Анюя к Большому Анюю, а оттуда к рекам Олою и Омолону, оттесняя тамошних обитателей, ламутов, далее и далее в леса или селясь вместе с ними в пределах лесотундры.

Кочевники Тихоокеанской стороны двинулись на юг и заняли верховья рек Опуки и Похачи и возвышенную равнину в области Палпальских гор, которая прежде была совершенно необитаема по причине постоянных мелких войн между чукчами и коряками. Некоторые чукчи продвинулись в направлении Парапольского Дола (возвышенная равнина между р. Пенжиной и бухтой Корфа). Внедрившись в среду коряков, часть их в значительной степени ассимилировалась, но старшее поколение чукоч, переселившихся даже на самую Камчатку, до сих пор говорит по-чукотски. На пограничной линии между чукчами и коряками есть несколько стойбищ, обитатели которых не могут определить, к какому племени они принадлежат, потому что самоназвание у оленных чукоч и коряков одно и то же, а языки их весьма схожи.

СОСЕДНИЕ ПЛЕМЕНА

В первые годы нашествия русских, т. е. в первой половине XVII столетия, на большой тундре, к западу от Колымы, жили какие-то оленные племена, которым казаки дали название "чукчи" и с которыми они постоянно вели мелкие войны. Обе реки западной тундры были названы по ним -- Большая и Малая Чукочьи. Этими туземцами был разрушен на западном рукаве нижней Колымы древнейший казачий поселок Похотск. История падения Похотска сохранилась в виде эпического предания. Некоторые детали ее напоминают рассказы центральных эскимосов Северной Америки и относятся к эпохе раньше появления русских. Прочие поселения русских также были разграблены и сожжены какими-то "чукчами", о которых говорится, что они приплыли в кожаных лодках, хотя в настоящее время ближайшие селения приморских чукоч находятся за 500 километров к востоку от указанных мест.

Чукотские предания называют это неведомое племя не чукчами, а Саасеп, от названия реки Саап или Сawan ("Чаун" на картах), по берегам которой они жили. Это племя, однако, тесно связано с чукчами, хотя Саасет говорили на особом языке. Мне указывали несколько древних погребений на обеих сторонах устья Колымы, заполненных кучами оленьих рогов, принесенных в жертву умершим. Чукчи говорили, что эти погребения принадлежат Саасет. Они доказывали, что погребения не могли принадлежать их собственному племени, потому что среди рогов убитых оленей находились сброшенные рога, между тем как чукчи приносят в жертву только рога убитых оленей. Некоторые рога были так древни, что даже крошились между пальцами, а самые кучи были очень велики, что свидетельствовало о длинном ряде лет, в течение которых происходило их накопление. Некоторые чукчи, с которыми мне приходилось, встречаться, заявляли о своем происхождении от отдельных предков из племени Саасет. То же самое утверждал чукча Камакай на мысе Эрри в разговоре с Врангелем {F. Wrangell, Narrative of an Expedition to the Polar Sea... London 1840. стр. 338.}. Обрусевшие туземцы {Обрусевшими туземцами Колымы являются преимущественно юкагиры, имеющие большую примесь русской крови, а также часть якутов и чуванцев. Обрусевшие туземцы Анадыря состоят из юкагирских и чуванских элементов с некоторой примесью коряков и русских.} по Колыме рассказывают еще о другом вымершем племени, которое они называют Шелаги и от имени которого производится название Шелагского мыса (мыс Эрри) на Ледовитом океане. "Шелаги" были приморским народом и жили где-то на берегу Ледовитого океана. Предполагают, что им принадлежали остатки жилищ на Медвежьих островах, вблизи устья Колымы. Их часто смешивали с Саасет, хотя нет никаких сведений о взаимном отношении двух указанных племен. Туземцы предполагают, что оба племени эмигрировали на восток. Об этом упоминает также Врангель {Wrangell, стр. 338.}.

Майдель, без видимых оснований, отрицает существование того и другого племени. Он упоминает, однако, почти на той же самой странице, что Петр Мангол, один из его чукотских проводников, утверждал, что в прежние времена на мысе Эрри жили приморские чукчи, которые говорили на языке, отличном от языка современных обитателей {Г. Л. Майдель, Путешествие по северо-восточной части Якутской области. Приложение к LXXIV тому "Записок Академии Наук", т. I, стр. 331.}.

Затем он упоминает об охотнике Иване Вилигине, который жил в последней четверти XVIII столетия. Этот охотник утверждал, что он знал одного старого человека по имени Корай, который считал себя принадлежащим к племени шелагов. Он жил на морском берегу, в 200 километрах от устья Колымы. Майдель считал весь этот рассказ недоразумением.

Туземцы, однако, рассказывают, что на морском берегу к западу от острова Ajo еще существуют развалины, подобные тем, которые находятся на Медвежьих островах, а это подтверждает слова Вилигина.

Название Саасет в его руссифицированном виде будет "чаванцы" или "чаунцы", так что оно почти тождественно со словом "чуванцы". Это племя, в настоящее время почти исчезнувшее, в прежние времена жило где-то между юкагирами и чукчами. Оно занималось оленеводством и, вероятно, было посредствующим звеном между двумя указанными племенами. Остатки оленных чуванцев в настоящее время ассимилировались с коряками и говорят по-коряцки, а чуванцы-рыболовы совершенно обрусели. Несколько слов чуванского языка, приведенных в интересной книге Дьячкова {Дьячков, стр. 101.}, являются юкагирскими словами. Дьячков был школьным учителем селения Маркова, на среднем течении Анадыря, и сам себя считал чуванцем. На тундре, к западу от Колымы, еще существуют два или три рода юкагиров, которые смешались с тунгусами и в ограниченных размерах занимаются оленеводством.

Старые архивные документы Нижне-Колымска, датированные 1770 годом, упоминают "юкагир Ходинского чуванского рода" {Доктор Кибер, один из спутников Врангеля, говорит, что "чуванцы -- юкагирского племени. Языки их весьма схожи. Я знал одного чуванца, который без предварительного знакомства с юкагирами мог легко сообщаться с ними. Одежда чуванцев внутри страны подобна чукотской".}. В настоящее время единственный существующий чуванский род называется Ходынским {В отписке Семена Дежнева якутскому воеводе от половины XVII века упоминается еще одно чуванское племя или род: Анаулы.}.

Своим теперешним соседям чукчи дают следующие названия: Таŋƀtan (множ. число Таnŋƀt относится к корякам), Melgь-tanŋƀtan -- огнивный tanŋƀtan -- относится к русским. То же самое название дано русским коряками. Первоначальное произношение, вероятно, было: Melgь-t-tanŋƀtan, т. е. tanŋƀtan с огнивным луком. Огнивный лук -- кремневое ружье. Корень melg без прибавления -t- означает огниво. В настоящее время, очевидно, вследствие неправильного произношения возник рассказ об огнивном сверле, которое было оставлено на покинутом стойбище и превратилось в русского.

Atal-tanŋƀtan -- чуванец. Atal, etel (две формы одного и того же корня, которые заменяют друг друга согласно правилам гармонии гласных, существующим в чукотском языке) -- теперешнее самоназвание чуванцев. Крашенинников принимает его в качестве названия, которое коряки дают юкагирам, что вполне сходится с данными, которые уже были приведены относительно чуванцев {Юкагиры сами себя называют odul --" человек". В чукотско-коряцкой огласовке получится: atal.}.

В противоположность всем прочим Таnŋƀt, чукчи часто называют коряков Lƀe-tanŋƀt -- "настоящие tanŋƀt", быть может, соответственно тому, что сами себя они называют "настоящие люди". Murdoch говорит, что эскимосы мыса Barrow употребляют слово tanning или tangin как название для русских или для проходящих мимо кораблей {J. Murdoch, Ethnological Results of the Point Barrow Expedition. Wach. 1892, p. 53.}. Жители Тихоокеанского побережья называют русских также russƀlƀt.

Американских китоловов чукчи называют Lelutvƀlƀt. Lelu -- усы, борода, əltwet -- лодка, судно, так что Lelutvƀlƀt буквально значит "усатолодочные". Неизвестно, почему лодка ассоциируется с усами. Очевидно, растительность на лице и китоловные суда кажутся наиболее характерными признаками американцев. Русских тоже чукчи называют иногда Lelu-remkƀn -- "бородатый народ", отсюда lalo-remka у азиатских эскимосов.

Для американцев существует еще название Pnawkulƀt -- "продавцы подпилков" (от слова pnawkun -- подпилок, буквально: точильный камень), а иногда их называют, как и русских, Таnŋƀt.

Восточная ветвь приморских коряков, живущая на Тихоокеанском берегу, от мыса Ананнон до мыса Барыкова, называется Kerek. Происхождение этого названия трудно установить. Едва ли оно имеет что-либо общее со словом "коряк", созданным казаками из слова qorakь, которое на юго-восточном коряцком наречии значит "состоящий при оленях".

Ламуты и тунгусы называются qaa-ramkƀt, что значит "оленное племя". Более точно ламуты называются qor-emte-qaa-ramkƀt -- "оленное племя, ездящей верхом на оленях", а тунгусы тундры к западу от Колымы вместе с оленными юкагирами называются orwu-qaa-ramkƀt -- "санно-оленное племя", так как они ездят на санях. Юкагиры не имеют специального названия. Их называют veemƀlƀt -- "речной народ", также как называют северных русских, потому что те и другие являются рыболовами и живут по рекам или вблизи от них

Эскимосы мыса Чаплина и ближайшего прибрежья называются Ajwanat (ед. число Ajwan). Это название дается также всякому приморскому чукче, который не имеет ни одной оленьей самки. Многие приморские чукчи имеют по несколько оленьих самок в стадах своих друзей. С другой стороны, не только на Тихоокеанском берегу, в непосредственном соседстве с эскимосами, но даже у чаунских оленных племен ajwan сьmcekin означает "приморская родня" (слово сьmcekin значит "родственник") {Приморские чукчи и азиатские эскимосы называют айванами также жителей острова Лаврентия, потому что последние сравнительно беднее оленьими шкурами и прочими продуктами оленеводства и могут получать их только от туземцев азиатского берега.}. Азиатские эскимосы называют себя Juƀt (множ. число от juk -- человек), так же как американские эскимосы называют свое племя Inuit (множ. число от inuk или inung -- человек).

Жители эскимосского селения Nuukan на Восточном мысе, язык которых значительно отличается от языка чаплинских эскимосов, называются просто-Nuukalƀt или, в насмешку, Peekit {Восточный мыс по-чукотски -- Peek. Происхождение этого имени не установлено. Чукчи производят его от чукотского корня peek, полная форма n peeqin -- "завистливый", но, вероятно, это созвучие случайно. Мыс Rowtƀn на Ледовитом океане называется также Peeki-ŋej -- "Гора Пеек".}. Жители с. Wuteen, последнего эскимосского селения на мысе Улахпен, к северо-западу от бухты Пловер, также отличающиеся по языку от жителей мыса Чаплина, называются, подобным же образом, Wuteelƀt. По мнению Гондатти, Nuukalƀt и Wucteeƀt не понимают языка, которым говорят на мысе Чаплина, и в разговоре чаплинскими эскимосами должны употреблять чукотский язык. Богданович говорит о чрезвычайном смешении народов на берегу Чукотского полуострова {К. И. Богданович, Очерки Чукотского полуострова. СПБ, 1901, стр. 66.}. Однако, при сравнительном анализе всех трех наречий, можно видеть, что диалектические различия их не так велики, как предполагает Гондатти. Можно легко убедиться, что представители всех трех племен сообщаются между собой без особых затруднений, каждый пользуясь своим собственным языком.

Разумеется, зная чукотский язык, они могут и на нем объясняться между собой. Во всяком случае, нет основания считать жителей этих двух селений представителями какого-то неизвестного племени, как это предполагает Гондатти.

Язык Nuukalƀt является посредствующим между языком Ajwanat и языком туземцев Диомедовых островов. Последний, в свою очередь, родственен языку аляскинских эскимосов.-

Относительно Wuteelƀt дело обстоит сложнее,-- они живут далее на юг. Кроме того, они такие страстные и отважные мореплаватели, что легко могли прибыть откуда-нибудь с противоположного берега.

Жителей острова Лаврентия чукчи называют Eiguelƀt, а самый остров -- Eiguen. Их язык совершенно одинаков с языком азиатских Ajwanat. Очевидно, они являются переселенцами с ближайшего берега, вероятно, с мыса Чаплина.. Предания явно указывают на этот путь, а переселение с материка довольно значительно даже в настоящее время, тогда как семьи первых переселенцев постепенно вымирают. Разумеется, "некоторое американское влияние дает себя чувствовать на острове с древних времен.

Категорическое утверждение Гондатти, что азиатские эскимосы пришли с острова Лаврентия, кажется мне в высшей степени невероятным, хотя я сам также убежден, что азиатские эскимосы не являются аборигенами на Тихоокеанском берегу. Пришли ли они с берегов Ледовитого океана из Азии или из Америки, это другой вопрос; но, во всяком случае, они эмигрировали с севера на юг, и остров Лаврентия является последней границей их расселения. W. H. Dall приводит рассказ туземца бухты Пловер, по имени Nokum, который говорил, что эскимосы пришли в Азию в древнее время с островов, находящихся на северо-востоке (Диомедовы), и оленные люди разрешили им поселиться на бесплодном скалистом берегу {Dall, Alaska and its Resources, 1, p. 375.}.

Жителей Диомедовых островов чукчи называют Jƀkƀrgaulƀt -- "ротастые", от слова jƀkƀrgƀn -- "рот". Поводом для такого названия послужили губные украшения, которые они носили в прежнее время.

Американский материк называется Kьmьn. Обитатели его называются Kьmьlьt {От азиатско-эскимосского Kixmi, "обитатель селения Kigi". Селение Kigi находится на Американском берегу, на мысе принца Валлийского, напротив Восточного мыса в Азии. Мыс принца Валлийского также называется у азиатских эскимосов Kigi. На собственном диалекте жители поселка и мыса Kigi называют сами себя Kinugmiut.}, а также Jьkьrgaulьt, или Rocgьlьt ("народ противоположного берега").

Остается открытым вопрос, были ли какие-нибудь эскимосские селения на берегу Ледовитого океана в прежние времена. В настоящее время их там, не существует, исключая Nookan; но среди жителей Uwelen, ближайшего селения на запад, имеется несколько эскимосов. Старые путешественники, например, Литке и Врангель, упоминают несколько племенных названий, по предположению, эскимосских. Например, Onkilon и Namollo; но первое совпадает с чукотским Aŋqalьn, а слово Namollo напоминает коряцкое название приморских жителей nьmьlu, которое в чукотском языке употребляется в форме nьmьlьt, от слова nьmnьm -- жилье.

Врангель, а также следующий по его стопам Норденшельд упоминают об эскимосском племени, которое около двухсот лет тому назад занимало весь берег Ледовитого океана, от мыса Шелагского (Эрри) до Берингова пролива, и было оттеснено чукчами. Они базируются в качестве главного своего аргумента на различии между современными надземными чукотскими жилищами и. остатками старых землянок, находимых в разных местах побережья. В действительности же это различие не говорит ни о чем другом, как только о том, что с возрастанием оленеводства подземные жилища, как неудобные и требующие большого расхода жира, были постепенно заменены как у эскимосов, так и у чукоч другим типом домов, вероятно, также древним, не более похожим на палатки оленеводов, со спальной комнатой внутри, сделанной из шкур.

Тихоокеанские эскимосы медленнее совершали эту замену, так как у них нет оленей. В настоящее время на всем западном берегу Берингова пролива, имеется только пять населенных подземных жилищ: одно в Uwelen'e и четыре в Nookan'e. Врангелю, который приближался к северным берегам с Колымской стороны, шатры оленеводов показались типичным чукотским жилищем, существенно отличным от землянки. Различие это тем рельефнее, что жители берегов Кулючинской бухты перешли от морских промыслов к оленеводству.

Возможно, что на берегу Ледовитого океана в прежнее время жило больше эскимосов, которые мало-помалу ассимилировались чукчами. Так, некоторые названия чукотских селений на берегах Ледовитого и Тихого океанов звучат по-эскимосски (применительно к айванскому наречию) и могут быть объяснены из эскимосского языка. Для примера можно сравнить названия следующих селений:

НА БЕРЕГУ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА:	
Чукотские названия	Ливанские названия
Nesqən	Naskok ("голова")
Kuluci	Kulusik ("старая ледяная гора")
Iqəlurun	lqaluwgak (рыба из вида "вахня", Gadus vachna)
НА ТИХООКЕАНСКОМ БЕРЕГУ:	
Nlgcьen	Nьxcmrak ("имеющий тюленей")
Nunamun	Nunamo ("конец суши")
Cewьn	Savik ("нож")
Cecin	Tesik
Meciwmьn	Mesik

Что касается приведенной Врангелем легенды относительно эскимосского начальника Krächoj, в которой повествуется о том, что Krächoj переплыл через море на острова, то я могу сказать, что также слышал эту легенду среди чукоч; но она мифична по своему характеру и находится в связи с другими рассказами об исчезнувших племенах, подобно таким же рассказам эскимосов. Верно, однако, что северные чукчя убеждены в том, что в какой-то северной стране, не очень далеко от Азиатского материка, живет племя людей, происшедшее от этих древних переселенцев. Говорят, что эту страну видели люди, унесенные на байдаре в открытое море. Очевидно, эти рассказы имеют в виду о. Врангеля, и я слышал от жителей того же самого селения Kuluci, которое упоминает Врангель, рассказ, повидимому, еще более свежего происхождения, в котором говорилось, что несколько лет тому назад две лодки селения были унесены ветром в эту страну через море. Унесенные нашли дома, украли часть провизии из подземных мясных погребов и скрылись незамеченными. Все эти подробности описывались так живо, что, если бы я не знал наверное, что о. Врангеля необитаем, я тут же поверил бы рассказу.

Убеждение, что неизвестные племена еще живут в каких-нибудь отдаленных частях страны, существует в различных местах северо-восточной Азии. Кроме рассказа Krächoj, существует еще чукотский рассказ о Vaiŋe-qaa-ramkьt -- "сумеречных ламутах". В этом рассказе говорится, что ламуты также переселились за море, но, снедаемые тоской по родине, часто приплывают обратно, и их можно видеть в сумерки при последних коротких лучах заходящего солнца. Они совершенно безвредны и лишь иногда крадут пищу для себя из складочных мест. Время от времени чукчам выпадает случай убить одного из них, и тогда можно видеть, что убитый весьма похож на обычного человека только ноги у него большие и между пальцами перепонки:

Чукчи мало поддаются ассимиляции; если они входят в сношение с другими племенами, то не усваивают их языка, а вынуждают их учиться чукотскому языку. Основная причина этого та, что чукчи -- самые богатые оленеводы в стране и прочие племена зависимы от них в отношении средств жизни. Поэтому соседи чукоч вынуждены изыскивать способы легкого сообщения с ними. Приморские чукчи, непосредственные соседи эскимосов, плохо знают их язык, между тем как все эскимосские мужчины и большинство женщин говорят по-чукотски так же свободно, как на своем собственном языке.

Равным образом чукотские семьи, живущие на Анадыре, недалеко от обрусевшего селения Маркова, не знают русского языка, между тем как все мужчины в Маркове свободно говорят по-чукотски.

Чукчи настолько независимы от чуждых влияний, что предпочитают создавать свои собственные слова для новых предметов, приходящих к ним из цивилизованного мира, не желая усваивать чужестранные названия. Так, они создали следующие слова: горчица -- cьmjьcьm (горечь), мука -- piŋ-wurtьn (подобное порошку), хлеб -- pin-tekicgьn (порошок-мясо), водка -- əq-imьl (дурная вода), железный напильник -- pьlwьntь-pnawkun (металл-точильный камень), чайник -- pilgь-kuk (горло-котел).

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАНЫ

Территория чукоч расположена преимущественно в области тундры и включает в себя части лесотундры. В Колымском округе, с западной стороны гор, климат холодный и сухой. Снежные осадки не слишком велики, и бури не так часты в холодное время года, как на Чукотском полуострове.

На Тихоокеанском берегу температура не падает так низко, как в Колымском округе, снежных осадков много больше, снежные бури -- сухие зимой, влажные и туманные осенью и весной -- происходят часто и длятся иногда по несколько недель сразу. Поэтому растительность в обеих частях чукотской территории совершенно различна. На Колымской стороне преобладающим деревом является лиственница, которая достигает здесь большой высоты и имеет прекрасно развитую форму. Она растет даже за полярным кругом к северу до 69° широты. Граница ее распространения по берегам больших рек находится всего лишь за 50 миль от морского берега. На Тихоокеанской стороне, например, в долине реки Анадыря, лиственница встречается реже, чем на западной стороне гор, произрастая только во внутренней части страны, вдоль реки Майна, протока Анадыря. Главными деревьями здесь являются ива и тополь, растущие одинаково повсюду. Ближе к полярному кругу, на расстоянии 100 миль от берега, они встречаются уже в виде кустарника, который заходит довольно далеко на север. Почти всюду, в речных долинах, можно встретить кустарник ивняка и ольховника. Берег на многие мили лишен всякой растительности, исключая оленьего моха и других лишайников. На песчаных пространствах, подобных мысу Чаплина, обитатели не в состоянии собрать даже достаточного количества травы на стельки для обуви и принуждены доставать их с далекого острова.

Богданович утверждает, что он видел хорошие травы на горных склонах, окружающих Кониямскую бухту, но он не потрудился указать точнее, сколь большое пространство занимали эти травяные места. Он даже выражает мнение {Богданович, Очерки Чукотского полуострова, СПБ, 1901, стр. 51, 70.}, что по Чукотскому полуострову можно путешествовать на лошадях в летнее время. Но я должен указать на то, что даже подальше на юг, вдоль лесной границы, лошади путешественников часто гибли от недостатка корма {Такой случай был с купцом Трифоновым и другими между Аншем и Анадырем, с советником губернского правления Меликовым и некоторыми торговцами якутами между Охотским морем и Средне-Колымском и т. д.}.

Согласно метеорологическим исследованиям, средняя температура в Колымском округе следующая:

	Нижне-Колымск	Средне-Колымск
Зима	--32,79° C	--35.0° C
Весна	--13,06° C	--14,0° C
Лето	+10,37° C	+11,2° C
Осень	--12,66° C	--12,6° C
Средняя температура года	--12,50° C	--12,75° C
Абсолютный максимум -- Средне Колымск		+29,4° C
Абсолютный минимум -- Средне-Колымск		--54,0° C

Река Колыма замерзает в Нижне-Колымске 12 октября, в Средне-Колымске -- 11 октября. Вскрывается: в Нижне-Колымске -- 15 июня, в Средне-Колымске -- 4 июня.

Средняя температура в Анадырском крае следующая:

	Мариинский Пост	Марково
Зима	-18,8° С	-22,4° С
Весна	-13,4° С	-13,2° С
Лето	+6° С	+12,6° С
Осень	-4° С	-7,6° С
Средняя температура года	-6,9° С	-7,6° С
Абсолютный максимум	+22,2° С	+26,6° С
Абсолютный минимум	-42,7° С	-47°.

Анадырский лиман замерзает у Анадырска 17 октября. Вскрывается река Анадырь: в Маркове 5 июля, устье-лиман Анадыря -- у Мариинского Поста 17 июля (сведения 1900 года).

СТОЙБИЩА И СЕЛЕНИЯ

Стойбища оленных чукоч расположены группами, преимущественно вдоль рек; их пастбищные пространства разделены горами. Горы обычно лишены растительности и так выдуты ветрами, что являются негодными для пастбищ. Осенью оленеводы скочевывают на окраину лесов, чтобы найти здесь убежище от зимних бурь; весной они со стадами направляются на тундру и доходят даже до берегов океана, где им легче уберечь стада от вредных насекомых и найти для них пастбища, наилучшие для летнего сезона. Стойбища, расположенные вблизи рек, передвигаются летом в горы, вместо того чтобы откочевать к морю, и останавливаются вблизи небольших ледников, где насекомых меньше, чем в долинах. Правда, их стада находятся в худших условиях, чем те, которые направляются к берегам океана. Район перекочевок чукотского стойбища простирается на 150--200 километров. В большинстве случаев оно захватывает каждый год одну и ту же территорию или ближайшую к ней. Иногда какое-нибудь стойбище, недовольное своим пастбищем, выискивает себе новое в любом месте, лишь бы только оно не было уже занято кем-либо на текущий год.

Становища и группы оленных чукоч указаны по направлению от запада к востоку.

Индигирская и Алазейская группа -- вдоль рек того же наименования, 13 становищ с населением около 150 душ; она является самой западной группой, и территория ее окружена землями, населенными якутами и тунгусами. Некоторые из оленеводов этой группы имеют до 5000 голов и регулярно снабжают Средне-Колымск и другие селения мясом.

Западная Колымская труппа, как показывает наименование, находится к западу от Колымы, заключает в себе 35 становищ с населением в 400 душ. Эта группа, вследствие жестокой эпидемии оспы, которая в 1884 голу унесла до трети населения в могилу, значительно ослаблена. После эпидемии многие стада, оставшись без наблюдения, разбежались и присоединились к стадам диких оленей; часть западных становищ, которые раньше жили в этой местности, переправилась обратно через Колыму и вновь заняла свою прежнюю территорию, эпохи шестидесятых годов.

Сухо-Анюйская группа--между Ледовитым океаном и рекою Сухим (Малым) Анюем. Эта группа является самой многочисленной, становища ее простираются, через каждые 10--15 километров, от правого берега Колымы вдоль Анюя к границам Чаунской тундры. Число становищ--около 100, стада их не очень велики, большей частью от 300 до 400 голов, чего достаточно для снабжения двух семейств (т. е. от 10 до 15 человек в среднем на становище) мясом, одеждою и шкурами для продажи. Некоторые стада, однако, имеют 2 и 3 тысячи голов. Подальше к востоку стада этой группы вообще увеличиваются.

Больше-Анюйская группа содержит едва до 20 становищ. Их число значительно уменьшилось вследствие эмиграции на юго-запад, к рекам Олою и Омолону, где в настоящее время живет преимущественно южная часть племени. Эта группа имеет около 45 становищ с населением в 500 душ. Некоторые из оленеводов обладают такими же большими стадами, как и оленеводы Индигирской группы, и снабжают мясом Средне-Колымск и Гижигинск. Они не имеют доступа к морю и потому в летнее время принуждены отходить в горы, что, в свою очередь, влечет за собой неизбежный ущерб в оленеводстве.

Верхне-Анадырская группа содержит около 30 становищ. В летнее время они также отходят в горы.

Чаунская группа -- около 50 становищ, живет в тундре близ Чаунской губы. Она отделена от Анюйской группы горным водоразделом. Стада ее имеют в среднем 400--500 голов, хотя встречаются и более многочисленные стада.

То же самое можно сказать относительно группы Эрри, территория которой лежит далее к востоку и которая имеет столько же становищ (40--50).

Онмылынская группа ("внутренняя"), живущая между северным берегом реки Анадыря и бухтой Креста, имеет около 60 становищ. Она имеет большую пестроту в численности стад. Многие становища весьма бедны и живут рыбчнм и тюленьим промыслами и голодают три года из четырех, между тем как другие весьма многооленны. Эта группа включает также довольно мало приморских чукоч с тихоокеанского прибрежья, которые с 70-х годов XIX столетия стали переходить на оленеводство.

Телькенская группа, называемая русскими "туманские чукчи", имеет около 50 становищ. Их стада в 400--500 голов. Эта группа представляет чукоч самых диких и неукротимых, и в прежнее время они являлись инициаторами в войнах против коряков.

Становища, расположенные вдоль Большой реки и далее вдоль корякской границы, включая чукоч, рассеянных на Парапольском Доле и Камчатке, количественно заключают в себе всего до 80 становищ. Численность их стад весьма неравномерна.

Группа Белой реки -- численностью около 25 становищ; группа в горах Pequl-ŋej содержит такое же самое количество становищ.

На так называемом Чукотском полуострове, между бухтами Колючинской, Креста и Тихим океаном, имеется оленных становищ от 80 до 100. Стада их не очень велики, вследствие суровости климата и недостаточности пастбищ. Почти половина означенных становищ лучшую часть своего пропитания получают от моря, они имеют упряжных собак, собственные кожаные лодки и проч.

С 30-х годов XIX столетия оленеводство среди чукоч постепенно возрастало и даже часть эскимосов завела свои собственные стада, но зима 1900--1901 года была так неблагоприятна, что олени всюду голодали, и многие из северных оленеводов лишились около половины своих стад.

Количество чукотских разделений на группы легко может быть увеличено, так как почти каждая маленькая группа становищ, связанных узами родства, заявляет претензию на особое наименование, производимое от рек, на берегах которых они обитают со своими стадами. Общее количество оленных становищ, в итоге, простирается до 650 с населением от 7500 до 9000 человек.

ПОСЕЛКИ ПРИМОРСКИХ ЧУКОЧ

В составлении списка приморских селений, кроме сведений, собранных мною самим, я пользовался весьма ценным трудом Нордквиста и официальным реестром обитаемых мест в приморских провинциях Сибири. В последнем данные относительно чукоч были представлены бывшим анадырским начальником Гондатти. Путешествие Гондагти от устья Анадыря к Восточному мысу было совершено весной 1895 года. Некоторые данные, сообщаемые Краузе, Богдановичем, Гупером и Гильдером, насколько возможно, также приняты в соображение. Географическая информация Краузе и его карты берега представляются мне совершенно правильными; список селений от бухты Креста до бухты Колючинской точно так же составлен точно {В своих, статистических сведениях Краузе для большого селения Uŋazlk (на мысе Чаплина) указывает только 13 домов -- "по личному наблюдению". Он, очевидно, смешал маленькое селение Kukun с большим Lūren, так как он указывает 20 домов в Kukun и только 2 дома в Lūren, между тем как в действительности дело обстоит наоборот.

Следует обратить внимание на то, что наименования селений во всех указанных источниках иногда несколько расходятся.}.

Здесь даны названия только главных селений, так как маленькие селения, упоминаемые различными путешественниками, не являются устойчивыми местами обитания. Они представляют собою просто охотничьи стоянки, которыми пользуются в течение нескольких лет, а затем, оставляя их, переходят в другие места, на несколько километров далее. Название обычно принадлежит местности, а не селению даже большие селения не очень устойчивы, и жители часто оставляют одно и переходят в другое, в зависимости от условий тюленьего промысла. Однако те из малых поселений, которые были упомянуты старыми путешественниками и оказались обитаемыми до сих пор, включены в список. На Тихоокеанском берегу имеются следующие селения:

Чукотские

Vēŋ -- в Анадырской бухте, близ устья Анадыря. Русские впоследствии основали поблизости свой поселок и назвали его Мариинским Постом. В прежние времена чукотское селение лежало ближе к океану, на низком песчаном берегу земли Гека. В настоящее время в поселке Vēŋ 7 чукотских хозяйств и 40 жителей.

Mьsqən ("холм") -- на западном конце длинного узкого острова Mьsqən {Длинные узкие острова или отмели, состоящие из песка, нанесенного волнами встречаются всюду на берегах Берингова моря и Северного океана, особенно при устье рек или узких, глубоко врезывающихся бухт -- лиманов. Эти острова называются чукчами на тихоокеанском наречии Tegrən, а на северном наречии -- Terqən. Камчадальские и коряцкие селения расположены вблизи таких отмелей, у которых встречается в изобилии рыба, на материковом берегу, менее подверженном ветру. Устья рек и входы в бухты являются весьма удобными местами для ловли рыбы, которая входит туда массами для метания икры. Приморские чукчи и эскимосы, наоборот, устраивают свои селения на внешнем берегу таких островов или отмелей, удобном для тюленьего промысла.}, в бухте Креста и Retken (глинистый, тинистый) на восточной оконечности того же острова. При моем посещении в 1901 году селение Mьsqən имело 3 дома, и кроме того, одна семья жила в стороне за 10 километров; кроме того, здесь же в двух местах находилось 6 шатров, весьма бедных, наполовину приморских наполовину оленных, жителей. Все население 41 чел. По реестру 7 домов, 30 чел. В селении Retken -- 6 домов, 35 чел. По реестру 6 домов, 22 чел.

Далее, вдоль берега, на мысе Wukwen (каменный), было небольшое селение, обитатели которого перешли к оленеводству и ушли внутрь страны.

Valqatlen ("имеющий дома из китовой челюсти") -- 4 дома, 28 чел. По реестру 7 домов, 39 чел. Подземные дома, на которые намекает наименование селения, давно вышли из употребления, и жители теперь живут в больших "настоящих домах" обычного типа {Чукчи употребляют выражение "настоящий дом" для шатра с внутренним спальным помещением из шкур.}.

Ənmьlьn ("скалистый"), по-эскимосски Tьkьvak, лежит на восемь километров далее по берегу -- 19 домов, 126 чел.

Nunligren -- 21 дом, 104 чел.; по реестру 25 домов, 110 чел.

Acon -- последнее чукотское селение, имеющее 5 домов, 24 чел.

Эскимосские

Wuteen или Wuturen, по-эскимосски Serinek -- первое эскимосское селение, расположенное близ мыса Улахпен; оно имеет 8 домов, 58 чел. По реестру 14 домов, 77 чел.

Между селениями Acon и Wuteen в прежнее время было маленькое селение Cenlin со смешанным чукотско-эскимосским населением. Большая часть его жителей погибла в голодовку 1880 года. Оставшиеся обратились к оленеводству или переселились в Wuteen и на остров Лаврентия.

Imtun, по-эскимосски Imtuk, в нескольких километрах дальше -- 12 домов, 65 чел. По реестру 9 домов, 41 чел. Большая часть населения -- Ajwanat, 4 семьи пришли из с. Wuteen.

Ien, по-эскимосски Kiwak, на берегу бухты Пловер -- 2 дома, 9 чел. По реестру 4 дома, 24 чел. Две семьи переселились в Eunmun незадолго до нашего приезда. Население -- Ajwanat, весьма бедное.

Eunmun, по-эскимосски Avan, вблизи Чукотского мыса -- 12 домов, 88 чел. Кроме того, 2 семьи (10 чел.) переселились из поселка Ien; всего было 98 чел., но реестру 16 домов, 101 чел. Население -- Ajwanat.

Cecin, по-эскимосски Tesik, на западном берегу бухты того же наименования {Гондатти смешал бухту Провидения с бухтой Чечни, что повело его ко многим недоразумениям и побудило Богдановича утверждать (стр. 66--67), что Гондатти не посетил всех тех мест, о которых он упоминает. На русских картах бухта Чечин называется бухтой адмирала Бутакова.} -- 18 домов, 94 чел. По реестру 25 домов, 142 чел. Население состоит наполовину из чукоч, наполовину из Ajwanat.

Uŋььn, по-эскимосскц Uŋisak, Uŋazik, на мысе Чаплина -- 61 дом, 442 чел. Население -- сплошь Ajwanat. По реестру 51 дом, 500 чел. Кроме того, часть жителей поселка выселилась к северу, там 10 хозяйств, 49 чел. (22 мужч., 27 женщ.).

Поселки к северу от мыса Чаплина

Nepekuten, по-эскимосски Napakutak, на острове, называемом по-чукотски lpekut, но-эскимосски Sirluk, последнее айванское селение -- 4 дома, 37 чел., по реестру 5 домов, 52 чел.

Kigini, по-эскимосски Kigi {Сравнить Kigi, название эскимосского поселка на Американском берегу. См. стр. 9.}, на острове того же наименования -- 3 дома, в реестре не упомянуто; население чукотское.

Jergьn, по-эскимосски Jarga, на западном конце вышеуказанного острова,, имеет 3 дома, в реестре не упомянуто.

Alajon ("летнее место") -- 3 дома, по реестру 5 домов и 26 чел.

Ilginin -- 2 дома, по реестру 5 домов, 28 чел.

Cewin, по-эскимосски Savik ("нож") -- 2 дома, по реестру 2 дома, 8 чел.

Nьgcьen, по-эскимосски Nьgsьrak ("с тюленями") -- 2 дома, по реестру 2. дома, 12 чел.

Janrake-not ("отдельная страна") -- 2 дома, в реестре не упомянуто.

Meciwmьn, по-эскимосски Mesik, в бухте того же названия -- 6 домов, по реестру 2 дома, 18 жителей.

Agrьtkьn, на Meciwmьn'ской отмели -- 2 дома, в реестре не упомянуто.

Lūren, по-эскимосски Nukak -- 10 домов, по реестру 21 дом, 115 чел.

Kukun -- 1 дом; все прочие обитатели обратились к оленеводству; по реестру 3 дома, 23 чел.

Akanen, по-эскимосски Akanik -- 7 домов, по реестру 10 домов, 42 чел.

Janra-ŋaj ("отдельная вершина") -- 15 домов, по реестру 28 домов, 101 чел.

Nute-рьnmьn ("земляная стрелка") -- 2 дома, в реестре не упомянуто.

Nunəmun, по-эскимосски Nunamo ("конец земли") -- 11 домов, по реестру 13 домов, 63 чел.

Cinin, по-эскимосски Sinik -- 5 домов, по реестру 4 дома и 17 чел.

Puoten, по-эскимосски Puwuxtak -- 6 домов, по реестру 17 домов, 40 чел.

Ənmьtagьn ("конец скалы") -- 6 домов, по реестру 8 домов, 42 чел. Население -- Nuukalьt (эскимосы).

Nuukan, по-эскимосски Nьwoqak, на Восточном мысе (Дежнев) -- 48 домов, по реестру 50 домов, 299 чел. Население -- Nuukalьt (эскимосы).

Селения по берегу Ледовитого океана

Uwelen, по-эскимосски Ulak ("нож для пластания") -- 30 домов, по реестру 38 домов, 231 чел., по Нордквисту 40 домов; половина -- чукчи, половина -- эскимосы -- Nuukalьt.

Tuŋqen, по-эскимосски Toŋqak -- 4 дома, по реестру 2 дома, 17 чел., по Нордквисту 5 домов, по Краузе 10 домов. Отсюда к западу все селения принадлежат к чукотскому племени.

Incowьn, по-эскимосски Insorvik --18 домов, по реестру 19 домов, 142 чел., по Нордквисту 33 дома.

Igēen, по-эскимосски Inŋerŋlk -- 3 дома, по реестру 3 дома,. 21 чел., по Нордквисту 5 домов.

Ot-ənmьtagьn ("конец скалы Утена") -- 1 дом, все остальное население ушло к оленеводам; по реестру 2 дома, 27 чел.; по Нордквисту 8 домов.

Uten, по-эскимосски Utak -- 12 домов, по реестру 8 домов, 64 чел., по Нордквисту 20 домов.

Culpen, по-эскимосски Sulpak, у Нордквиста называется Cutpen -- 12 домов, по реестру 4 дома, 32 чел., по Нордквисту 15 домов.

Icen, по-эскимосски Isak -- 11 домов, по реестру 11 домов, 78 чел., по Нордквисту 13 домов.

Cejtun, по-эскимосски Saxtuk -- 16 домов, по реестру 8 домов, 56 чел., по Нордквисту 18 домов.

Cecaŋьn, по-эскимосски Sesaŋьk -- 10 домов, по реестру 11 домов, 77 чел., по Нордквисту 11 домов.

Iqəlurun, по-эскимосски Iqaluwgak ("рыба") -- 10 домов, по реестру 10 домов, 48 чел., по Нордквисту 5 домов.

Keŋicvun ("изгиб") -- 11 домов, по Нордквисту 17 домов, в реестре не упоминается; вероятно, жители его сосчитаны вместе с жителями Nete-keŋicvun, охотничьей стоянки близ Neten.

Enurmin, по-эскимосски Anormik -- 12 домов, по реестру 20 домов, 325 чел., по Нордквисту 20 домов.

Nete-keŋicvun ("изгиб Neten'a") -- 1 дом, по реестру 5 домов, 29 чел., по Нордквисту 2 дома.

Neten,- по-эскимосски Natak -- 9 домов, по реестру 5 домов, 33 чел., по Нордквисту 14 домов.

Nat-ənmьtagьn ("конец скалы Neten") -- 2 дома, по реестру 2 дома, 30 чел., по Нордквисту 2 дома.

Ьmьlə ("целое") -- 4 дома, по реестру 7 домов, 49 чел., по Нордквисту 4 дома.

Məmi-pilgьn, устье реки Məmi -- 2 дома, по реестру 3 дома, 19 чел., по Нордквисту 1 дом.

Məmi ("со стрелами") -- 3 дома, по Нордквисту 7 домов, в реестре не упомянуто.

Terqən ("низкий прямой берег") -- 8 домов, по Нордквисту 9 домов, в реестре не упомянуто.

Palonnan -- 1 дом, остальное население обратилось к оленеводству; по реестру 4 дома, 28 чел., по Нордквисту 1 дом.

Nesqən, по-эскимосски Naskok ("голова") -- 8 домов, по реестру 10 домов, 59 чел., по Нордквисту 6 домов.

Velqəl-tənup ("домов из челюсти китовой холм") -- 4 дома, по реестру 6 домов, 33 чел.

Nesqəqəj ("маленький Nesqən") -- 6 домов, по Нордквисту 7 домов, в реестре не упомянуто.

Irgu-nnup ("остроконечный холм") -- 5 домов, по Нордквисту 6 домов, в реестре не упомянуто.

Jьnгьlin ("крутохолмистый") -- 5 домов, в реестре 4 дома, 26 чел., по Нордквисту 4 дома.

Pilgьn ("горло") -- 1 дом, прочие жители обратились к оленеводству; по Нордквисту -- 3 дома, реестр не упоминает.

Kuluci, по-эскимосски Kulusik ("старая ледяная гора") -- 11 домов, по реестру 14 домов, 94 чел., по Нордквисту 20 домов.

Nute-рьnmьn ("земляная стрелка") -- 4 дома, по реестру 4 дома, 23 чел., Нордквист не упоминает.

Waŋkareman (происходит от Waŋkat -- "моржовый клык") -- 7 домов, по реестру 4 дома, 28 чел., по Нордквисту -- 7 домов.

Rьrkajрьjan ("моржовый запор") -- 11 домов, по реестру 9 домов, 52 чел., по Нордквисту 15 домов.

Nota tьmlьn ("вплотную к земле") -- 4 дома, по реестру 4 дома, 28 чел., по Нордквисту 3 дома.

Ren ("корм") -- 1 дом, все прочие обитатели обратились к оленеводству -- реестр и Нордквист не упоминают.

Kьnmanka-ntir -- 3 дома, по реестру 2 дома, 13 чел., по Нордквисту 4 дома.

Jaqan --3 дома, по Нордквисту 5 домов, реестр не упоминает

Ənmaatir ("скалистый ручей") -- 2 дома, по Нордквисту 4 дома, реестр не упоминает.

Ənmьtagьn ("предел скал") -- 3 дома, по реестру 2 дома, 16 чел., по Нордквисту 6 домов.

Uwgargьn -- 2 дома, go Нордквисту 4 дома, реестр не упоминает.

Имеется еще 3 отдельных места на мысе Эрри -- 6 домов, по реестру 2 дома, 10 чел., по Нордквисту 13 домов.

Всего чукотского населения на Тихоокеанском берегу круглым числом можно считать до 1100 человек, эскимосского -- до 1200 человек. Кроме того, эскимосы, в количестве 400 человек, проживают на островах Диомедовых и на острове Лаврентия); на берегу Ледовитого океана чукоч проживает по подсчету до 1600 человек, но в подсчете пропущен ряд более мелких селений и можно полагать, что чукоч проживает там до 2000 человек; с этим согласен и Нордквист, но количество домов им указывается до 400, я же их насчитал только 266. Он предполагает до 5 человек на каждый дом, я же -- до 6 и более.

Все количество чукоч в общем можно исчислить по меньшей мере в 12000, из них $^3/_4$ -- оленеводы и $^1/_4$ -- морские звероловы. Уменьшение приморского населения отчасти объясняется тем фактом, что каждый год то или иное количество семей переходит от морского промысла к оленеводству.

Некоторые селения близки к исчезновению или совершенно исчезли, потому что все жители ушли внутрь страны и занялись оленеводством. К таким селениям на берегу Ледовитого океана, кроме указанного селения при бухте Kuluci, относятся селения Rēn, Ott-enmь-tagьn, Palonnan, на берегу Тихого океана селения Kukun, Cenlin, Wukwen, также половина обитателей большого селения Ənmьlьn и др.

Глава II
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧУКОЧ

ВНЕШНИЙ ВИД

По данным антропологических измерений, произведенных среди чукоч (обмерено 148 мужчин и 49 женщин, все взрослые), рост чукоч достигает: у мужчин: максимум -- 186 см., минимум -- 150 см., средний -- 162,2 см.; у женщин: максимум -- 168 см., минимум -- 138 см., средний -- 152 см. Головной указатель у мужчин: максимум -- 96, минимум -- 75, средний -- 82; у женщин: максимум -- 88, минимум -- 74, средний -- 81,8.

Телосложение чукоч крепкое, статное, хотя и несколько массивное-- верховой олень, купленный ими у ламутов, часто оказывается слабым для своих новых хозяев. Кроме того, чукчи не так быстроноги, как ламуты-охотники. Однако тучные люди у чукоч встречаются редко. Мне пришлось встретить только одного тучного чукчу, который благодаря своей полноте получил прозвище Um-Kutuwgi, что значит "толстый Kutuwgi".

Руки и ноги у чукоч, как и у всех племен северной Азии -- маленькие.

Чукчи потливы. Молодые, пастухи-оленеводы быстро потеют даже при самом легком беге вокруг стада. Полушутя оленные чукчи называют сами себя "потливым народом" (gьtlota-ramkьn). Женщины часто неуклюжие, имеют короткую талию и ноги, непропорциональные по отношению к туловищу. Некоторые из чукоч обладают значительной физической силой, в особенности оленеводы, у которых всегда есть здоровая пища. Мне приходилось видеть людей, которые были в состоянии нести на спине целую оленью тушу на расстоянии километра или легко поднимать большой камень до пяти пудов весом.

Молодые люди постоянно тренируются в развитии своих сил, поднимают и носят большие камни, бегают взапуски на значительное расстояние. Приморские чукчи и эскимосы употребляют даже специальные "подъемные" камни. Эти камни -- цилиндрической формы, заострены на конце и отшлифованы.

Скулы у чукоч выдаются значительно меньше, чем у тунгусов и якутов. Носы у них часто крупные, красивые, иногда даже "орлиные", но встречаются также носы с низким монгольским переносьем, особенно у женщин. Лица у чукоч нередко довольно аляповатые, черепа плоские и низкие прямые лбы, нижняя часть лица непропорционально велика. Красивую голову чукчи часто сравнивают с круглой травяной кочкой. В рассказах красивый мужчина часто зовется "кочешноголовый". Лица монгольского типа более часты среди женщин. Однако многие чукчанки обладают лицом и сложением не хуже средней женщины белой расы.

Глаза у чукоч прямые, нередко большие, широко прорезанные. Третье веко (поперечная заслонка для слезной железы), типичное для желтой расы, встречается у чукоч редко.

Волосы у чукоч, так же как и у коряков, часто волнистые и даже кудрявые, между тем как у камчадалов -- всегда прямые. Некоторые оленные чукчи, которых мне приходилось встречать в различных частях чукотской территории, носили прозвище "кудрявый" (kamcь) благодаря своим кудрявым волосам. Особенно в тихоокеанских селениях попадаются нередко даже курчавые волосы.

У чукоч, живущих во внутренней части страны и на берегу Ледовитого океана, цвет волос черный, а на Тихом океане -- 15% имеют темно-коричневые и даже светло-коричневые волосы. Растительность на лице скудная но все же бороды у чукоч встречаются чаще, чем у ламутов или якутов! В то время как ламуты тщательно выдергивают все волоски бороды особыми щипчиками, чукчи оставляют расти свои бороды и даже гордятся ими Усы у оленных чукоч (вернее, черный пушок на верхней губе) считаются украшением зрелого возраста и эмблемой независимости. Брови у чукоч часто густые, нависшие, особенно у стариков. Растительность на теле скудная. У женщин густые брови, длинные толстые косы и обилие волос на лобке считаются признаком красоты {По чукотской пословице: волосистый лобок у жены -- забава для мужниных рук. У ламутских и якутских женщин лобок почти безволосый. Ламутские и якутские женщины вдобавок выбривают волосы на лобке или выдергивают их особыми щипчиками.}.

Цвет лица бронзовый, кирпично-красный, а иногда даже кроваво-красный. Идеал красоты обоих полов выражается так: надо, чтобы лицо было красно как кровь, горело бы как огонь. Цвет кожи на теле мало отличается от цвета кожи белой расы. Однако не редки случаи коричневого и даже темно-коричневого цвета кожи, особенно среди приморских чукоч. Последние даже считают бронзовую окраску кожи особенно красивой. Груди женщин, кормящих детей, часто имеют темно-коричневую окраску по всей поверхности.

Одним из признаков превосходства, по мнению чукоч, является способность быстро есть. "Если молодые люди едят быстро, старые люди смотрят с удовольствием" -- гласит чукотская пословица. Особенно оленные чукчи достигли в этом большого совершенства, причем еда у них сопровождается звуками, напоминающими рычание голодной собаки. Один из молодых пастухов, встретившийся мне на реке Анюе, настолько преуспел в этом отношении, что мог обдирать зубами мясо с целого сустава, сначала с одной, потом с другой стороны; "как волк" -- замечали шутливо его товарищи.

СМЕШЕНИЕ С СОСЕДНИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Несмотря на значительные различия во внешнем облике чукоч, можно поставить под сомнение вопрос о примеси чужой крови. В настоящее время оленные чукчи не стесняются брать жен из среды русских, ламутов или чуванцев. Но такие смешанные браки--явление недавнее и не весьма частое. Рождаемость при браках с русскими женщинами (вернее, с обрусевшими юкагирами) -- незначительна. Причиной этого, вероятно, служит то обстоятельство, что юкагирские женщины, мало плодовитые и в привычных для них условиях жизни, становятся еще менее способными к деторождению в условиях чукотской кочевой жизни.

На границе с коряками наблюдается значительное смещение чукоч с коряками, продолжающееся до настоящего времени. Приморские чукчи издавна смешиваются с эскимосами. В настоящее время в селениях Uwelen на Североокеанском берегу и Cecin на Тихоокеанском половина семей -- чукотских, половина -- эскимосских, причем смешанные браки там встречаются особенно часто.

В остальных приморских селениях население мало смешанное.

РОЖДАЕМОСТЬ

Чукчи -- одно из самых здоровых племен в северо-восточной Сибири. В их семьях гораздо больше детей, чем у соседних племен. При описи в Колымском округе в 1897 году приходилось встречать семьи, в которых было 5, 7 и даже 9 живых детей. Один человек при двух женах имел 12 живых детей, другой при семи женах (из которых три умерли) имел 14 живых детей.

На Тихоокеанском берегу среди приморских чукоч одна женщина имела 13 детей (7 живых и 6 мертвых), другая -- 11 (3 живых и 8 мертвых), одна -- 9 (5 живых и 4 мертвых) и т. д. Среди оленных чукоч часто приходилось встречать близнецов. Такая рождаемость ведет к постоянному, возрастанию чукотского племени, особенно оленной части его. Прирост населения имеется несмотря даже на эпидемии, которые свирепствуют в этой стране через каждые 10 или 15 лет. Интересно отметить, что среди камчадалов, которые обнаруживают явные признаки вымирания, также приходилось встречать многодетных женщин, например, 8 живых детей при 2 умерших, 5 живых при 10 умерших, 5 живых при 2 умерших и 5 выкидышах, 7 живых при 3 мертвых и 3 выкидышах, 6 живых при 2 мертвых и 2 выкидышах и проч. Отсюда ясно, что уменьшение населения происходит не за счет уменьшения количества рождений.

Можно утверждать, что вымирание туземных племен в северо-восточной Сибири происходило в прямой или непрямой связи с воздействием культуры, как это имело место также и в других странах. Население убывало благодаря кровопролитным войнам, которые вели казаки-завоеватели, а также благодаря последующим избиениям, которыми укрощались "мятежи" "немирных инородцев". Сыграли свою роль и жестокие притеснения, непомерные налоги, ранее совершенно неизвестные, и прочие взыскания со стороны чиновников и казаков, которые нередко обращали в рабство наиболее крепких мужчин и женщин; сюда же надо отнести вымогательства и обман купцов, которые закабаляли туземцев долгами. Заразительные болезни, занесенные из России, производили опустошение не только среди туземцев, но также и среди завоевателей, живущих в тех же материальных условиях.

Хуже всего было то, что туземцы теряли свою жизненную энергию, побудительные стимулы к жизни, которые давали им силу и волю к борьбе с суровой северной природой. Постепенно стало увеличиваться количество людей, воздерживающихся от брака и произведения потомства. Туземцы сокращали промысла и терпеливо подчинялись регулярным голодовкам, считая свое племя обреченным к вымиранию. Среди вымирающих юкагирских родов на нижней Колыме количество безбрачных непропорционально велико. Охота на диких оленей и линялую птицу у юкагиров в значительной степени выходит из практики, потому что требует слишком большое напряжения сил. Колымские юкагиры живут почти исключительно рыболовством и каждую весну голодают. Не следует, однако, забывать того, что и до прихода русских прирост населения даже у наиболее сильных племен был весьма сомнительным и многие племена вымирали, от постоянных междуплеменных войн и голодовок.

Один старый эскимос с мыса Чаплин говорил: "Духи, кажется, заботятся о том, чтобы народ этой земли не размножался. В древние времена война истребляла людей, а потом, хотя морского зверя и дичи было много, случались голодовки, которые тоже уносили много людей. А теперь вместе с обильными американскими товарами приходят болезни, и люди опять вымирают".

РОДЫ И БРАК

Роды у чукотских женщин происходят легко. Обычай строго запрещает чукчанкам стонать во время родов или вообще вслух выражать страдание. Равным образом не допускается помощь других женщин. Женщина, разрешившись от бремени, сама совершает все необходимое для себя и для новорожденного. Она сама отрезает пуповину и выбрасывает послед {Помощь, которую чукотская женщина могла бы получить при родах, вообще такова, что по большей части лучше бы обходиться без нее. У северных якутов и даже у обрусевших туземцев и у русских, если страдания при родах слишком продолжительны, особенно при первых родах, повитуха часто берет тяжелый ящик и острым ребром его давит живот роженицы, стараясь таким образом выдавить ребенка.}.

Женщина, которая имела помощь при родах, потом всю жизнь терпит насмешки, и даже муж ее нередко получает насмешливое прозвище: "повитушный". Широкий таз, в виду того что он облегчает роды, считается одним из главных признаков женской красоты. Влюбленный чукча похвалу своей возлюбленной начинает с восхваления ее силы и статности. Потом указывает на ее дородность, затем упоминает о ее широком тазе и уже только после этого обратит внимание на длинные волосы, густые брови и румянец лица. Краткая формула похвалы проста: "Большая женщина, большой таз, длинные косы -- ŋausqatьcŋьn, ŋoiŋьqjbn, kьttalcьŋьn".

Оленные чукчи утверждают, что их молодые люди становятся способными к брачной жизни позднее, чем молодые люди из приморских поселков. Причиной этого они считают трудности кочевой жизни. Отчасти это верно. Однако надо полагать, что половая зрелость наступает у чукоч не позднее, чем у прочих северно-европейских рас. Молодые люди женятся рано, и половые сношения иногда начинаются ранее достижения полной половой зрелости. Нередко весьма молодые девушки рожают детей, и чукотский язык имеет даже специальный термин для них: ecvak-ətla ("телка-мать"). Несмотря на это, чукчи считают, что ранние браки вредны для здоровья женщины, и способствуют уменьшению количества деторождений. Поэтому обычно считается предосудительным иметь сношение с девушкой, не достигшей зрелости или, по их собственному выражению, "не имеющей полных грудей и месячных". Однако, несмотря на все это, чукчи чувственны, у них в ходу скабрезные остроты и непристойные движения. Чукча, отвергнутый женщиной, склонен прибегать к насилию и похищению. Многие ласкательные и насмешливые прозвища весьма непристойны.

Чукчи очень выносливы к холоду, голоду и прочим невзгодам жизни. Маленькие чукотские дети зимой целые дни проводят на открытом воздухе. Верхняя часть тела детишек остается обнаженной в течение долгого времени, причем они не выказывают никаких знаков неудовольствия, несмотря на жестокий холод и сильный ветер. Женщины шьют на открытом воздухе даже в март.[5], при температуре в 30° ниже нуля по Цельсию. Их пальцы остаются незащищенными в течение нескольких, часов работы. Работа вообще настолько согревает их, что они потеют, сбрасывают с плеча свой широкий корсаж и остаются полунагими и даже закладывают большие куски снега себе за пазуху.

Охотники на диких оленей обычно отправляются на охоту с весьма малым запасом пищи, в расчете на добычу. При неудачах они почти ничего не едят в течение нескольких дней и в то же время проявляют наибольшую степень проворства в преследовании добычи. Оленные пастухи, мужчины или женщины, часто проводят по-двое, по-трое суток без сна. Молодая девушка, проработав над шкурами в течение целого дня, потом стережет стадо всю ночь, а наутро, возвратившись домой, снова принимается за дело и работает до вечера без каких-либо видимых признаков усталости.

СТАРЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ

Среди оленных чукоч много стариков. Есть семьи, в которых четыре поколения живут вместе, причем прадеду лет 70--75. Среди приморских чукоч стариков меньше, да и выглядят они стариками не столько от возраста, сколько от жизненных невзгод. Таких одряхлевших людей быстро уносит зараза. Настоящих стариков среди приморских чукоч не очень много.

ОРГАНЫ ЧУВСТВ

Из органов чувств у чукоч, сравнительно с цивилизованными народами, особенно сильно развито обоняние. Чукчи утверждают, что каждый человек имеет свой собственный запах и что по этому запаху можно узнать его одежду. Рассказывают, что в древние времена, во время войн с коряками, нападающие чукотские партии, попав на места старых битв, были в состоянии по запаху различить, кому принадлежат кости и прочие остатки -- корякам или чукчам. Взаимное обнюхивание у чукоч имеет значение поцелуя, так же как у многих других примитивных племен. Чукча-отец, оставляя свою семью на некоторое время, иногда целует свою жену, но обычно он прикладывается носом к шейке своего ребенка и втягивает запах его тела и одежды.

Следует отметить чувствительность чукоч к незнакомым запахам. Всякий раз когда мне случалось открывать ящик с лекарствами в чукотском спальном помещении, находящиеся в нем чукчи начинали жаловаться на неприятный запах, идущий из ящика, так что иногда мне приходилось уходить в наружную часть шатра вместе с пациентами. Такие же жалобы вызывал запах дикого лука, который я привез с собой от русских поречан. Обрусевшие туземцы, наоборот, кладут лук в пищу и запасают его на зиму. Чукотское название лука -- tьke-vaglьŋьn, "пахучая трава".

-- 22 --

Табу против внесения в чукотское спальное помещение каких оы то ни было предметов, связанных с очагом и домашним хозяйством другой семьи, основывается, по мнению чукоч, главным образом на их чуждом запахе. Можно привести один любопытный случай в виде иллюстрации этой чукотской идиосинкразии. В 1896 году, во время путешествия среди анюйских чукоч, мне удалось достать документ 1789 года, удостоверяющий личность некоего Кымыкая, очевидно богатого оленевода. Документ называет его, с обычным незнанием чукотской социальной организации, "главою чаунских чукоч". Этот документ хранился в семье Кымыкая более столетия и постепенно стал считаться, вместе с деревянными огнивами и связками семейных амулетов, священным. Так как означенная семья вымерла, то я смог приобрести документ за умеренную цену вместе с интересной коробкой, украшенной бусинами и кистями. Когда коробку принесли в шатер, где я временно помещался, хозяин шатра стал протестовать против внесения коробки во внутреннее помещение. Но так как снаружи было холодно, а мне хотелось посмотреть документ, то я все-таки внес коробку внутрь. Едва только я достал роковую коробку из своего мешка, как хозяйка дома, болезненная женщина лет 30, которая сидела напротив, качая дитя на коленях, застонала и лишилась чувств. Пришлось употребить много усилий, чтобы привести ее в сознание," и искупить свою вину принесением жертв домашним богам. Женщина объяснила, что чуждый запах, исходивший от коробки, вызвал у нее головокружение и болезнь. "А коробка,-- добавила она,--из чужой земли и от чужого очага". Но, с другой стороны, мои книги и инструменты, несмотря на то, что они тоже были из чужой земли, совершенно не вызывали протеста. Зато многие продукты, привозимые из цивилизованных стран, как например, мясные консервы, плоды, овощи, порою даже сахар, производят на чукоч отталкивающее впечатление своим чужеземным запахом.

В отношении вкуса чукчи также отличаются некоторыми особыми чертами. Они совершенно не употребляют соли. Многие из них имеют к соли решительное отвращение, объясняя, что она горька и имеет вкус морской воды. Ламуты, напротив, любят соль, и если она есть у них, они часто употребляют ее с чаем. Некоторые чукчи имеют отвращение также к мягкому хлебу, который кажется им слишком кислым на вкус. Они охотно употребляют только сухари, особенно "морские". Обрусевшие туземцы, которые постоянно едят печеный хлеб, наоборот, находят морские сухари безвкусными. Страсть к жирному, кажется, врождена чукчам. Однажды мне пришлось видеть ребенка, не имеющего еще году, который всякий раз тянулся к жировой лампе, когда ее проносили мимо него. В лампе была совершенно прогорклая ворвань, и ребенок, очевидно, чувствовал этот запах и требовал ворвани. Взрослые люди примесью ворвани улучшают вкус всякой испорченной провизии. Гниющее мясо, запасенное на лето, обычно потребляется с приправой тюленьего сала. Пристрастие к жиру, однако, имеет некоторое ограничение. Многие чукчи, особенно женщины, не могут есть ворвани тюленя-самца, вида Phoca hispida, издающей отвратительный запах. Среди оленных чукоч мозг дикого оленя-самца считается самой лучшей пищей; несмотря на это, большая часть оленеводов не в состоянии "объесть суставы", т. е. съесть костный мозг от целого животного, а иные не идут дальше одной ноги. Существует специальный термин для обозначения вкуса пищи, особенно жирной и сладкой: nьŋьгŋuqin -- "приторный"

Скала цветов у чукоч точно так же имеет некоторые особенности Хопошо известными цветами являются белый (nilgəqin), черный (nuuqin), красный (nьcet-loqen), серый (cevaro). В мехе оленьих шкур различается также цвет жеттоватый (ьplьlь). Этот термин применяется также и к другим шкурам, но никогда к чему-нибудь иному.

Прочие цвета строго не определяются. Они включаются в вышеприведенные или описываются путем сравнения с различными существующими приметами. Можно привести следующие термины: "цвет, подобный траве" (nuwtьcьгtaqen) -- неопределенный термин, который приписывается всем цветам зеленого, желтого и даже синего оттенка, если он не очень густой Обычная летняя окраска травы на тундре -- зеленая у листьев и верхней части стебля нижние же части растений вообще желтоваты. Если показать зеленый и желтый цвет вместе, то чукчи различают их, но вообще они употребляют один термин для обоих цветов и в разговоре всегда смешивают эти два цвета. Есть еще цвет "черновато-подобный траве" -- n-uwala-nuwtьcьгtaqen, и другой цвет, "который походит на окраску желчи" -- nьlele-peraqen; такой цвет, по мнению чукоч, имеют молодые листья. Увядающие листья чукче кажутся красными. Светло-желтая окраска иногда считается за белую, иногда за красную. "Цвет, подобный охре" -- nьcera-peraqen -- бледно-желтая краска оленьих шкур, выделанных и окрашенных охрой. Небо кажется светло-зеленым. Существует цвет, "беловато-подобный траве" -- n-elgь-nuwtьcьгtaqen. Темно-синий цвет считается за одно с черным.

Чукчи любят пение, особенно во время своих праздников. Каждая семья и даже каждый человек имеет несколько собственных напевов. Одни из них наследственные, другие собственного сочинения. Особенно много напевов у шаманов. Мелодия самая разнообразная, некоторые напевы приятны даже для цивилизованного уха. Чукчи чутки к мелодичности хорошего голоса. Они часто собираются в дом какого-нибудь молодого шамана, известного не столько камланием, сколько приятным голосом, послушать его пение.

Для приморских чукоч характерны глубокие, хриплые басы, за что оленные чукчи постоянно высмеивают их.

ОПРЯТНОСТЬ

Чукоч нельзя назвать опрятным народом с цивилизованной точки зрения. Они едят своих собственных вшей, моются мочей и дают собакам вылизывать свою посуду. Они употребляют в пищу личинки оленьего овода, а летом пастухи иногда едят даже олений помет, смешанный с молодыми листьями различных растений. Однако у них есть свои взгляды на опрятность. Например, многие из моих туземных знакомцев отрицательно смотрели на коровье молоко, считая корову грязным животным. Они утверждали также, что говядина имеет особый неприятный запах, похожий на коровий помет, а некоторые из них даже отказывались входить в комнату, где варилось коровье мясо. С другой стороны, когда чукчам указывали на неприятный запах тюленьего мяса, они, в свою очередь, возражали: "тюлень -- чистый, он постоянно моется в чистой воде, вы же едите мясо ваших грязных животных".

БОЛЕЗНИ

Заразные болезни неоднократно появлялись среди чукоч. Оспа несколько раз свирепствовала среди населения северо-восточной Сибири. На Нижней Колыме она была в 1884 году, на Средней Колыме -- в 1889 году; эта эпидемия поражала преимущественно русских и якутов, чукоч она едва коснулась.

В 1899 году свирепствовала эпидемия кори, занесенная из Владивостока русскими купцами. Распространившись на север, летом 1900 года она достигла чукотских селений и стойбищ. Для чукоч эпидемия была весьма губительна. Чукчи не имели возможности соблюдать все необходимые меры предосторожности до полного выздоровления, часто при высокой температуре выходили на холод,-- это служило главной причиной многих смертей. Даже в русских селениях, как например, в Гижиге и Маркове, почти четверть жителей погибла от кори. Чукчи пострадали еще сильнее. На некоторых оленных стойбищах, вблизи Тихоокеанского берега, осталось лишь по несколько детей. Стада, лишившись хозяев, разбежались. То лее самое произошло на Колымской тундре в 1884 году после эпидемии оспы. В 1901 году болезнь перекинулась в Америку и также унесла много жертв. Количество населения, погибшего от этой эпидемии, достигло несколько тысяч.

В половине XIX столетия чукчи находились под угрозою сифилиса. Они считают эту болезнь местною, хотя чукотское название ее atal-vaьrgьn (atal -- "чуванец", "vaьrgьn -- "существо") указывает на чуванцев, которые в прежние времена являлись посредствующим звеном между русскими и чукчами. Вероятно, захватив болезнь от русских, они внесли ее в среду чукоч. Всякий пораженный этой болезнью рассматривается как нечистый. Дома он имеет отдельную постель и посуду для еды. От него сторонятся, и сам он держится в отдалении, чтобы не передать болезни другим. Семья, в которой несколько сифилитиков среди старших членов ее, является "предметом избегания" -- kurgu lьnjo. Очаг ее рассматривается как оскверненный, членам такой семьи запрещен вход на чистые стойбища, чтобы запах от их очага и тень от их входа не передала заразу соседям. В настоящее время сифилис уменьшился, но старики и старухи с обезображенными лицами после третичной стадии болезни повсюду встречаются довольно часто. Даже теперь, когда болезнь зарубцевалась, они считаются нечистыми, хотя предосторожностей против них не принимается. Сифилитическая сыпь, которая встречается у более молодых людей, рассматривается как особый вид болезни, сравнительно мягкий и не заразный.

Интересно, что среди оленных чукоч Колымского округа существует детская игра, в которой победитель "погружает" побежденного, на известную степень глубины, в сифилис -- с отметками на бирке; например, четвертая метка на бирке означает t-ī̃ŋinnupet-gьt -- "я погружаю тебя по голень", шестая -- t-ьmьpcak-gьt -- "я погружаю тебя до отворота сапог" и т. д.

Другая заразная болезнь, грипп или инфлуэнца, бывает в различных частях страны почти ежегодно и уносит много жертв. Эпидемии инфлуэнцы, бывшие еще лет сто тому назад, не раз упоминаются в колымских архивах. Я сам был свидетелем этой болезни раза два или три среди чукоч, обрусевших юкагиров и камчадалов. Симптомы болезни -- обычные симптомы инфлуэнцы: сильный кашель, головная боль, общее недомогание, глухота на одно ухо, острая боль в мускулах и проч. Болезнь обычно распространяется с юга и с запада, поэтому считается, что она приходит из русских селений.

Чукчи очень боятся этой болезни, тем более, что она появляется довольно часто. В 1896 году, во время моей поездки по Верхнему Анюю, все чаунское население, заслышав о нескольких случаях инфлуэнцы на реке Россомашьей, скочевало со всей западной Чаунской тундры, чтобы избежать "духов, ищущих жертв".

Нервные болезни также наводят ужас на чукоч и являются "предметом избегания". Наиболее распространенная из них -- itejun, похожая на эпилепсию. Иногда эта болезнь сопровождается обычными симптомами эпилепсии, иногда конвульсиями или корчами и заканчивается по большей части временной каталепсией. Это продолжается в течение нескольких часов, больной все время остается без сознания; затем болезнь постепенно проходит, но через несколько дней возвращается вновь, иногда в более сильной форме. Болезнь обычно усиливается, и неизбежным исходом ее является смерть. Иногда, впрочем, проходит несколько лет до рокового исхода.

Другая болезнь того же характера называется iwmetun, это -- род буйного нервного возбуждения, припадки которого бывают ночью, наподобие кошмара. Во время припадка дыхание учащается, кровь бросается в лицо, иногда больной задыхается тут же. Чукчи обе болезни приписывают особым духам, имена которых они не любят упоминать. Человек, внезапно, пораженный такой болезнью в пути, может быть уверен, что он не получит позволения войти ни в один дом, ему не дадут ни огня, ни горячей пищи.

Хорошо известная форма северной истерии, которая так распространена среди юкагирских и ламутских женщин, редко встречается среди чукоч, среди оленных чукоч почти совсем не встречается. Эта болезнь выражается в безудержном желании повторять громким голосом каждое слово, слышимое от кого-нибудь, и подражать всякому неожиданному жесту или действию. Женщины из обруселых туземцев и женщины русские часто страдают этой болезнью, но чукотские женщины счастливо избежали ее.

Проказа, столь частая среди якутов, не поражает чукоч, но они страдают различными видами накожных болезней, вероятно, благодаря своей неопрятности. Чукчи часто сами себя называют "немоющимся народом" (ilgьtewkə-remkьn).

Самая распространенная из накожных болезней -- чесотка. Но чукчи на эту болезнь мало обращают внимания. Пораженные чесоткой даже говорят полушутя, что они имеют развлечение от расчесывания своих зудящих болячек.

Менее распространенным заболеванием является так называемое taьrgьn, особая болезнь, при которой на коже появляется пигмент, так что пораженный этой болезнью становится похожим на мулата. Больные не чувствуют страдания, но чувствуют недостаток силы и энергии. Они становятся "неспособны к обычной работе, хотя продолжительность их жизни от болезни заметно не сокращается. Мне пришлось видеть только пять случаев этой болезни.

Kalelь-taьrgьn -- пятнистый таыргын -- болезнь, при которой тело покрывается большими пятнами пепельного цвета, пятна распространяются по всему телу, включая лицо и волосы на голове. Особого вреда здоровью эта болезнь как будто не причиняет. Я встречал пятидесятилетних людей, больных этой болезнью, они были полны энергии и сил.

За все время своего пребывания среди чукоч я встретил пять глухонемых, трое из них были зрелого возраста и исполняли все обычные работы по стойбищу. Они сообщались с другими посредством простых знаков. Сон, например, выражался прислонением лица к ладони, еда и питье соответствующими движениями рук и рта, женщина обозначалась изображением кос на каждой стороне лица, мужчины -- указанием на усы, хождение -- посредством движения пальцев на ладони и т. п. Знаки эти подобны тем, которые употребляются чукчами при общении с людьми, не знающими их языка, хотя установленных знаков для этого не существует.

Я встретил также двух карликов. Один из них был женат и имел трех вполне развитых детей. Было не мало слабоумных. Один из них был глухонемой, другой, пораженный параличом, не мог ходить и двигать левой рукой. Но чукчи не признавали участия сверхъестественных сил, овладевших этими людьми, как обычно думают в таких случаях американские эскимосы.

Встречаются также случаи буйного помешательства. Мне рассказывала женщина-шаманка сама о себе. Она была около трех лет в состоянии сумасшествия, которое, по ее мнению, было наслано на нее чарами шаманки-соперницы. Во время припадков она теряла чувствительность в кистях рук, а иногда и во всем теле. Она хватала камень и била им по своим пальцам, не чувствуя при этом никакой боли. Верхние суставы двух ее пальцев отсутствовали. Часто она набрасывалась на людей, и тогда домашние связывали ей руки и привязывали ее к одному из шестов шатра. Мне пришлось слышать о другом случае сумасшествия среди оленных чукоч. Сумасшедший в течение долгого времени страдал припадками, кидался на своих товарищей по стойбищу и в заключение был убит по общему согласию.

Слепота встречается часто, особенно у стариков. У молодых пастухов часто болят глаза вследствие недостаточного сна летом, когда присмотр за оленьим стадом требует чрезвычайного напряжения. Болезнь, вероятно, происходит от разъедающего действия пота, смешанного с грязью. Снеговая слепота в весеннее время довольно распространена среди чукоч, которым приходится ездить по тундре. При лечении воспаленных глаз выворачивают веки и вызывают кровь, растирая их большой личинкой оленьего овода, жесткие края которой действуют подобно зубчикам маленькой пилки.

Хромые люди употребляют костыли различного вида, подобные выделываемым в цивилизованных странах.

Чукчи не знают никаких медицинских средств, исключая средств магических, чем отличаются от камчадалов и обрусевших юкагиров, которые употребляют в качестве медикаментов многие растения и минералы. Привозные медицинские средства, до которых чукчи большие охотники, называются у них едед, что значит "шаманский дух", а также "христианский бог", "крест", "икона" и т. п. Врачей чукчи называют eŋeŋьlьt -- шаманы.

ДУХОВНЫЕ КАЧЕСТВА

Существуют два совершенно противоположных мнения о характере чукоч. Старинные писатели, на основании главным образом рассказов русских казаков и прочих искателей приключений, представляют чукоч жестоким народом: "Чукчи -- нация жесточайшая и воинственнейшая, враждебная русским. Они убивают себя, попав в плен" {Надпись на карте Lotteri 1765 г.} -- гласит это мнение. Оно и посейчас имеет место среди соседей чукоч, вероятно, благодаря прежним войнам, в которых чукчи всегда одерживали победу.

Новейшие путешественники среди чукоч, например, Майдель, Норденшельд, Гондатти, Слюнин, Меликов, наоборот, описывают их миролюбивыми и безобидными. В 1882 году Гильдер совершил большое путешествие по чукотским селениям совершенно один и невооруженный. В 1898--1899 году русский иеромонах Венедикт без помощников и без всяких приготовлений совершил еще более замечательное путешествие среди оленных чукоч, а также по всем чукотским селениям на берегах Ледовитого и Тихого океанов. Обоих чукчи встречали весьма любезно и гостеприимно, несмотря на то, что они не были в состоянии платить даже за провоз и питание.

Такие случаи ясно показывают, что чукчи оставили прежнюю враждебность по отношению к пришельцам из цивилизованного мира и после более чем столетних торговых сношений с русскими жителями Колымы и американскими китоловами на Тихом океане стали оказывать дружелюбие по отношению к тем немногим представителям белой расы, которым случается попасть в их страну. Торговля сделалась для чукоч совершенно необходимой. Один из странствующих чукотских купцов, kavralьn, на мысу Чаплина, говорил мне: "Войны кончились. Пришло время мира. Каждый думает только о выгоде, и все племена и народы перемешались".

Ralo genetleet -- "смешавшиеся вместе" -- обычное чукотское выражение при описании междуплеменных отношений на окраинах чукотской территории. Однако, когда в 1895 году, во время ссоры на Анюйской ярмарке, оленный чукча был убит казаками, его соплеменники пришли в такое негодование, что едва не произвели вооруженное нападение на русских. Несмотря на то, что официальные представители русской власти вознаградили деньгами семью убитого, чукчи затаили злобу на долгое время; и когда, следующей зимой, мне случилось проезжать среди анюйских стойбищ, раза два или три пришлось вести неприятные разговоры с чукчами по этому поводу.

Прежняя неукротимость до сих пор осталась, особенно среди оленных чукоч. Она постоянно проявляется в щелочах повседневной жизни. Чукча легко раздражается. Достаточно пустяка для того, чтобы его веселое лицо исказилось самым необузданным гневом. "Чукчи сознают эту характерную черту своего нрава. Один знакомый чукча говорил: "Гнев ко мне приходит внезапно. Он приходит и уходит по своей воле". Некоторые чукотские женщины носят специальные прозвища благодаря своему неистовому темпераменту. Например, Maraŋausqat -- "Бранливая Женщина". Даже родственники считают таких женщин язвой семьи. Есть и соответствующие мужские прозвища, например, Qьvr-Əmulьn -- "Запальчивый Əmulьn".

Чукча в состоянии гнева рычит, скалит зубы, кусает свои рукава или ручку ножа, тем самым делая вызов врагу. Некоторые чукчи даже плачут от злости и рвут свои волосы, как капризные дети.

Чукотский язык поразительно беден бранными словами. Ссоры непосредственно за собой влекут драку или борьбу. В драке возможны убийства, иногда очень жестокие. Так, на стойбище близ мыса Эрри сын и племянник богатого оленевода, раздраженные до крайности его постоянными толчками и руганью, перерезали ему горло. Это было сделано с ведома его жены -- матери одного из убийц. Летом 1896 года на реке Тополевой (приток Малого Анюя) молодой чукча убил своего брата, чтобы завладеть его стадом. Убийца со своим соучастником и жертвой устроили состязание в прыжках с препятствиями. По условию, проигравший должен был проскакать в течение некоторого времени со связанными руками и ногами. Когда старший брат проиграл, двое других участников игры связали ему руки и ноги и хладнокровно зарезали своими ножами. Рассказы об этих убийствах я слышал от самих убийц.

В чукотском сказании "Эленди и его сыновья" Эленди в отместку за вероломство своего раба убивает его самым жестоким образом. Острыми кольями он прибивает к земле его руки и ноги, другие мягкие части тела и кожу его черепа и затем заставляет своих жен грубо издеваться над ним. Конечно, не все чукчи обладают таким вспыльчивым характером. Некоторые из них всегда спокойны и в добром расположении духа. Но даже они не свободны от случайных вспышек гнева. Старик Ajŋanvat, который жил со мной в течение двух лет в Колымской области и всегда усердно помогал мне даже в скучных для него лингвистических работах, рассказал мне следующий эпизод из своей прежней жизни. Однажды, выведенный из себя все время разбегающимся оленьим стадом, он внезапно остановился сзади своего стада и, обратившись к садящемуся солнцу, призвал волков, чтобы они пожрали его стадо. По верованиям оленных чукоч, такие слова граничат со святотатством. Волки считаются злыми духами, и такой призыв, произнесенный вслух, уже не может быть возвращен обратно. Он содержит в себе обещание жертвы. Придя в себя через несколько минут, Ajŋanvat понял свою опрометчивость и пытался предотвратить гибельные последствия, принеся в жертву лучших упряжных оленей, но это не помогло. Счастье отвернулось от него, и его стадо подверглось всяческим бедствиям.

Помимо своей вспыльчивости, чукчи проявляют особое упрямство в отношении вещей и дел, имеющих для них временный интерес. В торговле, когда чукча остановит внимание на каком-нибудь понравившемся ему предмете, он готов дать тройную и даже десятерную цену за него. Если его предложение не принимается, он скорее вступит в ссору, чем откажется от своего желания. Русские купцы часто пользуются этой слабостью чукоч, набивая неимоверную цену на понравившийся чукче предмет. При состязаниях побежденный снова и снова пытает свое счастье, хотя бы победа не давалась ему до самого конца состязания. При противодействии чукча готов итти на крайние меры, вплоть до самоубийства. Одна молодая девушка, отправившись в стадо, повесилась на дереве от злости на свою мать за то, что та отказалась взять ее на праздник в соседнее стойбище. Внезапный гнев часто является поводом для добровольной смерти стариков. В моих "Материалах" есть рассказ об одном чукче, который, разгневавшись на своих сыновей, приказал им убить его. Чукчи вообще проявляют склонность к самоубийству. Об этом есть частые упоминания в старинных характеристиках чукоч. Самим чукчам это свойство их также хорошо известно. "Вы знаете наш народ, -- говорили они мне,-- из-за пустяка чукча может убить другого человека или самого себя". Во время эпидемии инфлуэнцы на реке Россомашьей было два случая самоубийства. В первом случае покончил с собой муж, огорченный смертью своей молодой жены, во втором -- мать, потерявшая своего сына. В 1895 году на Анюйской ярмарке я встретил одного чукчу, который говорил, что он не желает больше жить, потому что счастье отвернулось от него, все его родственники умерли и он боится, что его стадо в скором времени погибнет, хотя в то время олени у него были в полном благополучии. Я не придал значения его словам, но через некоторое время узнал, что этот человек действительно приказал себя задушить.

На реке Омолоне я встретил семью, четыре члена которой лишили себя жизни без всякого повода. Соседи их в страхе утверждали, что духи, жаждая жертв, обманным путем увлекли несчастных к самоубийству.

Чукчам свойственно сострадание к несчастью других. Однажды, в моем присутствии, оленный чукча спас куропатку, затравленную соколом, и жестоко упрекал детей, которые хотели ее поймать. В другой раз женщина на одном из стойбищ заплатила моему вознице, чтобы он освободил от наказания одну из своих собственных собак. Еще более замечательно то великодушие, которое оленные чукчи проявляют по отношению к людям, находящимся в нужде, хотя бы это были люди чужого племени и языка. На Чаунской тундре живет несколько ламутских семей различных родов. Они бедны и очень беспечны. Все пропитание за самую небольшую плату они получают от зажиточных чукотских соседей.

Подобные же отношения издавна существовали между чукчами и тунгусами в западной части Колымского округа. В настоящее время, однако, большая часть тамошних чукоч обеднела, а немногие богатые оленеводы приобрели вкус к торговле и постепенно усвоили образ жизни богатых якутов или русских торговцев.

Во время больших голодовок русские жители Колымского и Анадырского округов до последнего времени получали помощь от соседних чукотских оленеводов, которые убивали иногда несколько сот оленей и отдавали их голодающим за самую незначительную цену или просто даром.

Чукотские женщины, как и вообще женщины всех народов, более сострадательны, чем мужчины. На стойбищах богатых оленеводов, если хозяин скуп и дает слишком мало еды и одежды своим пастухам, долгом хозяйки считается восполнить недостаток из своих запасов и вещевых мешков.

О случаях каннибализма среди чукоч мне не пришлось слышать, хотя, голодовки, уничтожившие целые селения, были еще свежи в их памяти, относительно юкагирских семей, голодавших в 1895 году на Среднем Омолоне, известны случаи самого зверского каннибализма. Не было у чукоч также ни одного случая подкидывания новорожденных девочек. Новорожденные дети, правда, в случае смерти матери часто подвергаются удушению. Их относят вместе с матерью на место погребения, но это делается потому, что чукчи считают невозможным воспитать новорожденного ребенка без матери. Приходилось слышать о женщинах, только что разрешившихся от бремени, которые, почувствовав себя очень плохо, душили своих детей в жертву духам.

Гостеприимство более развито среди приморских чукоч, чем среди оленных. Чукчи говорят, что если гость даже побьет хозяина, хозяин все равно должен остаться дружественным к нему. Во время моей последней поездки по берегу Тихого океана мне несколько раз пришлось задержаться из-за непогоды в чукотских и эскимосских селениях. Несколько раз бывало так, что хозяин дома, имея мало ворвани и совершенно не имея дров для разведения огня, ломал свои сани или вытаскивал одну за другой деревянные опоры своего дома, рискуя разрушить его.

У оленных чукоч в отношении гостеприимства дело обстоит иначе. Прежде всего они гораздо более суеверны в отношении "предохранения" себя от болезней. Во время эпидемии даже совершенно здоровый путник, приезжая издалека на чукотское стойбище, особенно ночью, не будет впущен ни в один из шатров. В приморских селениях этого никогда не может случиться. Оленные чукчи и сами не особенно любят входить во время эпидемии в чужие дома, предпочитая ночевать на открытом воздухе, оградив себя заклинанием против духов. Даже в обычное время гость, прибывший на стойбище, считается на положении равном с обитателями шатра. Ему также приходится ждать снаружи до вечера, когда будет приготовлено спальное помещение. Часто он не получает пищи до общего обеда, который, у чукоч обычно бывает вечером. Во время больших оленьих скачек многочисленные гости, приехавшие принять участие в скачках или посмотреть на них, часто совсем не получают еды и после целого дня, проведенного на открытом воздухе, возвращаются голодными на свои стойбища, расположенные за 80--100 километров.

Воровство среди приморских чукоч встречается сравнительно редко. Украсть у соседа-односельчанина считается большим позором. Согласно обычая, гостю для его имущества отводится место в кладовых хозяина под его личную ответственность. Развитие торговли, правда, подорвало природную честность. Теперь во всех больших селениях владельцы деревянных амбаров, купленных у китоловов, запирают их крепкими висячими замками, опасаясь грабежа. Во время моего пребывания среди эскимосов на мысе Чаплина женщина-шаманка была дважды поймана почти на месте преступления. Она воровала меха из кладовой, чтобы продать их китоловам. Шкуры были возвращены владельцу, но воровка осталась ненаказанной и только получила выговор. По свидетельству Норденшельда, обворовать и обмануть чужестранца у чукоч не считается предосудительным. Однако во время моей поездки по приморским чукчам и эскимосам ни одна из моих вещей не пропала. Между тем среди оленных чукоч приходилось не только остерегаться открытых попыток воровства, но даже и грабежа. "Берегись моей матери,-- предупреждал меня хозяин одного шатра, -- она такая, что может украсть даже свежий помет из-под живого человека".

Среди оленных чукоч воровство между стойбищами и стадами, можно сказать, вошло в обычай. В языке, кроме обычного понятия tь-tuleerkьn -- "я украл", имеется еще другое слово, более деликатное--tьngьntьweerkьn, обозначающее "я извлек", буквально -- "я дал возможность (вещи) убежать". Ссоры между соседями из-за взаимных обвинений в воровстве -- постоянное явление. Многие чукчи носят насмешливые прозвища благодаря своим воровским предприятиям. Например, Ԝьге-ceivun -- "ходок на коленях". Носитель этого прозвища подползал на четвереньках к чужому стаду во время отела с намерением украсть нескольких новорожденных телят. Другой носил прозвище Ԝnnьcgь-Latuwge ("Latuwge с ошейником") за то, что на одном стойбище он украл наполовину сварившиеся кишки из кипящего котла, повесил их вокруг шеи и ел их даже во время погони. Эти прозвища так упрочиваются, что и сами носители их употребляют вместо имени, особенно если им случится потерпеть от духов болезни. После тяжелой болезни чукчи обычно меняют свои имена. На ярмарках мелкие кражи происходят ежедневно, как на складах, так и в жилых помещениях. Однажды я видел, как один молодой чукча, придя в торговую палатку, украл связку беличьих шкур, и пытался продать ее самому же владельцу. Будучи изобличен, он только сказал: "возьми их, если они твои" и сел на лавку, ожидая обычного угощения.

Как упоминалось выше, ссоры между чукчами и соседними племенами происходят постоянно. Кереки, живущие на мысу Барыкова, неоднократно жаловались, что телькепские чукчи обходятся с ними дурно, берут меха без уплаты и заставляют их детей работать в качестве пастухов. Однако надо сказать, что кереки получают оттелькепских чукоч оленьи шкуры для одежды, сухожилия для сетей, мясо, русские товары, американские карабины и патроны, которые идут с мыса Чаплина.

Колючинские чукчи-собаководы жалуются, что обитатели Тихоокеанского селения Lūren имеют обычай, по временам, грабить сани, возвращающиеся из торговых поездок с грузом иностранных товаров. Распря между селениями Lūren и Janraŋaj была жива еще два поколения тому назад. Обитатели обоих селений и многих стойбищ в окружности бухты Лаврентия, прославились свирепостями. Некоторые из них покупают у американских китоловов револьверы и носят их в специальных кобурах в рукаве, всегда наготове. Дж. Келли, американский агент по покупке оленей, который зимовал в 1897--1898 году на берегу бухты Лаврентия в блокгаузе, вблизи селения Janraŋaj не раз имел столкновения с туземцами. Они пытались напасть на его дом и разграбить его.

Чукчи не отличаются сметкой, особенно в торговых делах. Соседи постоянно обманывают их. Система их счета, так называемая "пятерично-двадцагеричная",весьма несовершенна,-- все числовые операции чукчи совершают с помощью пальцев обеих рук. Чукотское понятие "счет" -- trьlgьrkьn -- собственно означает "я пальчу"; "считать" по-чукотски -- "пальчить". Вопрос "как много?" соответствует вопросу "как много пальцев" -- "ter rьlgьt?" Исчисление совершается по способу, свойственному многим примитивным народам. Так, например, слово, "пять" -- mьtlьŋen -- представляет сокращенное слово "рука" -- mьnьtlьŋen; "десять" -- mьngьtken -- обозначает "принадлежащий двум рукам"; "пятнадцать" -- kьlgьnkьn -- вероятно, представляет сокращенное слово gьtkalgьken, которое значит "принадлежащее ноге"; "двадцать" -- обозначается словом qlikkin, которое значит "принадлежащее человеку". Слово qlaul -- "человек" -- также употребляется в значении "двадцать". Пальцы, рук и ног играют такую важную "роль в счете, что без них чукча едва ли был бы в состоянии считать. Большие числа составляются из групп -- двадцаток (людей). Так как счет идет на пальцах, то пределом счета является двадцать двадцаток -- qlig-qlikkin. Все числа выше этого называются "предел знания" -- gьyew-tegьn. Этот термин употребляется богатыми торговцами, чтобы выразить понятие тысячи. Большинство чукоч, особенно оленные, не в состоянии обращаться с числами большими, чем группа двадцаток. Поэтому, когда приходится иметь дело с мелкими шкурками, как например, с выпоротками или белками и т. п., счет которых требует больших чисел, чукчи связывают их в пучки и продают каждый пучок или кучку пучков в отдельности. Беличьи шкурка связываются по десять штук, по примеру ламутов. Пыжики связываются по три (обычная меновая цена за кирпич чая) или по пяти; затем четыре пучка соединяются вместе, чтобы образовать двадцатку. В недавнее время чукотские торговцы в подражание русским стали употреблять, маленькие зазубренные палочки в качестве бирок; каждая зазубринка обозначает пять, четвертая зазубринка; сделанная более глубоким надрезом, обозначает двадцатку.

Пастухи обычно не считают своих оленей, они не в состоянии также помнить всех своих животных по их внешним признакам, как утверждают некоторые путешественники. В больших стадах они знают только наиболее выдающихся оленей, как-то: самцов-производителей, старых маток, ездовых, грузовых оленей и т. п. Если случится утрата, то они не всегда узнают о ней. На телят чукчи обращают мало внимания и не слишком заботятся о них.

Аргентов пишет, что один богатый оленевод с Сухого Анюя пытался сосчитать своих оленей при помощи загородки. Оленей загоняли в загородку, потом выпускали. Каждый загон представлялся особыми деревянными кружочками, я все кружочки помещались в рукавице. Тунгусы таким же способом подсчитывают оленей. Но среди чукоч подсчет мог иметь только случайный характер, так как всякий новый эксперимент считается опасным для благополучия стада.

ВРЕМЕНА ГОДА

Следует сказать несколько слов о чукотском способе деления года. Год разделяется на 12 лунных месяцев, или лун. Ряд месяцев начинается с зимнего солнцестояния, время которого отмечается с особенной аккуратностью. Промежуток (темный) между двумя месяцами (лунами) называется лунным промежутком. Названия месяцев следующее:

1. Ьnp-luwleŋ-jilgьn -- "старый дикий олень месяц" -- с 20 декабря до 20 января (приблизительно), происхождение названия неизвестно.
2. Cacanlorgьn -- "холодное вымя" (месяц).
3. Lee-lorgьn -- "настоящее вымя" (месяц).
4. Gro-elgьn -- "месяц теления".
5. Imlьгьlьn -- "водный" (месяц).
6. Tawtьnjelgьn -- "месяц листьев".
7. Om-jelgьn -- "теплый месяц" или "летний месяц".
8. Nec-ilgьn -- "месяц сбрасывания оленьих рогов".

Ele-ilgьn -- "среднелетний месяц".

9. Ðergec-ilgьn -- "слегка морозный месяц".
10. Gьtga-elgьn -- "осенний месяц", называется также ьlv-eiŋe-ilgьn -- "месяц течки диких оленей".
11. Jaraucьn -- вероятно, от слова Jarau ("мускулы спины"), так как предполагается, что мускулы оленьей спины в средине зимы укрепляются. То же самое название с тем же самым объяснением имеется у коряков западного берега Камчатки. Этот месяц у чукоч называется также Tur-ece -- "новоснежный".
12. Quulec-ilgьn -- "сокращающихся (дней) месяц".

Приморские чукчи употребляют те же самые названия месяцев. Коряки различных местностей имеют различные системы названий, но для третьего и для четвертого месяца большая часть названий означает "месяц ложного оленьего теления" и "месяц настоящего оленьего теления". Само собой разумеется, что двенадцать лунных месяцев не соответствуют в точности солнечному году между двумя зимними солнцестояниями, но чукчи особенно не заботятся о небольшом излишке дней. В разговоре названия месяцев часто заменяются названиями времен года, которых насчитывается гораздо больше, чем у нас. Наиболее частые из них суть следующие:

1. Emjirьk -- "начало увеличения" (дней) -- соответствует первому месяцу года.
2. Uretvik -- "удлинение" (дней) -- соответствует второму месяцу года.
3. Niwlewkь -- "продолжение" (возрастания дней) -- продолжается около шести недель, до тех пор, пока начнут телиться оленьи матки.
4. Am-groкь -- "время теления" -- более или менее соответствует нашему термину "весна".
5. Tur-eletvьk -- в начале нового лета.
6. Kьtkьtьk -- первое лето.
7. Anok -- второе лето.
8. Elek -- среднее лето.
9. Eg-ьntok -- освежение воздуха.
10. Ðergerьk -- первый легкий мороз.
11. Erк-əletьk -- новый снег.
12. Gьtgak -- осень.
13. Ləleŋkь -- зима.

ЯЗЫК

Чукотский язык богат словами и гибок в формах. Чукчи красноречивы по природе, но они не любят продолжительных расспросов. Оленных чукоч, которые фактически бывают дома только тогда, когда едят или спят, а остальное время проводят в движении, трудно убедить провести несколько часов в шатре, чтобы дать объяснение или подиктовать. Даже старики обычно говорили о моих записях: "не стоящая чепуха". Большинство совершенно не в состоянии диктовать. Любопытство у них не продолжительно. После приезда какого-нибудь гостя на новое стойбище обитатели некоторое время наблюдают за новым лицом, но не долго, затем они постепенно расходятся, и в заключение их интересует только меновая торговля. Конечно, бывают исключения, но их весьма не много. В приморских селениях, где внутренние помещения просторнее и в них есть постоянно горящая лампа, старики более привычны к домоседству и поэтому более расположены к ответам на расспросы и более полезны для получения от них этнографических сведений.

Глава III
СНОШЕНИЯ ЧУКОЧ С РУССКИМИ

Исторические данные, помещенные в этой главе, по большей части были извлечены из архивов Средне-Колымского, Нижне-Колымского и Марковского на реке Анадыре, также и из других старинных документов, собранных автором в разных местах. Кроме того, использованы следующие официальные издания исторических актов и другие исторические сочинения.

1. Исторические Акты, собранные и изданные Археографической комиссией, III, IV, V. (Цит. Акты).
2. Дополнения к Историческим Актам, собранные и изданные Археографической комиссией, III, IV, V. (Цит. Дополнения).
3. Памятники сибирской истории XVIII века, I, II. (Цит. Памятники).
4 Свод законов Российской Империи. Издания 1857, 1876, 1892, 1893.
5. Сенатский архив, том II.
6. Дополнения к творениям святых отцов. Части 9, 11 (Москва, 1850--52).
7. "Русский паломник", 1887.
8. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. С.-Петербург, 1886. (Цит. Словцов).
9. Северный архив, 1825.
10. Журнал Министерства Народного Просвещения, 1890.
11. Собрание сочинений из месяцесловов различных лет. С.-Петербург, 1790.
12. Фишер Иоганн Эбергард. Сибирская история, 1, II. С.-Петербург, 1768.
13. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. С.-Петербург, 1750.
14 Приклонский В. Л. Хроника Якутской области, составленная по официальным я историческим данным. Красноярск, 1896.
15. Щеглов И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1888. (Цит. Щеглов).
16. Андриевич В. К. История Сибири, 1, II. С.-Петербург, 1889. (Цит. Андриевич).
17. Титов А. Сибирь в XVII веке. Москва, 1890.
18. Манькин-Невструев А. И. Завоеватели Восточной Сибири, Якутские казаки. Москва, 1883.
19. Историческая записка о Чукотском народе (Вестник Императорского Русского Географического Общества, 1856, V).
20. Карта Чукотской земли, составленная Пленисмером (Записки Гидрографического Департамента Морского Министерства, 1852, часть X).
21. Варамыгин М. Путевой Журнал во время поездки в Анюйскую крепость (Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества, 57, кн. 4).

ОТКРЫТИЕ ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛИ

Первые сведения о чукчах доставил казак Михаил Стадухин, который в 1644 году пришел на реку Колыму и основал здесь Нижне-Колымское зимовье. Маныкин-Невструев говорит, что река Колыма была открыта в 1638 году. Майдель называет открывателем реки Колымы казака Ивана Эрастова с товарищами. Он говорит, что в 1644 году на реке Колыме было основано три зимовья: Нижне-Колымск, Средне-Колымск и Верхне-Колымск. Можно сомневаться, что все три зимовья были основаны в одном и том же году. На карте Сибири от 1672 года, впрочем, указаны все три зимовья: нижнее, среднее и верхнее. Нижне-Колымск в других документах называется "собачьим острогом", очевидно, из-за езды на собаках. Он был больше двух других зимовьев.

Мы имеем также "распросные речи служилого человека Михаила Стадухина о реках Колыме и Чюхче, о живущих по ним инородцах и о неизвестном острове на Ледовитом океане, близ устья реки Колымы {Дополнения к Историческим Актам, том III, стр. 99.}.

"155 году (1647), апреля в 22 день, в Якутцком остроге в съезжей избе воеводам Василью Никитичу Пушкину да Кирилу Осиповичу Супоневу да дьяку Петру Стеншину служилой человек, который в прошлом (во 154) году ноября в 23 день, в Якутцкой острог, до приезду воевод Василья Никитича Пушкина с товарищи, с Колымы реки с государевым с ясачным сбором пришел, Михалко Стадухин в роспросе сказал: на Колыме де реке был он для государева ясачного сбору два года, а Колыма де река велика, есть с Лену реку, идет в море также что и Лена, под тот же ветр, под восток и под север, а по той де Колыме реке живут иноземцы Колымские мужики свой род, оленные и пешие сидячие многие люди {Приморские чукчи в казачьих отписках назывались "пешими, сидячими, ходячими" в отличие от оленных. У оленных чукоч каждый человек имеет оленную упряжку, и все ездят. У приморских чукоч семья обычно имеет только одну упряжку, таким образом ездит один, а другие должны ходить. В более раннее время у чукоч было еще меньше собак, чем теперь, особенно по сравнению с морскими коряками. В описании походов оленные воины ездят на оленьих упряжках, а приморские ходят пешком.} и язык у них свой; да на той же де Колыме, в сторонней реке прозвищем на Чюхче, а пала де та река Чюхча в море своим устьем, с приезду по сей стороне Колымы реки, а по той де реке Чюхче живут иноземцы свой же род, словут Чюхчи, тоже что и самоядь, оленные, сидячие ж; и была де у него женка погромная колымская ясырка, именем Калиба, а та женка жила у тех мужиков у Чюхчей три годы, и она де ему сказывала, что на острову, который в море идучи к той Колыме реке судами на левой руке, а учнет де тот остров объявливатца в море от матерой земли в виду на левой руке, идучи из Лены от Святого Носу, а к Яне де реке и от Яны к Собачье, а Индигирка тож, и от Индигирки к Колыме реке идучи и гораздо тот остров в виду, и горы снежные и пади и ручьи знатны все; а тот де остров Камень, в мори пояс, и промышленные люди смечают все то один идет, что ходят из Поморья с Мезени на Новую Землю, и против Енисейского и Тазовского и Ленского устья тот Камень тож все один, что называют Новою Землею; и те де Чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем и на том де острову они побивают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему де они тем моржовым головам молятца, а он де того у них моржового рыбья зубу не видал, а промышленные де люди {Промышленные люди были русские охотники, сопутствовавшие казакам. Торговцы и промышленные люди часто даже опережали казаков.} ему сказывали, что они у тех Чюхчи тот моржовый зуб видали, концы де у них оленных санок все того одного моржового зуба, а у тех де Чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря, а доброй де самой черной соболь все по Колыме" {В XVIII веке на реке Колыме было действительно много соболя, но с половины XIX века он совершенно исчез.}.

Эти распросные речи весьма интересны. В первый раз упоминается имя "чюхчи".

Из слов Стадухина следует, что в то время на Чукочьей реке не к востоку, а к западу от реки Колымы жили какие-то чукчи или чюхчи, оленные и сидячие. В другом месте я старался доказать, что эти оленные сидячие люди принадлежали, вероятно, к чаунскому (чуванскому) народу и были в общем родственны восточным чукчам. Самый вариант названия чюхчи отличается фонетически от обычного самоназвания оленных чукоч cawcu и говорит о другой фонетике.

Еще замечательнее подробности, относящиеся к моржовому промыслу этих туземцев на одном из Медвежьих островов. Моржи даже в новейшее время продолжают подходить к северному берегу Медвежьих островов, и оленные чукчи порою переезжают на острова для весенней охоты на моржей, так, как описано у Стадухина. Однако в то время, очевидно, моржовый промысел имел гораздо больше значения. Туземцы приносили домой моржовые головы и "молились им", то есть устраивали известный чукотский праздник "моржовых голов". Этот праздник до сих пор является одним из главных промыслово-обрядовых праздников приморских чукоч {Ср. у Пленисиера, карта Чукотской Земли. Пленисиер был охотским начальником в 60-х годах XVIII века я собрал много ценных сведений от казаков и туземцев.}.

ВОЙНЫ. XVII ВЕК

Вскоре после открытия реки Колымы, в 1647 году казак Василий Колесников основал Анадырскую крепость, хотя, согласно, другим сообщениям, она была основана Семеном Дежневым в 1649 году. Семен Дежнев вместе с Федотом Алексеевым и Герасимом Анкудиновым, после первой неудачной попытки в том же 1647 году, годом позже успели, как известно, объехать Азию с северо-востока. Большая часть их судов была разбита и потерялась без вести. Два пристали где-то к югу от Анадыря. В 1649 году мы находим на Анадыре несколько партий казаков и служилых людей. Одна партия была под началом Семена Дежнева и служилого приказного человека Семена Моторы. Другую привел Михаил "Стадухин "горою", то есть сушею, с реки Колымы. Стадухин старался подчинить себе все другие партии и стать главным начальником всех служилых людей на реке Анадыре. О распре Стадухина с Дежневым упоминают различные казачьи отписки, представленные якутскому воеводе.

Такова челобитная служилых и промышленных людей Федора Емельянова Ветошки с товарищами о назначении им денежных и хлебных окладов за службу на реке Анадыре (Дополнения к Актам Историческим, т. IV, стр. 12, 1655 г. 4 апреля).

"...в прошлом, государь, во 157 году, ведомо учинилось на Колыме реке сыну боярскому Василию Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, по расспросным речам от Ходынского аманата Ангары, которого взяли мы холопи и сироты твои сверху Анюя реки, и от Ходынских ясырей тогож нашего погрому, что новая захребетная река Анандырь подошла к вершине Анюя реки близко: и по тем распросным речам прибралось нас охочих промышленных людей... и били тебе, государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии, а челобитную... на Колыме реке сыну боярскому Василью Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, чтоб итти нам охочим промышленным людем в ту новую землю, на ту захребетную реку Анадырь, для прииску и приводу под твою царскую высокую руку вновь неясачных людей, своими подъемы и... отдать нам в твою государеву казну сорок соболей; и мы сироты твои на ту твою государеву службу отпущены с служилыми, людьми с Семеном Моторою с товарищи. И того ж 157 году, месяца июля в... день, служилые люди Михайло Стадухин с товарищи пошли с Колымы реки морем вперед на новую реку Погычу {В казачьих отписках река Колыма часто называется "Ковыма", а Анадырь -- "Анандырь". Несколько раз упоминается река Погыча "Похыча", о ней сказано, что она богата соболями. Некоторые ученые построили предположение, что это имя может относиться к реке Амуру которая действительно даже и в настоящее время изобилует соболями. Но туземцы р. Колычы едва ли могли знать что-либо об отдаленном Амуре. Они знали только ближайшие реки: такие, как Анадырь и Пенжина. Из этих рек Анадырь, как указано в отписках, даже в ту раннюю эпоху была бедна соболями. Следующей большой рекой является река Похач, составляющая северную границу обитания соболя. На Похаче и поныне водятся наиболее черные и длинношерстные соболи. Следует предполагать, что колымские туземцы, когда говорили о реке Похыче, подразумевали именно Похач, а вовсе не Амур. Точно так же и колымские казаки в своих поисках соболя стремились отыскать реку Похач, северную границу обитания этого ценного зверя.}, а назад с моря на Колыму реку пришел он Михайло 158 году сентября в 7 день; и послыша он Михайло те распросные речи и сам он, распрося тех же погромных ясырей, которых взяли мы холопи и сироты твои вверху Анюя реки, близко, где посланы мы холопи и сироты твои, учал он Михайло с товарищи на нас холопей и сирот твоих риитца, и угрожать, и всяко враждовать и изгонять зависти ради...

...в том у нас на него Михаила подана изветная челобитная им Василью Бугру да Василью Вилюеву да Ивану "Иванову Пермяку и дорогою идучи по Анандыре, он Михайло у нас приказного служилого человека Семена Мотору, росполоша на ходу, силно взял и жил он Семен у Михаила Стадухина девять ден, а в десятый день пришел он Семен к нам на дороге, а сказывал: садил де меня Михайло Стадухин в колоду, а вымучил де он у меня таково писмо, что де мне Семену с товарищи, по наказной памяте, твоей государевы Анандырской службе особ не служить, а быть де мне с товарищи под началом у него Михаила..."

Казачьи раздоры и распри и даже, драки продолжались из года в год. Рассказ Федора Ветошки о насилиях Михаила Стадухина повторяется и продолжается в отписке знаменитого Семена Дежнева, еще более знаменитого, чем Михаил Стадухин. Дело идет о том служивом человеке именем Семен Мотора, которого Стадухин и Дежнев перебивали друг у друга.

"... Да апреля в 23 день на Анандыре реке Семен Мотора с товарищи дошли до ясачного зимовья Семейки Дежнева с товарищи, "с промышленными людми двенадцать человек, и яз Семейка Дежнев с товарищи с ним Семеном Моторою с товарищи стали государеву службу служить с того числа вместе и аманатов кормить собща, а у меня Семейки с товарищи два аманата Ануляне, взяты вновь, Колупай имя одному, а другому Негово; а тот Михайло "Стадухин, обошед то ясачное зимовье, погромил Ануальских мужиков, а на погроме побил их Ануалей много и "тех ясачных мужиков, Колупая и Негова, отцов и родников их погромил; и яз Семейка с товарищи пришел к тому Ануальскому острожку к нему Михаилу с товарищи, и стал ему говорить, что делает он негораздо, побивает иноземцев без разбору; и он Михайло говорил: то де люди не ясачные, а только де они ясачные, и ты де поди к ним, и зови их вон из острожку и государев ясак возми с них; и яз Семейка стал им иноземцом говорить, чтоб без боязни вон вышли и дали б государев ясак, и тех Ануальских аманатов родник стал подавать из юрты государю ясак, ополники собольи; и он Михайло учал, ополники из рук вырвав, меня Семейку бить по щекам в том, что яз стал государеву службу служить с Семеном Моторою с товарищи собща, потому что мы люди не великие, и стал он Михайло на нас риитца и всякими обычаями изгонять. И мы служилые и промышленные люди Семен Мотора и яз Семейка Дежнев с товарищи, служилыми и промышленными людми, бегаючи и укрываючись от его Михайловы, изгони, пошли мы осенью нартяным путем вперед на захребетную реку Пянжин для прииску и приводу под государеву царскую высокую руку вновь неясачных людей, и у нас на ту реку ведомых вожей не было, а ходили мы три недели и реку не нашли, и мы, видя нужную голодную и холодную смерть, назад на Анандырь воротились.

А живучи мы холопи и сироты твои на твоей государеве службе на Анандыре реке, что было сетяное и всякое промышленное заводишко, водяное и горное, со 158 году и то придержали, и в тех мы сетяных заводах задолжали великими долгами, имали мы новую сеть в долг ценою рублев по пятнадцати и больше и искупитца нечем, потому, государь, что Анандырь река не лесная и соболей на ней мало, а иноземцев неясачных людей добре много, а впредь нам должитца не у кого... что заводных людей пришло с нами мало;, и кормимся мы красною заморною рыбою кетою, а та рыба кета внизу Анандыри реки от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыри, а назад к морю не выплывает, а белой, государь, рыбы добываем мы мало, потому что у нас сетей добрых нет, а что и промыслитца белой рыбы и то мы пасем, и кормим по толику твоим государевым аманатом, а тою рыбою кетою кормить их не смеем, чтоб им от того корму, оцынжав не помереть и нам бы холопям и сиротам твоим от тебя государя за то в опале и в казне не быть".

Михайло Стадухин бил по щекам Семейку Дежнева... Впрочем, и сам Семен Дежнев был не менее скор на руку. В другой отписке он рассказывает:

"Служилый человек Евсейко Павлов, который сбежал из Ленского острогу, служил он Евсейко с Михаилом Стадухиным, и от Михаила сбежал же и служил со мною Семейкою, и от того Евсейка промышленным людям обида великая, и промышленные люди в обидах на него Евсейка бьют челом, и он Евсейка под суд не даетца; в прошлом во 161 году, в походе, бил челом на него Евсейка промышленный человек Терешка Никитин в обиде, и стал на суду говорить невежливо, о посох оперся, и я Семейка за то невежество хотел его Евсейка ударить батагом, и он Евсейка из стану побежал к ясаулу Ветошке Емельянову и промышленным людям, сказал за собою государево дело; а как пришел Юрья Селиверстов, и он Евсейка перешел убегом к нему Юрью, и от того Евсейка Павлова меж служилыми и промышленными великая смута".

Русские казаки восточной Сибири во многом напоминали испанских "конквистадоров", покорителей Америки. Та же неукротимая храбрость и неистовая жадность в погоне за соболем, составлявшем московскую валюту, не менее драгоценную, чем мексиканское золото... В какие-нибудь восемнадцать лет казаки завоевали весь огромный край от Лены, где пятидесятник Петре. Атласов поставил в 1632 году Якутский острог и до Охотского моря, где V в 1750 году вышеуказанный Семен Мотора поставил острожек Охотский. Якуты и тунгусы, коряки и чукчи представляли врагов, не менее упорных и ожесточенных, чем американские индейцы, но казаки смиряли их своим неистовым мужеством и "огненным боем".

Казачьи отписки пестрят такими указаниями:

"Были нас семнадцать человек, и пошли мы по реке и нашли иноземцев, людных и оружных, и у них сделан острожек и бились мы с ними до вечера, и бог нам помог, мы тех людей побили до смерти и острожек у них сожгли".

"Да в прошлом во 169 году, как ходили мы на Ануальских людей, за их ослушанье и за убойство Руских людей, в поход и их дошли внизу Анандыри реки в острожке, и нам бог помог на острожек приступом взойти и мы с ними билися ручным боем, имаяся друг за друга, и у них Ануалян... колье нарочное и топоры на долгие топорища сажены и ножи, и нам тот острожек бог помог взять, а у нас они Ануали убили четырех человек... а иных нашу братью, переранили..."

Рядом с этим шли постоянные ссоры и смуты между самими завоевателями.

После открытия и завоевания полуострова Камчатки в 1697 году пятидесятником Атласовым, его ближайшими приемниками, распри казаков на этой отдаленнейшей окраине дошли до открытого восстания, которое у Крашенинникова называется "главным казачьим бунтом". Этот бунт осложнился "изменой" камчадалов. Казаки составили две партии, которые вели между собою кровавую войну со взаимными убийствами" и казнями. Нижне-Камчатский острог во время бунта был сожжен "купно с церквами и со всем строением". Самого Атласова служилые свергли с приказу и посадили в тюрьму. В дальнейшем изменники зарезали Атласова и других приказчиков.

"Живучи в остроге, делили они пожитки убитых прикащиков, заводили казачьи круги, выносили знамя, призывали к себе в сообщение других людей и таким образом умножили до 75 человек свою партию. Данила Анцыферова назвали атаманом, Козыревского -- ясаулом, иных верстали в ясаулы ж и десятники, и многие другие наглости делали".

Камчатская междоусобица, очевидно, является прямым отражением казачьих восстаний на Волге времен Стеньки Разина, которые, в сущности, недавно прошли и были памятны всем, казакам. Но, с другой стороны, эта колониальная история Московского царства живо напоминает кровавые распри испанских покорителей в Перу. История пятидесятника Колесникова, пожалованного дворянином по московскому списку и впоследствии казнившего главного вождя бунтовщиков заказчика Кыргызова, напоминает распрю Альмагро и Пизарро. "Измена" камчадалов соответствует восстанию индейцев, впрочем, с изменниками камчадалами обе казачьи партии воевали с одинаковой свирепостью.

Последним отголоском казачьего бунта на Камчатке была авантюра Морица Беневского, польского конфедерата, взятого русскими в плен и сосланного на Камчатку. В 1770 году Беневский вместе с группой заговорщиков государственных ссыльных и местных жителей зарезали Нилова, начальника города Большерецка, захватили казенное судно и уехали в Тихий океан. Дальнейшие приключения Беневского на острове Мадагаскаре достаточно известны. Он был сначала представителем французов, а потом перешел к туземцам, сделался их начальником и вместе с ним боролся против французов. В 1786 году он был убит французской пулей.

Интересно указать, что в объяснительной записке, которую Беневский прислал Российскому сенату, указаны цели восстания и между ними освобождение туземцев Камчатки от самовластия и зверства тамошних начальников.

Однако условия северной жизни были гораздо суровее тропической Мексики и экваториального Перу, и казачьи отписки, рядом с описаниями ратных подвигов и "побед над иноземцами" и перечнем взятой добычи, исполнены жалоб на голод и холод и горькую судьбу самих завоевателей. Тот же Семен Дежнев пишет: "а те наши товарищи, живучи у государевы казны и у аманата, помирали голодною смертью, кормились корою кедрового, а что было небольшое место свежей рыбы и то пасли и кормили помаленку государева аманата, чтобы ему с нужы оцынжав не помереть и нам бы за то от государя в опале и в казни не быть".

Жалоба почти стереотипная, как будто списанная с отписки Федора Ветошки, только те сироты кормились заморною (дохлою) рыбою, а эти -- корою кедрового.

Не взирая на это, казаки ходили неутомимо для прииску новых земель и новых неясачных людей. Исстари привычные к пешему и речному ходу, они вышли *в* Полярное море на своих неуклюжих "кочах", без карт, без компаса, и ходили в далекие морские плавания, которые неизменно кончались кораблекрушением. Вот знаменитый отрывок из дежневской отписки об открытии Берингова пролива: "И в прошлом же во 157 году, месяца сентября в 20 день, идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева Чухочки люди на драке ранили, и того Федота со мною Семейкою на море рознесло без вести, и носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берег в передней конец на Анандырь реку, а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы, а шел я бедный Семейка с товарищи до Анандыри реки ровно десять недель и попали на Анандырь реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные в рознь разбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенадцать человек, и ходили двадцать ден, людей и аргишниц, дорог иноземских не видали, и воротились назад и не дошед за три днища до стану обночевались, почали в снегу ямы копать; а с нами был промышленный человек Фомка Семенов Пермяк, учал им говорить, что де тут нам ночевать нечего, пойдем де к стану к товарищам; и с ним Фомкою только пошел промышленный человек Сидорко Емельянов да Ивашко Зырянин, а достальные люди тут остались, потому что с голоду итти не могут, а приказали ему Фомке, чтоб де я Семейка послал им постеленко спальное, и парки худые и чем бы де нам напитатися и к стану добрести; и Фомка и Сидорко до стану дошли и мне Семейке сказали, и я Семейка последнее свое постеленко и одеялишко и... с ним Фомкою к ним на Камень послал, и тех достальных людей на том месте не нашли, не ведомо их иноземцы розвезли..."

Как будто читаешь описание гибели Делонга на Арктическом севере или Скотта в Антарктике на юге.

Казаки были, конечно, плохие мореплаватели. Их кочи были, пожалуй, хуже даже тех дубов, на которых варяжские князья некогда делали морские набеги на Царьград.

Кочи были сшиты из деревянных досок раздвоенным ивовым корнем. Они были сколочены деревянными гвоздями, сквозь верченые дыры, конопачены мхом, слегка помазаны по швам сырой смолой живицей. Вместо якоря был большой камень на ивовом "кляче" (канат). Паруса были сшиты из полувыделанных шкур, как на чукотских байдарах. В кочах не было ни одного гвоздя, ни атома железа. В общем это было кораблестроение эпохи неолита. Кстати сказать, до самого последнего времени речные карбасья (лодки) колымских и анадырских поречан русско-юкагирского происхождения строятся по точно такому же методу. Мало того, верхне-колымские юкагиры, племя совсем умирающее, находящееся почти при последнем издыхании, заимствовали это унылое строительство у нижне-колымских русских и сделали его своей собственной специальностью. Верхне-колымские лодки юкагирского дела сплавляются вниз по Колыме за тысячу верст и охотно раскупаются по средним и нижним поселкам. Строительство крупных судов потерялось уже в самом начале XVIII века. В одной из казачьих отписок от первых годов XVIII века указано:

"Суда наши малы, а паруса слабы. Строить большие суда, как наши отцы, мы не умеем".

Вместе с тем казаки не были лишены своеобразной письменной культуры. Они имели с собою писцовые книги затем, чтоб записывать царский ясак и всякие пошлины. Записью заведывали особые писцы, подъячие, служилые люди, ясашные целовальники. Без письменного человека даже самый маленький казачий отряд чувствовал себя как без рук. "Дежнев кончает вышеописанный трагический рассказ о гибели своего отряда так: "...а осталось нас от двадцати пяти человек всего двенадцать человек. А в те поры у нас не было подъячих, записывать некому". Впрочем, тотчас же идет описание боя с Анаупями и указано: "ясак с них взяли и то в ясачных книгах поименовано, с кого что взято государева ясаку". Стало быть, несмотря на отсутствие подьячих в этой последней дюжине московских авантюристов, все-таки были и другие письменные люди.

Еще жалоба: "железа на подарки иноземцам у нас нет и бумаги у нас писчей нет же".

В писцовой книге тщательно записывалось также имущество убитых казаков промышленных людей и торговцев. "Да торгового человека гостиной сотни " Василья Гусельникова прикащиков его покрученика покойного Елфимка Меркурьева Мезени статки его мы пересмотрели и переписали на лицо при людях, и" никто за те статки не принялся, и мы их, без государева указа, в государеву казну не взяли, и положили их в казенный анбар и караулим их до государева указу. О тех статках, как государь укажет. И роспись тем статкам с сею же отпискою".

Мы видим, между прочим, что остатки убитых служилых людей, за отсутствием прямых наследников, поступили в государеву пользу. Некоторые, впрочем, сами оставляли свои "статки" государю.

Вот, например, "служивой человек" Иван Пуляев. Он был убит на государеве службе, "а изустную память оставил в ясачном зимовье своею рукою, что по смерти статки свои в государеву казну отписал, и мы те статки в государеву казну взяли, а что его статков и то в его изустной памяти писано, а с той изустной памяти список с его отпискою послан, а за ясырь его Иванову, взято на промышленном человеке Сидорке Емельянове тридцать соболей".

У Ивана Пуляева, кроме статков "из мягкой рухляди", был еще ясырь, то есть пленные, очевидно, туземцы, которые после его смерти были проданы промышленному человеку Емельянову за тридцать соболей. Туземный ясырь далее в то отдаленное время ценился дороже драгоценного черного соболя.

Рядом с казаками завоевателями, кроме промышленных людей, имели определенное место торговцы мелкие и более крупные. Так, еще в 1646 году торговый человек Исай Игнатьев отправился морем от устья Колымы к востоку. Он прошел между льдами и берегом и добрался до Чаунской губы. Там он торговал с чукчами и вернулся на Колыму {Щеглов, стр. 96.}. Это замечательное плавание торговца Исая Игнатьева совпадает по времени с завоеванием Колымы Михаилом Стадухиным. Оба имели место в том же 1646 году.

Игнатьев в дальнейших плаваниях был сначала ранен, а потом убит чукчами.

Я упоминал выше Елфимку Мезеню, покрученика прикащиков торгового человека гостиной сотни Гусельникова, бывшего в партии Семена Дежнева. Три степени торговой зависимости... Ефимка Меркурьев был "человек невеликой" и, возможно, никогда не видел своего главного хозяина, богатого торговца гостиной сотни Гусельникова. Он был в составе той группы, которая погибла на пешем ходу в гору за Анандырь реку. Он уцелел в числе последних двенадцати и был оставлен для охраны статков вышеупомянутых прикащиков Бессона Астафьева и Афанасья Андреева, доверенных торговца Гусельникова. Однако через малое время после того мы видим его уже покойником, и его собственные статки были переписаны вместе с хозяйскими и положены в казенный амбар на хранение.

Известно, что торговый человек Федот Алексеев, родом холмогорец, вместе с Семеном Дежневым был зачинателем знаменитого плавания и снарядил два коча на собственный счет. Дежнева с Алексеевым на море разнесло без вести в начале путешествия. В дальнейшем партию Федота Алексеева прибило к берегу, и бывшая с ним якутская баба, впоследствии отгромленная Дежневым из коряцкого плена, сказывала, "что Федот и служилый человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою, не знаю де куда".

С другой стороны, и сами служилые люди при случае становились торговцами и предпринимателями.

Тот же Дежнев рассказывает: "Да мы ж Семейка и Микитка с товарищи с служилыми и промышленными людьми, для государевы службы дали ему Юрью с товарищи два судна, деланные готовые кочи, со всей снастью... и карбас, чтоб у них государева служба, без судов и без снасти, в год не застоялась и путем бы не испоздать к морскому промыслу, и чтоб государеве казне учинилась прибыль болшая, а приняв суды, он Юрья сам смотрел и людей и товарищей своих досматривать посылал, и те суды к морскому ходу... а в тех судах и в снасти и в карбасе он Юрья нам и опись дал".

В 1649 году... послан на реку Колыму служилый человек Якутского острога Тимофей Булгаков, который сначала, выйдя из устья реки Лены и дойдя до реки Омолоя, принужден был, за льдами и противными ветрами, стоять в устье ее четыре недели. Отправившись дальше, он не мог дойти до устья реки Колымы и, повернув назад к устью Лены, встретил восемь гальотов "с царскими слугами, спекулянтами и купцами", которые выжидали благоприятного ветра. Выждав южного ветра, который разогнал лед, они пустились все вместе в море и обогнули Святой Нос, встретив в море еще четыре кочи, идущие с Колымы. Затем, когда они были вблизи Хромской губы, мороз вновь покрыл все море льдом, после чего засвежевший ветер унес их далеко от берега в море, где они и замерзли. После долгой борьбы со льдами суда погибли, а люди спаслись на льдинах и, изнуренные цынгою, стужею и голодом, с трудом пристали к берегу близ устья Индигирки {Щеглов, стр. 101.}.

Это оживленное движение русских судов у полярных берегов Восточной Сибири представляет странный контраст с безлюдностью этих вод даже в настоящее время. На восемь гальотов в половине XVII века теперь не найдешь даже единственной шкуны на прибрежье между Леной, Омолоем, до Хромской губы и до устья реки Индигирки. В то время все гальоты и другие суда были снаряжены на собственный счет всякими торговыми и промышленными авантюристами.

Все отношения казаков и промышленных людей с торговцами и между собой были всецело проникнуты торговым духом и основаны на записях и кабалах. Мы встречаем в отписках длинные перечни таких долговых записей и закладных кабал, например, в отписке Семена Дежнева: "взято на Тренке Курсове за бабей кожан четыре соболя, на Пашке Кокоулине за холстишко старое, да за прядено за три пасма, за малахай недорослиной, за сумочку, за лоскутишко, за сеть взято три соболя, за свечи взято из доимки пять соболей, на Степанке Каканине за ягоды да за торбосы да за огниво взята пластина соболья. На Гришке Бурке за лодку взят соболь да две гривны денег, на Сидорке Емельянове за лоскут за сеть взято две гривны, на служилом человеке Ваське Бугре за икру да за мясо взято четыре соболишка, на Васке Маркове за штаны ровдужные да за ушканину да за лоскутишко за сеть взята пластина соболья, на Сидорке же по кабале за четырнадцать соболей взято пуд кости, семь зубов, да три соболя на служилом Ивашке Яковлеве, да за воем рублев за десять алтын взято тридцать три фунта рыбья зубу, а взято на нем за одеяло шубное за три рубли да за котел да за десять чиров за пять рублев за десять алтын... на Семейку Дежнева кабала во шти рублях, а взял он топор да собаку да сетку волосяную, торговой человек Анисимко Костромин взял лоскут сети, да ровдугу, "два фунта свинцу, блюдо оловянное, пистолет, плат холщевый да клуб, кабала на него взята в семи рублях с полугривною, на Андрюшке Салдатке за крест., да за десять... да за сеть за мережную да за сковороду взята на нем кабала в трех рублях в двадцати алтынех, на Семейке Дежневе за фунт "за свинец, да за два клубка нитей, да за иглы, за прядено, да за платок полотняной да за собаку взята кабала в четырех рублях, на Федотке Ветошке с подпищиками за двадцать чиров, за фунт за свинец, за ладан, за холст за два алтына, за шапку вершек красной с околом, за клуб за тетивы пущалничные взята кабала в восми рублях в двадцати девяти алтынех".

Все бытовые подробности вышеуказанных записей можно вполне объяснить по современным колымским и анадырским данным. Прядено -- нить, мерится пасмами и служит для вязки сетей. Малахай -- шапка особого покроя, плотно облегающая голову. Недоросль или недорость -- гладкая короткошерстная оленья шкура, снятая поздним летом. Торбазы или торбасы -- мягкая местная обувь, главным образом из камасьев, снятых с ног у оленя, волка, лисицы и т. д. Ушканина -- зайчина. Икра -- красная, кетовая и желтая -- чировая. Ее морозят, толкут и мешают с мукой и пекут "барабаны", особые оладьи. Чир -- рыба сиговой породы (Coregonus nosus), ровдуга -- замша из оленины. Клуб, конечно, клуб нити. Тетивы -- веревки, на которых натянута сеть; мережная сеть или мережа, сшитая из двух неравных конусов, наподобие вечной чернильницы; шапка вершок красный с околом (собольим или бобровым) до сих пор является предметом щегольства для молодых казаков и мещан и т. д.

Мы видим, таким образом, что русские завоеватели того времени занимались рыболовством и охотой и питались единственно рыбой, не отвергая даже тухлой, заморной кеты. Они носили местную одежду и обувь и "держали на жену или любовницу" местных женщин за неимением собственных русских. В казачьих отписках мы встречаем чукотских и коряцких полонянок, якуток, тоже, вероятно, полоненных или купленных из ленских улусов и т. д. В женщинах был большой недостаток. В партии Дежнева упоминается только одна вышеуказанная якутка. В партии Беневского через сто двадцать лет упоминается на 67 мужчин 3 женщины. С другой стороны надо указать, что эти рыболовно-охотничьи навыки, одежду и обувь из шкур, русские завоеватели лишь частью позаимствовали от туземцев, а многое принесли с собою с запада, из тех холмогорских, архангельских и вятских поселков, откуда пришли они сами или их ближайшие предки. Русские посельщики на Печоре и Двине никогда не были земледельцами и жили "звериным обычаем", как некогда древляне и дреговичи. Северная Русь была племенем таких же извечных охотников и рыболовов, как лопари с остяками или камчадалы с юкагирами. Психология северных русских была и осталась психологией охотников, и даже в настоящее время худшей обидой для потомка полярных казаков является упрек: "тебя не зажигает на живое", т. е. вид живой и бегущей добычи, оленя или лося, не пробуждает в тебе звериных охотничьих инстинктов, напряжения мускулов к бешеной погоне и к убийству. "

Религиозные верования, фольклор северной охотничьей Руси связаны с той же производственной основой -- охотничьей и рыболовной. В лесу -- леший, хозяин звериных пород, в реке, озере -- водяной, владеющий рыбным богатством. Северо-славянский водяной или леший незаметно слились с лесным и озерным хозяином чуванцев и юкагиров в одно монолитное целое. Ассимиляция русских пришельцев, их уподобление туземным насельникам Севера и рядом с этим обрусение туземцев шли параллельно и совершились в какие-нибудь полвека именно потому, что обе эти группы, в сущности, имели одну и ту же производственную базу. Русские завоеватели, однако, не могли примкнуть ни к бродячим охотникам, ни к кочевым оленеводам. Им нужна была оседлость, теплая изба, даже субботняя баня. Они примкнули к речным рыболовам, стоящим на низкой хозяйственной стадии, пассивным, неподвижным, но при этом оседлым. Обруселые туземцы на крайнем северо-востоке всегда рыболовы. Рыба, приходящая из моря огромными рунами, дает постоянно легко добываемую пищу. Река приносит с далеких верховьев на юге бревна сплавного леса для топлива и стройки, до самого устья, вплоть до берегов арктического океана. Русские казаки смешались с юкагирами и чуванцами в одно население, и в какие-нибудь полвека неукротимые завоеватели усвоили робость "и слабость туземного жителя. Разгром русских отрядов неукротимыми чукчами, о котором я буду говорить ниже, вызван именно этим понижением активности.

Не только суда русские стали слабы, как сказано в казачьей отписке XVIII века, их души тоже стали слабы.

В качестве" русского наследия сохранился, во-первых, язык, полный старинных оборотов XVI и XVII веков, сохранился обильный фольклор, песни, былины и сказки, некоторые ремесла, особенно кузнечное, а также тот дух торгашества, который проникал все общественные отношения казаков-завоевателей. Колымчане, индигирщики, анадырщики, пенженцы и другие смешанные группы полярной Руси на крайнем северо-востоке до сих пор также постоянно считают друг на друге записи и кабалы "в трех рублях с четвертью", даже в "тридцати копейках". Записи, впрочем, все больше изустные, а денежные суммы -- 41 -- счетные, так как хозяйство имеет натуральный характер и рубль является лишь счетной единицей, а средством обмена являются продукты, особенно чай и табак.

Впрочем, колымчане и анадырщики никогда не претендовали на то чтоб считаться русскими.

"Русь мудрена,-- говорили они,-- мы какая Русь, мы так себе, койымский найод" (колымский народ). Русское наречие на реке Колыме, особенно на самом низу -- сюсюкающее, сладкоязычное.

Во всяком случае, в половине XVII века казаки были полны неукротимой свирепостью и расправлялись с туземцами без всякой жалости.

Дежнев перемежает свои горькие жалобы такими описаниями: "Да в прошлом во 159 году, осенью по полой воде послал он Михайло служилых и промышленных людей девять человек вниз Анандыру вниз реки к Ануалям, и те иноземцы Ануали тех служилых и промышленных людей побили всех, а сами они сбежали вниз Анандыру реки далеко и с государевым ясаком к ясачному зимовью не пришли; и мы ходили к ним Ануалям вниз Анандыру реки, а у них сделан острожек, и мы их из острожку вызывали, чтоб они государю вину свою принесли и ясак бы государев с себя дали; и они Ануали стали с нами дратца, и как нам бог помог взять первую юрту и на острожек взошли, и мы с ними бились на острожке ручным боем, друг за друга имаяся руками, и у них Ануалей на острожке норовлено готовый бой, колье и топоры сажены на долгие деревья да ножи, потому что за убийство русских людей ждали они на себя русских людей, и убили они у нас служилого человека Суханка Прокопьева, да трех человек промышленных, Путилка Афанасьева, Евтюшку Материка, Кирилка Проклова, да служилых людей Пашка Кокоулина на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку, и он Пашко немочен был всю зиму, да Артюшку Салдатка ранили из лука в лоб, да промышленных людей Терешку Микитина ранили из лука в переносье, да Фомку Семенова да Тишка Семенова на съемном бою изранили кольем, и бог нам помог тот их острожек взять и их Ануалей смирить ратным боем".

В другом месте тот же Дежнев пишет:

"Да прошлого ж 162 (1654) году на корге ходили мы на Коряцких людей, что от той корги живут недалеко и на коргу под нас тайно убойства для приходят и зверя морского моржа промышляют для корму, и мы яз Семейка с товарищи на них ходили, и дошли их четырнадцать юрт в крепком острожке, и бог нам помог тех людей разгромили всех, и жен их и детей у них поймали, а сами они ушли и жен и детей лутчие мужики увели, потому что они люди многие, юрты у них большие, в одной юрте живет семей по десяти, а мы были люди невеликие, всех нас было двенадцать человек; а на той драке того ж Пашка ранили из лука, а он убил мужика из пищали в висок". {Указанные коряцкие люди были, вероятно, "кереки", живущие ныне к югу от Анадыря, у мыса Ананнон (мыс Наварин). В настоящее время кереки совершенно обнищали и быстро вымирают, но, согласно своим собственным преданиям, они были раньше сильнее и многочисленнее, имели большие кожаные байдары и жили охотой на моржей. Они ходили за моржами на большое лежбище в глубине Анадырской губы, остатки которого сохранились до начала XX века. В настоящее время все население кереков едва ли равняется этому старинному поселку в Анадырской губе, который, согласно казачьим отпискам, имел четырнадцать юрт и в каждой юрте семей по десяти и больше. В конце XIX века, по сделанному мною подсчету, общая численность кереков доходила до двухсот.}

Такие описания следует одно за другим с удивительным однообразием. В течение второй половины XVII века русские покоряли чуванцев и юкагиров. В отписках упоминаются также ануалы и ходынцы. Все это были племена, очевидно, родственные. Даже в позднейших казенных бумагах встречаются такие указания: "ходынского чуванского рода ясашный юкагир".

Ануалы с ходынцами жили в дружбе. Когда казаки требовали соболей и те ануальские люди говорили: "что де у нас соболя нету, живем мы де не у лесу, а приходят де к нам оленные люди и те оленные люди придут и мы де у них соболи купим и ясак государю принесем".

И в 163 (1655) году апреля в пятнадцатый день Колупай и Локк -- ануальские аманаты "пошли на Камень, к оленным ходынским мужикам для соболиного торгу, на государев ясак".

Из отписок видно, что ануалы жили на тундре, а ходынцы имели оленей и кочевали с ними по горам, покрытым лесом и богатым соболями. Очевидно, к югу от реки Анадыря.

Мы, впрочем, мало узнаем из казачьих отписок об этих племенах. Находим лишь ряд имен, таковы: вышеупомянутые -- Колупай и Лок, Чекчой и Иегова, его брат Кеота, Лулай, Когюня, Каллик и Обый, аманат Ангара, Легонта *я* Пондонзя, из неясачных людей Чуванзей. Жили эти люди большими семьями или родами. О Чекчое сказано: "братьев у него четыре брата родных, а он пятый и иных родников много".

"...во 162 году весною того аманата Чекчоя братья и родники их хотели твою государеву казну, посадив закладчиков ближних своих родников, через Камень везть на Анюй реку на оленях, и в нынешнем, государь, во 163 году, осенью, тех твоих государевых ясачных людей, пришед с Камени от Пянжины. реки, многие немирные Коряцкие люди, побили и погромили, и жен и детей их поймали и оленей отогнали, и ныне де твоей государевы казны везти им не на чем; и тот аманат Чекчой и с братьями и с родниками своими били челом тебе государю, челобитную подали на Анандыре реке служивым людем Семену Дежневу да Миките Семенову с товарищи, чтоб их государь пожаловал велел бы своим всяким служилым людем от тех иноземцов оборонить их, а впредь де, во 164 году, они ясачные иноземцы твою государеву казну хотят перевезть на Анюй р. на оленях".

Еще упоминается ануальский мужик Мекерка, тоже с родниками своими. "Они пришли летом, тайным обычаем, тех аманатов отцов побили и всех родников их на смерть, а в прошлом 160 году, месяца ноября тот же Мекерка с родниками, тайным же обычаем пришед, и Когюню и родников его всех побил на смерть же и... их; и декабря в 7. день Ануальский аманат Колупай да родник его Лок били челом государю, чтоб их государь пожаловал, шли б на того Мекерку мы служилые люди и промышленные и их бы смирили ратным боем, чтоб побил де он Мекерка отца и родников наших, а вперед де он Мекерка тем же обычаем и вас государевых служилых и промышленных людей хочет побивать; и Семен Мотора и я Семейка Дежнев с товарищи на того Мекерка с родниками в поход ходили и призывали его Мекерку под государеву царскую высокую руку, и он Мекерка с родниками учинился непослушен, стали нас стрелять, убили служилого человека Семена Мотора, а служилого Пашка Кокоулина ранили в плечо и в стегно из лука, да Федотка Ветошка из лука ранили, да промышленного человека Степку Сидорова из лука ж ранили в руку, и мы жен и детей их всех поймали, а он Мекерка с родниками ушли, иные ранены".

Из сказанного видно, что ануальские роды вели между собой междоусобные войны и побежденные обращались за помощью к казакам.

Туземцы рано оценили значение железа, привезенного русскими: "а в прошлом 162 году, зимою и весною, ясачные люди ходынцы аманата Чекчоя братья и родники их говорили, что де во 163 году перевезем де государеву казну всю через Камень на оленях, на Анюй реку, только де родником нашим дадите ль железа всякого дельного".

Более решительными врагами чуванско-юкагирских племен были немирные коряцкие люди, жившие за Каменем: "в нынешнем де во. 163 году, осенью, приходили де из за Камени от Пянжина реки многие немирные Коряцкие люди, и наших де родников многих побили- да и нас де погромили, жен и детей наших поймали и оленей де отогнали, и всегда де нам от тех людей всякая обида и убийства и грабеж, и нам де те люди не в мочь, и чтоб их государь пожаловал, послал бы на тех людей своих государевых всяких служилых людей, с. нами ясачными людьми вместе, и тех бы коряцких людей смирил".

Анадырский край заметно отличается от внутренней Сибири своей ясачной добычей. Пушнина заметно убавляется, место ее замещает морской зверь, моржовый зуб выдвигается вперед вместо драгоценного соболя. Правда, на реке Колыме в XVII и даже XVIII веке было большое обилие соболя. По указаниям Словцова, в XVIII веке с средне-колымской ярмарки поступало в казну десятины девяноста соровдв соболей. Таким образом все число продаваемых там соболей было в десять раз больше, т. е. тридцать шесть тысяч, и то, разумеется, можно сомневаться, со всех ли покупок платилась казенная пошлина. В половине XIX века соболи на Колыме исчезли. Я нашел в колымском архиве последний соболиный след в 1853 году -- донесение о том, что охотники видели в лесу, к востоку от реки Колымы, два незнакомых звериных следа, которые "по сказкам" были, должно быть, соболиные.

О реке Анадыре казаки с самого начала сообщают:

"Река Анандырь не лесна и соболей на ней мало, с вершины малый листвяк днищей на шесть или на семь, *я* иного черного лесу нет никакого кроме березняку и осинника и от малого Майена кроме талника нет леса никакого, а. от берегов лесу не широко, все тундра да камень. А той реки Анадыря чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анадырю и которые реки впали болшие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь".

Листвяк -- это лес не лиственный, а лиственичный. Лиственница -- хвойное дерево, весьма обычное на Колыме и на Анадыре, талник (тальник) -- мелкий ивняк. Все же казаки собирали на Анадыре понемногу соболей. "А государева ясачного сбору со 158 году и всего, что и выше сего писано, на 158 год взято государева ясаку под аманата Чекчоя девять соболей, а во 159 году того аманата братья и родники его не приходили к ясачному зимовью, потому что де корму не было и они де разошлися вдаль по промыслом, а на 160 год взято под того аманата государева ясаку шесть соболей да пять пластин собольих, а на 161 взято семь соболей да пять пластин, а на 162 год взято государева ясаку четырнадцать соболей да двенадцать пластин собольих, а на 163 год взято семь соболей, да с Анаул взято на 160 год два соболя; да во 161 году с промышленных людей с их промыслов собрано десятинной соболиной казны воем соболей с пупки, да с судных дел за пошлинные денги два соболя да пластина соболья да тринадцать пупков собольих, а во 163 году собрано десятинных три соболя да пупок, а за пошлинные денги с судных дел взято пять соболей да три пупка собольи, а денежного сбору всего у нас два рубли четырнадцать алтын две денги да покойного Семена Моторы денежного сбору два рубли двадцать девять алтын две денги, да 162 году за пошлинные денги взято соболь; а тому ясачному сбору с кого что взято, каков зверь и которого году, и десятинному сбору, и с перекупных соболей, и по челобитным за пошлинные денги, что взято соболи и "денги, и тому всему книги у нас на Анадыре реке в ясачном зимовье".

В общем соболей собрали все-таки не много. Напротив, относительно моржей и моржового зуба мы находим в тех же отписках следующие данные:

"...И того ж 160 году пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль болшая, и нашли усть той Анадыру реки корга, за губою вышла в море, а на той корге много" вылягает морской зверь морж и на той же корге заморной зуб зверя того, и мы служилые люди и промышленные люди того зверя промышляли и заморной зуб брали, и зверя на коргу вылегает добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на полверсты и болше места, а в гору сажен на тридцать и на сорок, а весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много у берегу, а потому всего зверя на землю не выжидали, что ясачное зимовье вверху Анадыри реки и рыбные ловли высоко в шиверах, а корму у нас нет, и того б рыбного промыслу не проходить и не опоздать и голодною смертью не помереть бы; а на... пришли канун Петрова дни и Павлова верховных Апостол, а с корги мы пошли вверх по Анадырю июля в 17 день, а зверей промышлять ходили четырежды и зверь прилегает скоро на землю, а во 162 году зверь вылегал пожже, первой промысел был о Ильине дни, а потому вылегал пожже, что льды от берегу не отнесло; а которые промышленные люди Поморцы и они сказывают, что в Русском де Поморье столь много зверя того нет; а положили мы в государеву казну служилые и промышленные того рыбья зубу весом три пуда, а числом четырнадцать".

Про моржовый зуб говорится также в "отписке якутскому воеводе Ивану Акинфову служилого человека Юрия Селивестрова о прибытии его на реку Анадырь и о моржовом промысле" -- 1655 года после 30 марта.

"Отписка Якутскому воеводе Ивану Акинфову служилого человека Юрия Селивестрова о прибытии его на реку Анадырь, о моржовом промысле и проч.... итти мне Юшку за Ковыму реку на море и промышлять моржевой зуб на государя, что у меня Юшка явлена государю прибыль великая, пятьдесят пуд кости моржового зуба, и на новые реки Анадырь... и приискивать новых землищ и неясачных людей. И яз Юшко на Ковыме реке, по государеву указу, во 162 году прибрал охочих служилых и промышленных людей, а имена служилых новоприборных людей писаны под сею отпискою; и с ними с охочими служилыми людьми яз Юшко пришел на Анадыре реку с Ковыми реки того ж году весною "...с охочими служилыми людьми с Анадыря реки к морю на усть Анадыря реки на коргу промышлять моржа и кости моржового зуба, что яз Юшко явил государю прибыль великую: пятьдесят пуд кости моржового зуба и ту явленую прибыль государеву, пятьдесят пуд кости моржевого зуба, с охочими служилыми людьми, бог дал на корге упромышляли своим промыслом всю сполна, безобронно; да той государевой костей роспись, которые кости сколько числом в пуд тянет, первой пуд три кости полторы головы, да другой пуд четыре кости две головы, да четыре пуда по пяти костей в пуд" и т. д.

Вышеупомянутая корга, лежащая на южном конце Анадырской бухты, обозначается на картах как мыс Геек, а по-чукотски называется Giggrin. В конце XIX века здесь все еще водились моржи, но уже не было, разумеется, никакого заморного зуба, собираемого со старых моржовых скелетов. Моржовый зуб вообще измельчал.

"Самые добрые зубы на пуд три кости" отошли в область преданий.

К концу XVII века покорение юкагирской группы племен было закончено и началась новая война, с коряками и чукчами. Она имела характер упорный, затяжной. С коряками казаки в конце концов справились, хотя и не вполне. Но с чукчами совладать не могли, и после первых успехов казаки потерпели сокрушающее поражение. В войне с коряками и чукчами юкагиры были союзниками русских. В то время они уже были крещены и носили христианские имена. В казачьих отписках вместо Чекчоя и Мекерки указываются новокрещенный юкагир Иван Терешкин или юкагир ходынского рода Некраско и его родники.

Некраско -- старорусское имя, уменьшительное от Некрас (отсюда фамилия Некрасов). Среди казаков еще до конца XVII века попадалось много старорусских имен, не занесенных в церковные святцы. Таковы, например, Бессон, Некрас, Тренко (уменьшительное от Третьяк, отсюда фамилия Третьяков) и т. д.

Отписки, относящиеся к коряцко-чукотской войне, начинаются с записи 1690 года. В этом году служилый человек Василий Кузнецов отправился в поход на коряков, а оттуда в чукотскую землю. Он был там убит чукчами вместе со всеми товарищами. XVIII век начинается походом боярского сына Семена Чернышевского на немирных чукоч в 1701 году. В казачьей отписке читаем: "казак Тимофей Даурцов да Федор Порной, Петр Мунгал сказали: в прошлом де 701 году били челом великому государю, а в Анадырском прикащику сын боярскому Семену Чернышевскому анадырские ясачные Юкагиры Ходынского роду Некраско с родниками подали челобитную, чтоб с ними послать из Анадырского служилых людей на немирных Чюхоч в Анадырский Нос, которые им Юкагирам чинят в промыслу оленей смертные убийства и грабеж. И по тому их челобитью, он Семен послал их Тимофея с товарищи с анадырскими жители и с промышленными людми, в двадцать четырех человеках, да Анандырских Юкагирей и Коряк было в походе 110 человек. И пошли де они в тот поход в апреле месяце и ходили 28 недель. И в том де походе, в Анандырском Носу подле Анандырское море пеших Чюхоч юрт с тринадцать, и великого государя под царскую высокую руку их в ясачной платеж призывали и ясак просили; и те Чукчи им ясаку не дали и засели в юрты. И прикащик де их Алексей Чудинов велел к тем юртам приступать, и на том приступе в тех юртах мужеска полу человек с 10 убили и жен их и детей в полон взяли, и многие полоненные у них сами давились и друг друга кололи до смерти. А иные де Чукчи, подсмотря их служилых людей, из тех юрт ушли и учали в Носу сбиратца в одно место. И идучи де они служилые люди с вышеписанного побоища, нашли их Чухоч ста с три, и учинили с ними бой, и убили их человек с двесте и болше, а иные ушли на побег. И на другой день встретили их служилых людей они Чукчи в многолюдстве, оленные и пешие, а было де их в то время в сборе человек тысячи с три и болше, и бились с ними с утра до вечера и многих людей побили, а их служилых людей и ясачных Юкагирей они Чукчи человек 70 переранили, и от них отошли те Чукчи и стояли близь их. И от тех де Чукоч сидели они служилые люди в осаде 5 дней, и пошли от них на побег в Анадырской..."

Числовые данные отписки, разумеется, преувеличены. Казаки не могли встретить на Анадыре "тысячи с три и болше" чукоч. Все число взрослых мужчин у чукоч в то время едва ли превышало три тысячи при общей численности в 12--15 тысяч человек. С другой стороны, чукчи не только оказали казакам упорное сопротивление, но даже победили их и ранили 70 человек, а потом держали в осаде служилых людей 5 дней и заставили их уйти на побег.

Чукчи проявили неслыханное ожесточение. Полоненные люди давились и кололи друг друга до смерти.

Такой упорный, непримиримый, непобедимый характер чукчи выдержали до самого конца.

Следующая по времени отписка указывает, что служилый человек Иван Локосов в 1709 году был отправлен против немирных чукоч. Он привел одного чукчу, который обещал платить ясак, также казачьего сына Ивана Анкудинова, который был полонен чукчами и прожил в плену полтретьядцать лет {"Полтретьядцать" -- десять и два с половиной. В. Андриевич ошибочно указывает: полтора. Андриевич, I, стр. 121.}.

1710, апреля... показания служилых людей о претерпенных ими трудностях в морском пути и дорогою в Нижне-Ковымское зимовье:

"1710 году, апреля в 25 день, в Анандырском перед прикащиком Федором Котковским служилые люди: Иван Зеркальников, Афонасей Троицкой, Кирило Жаравлев допрашиваны, а в допросе своем сказали: шли де они из Зашиверскогу острогу морем с Данилом Бусормановым по-за льду заберегом, зело был ход тяжелый и мелкой, и шли де они с великою нуждою, на себе суды тянули, а погода была все встрешная, прижимная, в ходу нам не дал господь пути, во многих местах за погодой и за мелями много было стоянок, и потому судами не могли до Ковымского устья дойти, остался де Данило Бусорманов у моря на лайде, против Конковы устья, оголодали. И была де на судне мука Ивана Белобородова 4 мешка, и он де Данило тое муки сам не держал и нам есть не давал. И послал де нас троих в нижнее Ковымское зимовье землею через тундру от смертного голода для ведомости, а знающего человека из нас не было; и они де Иван с товарищи на тундре заблудились, и питались травою, и вышли к Ковыме сентября в 10 ден, и нашли казаков на рыбных промыслах: Ивана Иванова Силного, Михаила Плахина, Трифона Зырянова; и мы им про свою нужду сказали и про него Данила с товарищи известили, что он Данило от нас остался в добром здоровье на сухом берегу в Чукоцкой земле, а с ним осталось служилых людей 6 человек: Михайло Чибасов, Иван Скуратов, Максим Голятин, Василий Тоболской, Никифор Парамонов, Иван Нехоурошков. И жили де они в нижнем Ковымском зимовье до приходу служилых людей, которые посланы в нынешнем 710 году в Анадырской. Да в нынешнем 710 году, генваря, а которого числа, того не упомнишь, подъезжали к нижнему Ковымскому зимовью воровские Чюкчи с обманом; и из тех Чюкоч пойман один человек, чюкоцким названьем Ниткаль; и он Ниткаль сказал, что де Данило Бусорманов шел морем и Ковымского устья не узнал, и прошел де он Данило с товарищи до Большей реки мимо Ковымского устья и тут де его Данила с товарищи побили Шалаги Чюкчи.

На подлинном пишет тако: к сему допросу вместо Афанасия Троицкого, Кирила Жаравлева, по их веленью и за себя, Иван Зеркалников руку приложил".

В этой отписке впервые упоминаются загадочные. Шелаги или Шалаги, которые жили на Шелагском мысу и о которых гораздо позднее упоминал Врангель. Я указывал раньше, что современные чукчи считают шелагов иным племенем, более или менее родственным и называют их саасы -- чаунцы. Указанное, в отписке имя Ниткаль звучит не по-чукотски, по чукотской фонетике следовало бы "Ниркал". Наконец, воровские чукчи, подъезжавшие с обманом к нижнему Ковымскому зимовью, тоже должны были быть из тех же чаунцев. Настоящие приморские чукчи жили слишком далеко от устьев Колымы.

Весьма известна та часть отписок Дежнева, которая относится к его знаменитому плаванию и к более или менее подробному описанию "зубатых людей", живущих на большом острову.

"...а тот нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди Чюхчи добре много, против того ж носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба не малых костяных, а не тот, что есть первой Святой нос от Колымы, а тот Болшой нос мы Семейка с товарищи знаем, потому что разбило у того носу судно служилого человека Ерасима Анкудинова с товарищи, и мы Семейка с товарищи тех разбойных людей имали на свои суды, и тех зубатых людей на острову видели ж, а от того носу та Анандырь река и корга далеко...

В прошлом во 156 году, июня в 20 день, с Ковымы реки послан я Семейка на новую реку на Анандырь для прииску новых неясачных людей. И в прошлом же во 157 году, месяца сентября в 20 день, идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева Чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною Семейкою на море рознесло без вести, и носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы всюда неволею, и выбросило на берег в передней конец за Анандырь реку.

А с Ковымы реки итти морем на Анандырь реку, есть нос, вышел в море далеко, а не тот нос, который от Чухочы реки лежит до того носу Михаиле Стадухин не доходил, а против того носу есть два острова, а на тех островах живут Чухчы, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб, а лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с Рускую сторону носа признака: вышла река, становье тут Чухоч делано, что башни из кости китовой и нос поворотит кругом к Онандыре реке подлегло, а доброго побегу от носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет, а идти от берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала в губу. А в прошлом во 162 году, ходил я Семейка возле моря в поход и отгромил я Семейка у коряков якутскую бабу Федота Алексеева, и та баба сказывала, что де Федот и служилый человек Герасим померли цынгою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою; не знаю де куда".

Весьма интересным дополнением к отписке Дежнева является: "показания якутского служилого человека Петра Попова, посыланного в Чукоцкую Землю для собрания сведений о тамошних жителях и призывания их в ясачный платеж".

"1711 году, сентября в 2-й день, в Анандырском остроге, в судной избе, пред прикащиком якуцким, да пятидесятником казачьим Матвеем Скребыкиным, якуцкой служилой человек Петр Ильин, сын Попов, да анандырские промышленные Егор Васильев Толдин, новокрещен юкагир Иван Васильев сын Терешкин сказали: в нынешнем де 711 году, генваря в 13 день, по указу великого государя и по памяти прежнего Анадырского острогу прикащика Федора Котковского, велено де ему Петру с товарищи идти из Анандырского острогу вниз по Анадырю реке и собрать в казну великого государя ясак с решных чюкоч...

И по вышеописанному великого государя указу и памяти, он Петр с товарищи своими, с толмачами Егором Толдиным с Иваном Терешкиным, с устья Анадыря реки на Нос ходили, и за морскою губою немирных чюкоч проведали, и царского величества под его высокосамодержавную руку в вечной ясачной платеж со всяким усердным радением призывали. И они немирные Чюкчи ему Петру с товарищи сказали: и прежде сего русские люди у них Чюкоч кочами морем бывали, и в то де время они Чюкчи им руским людям никакова ясаку не платили, и ныне де платить не будем, и детей своих в аманаты не дадим. И с того Носу пришел он Петр с товарищи в реку Анадырь нынешнего ж 711 году, июля в 28 день, и с вышеписанных решных Чюхоч с Нокона с родниками? с 5 человек, по лисице красной с человека в казну великого государя ясаку на нынешней 711 год с казачьим сыном Михаилом Щипуновым с товарищи собрали, да вновь призвали царского величества под его самодержавную руку в вечной ясачной платеж решного чюкчю Капочилу, Ноканова брата и тот Чюкча с ними Петром с таварищи, с ясашным платежей пришол в Анадырской острог. А о иных всяких их иноземских обыкностех писано ниже сего. По их вере, в подлинном договоре меж собою у них Чюкоч твердость, дают порукою солнце.

Оленные Чюкчи в Носу живут по каменям, ради оленных своих табунов кочюют по разным местам. А пешие Чюкчи по обе стороны Носу живут по коргам, подле море, в земляных юртах, где коротает морж. А кормятца.они Чюкчи, оленные и пешие, промышляют по каменям и по рекам диких оленей и морскими китами, моржем, белугою, нерпами, корением и травою.

Против того Анандырского Носу с обеих сторон с Ковымского моря *к* с Анандырского есть де значитца остров и про тот остров подлинно ему Петру сказывали Носовые Чюхчи Махачкин с родниками: есть де на том острову люди зубатые, а веры де иной всякой обыкности и языку не их Чюкоцкова, особой, и из давных де лет и поныне у них Носовых Чюкоч с теми островными людьми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем; а бой де у тех островных людей лучной и у Чюкоч такой же. И он Петр с товарищи тех островных людей у них Чюкоч взятых в полону видал человек с 10. А зубы у тех людей, кроме природных, есть вставленные моржевого зубья маленькие кости, подле природные, в щеках. А с того де Носу на тот остров летним временем в байдарах веслами перебегают одним днем, а зимою на оленях на легке переежают одним же днем. И есть де на том острове всякий зверь, соболи и куницы и лисицы всякие, и песцы, и волки, и россомахи, и медведи белые, и морские бобры, и держат де у себя великие табуны оленей. А кормятца де они морскими зверями и ягодами и кореньем и травою. И всякой на том острову есть де лес: кедр, сосна, ельник, пихтовник, листвяк. И тот островной лес он Петр с товарищи у них Чюкоч в байдарах и в ветках и в юртах видели. А живут де они островные люди собою тако ж, что де и они Чюкчи и начальных де людей никакого у них нет. А в Носу зверя, кроме лисиц красных и волков иного никакого нет, и того малое число, для того, что зверю быть в том Носу не у чего, лесу никакова нет. А по смете Носовых оленных и пеших Чюкоч лушников с 2000 и болше, кроме Анадырских решных, а решных человек с пятьдесят и болше.

Островных де людей, применяясь он же Макачкин и островные люди которые у них Чюкоч в полону, сказывали ему Петру с товарищи: есть де их при них Чюкчах втрое, и он де Макачкин на том острове бывал по многие годы в походах, и называют они Чюкчи тот остров большею землею" {Памятники сибирской истории, 1, No 108, стр. 456.}.

Здесь дано совершенно точное и подробное описание полярной Америки, прилегающей к Берингову морю. Не нужно забывать, что оно было сделано хотя через полвека после Дежнева, но все же на 17 лет ранее плавания Витуса Беринга. "Зубатый", очевидно, перевод чукотского jьkьrgaulьn -- "ротастый".. Семен Дежнев в своем донесении также упоминает "зубатых людей", живущих на двух небольших островах, очевидно, на Диомедовых островах.

Небезынтересно упоминание о речных анадырских чукчах, Ноконе и его товарищах, плативших ясак за пять душ. Вплоть до настоящего времени речные чукчи среднего Анадыря платят примерно столько же ясаков. Среди них в большом употреблении имя Никон. Имя это греческого происхождения и записано в православных святцах, но оно, вероятно, имеет связь и с туземным именем Нокон начала XVIII века.

По приведенным данным можно судить, что война против чукоч велась почти беспрерывно с той же самой неукротимой жестокостью. Чукчи однако также не оставались в долгу. Я собрал в Походской деревне, на западном устье реки Колымы, ряд интересных преданий о чукотских набегах на русские поселки по Колыме и Анадырю.

Походская деревня населена потомками казаков завоевателей и долго составляла особую казачью станицу. В 1876 году казаки были переведены в мещане. Старая русская кровь сохранилась в этом поселке в сравнительно чистой форме. Встречаются люди высокого роста, с белокурыми волосами, с голубыми глазами, не только среди мужчин, но также и среди женщин, хотя вообще женщины у северных русских ближе к туземному типу.- Предания относятся в первым десятилетиям XVIII века:

"Было это в деревне Чукочьей. Деревня та на пятьдесят верст на запад от Похотска. Там теперь нет жительства, только рано по осени жители приходят на рыбалку. Там была караулка. Теперь она упала и лежит на боку. С этой караулки сторожили немирных чукоч. Она была большая, каждая стена по четыре сажени вышины. ВерXVIIIки-то были на одной высоте с городской церковью в Нижнеколымске. В ней было два яруса: верхний и нижний. Как-то старичок стоял на карауле. Занимался рассвет. Он посмотрел через реку, Чукотскую Протоку, такая есть узкая и тихая протока. На той стороне лежал древесный ствол и вот показалось ему, что человек в чукотской камлее из тюленьих кишек ступил через дерево. Тогда старичок сказал молодым: "Смотрите, ребята. Чукчи будто прячутся и хотят напасть на наше селение". Но молодые ребята не стали его слушать. Вот он собрал свою котомку, взял посох и ушел на Похотскую пешком. Прошло лето, стала осень. Когда ночи стали дольше, чукчи напали на деревню, захватили их сонными и всех перебили. Как выбежит какой из дому, тотчас его и убьют. Два брата были такие легкие. Этих никак не могли ни копьем поколоть, ни стрелой угодить. Бегают кругом. Старший-то брат побежал мимо старухи. Она насилу ходить могла и сидела на нарте. Вот она стрелила костянкой и угодила ему под коленко. Он упал и вскричал: "Эй, брат, один без меня хочешь на свете жить". Другой брат тут же поддался и обоих убили.

Еще один упал с мертвецами лицом навзничь и притворился мертвым. Он "лежал и смотрел сквозь прижмуренный глаз. Они одели старшего брата в белую кухлянку, а младшего -- в пеструю кухлянку и положили старшего на белой шкуре, а младшего -- на пестрой шкуре. Старуха-то безногая поползла от мертвого к мертвому и заглядывала всем в глаза. Когда доползла до того живого притворщика, подняла свою старую палемку (палемка -- кроильный нож) и стала потихоньку рубить его по переносью. А палемка-то у ней была старая, совсем тупая. В то время у чукоч железа не было. Тук, тук, тук. Вырубила все переносье, да он укрепился и ничем не шевельнул. А когда они ушли, притворщик поднялся и пошел в Похотскую с вестями. Послали отписку в Нижнеколымский город. В то время в городе казаков было как комаров. Амбары с провиантом, теперь пустые, были завалены мукой до потолка. Послали команду с оружием перенимать чукоч. Они подошли к Чукочьей деревне и увидели дым над высокой Чукотской Едомой {Едома -- гряда холмов.}, на запад от Колымы. Но они своровали и про дым не сказали ничего. В то время они боялись самого имени чукоч и не решались напасть. Так они воротились и сказали: "Мы ничего не видели".

После того было, чукчи-то передавали: "Мы перешли через реку-то по льду и летовали на Едоме. Когда русские стали ходить линялых гусей гонять, мы бросали им на воду наши травяные стельки {Чукотские стельки более тупые и круглые, чем у русских. Знающий человек легко отличит одну форму от другой.} для наших "дружков", чтобы они жили осторожно, да им невдомек было". После того чукчи-то разбрелись в разные стороны. Одна партия дошла до самой Индигирки. Так молодые ребята гоняли гусей. И был старичок Портнягин на Портнягинской тоне. Молодые-то пришли к нему и сказали: "Диво дивное. Когда мы гоняли гусей, прилетели на наш берег чукотские костянки, а откуда -- неведомо. Одного уже убили. А выйдем на берег, начинаем искать, никого нет". Он сказал: "Пойдемте туда. "Может, я найду чего". Портнягин на место сторожа вышел на бережок, ничего не видно, только кочки торчат из болота, такие круглые, да крупные. "Вот, говорит, палите по этим кочкам". Стали палить. Что ни выстрел, то из-под кочки падает чукча убитый. Всех перебили, а было их побольше двадцати".

В этих рассказах трудно отличить историческое зерно от эпического вымысла. Караулка в Чукочьей деревне действительно существовала. Я видел ее развалины в 1895 году. Караул выставлялся, очевидно, против "западных племен, обитавших на реке Большой Чукочьей. На западной Колымской тундре ряд географических имен связан с чукчами: Чукотская Протока, Чукотская Едома, Чукочья Деревня.

Однако рассказ упоминает о том, что чукотский отряд перебрался с восточного берега реки Колымы еще по льду.

Другие географические имена на самой реке Колыме имеют отношение к тем же похождениям чукоч. Таковы: поселок Дуванное, где чукчи дуванили добычу, поселок Погромное, речка Убиенная, речка Томилина, где на берегу томилась русская девица, подстреленная чукотской стрелой.

Другие эпизоды из тех же рассказов заимствованы из фольклора юкагирского, чуванского и также чукотского.

ПОХОДЫ ПАВЛУЦКОГО

Можно полагать, что чукотские набеги были одною из причин снаряжения походов Шестакова и Павлуцкого, самых значительных за весь XVIII век. Война началась в 1729 году, и уже в следующем году Афанасий Шестаков, казачий голова, был разбит чукчами и погиб вместе со всем отрядом. Иохельсон в своей книге о коряках подробно описал эти последние войны с туземцами северо-восточной Сибири {Иохельсон, "Коряки", стр. 789.}. Война эта совпала с большой экспедицией Беринга. Крашенинников указывает, что бот "Гавриил", бывший в распоряжении экспедиции, принял участие в походе "против чукоч и сделал нападение на Чукотский Нос. Жители бежали, а казаки ограбили пустые юрты. Крашенинников упоминает цепь, выделанную из цельного моржового зуба: "я могу смело сказать, что по чистоте работы, что по искусству, никто бы не почел оную за труд дикого чукчи и заделанную каменным инструментом, но заточенную подлинно. Чукотской оный художник, конечно, не скучлив был в работе: сумневаться не можно, что он употребил на сию работу не меньше года времени" {Крашенинников, II, стр. 51.}.

Павлуцкий предпринял несколько походов и в начале имел успех, но потом был разбит и погиб в 1747 году. Я приведу ниже ряд подробностей, относящихся к гибели Павлуцкого, взятых из чукотских преданий. Можно привести в дополнение несколько фактов, взятых из исторических источников. Согласно Словцову, первый поход Павлуцкого начался в 1731 году, из Анадырской крепости, и направился к северу, вплоть до Полярного моря. Павлуцкий имел двести пятнадцать русских и до двухсот коряков и юкагиров. После двухмесячного похода он достиг морского берега и две недели шел вдоль прибрежья. После того он имел первую встречу с чукчами. В течение месяца было три битвы, чукчи были разбиты, Павлуцкий повернул обратно к Анадырской губе и 21 октября пришел в Анадырскую крепость. На другим сведениям, Павлуцкий захватил большое число оленей, а также около трехсот чукотских женщин, которые были отправлены в Якутск, но все погибли на пути.

Впрочем, несмотря на такие захваты, чукотские пленницы редко упоминаются в списках населения указанной эпохи. Так, по переписи 1762 года среди населения Нижне-Колымска упоминается только одна пленная женщина чукотского происхождения, Liliŋe. В документах от 1811 года упоминается старая казацкая вдова Красноярова, урожденная чукчанка "Шишуха" (вероятно, Ciceŋe) и проч.

В 1738 году около двух тысяч чукоч, вооруженных луками, произвели нападение на коряков Анадырскаго округа, многих убили и угнали оленьи стада.

В 1741 году русский кабинет решил увеличить анадырский гарнизон и возобновить войну с чукчами. Казаки вначале одержали такую победу над чукчами, что могли в течение 3 $^1/_2$ месяцев питаться сушеным мясом вместо сухарей. Гарнизон состоял из 400 казаков и сотни чинов другого звания, кроме преступников, которые высылались сюда до марта 1764 года. В 1747 году чукчи снова начали производить набеги на коряцкую территорию. 21 марта Павлуцкий пустился в погоню за крупным чукотским отрядом. Он приказал главному отряду своего войска следовать сзади, а сам пошел вперед, имея с собой только 80 человек. Скоро он настиг врагов, которые стояли на холме и были весьма многочисленны. Русские стали держать совет. Один из помощников Павлуцкаго предлагал дождаться главных сил, но другой, по имени Горницын, сердито сказал: "Казаки, как видно, лишь дома не боятся, а в бою слабодушны. Теперь-то и время ударить на врага". Тогда казаки бросились вперед, но часть чукоч напала на них с тылу. Часть казаков убежала на оленях и избегла гибели. Павлуцкий и другие храбро сражались, но были перебиты. Упомянутый холм, по преданию, это Юкагирская Сопка, недалеко от Маркова. Другие предания, приводимые ниже, вполне совпадают с этим историческим отчетом вплоть до имени помощника Павлуцкого, который побудил казаков к битве. Он будто бы обратился в бегство.

Война продолжалась после поражения Павлуцкого. В следующем 1748 году в Анадырск была прислана рота солдат и казаки. В 1752 году прибыла сотня солдат под начальством майора Шмалева. В 1759 году чукчи осаждали Анадырскую крепость. Русские жестоко голодали. Наконец лейтенант Кекуров с тремя стами людей прорвался сквозь толпу осаждающих и обеспечил голодающих провизией благодаря удачной оленьей охоте.

Другие подробности первой экспедиции Павлуцкого содержатся в донесении 11 ее участников, представленном подполковнику Плениснеру, коменданту Охотска в 1763 году {Ср. Северный архив 1825, ч. 18, стр. 176.}. Оно несколько разнится от предыдущих сведений о численности солдат и датах сражений. Я считал бы его заслуживающим полного доверия, если б не то обстоятельство, что оно было написано спустя 32 года после описанных событий. По этому донесению, партия Павлуцкого состояла из 236 русских и 280 коряков и юкагир. Они прошли по необитаемым местам к Северному океану и потом повернули на восток. 9 мая они нашли жилище приморских чукоч и перебили всех жителей. Через некоторое время они встретили другое жилище и также всех перебили. Затем они вступили в бой с большим отрядом оленных чукоч; 450 чукоч было перебито, а 150 женщин и детей взято в плен. С русской стороны оказалось 2 убитых и около 70 раненых, но не тяжело.

После этого казаки нашли чукотское укрепление, сооруженное из оленьих саней, выездных и грузовых, покрытых моржовыми кожами и укрепленных большими камнями и землей. Все это кругом было обтянуто ремнями. Крепость была взята и разрушена. Внутри ее находилось пять жилищ {Означенная крепость, очевидно, принадлежала оленным чукчам. Все детали описания совершенно правдоподобны и соответствуют обстановке жизни оленных чукоч. Они, очевидно, построили вокруг своего стойбища ограду из саней и укрепили ее тяжелыми камнями, как будто против ветра, но русские оказались сильнее всякого ветра.}. На 29 июня была вторая схватка. Чукотских сил было до 1000, и бой продолжался с утра до обеда. Около 300 чукоч было убито, только 10 взяли в плен. Прочие бежали. В это время были захвачены большие стада оленей, всего до 40 тысяч голов. В третьей битве выступало до 500 чукоч, около 40 было убито, а все остальные бежали.

Был также убит один казак. Войско вернулось на Анадырь в первых числах ноября. В летнее время поход совершался пешком с кремневками и аммуницией за спиной. Провизия возилась на вьючных оленях. Пропитания имелось достаточно, но некоторые умирали в походе от различных болезней.

Второе донесение от 1763 года описывает экспедицию Павлуцкого, предпринятую в 1747 году и начатую 4 февраля. Павлуцкий имел с собой 400 русских. Отряд дошел по Тихоокеанскому берегу до Мечивменской губы, а затем повернул обратно. Ряд чукотских жилищ, оленных и приморских, был разрушен, и население перебито. Русские страдали от недостатка топлива и пищи и с трудом добрались до берегов Анадыря. К тому же 1763 году относятся три других донесения {Северный архив 1825, ч. 18, стр. 164.}: одно от чукотских гостей, пришедших на реку Анадырь, другое от казака, побывавшего в плену у оленных чукоч и прожившего у них около двух лет, и третье от женщины-пленницы американского происхождения, которая была взята, островитянами десяти лет от роду, продана затем оленным чукчам за копье с железным наконечником и два белых пыжика, а потом перепродана анадырскому казаку за медный котел. Все эти донесения содержат интересные подробности как относительно чукоч, так и относительно Америки. О чукчах русский пленник сообщает, что он видел, как отец убил своего сына, а брат убил брата. Также он описывает, как анадырские юкагиры приходили к чукчам выкупать своих пленных. Юкагиры приносили табак, котлы, ножи, топоры, луки, стрелы и бусы. Они выкупили девять человек. Чукчи были очень довольны и дали юкагирам одежды из пыжиков, белые пыжиковые шкуры, белые камусы, кухлянки из куньего меха, красных лисиц. Относительно Америки в первом донесении со слов чукотского гостя говорилось, что живущий в Америке народ называется "Кыкмын" {Ср. чукотский термин Kьmьn и азиатско-эскимосский Kixmi "мыс принца Валийского", западная местность Аляски (стр. 21). Точность термина указывает на правильность всей прочей информации.}.

У них есть иголки из меди. Медь эта красная, и они добывают ее в своей стране, но как они достают ее, он не знает. Зимой и весной американцы устраивают большие охоты на диких оленей. Они нарубают для этой цели большие завалы и строят изгороди, так что олени ловятся тысячами. Они приносят жертвы солнцу и морю, говоря: "Вот я даю тебе жертву от моего труда. Будь и ты моим помощником в нужде" (это короткое заклинание совершенно чукотское и по смыслу и по стилю).

Женщина рассказала, что у американцев дома построены из сырого леса -- тополя, лиственницы и осины. Они сделаны из стоячих бревен, имеют круглую форму и покрыты землей. Летние помещения также округлой формы, покрыты оленьими шкурами и моржовой кожей. Складочные помещения вырыты в земле. Народ не имеет железа, кроме немногих ножей, купленных у чукоч. Огонь добывают, ударяя кремень о кремень. Пищу варят в глиняных горшках собственной выделки.

Следует также упомянуть несколько экспедиций Димитрия Лаптева, морского офицера, сделавшего в 1739--1742 годах съемку арктического побережья от устьев Лены до Большого Баранова мыса. Впрочем, его экспедиция была чисто научного характера и не имела отношения к чукотским войнам. Лаптев со своими спутниками провел зиму в пустынном месте на восточном рукаве реки Колымы, вблизи океана. Там, на Толстом мысу, они построили большую деревянную казарму и довольно высокую сторожевую башню, стоящую особо на мысу. Обе постройки уцелели до начала XX века, и я имел случай снять с них фотографию. Башня получила название "Лаптевский маяк". По рассказам, на вершине этой башни зажигался огонь, чтобы служить маяком членам экспедиции, бродившим по тундре. Впрочем, верхушка Толстого мыса гораздо выше башни, и можно было бы там зажигать огонь без всякого особенного маяка.

Можно также упомянуть двух якутских купцов, Шалаурова и Быкова, которые в 1755--1764 годах делали несколько поездок на восток от устья Лены. Поездки имели торговые цели и доходили до мыса Эрри (Шелагского). Там, на мысу, Шалауров и Быков погибли со всеми своими спутниками. Так называемые Шалауровские казармы, построенные для зимнего жилья на Нижней Колыме, вблизи океана, тоже стояли до последнего времени.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОЙНЫ

Экспедиция Павлуцкого была последним военным походом русских против чукоч. Вскоре после этого правительство решило прекратить эти походы, которые требовали значительных издержек и не приносили никаких доходов. Иохельсон выразил мнение, что прекращение русских походов в чукотскую землю вытекало из того, что чукчи не имели предметов, пригодных для ясака {Иохельсон, "Коряки", том VI, стр. 785.}. Это мнение может быть подтверждено документами.

Многочисленные отписки казаков и промышленных людей, часть которых уже упоминалась выше, постоянно повторяют: "Там, в чукотской земле, нет зверя, кроме волков и красных лисиц, и тех мало из-за скудости леса.

В ответ на эти сообщения правительство посылало приказы: "А вам бы итти туда, к немирным чукчам, и уговаривать их поклониться под высокую государеву руку, на вечный платеж ясака. Взять с них присягу на подданство и устроить писцовые книги и брать с них ясак по записям. А если в той земле скудно соболями и лисицами, брать ясак моржовой костью" {Моржовая кость имела достаточную ценность, ее запасы на Медвежьих островах и на устье Анадыря скоро истощились. Оленные чукчи, ближайшие к русским острожкам и против которых преимущественно велась война, не имели даже моржового зуба.}.

Через семнадцать лет после Павлуцкого начинается сокращение русской военной силы на крайнем северо-востоке Сибири. В 1764 году была оставлена Анадырская крепость. Генерал-губернатор Восточной Сибири в своем докладе от 24 ноября 1792 года говорит следующее: "Анадырская крепость существовавшая с 1710 до 1764 год, стоила казне 539 246 рублей и причинила потерн 841 760 рублей различным племенам, которые перевозили казенные грузы".

Всего израсходовано 1 381 006 рублей. Доходов за все время -- 29152 рублей. В виду этого она была оставлена в 1764 году. {Исторический обзор чукотского народа (Вестник И. Р. Г. О. 1856, V).} Такие затраты на одну небольшую полярную крепость являются неслыханно большими, особенно если принять во внимание крайнюю нищету жителей Восточной Сибири; а если принять во внимание действительную стоимость денег в XVIII веке, то итог этот должен быть утроен. Что касается точного года уничтожения крепости Анадырска, то некоторые историки относят его к 1771 году. Я нашел в нижне-колымском архиве совершенно точные данные, что оно произошло в 1764 году. Анадырская церковь была разобрана. Ее колокола и утварь были перевезены в Гижигинск и Средне-Колымск в 1766 году. В 1774 году Анадырские колокола были перевезены из Средне-Колымска в Гижигинск.

В 1769 году большая часть нижне-колымского гарнизона также была отозвана {По моей собственной переписи в 1895 г.}. По реестру 1762 года все население крепости составляло: мужчин -- 585, детей -- 53, женщин -- 236. Большую часть населения составляли солдаты, казаки и служилые люди. В Нижне-Колымске была оставлена только часть казаков. Столетием позднее все взрослое мужское население на Нижней Колыме было 128 человек. Оставшиеся казаки были использованы для различных местных нужд, главным образом для охраны казенных складов, для перевозки почты, также в качестве ординарцев, денщиков и проводников для всякого начальства.

Быть может, небезынтересно отметить, что некоторые из этих казаков были вооружены луками вплоть до 30-х годов XIX века. Так, например, в реестре казаков, посланных на Анюйскую ярмарку в 1837 году, значится между прочим: "Степан Котельников -- лук. Мирон Попов -- пищаль. Иван Куприанов -- лук" и проч. Все эти казаки были разделены на две части. 1) Станичные казаки, жившие в селении Похотском, на западном устье Колымы и на ее притоках. Они несли только местную службу. В 1876 году станичные казаки были частью распущены, а частью переведены в мещане. 2) Служилые казаки были рассеяны по всей стране, в большинстве же обитали в Средне-Колымске и Нижне-Колымске и составляли две соответственные команды. Вместе с прочими казачьими командами, находившимися в городах и округах Якутской области, они составляли Казачий Якутский полк, единственный казачий полк, числившийся по пехоте и подчиненный министру внутренних дел.

Поселение на Анадыре было восстановлено в 1784 году, но новыми жителями его явились не столько русские, сколько обрусевшие туземцы; поселок был передвинут на урочище Марково, верстах в десяти от прежнего места, от Нижне-Колымск был передвинут на теперешнее место в 1773 году. Раньше он был расположен верстах в двадцати, на так называемой Стадухинской протоке. Протока в прежнее время была глубока, но потом постепенно обмелела. Новый поселок был перенесен на главное русло реки, как раз против устьев обоих Анюев, которые впадают в Колыму почти в "одном и том же месте. Здесь было несколько домов еще гораздо раньше. Новый поселок не имел стратегических выгод, но был прекрасно приспособлен исключительно для торговых целей. Стадухинская крепость была окружена частоколом. Новый поселок уже не имел частокола, но по старой привычке также назывался "крепостью". Средне-Колымск, на Средней Колыме, также некогда был укреплен, деревянная башенка до последнего времени стояла на углу церковной ограды, на холме в средине города. Все эти факты указывают, что войны с чукчами были прекращены совершенно. Чукчи, когда они были оставлены в покое, с удивительной быстротой из "немирных" превратились в "мирных".

ТОРГОВЛЯ

Можно предполагать, что некоторые сношения между чукчами и русскими все же существовали в это переходное время. Так, в 1779 году казачий пятидесятник Иван Кобелев был отправлен из Гижигинска на Чукотский нос {Материалы, извлеченные из календарей 1784 г.}. Этот Кобелев впоследствии сопровождал Биллингса в его путешествиях по стране чукоч. В течение полустолетия он служил в качестве первого официального переводчика чукотского языка. Жил он очень долго, более ста лет, и имя его упоминается даже в 1849 году.

Частичная меновая торговля с чукчами происходила в древние времена на Среднем Анадыре, близ устья реки Красной, одного из притоков Анадыря. В летней охоте на диких оленей здесь принимали участие все соседние племена. Здесь встречались юкагиры, чуванцы, оленные чукчи и даже приморские чукчи приезжали сюда на своих кожаных лодках. Сведение о подобном посещении чукоч имеется от 5 августа 1763 года {Северный архив, ч. 18, ст. 164.}.

Открытие торговли на Колыме

Сношения с чукчами в более широких размерах были восстановлены в 1788 году Баннером, зашиверским исправником на реке Индигирке. После отзыва гарнизонов Колымский округ был подчинен индигирскому начальнику, как ближайшему на западе. Впоследствии Зашиверск совершенно обезлюдел. Колымский округ сделался самостоятельным, а Индигирский был приписан к г. Верхоянску. Чукчи оказались очень склонными к торговле с русскими. Они нуждались в русских товарах, более всего в железе и табаке: вследствии этого русские и чукчи согласились встречаться ежегодно весной в целях торговли в местности к востоку от Колымы. Первое такое место было выбрано на Большом Анюе, у устья его притока р. Ангарка. В 1805 году Зашиверск был лишен значения административного центра, и официальный центр Колымской области был установлен в Средне-Колымске. Несколько лет спустя чукотская весенняя ярмарка была передвинута на берег Сухого Анюя.

Анюйская ярмарка

Деревянная крепость была сооружена и окружена частоколом, как это вообще имело место в раннюю эпоху. Русские все еще боялись чукоч и желали иметь защиту против внезапных нападений, но никаких нападений не было, и другие ярмарки, устроенные в Гижигинском и Анадырском округах, уже не имели частоколов. Они представляли группу бревенчатых зданий, на поляне в лесу или даже прямо в открытой тундре на снегу. Я записал интересный чукотский рассказ о начале Анюйской ярмарки. По этому рассказу, чукчи так сильно желали торговли с русскими, что готовы были заставить русских открыть ее даже силой. "Много лет спустя после убийства Якунина (Павлуцкого) была в первый раз открыта весенняя ярмарка на р. Анюе. Собралось множество народа -- чукоч, русских, чуванцев, и сразу желали начать обмен. Тогда явился офицер от царицы (Екатерины II) и заявил: "Сердце мое полно гнева. Вы убили очень много царицыных людей. Я не дозволю этой торговли". Чукчи стали отрицать обвинение. "Мы не делали этого. Это сделали анадырские люди". Четыре силача пробрались к русской крепости и стали смотреть через щелку в дверь дома, где жил исправник. Он сидел одетый во все красное, в красную шапку, красный мундир, в красные сапоги. Один из силачей сказал: "Сломаем эту дверь и схватим его". Они сломали дверь, схватили красного человека и увезли его на стойбище. Офицер кричал, звал на помощь, но никто не слышал его голоса. На следующее утро русские подняли шум. Местный исправник требовал, чтобы царицын офицер был возвращен обратно. "Нет,-- сказали чукчи,-- вы должны сначала открыть торговлю". Четыре силача отпустили пленника и, чтобы утолить его гнев, дали ему две черных лисицы. Тогда люди сказали: "мы не можем торговать без переводчика". Они нашли Кеку (уменьшит, от Иннокентия), человека чуванского рода, жившего на реке Большой, и сделали его своим переводчиком {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 391.}.

Имеется еще рассказ, относящийся к тому же самому времени. "С течением времени они перестали сражаться. Люди народа Etel (чуванцы) сделались у них переводчиками. Все они стали дружественными, и война прекратилась. Тогда чуванец Nutewgi приехал к чукотскому силачу Eeŋéjwu и привез бумагу о прекращении войны. Вместе с этой бумагой была большая серебряная медаль".

Что касается бумаги с медалью, то таковые действительно сохранились в одной чукотской семье, жившей на Большом Анюе. Хозяева держали их в плоском деревянном ящике и употребляли этот ящик при обрядах, как семейную святыню. Мне удалось купить эти предметы. Два документа помечены: один -- 1788 годом и другой -- 1791 годом. Привожу их здесь полностью:

I
БИЛЕТ

Объявителю сего Чукотской чаунскои тоен Хамахеи вступил в российское подданство прошлого 1788-го года, в чем во уверение учинил присягу сообезательством сродом ево плати взашиверскую округу каждогодно когда -- спрошен быть имеет ясак скаждого человека луком владеющим по одной лисице, икогда оно потребуетца -- то отдавать ему безотговорочно -- за которое усердие исказны Ея Императорского Величества -- пожалованы алые кавтаны сходные сыркутским наместническим мундиром, икортики снадписанием напортупеях российской верноподданной -- Господ Командуимеющих прошу чтоб оного тоена Хамахая принимать и почитать заверноподданного -- Ея Императорского Величества раба, для чего сей -- билет ему заподписанием моей руки исприложением -- Герба моего печати, дан февраля васьмого дня 1789-го Года -- Земской исправник Берг гешворен Иван Фишер.

Казачей сотник Иван Зеленых

м. п.

II

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Иркутского Наместнического Правления Чюкотского Народа Тоену Хамахаю
По указу
Ея Императорского Величества Иркутское Наместническое Правление определило Дать Вам Тоену Хамахаю Сей Ея Императорского Величества указ Стем Чтобы Вы Подоброи Вашей Воле Сродными Своими Вошедшие Под-Высоко-Славное Ея Императорского Величества Всероссийское Императорское подданство Против Продчих были Отличены Сим Главным Тоена Названием Ичто Таковое Ваше Извсех Ваших Родников Усерднейшее Желание быть Вооном

Приемлется
Сособливым Уважением, А Дабы Вы Ивсе Ваши Родники От всех почитаемы
Ипризнава
Емы были Все Росийскими Верно-подданными Ичтобы Вам ивсем Родникам Никто немог --
Учинить Какового Либо Вреда Или Утеснения; То Предписывается Чрез Сие Всем
Российским под
Данным Делать Вам Вовсем Где-бы-то Нислучилось Всякое благодеяние Ивсевозможное пособие
Ичтоб Никаких Видов Кнарушению Вашего Спокойствия Итишины Преподаваемонебыло, и что
Вы Впротивном Всему Тому Случае Как Российским Так Идругих Держав
Иностранным
Людям Показывать Должны Сей Ея Императорского Величества Укас итребозать освои
Российских Единоподданных Всего Вышепрописанного Аот иностранны Мирного
Обхождения на

Против Чего Исостороны Вашей Надеется Россия Что Вы Ввернoподданнiчество Вашем
Оставшись Непоко .... но Неупустите ..... Ея
Император
Стаго Величества Всемилостивейший Государыне полезно Итщательно отвращать Будите Все те обстоятельства Которые Нарушить Могут Как Ваше Так ивсех спокойствие Итишину: -- Воверность Чего Дан Сей Из Иркутского Наместнического правле
Ния Вгубернском Городе Иркутске заподписанием Членов Исприложением
Герба пе-
Чати; Октября мц дванадес дня 1791 года: Правления Советник .... Советник
Александр Постников
Iркутского Наместнического Правления Советник Моеор Василии Верещагин

Усего Указа Ея Императорского
Величества иркутского наместни-
чества Правления печать

Секретарь Герасим Некрасов

No 8712

м. п.

Хамахей -- это чукотское имя Qьmьqəj ("червячок"). Другой чукча с тем же именем, с которым Врангель встретился на Шелагском мысу, быть может, был потомком этого первого "верно-подданного". Из документов можно видеть, что русские власти продолжали стремиться сделать чукоч подданными и заставить их платить ясак. Но с этого времени они действовали с большой осторожностью путем уговора и без всякого принуждения. Такая политика не изменилась до самого последнего времени, хотя иногда самые ретивые чиновники старались привести чукоч к настоящему подчинению. Наиболее ретивым из всех был барон Майдель.

Российский свод законов содержал особые статьи, относящиеся к народам, "не вполне покоренным" {Свод законов, изд. 1857 г., IX, ст. 1254--1255.}. Одна из этих статей, 1254-я, гласит: "Они управляются и судятся по собственным законам и обычаям и русскому закону подлежат только при убийстве или грабеже, совершенных на русской территории". Выше нами упоминалось, что на Анюйской ярмарке только внутренняя крепость считалась русской территорией. Снаружи от самых ворот начиналась свободная чукотская земля. Ст. 1256 гласит: "Чукчи платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают". Эти статьи, однако, были исключены в следующем издании свода 1876 года.

ЧУКОТСКИЙ ЯСАК И "ЧУКОТСКИЕ ПОДАРКИ"

Чтобы вызвать у чукоч желание с большой охотой платить ясак, Баннер выхлопотал от правительства ежегодную сумму на так называемые "чукотские подарки". Эта сумма отпускалась из фонда кабинета его величества в соответствии с тем обстоятельством, что ясак от инородцев также поступал в этот кабинет. Размеры ассигновки были довольно изменчивы. Так, в 1791 году она составляла 500 руб., а в следующем году -- только 85 руб. Столетием, позднее, в 1861 году и далее, она составляла 150 руб.

Майдель упоминает о 143 руб., как сумме, потребной для 1869 года. На эти деньги покупался табак, котлы, ножи, которые брались на ярмарку и давались как бы в уплату чукчам за их ясаки. Ясак, как и в прежние времена, был с человека по лисице, преимущественно красной; впрочем, принимались и белые песцы, хотя песец был значительно дешевле, чем красная лисица. Кажется, что вначале чукчи, вследствие сильного желания торговли, были готовы даже платить настоящий ясак.

Так, приведенный выше рассказ об открытии Анюйской ярмарки содержит между прочим следующее. Стал говорить начальник от царицы: "Сердце мое гневно, куда вы дели столько царских людей?" -- "Отложи гнев, -- сказали чукчи, -- перестань искать по убитых людях, лучше сделай над нами начальника, сосчитай наш народ. Пусть наш начальник вместе с народом платит царице ясак в расплату за тех убитых".

Я слышал этот рассказ в семье Ejgeli, чье имя было упоминаемо выше. Он, вероятно, отражает более поздние меры, введенные Майделем. Впрочем, по существу рассказ относится к более раннему времени.

Русские, конечно, могли бы действительно установить торговый налог, род ярмарочного сбора. Но вместо этого они стремились ввести настоящий ясак, вроде того, который привел ко всем предыдущим войнам. Этот ясак вносился весьма не регулярно. Например, в 1835 году было 27 плательщиков, в 1837 году -- 20, а в 1838 году -- всего только 8. Царские подарки скоро придали ясаку характер настоящего обмена и даже с приемами торговли. Чукчи желали получить возможно больше, а русские чиновники старались дать поменьше; обе стороны таким образом усердно торговались. Впрочем, в большинстве случаев подарки соответствовали обычной цене мехов, принесенных в ясак. Так, в 1806 году чукотский ясак составляли 10 красных лисиц. И в виде подарка было дано 27 фунтов табаку, ценою в 40 рублей с полтиною. Якутские власти, однако, были недовольны такой сделкой, так как цена лисиц равнялась цене табаку вместе с провозом, и, стало быть, не было никакой прибыли. В 1832 году за каждую красную лисицу давалось 3 фунта табаку и железное копье, что было еще менее выгодно. В 1837 году за каждую красную лисицу давалось 2 $^1/_2$ фунта табаку, большой нож, бусы, иглы, леденцы, сухари и т. д. {Ср. Иохельсон, стр. 799.}

Так называемый "поклонный ясак" также появлялся от времени до времени. Так, в 1832 году семь человек поклонились царю семью черными лисицами. В 1814 году чукчи представили царю 70 пудов моржового зуба и 17 пудов пушнины. Этот подарок совершенно выходит из ряда. Я полагаю, что это был просто результат торговли, которую чиновники вели на казенные товары для пользы казны.

Одну часть ясака платили оленные чукчи, другую -- приморские торговцы-поворотчики, игравшие такую важную роль в чукотской торговле.

Подарки таким образом распределялись между указанными двумя группами. Приморская группа была важнее, потому что лучшие меха американского происхождения добывались через торговцев этой группы.

Правила Трескина

Торговля на Анюйской ярмарке велась более или менее непрерывно до 1811 года. В этом году, иркутский губернатор генерал Трескин ввел ряд правил, которые должны были урегулировать с крайней строгостью чукотскую торговлю. Правила эти вошли в силу в 1812 году и сохранялись до 1869 года, когда они были отменены Майделем. Трескин даже для своего времени был известен жестокостью и лихоимством, и карьера его закончилась тем, что он попал под суд, что в то время случалось не часто {В глазах якутского купца или торговца Трескин является злодеем, из злодеев, страшнейшим тираном и кровопивцем (Майдель, "Путешествие в северо-восточную часть Якутской области", т. 1, стр. 310).}. Он отличался вообще постоянным стремлением строго урегулировать весь ход жизни, что так характерно для всей бюрократии петербургского периода русской истории. Наиболее существенной чертой вышеуказанных правил и установлений была табель постоянных цен на все наиболее дорогие предметы ярмарочной торговли, как-то: бобры, всякие лисицы, куницы, моржовая кость, а с русской стороны -- табак и котлы, железные и медные. Основной единицей обмена с чукотской стороны являлась красная лисица, а с русской -- табак. Предметы меньшей ценности, как-то: оленье мясо, тюленьи ремни, покупались по вольной цене в обмен на железный товар, сахар и т. п. В некоторые годы в табель включались пыжики, но большей частью они продавались свободно. Иногда казаки и рядовые граждане получали право вести мелкую торговлю с чукчами на сумму до одного пуда табаку, но только такими самыми необходимыми предметами, как мясо и одежда. В другие годы и этого не позволялось. Табель цен устанавливался ежегодно выборными от торговцев вместе с исправником и главными чукотскими торговцами, но обычно она оставалась из года в год без перемены и имела следующий вид:

1 пуд табаку или 1 п. железных котлов или 1 п. медных котлов -- 10 красных лисиц
1 черная лисица -- 20 " "
1 сиводушка -- 2 " "
1 бобер или выдра -- 2 " "
1 рысь -- 3 " "
1 кунья парка (верхняя одежда) -- 5 " "
1 медвежья шкура -- 1 " "
3 куницы -- 1 " "
4 песца -- 1 " "
4 средних моржовых клыка -- 1 " "
4 пыжика -- 1 " "
1 парка -- 1 " "

Лисицы и прочие шкуры должны были быть дошлые и целые, с хвостами и всеми четырьмя лапами.

Пред открытием ярмарки весь табак, под наблюдением выборных, делился на кипы по одному или по два пуда, укладывался в кожаные сумы и запечатывался. Он должен был быть совершенно сухим и хорошего качества. Вспрыскивание водой, увеличивавшее вес, строго воспрещалось. Торговля предметами установленных цен дозволялась только один день. После того начиналась мелочная торговля, как сказано, по вольным ценам. Таким образом главная русская ценность -- табак -- была унифицирована как деньги для всех торговцев.

Котлы железные и медные были также одинакового качества. Чукотские же меха, наоборот, значительно разнились по цене и по качеству. Такое неодинаковое положение двух торгующих сторон вело к странным сценам, описанным между прочим Врангелем. Торговля открывалась на льду реки близ крепости. Когда подавался сигнал к началу торговли, чукчи спокойно оставались у своих саней. Между тем русские бросались вперед, таща свой табак, стараясь всеми силами обогнать друг друга и захватить лучшие меха. Купечество в общем было склонно поддерживать указанные правила, так как через их посредство оно надеялось удержать ценность русских товаров на известном, довольно высоком, уровне.

В первом издании правил 1811 года между прочим значилось: "Никто не имеет права торговать пониженной ценой, напротив того, каждый обязан тщиться, дабы поднять цену елико возможно, так чтобы больше выгоды было на нашей стороне". Все это довольно ясно. Но с течением времени некоторые изменения в табеле цен стали неизбежными. Это было осуществлено в виде так называемых "прибавок" к установленным ценам. Так, в 40-х годах XIX века 10 красных лисиц ценились в 1 пуд табаку и котел на прибавку. 20 лисиц ценились в 2 пуда табаку, котел и россомаху. Отдельные торговцы тем не менее старались все время обойти правила, сбивая цены и покупая малоценные предметы за табак, а также торгуя с чукчами в долг, что было строго запрещено. Некоторые купцы устраивали тайное соглашение со своими чукотскими друзьями и вкладывали в запечатанные табачные сумы особое "добавление". Так, один торговец в течение многих лет подкладывал в каждую большую суму с табаком полбутылки спирту. Торговля его процветала. Все это вызывало постоянные ссоры, взаимные жалобы, доносы и кляузы. Нарушители наказывались с чрезвычайной суровостью, особенно бедные. Так, в 1838 году купец Бережнов был лишен права торговли на 10 лет за то, что он выменял у одного чукчи за 10 фунтов табаку оленьи шкуры, не включенные в табель. Шкуры ему были нужны на одежду для его сестры. А в меновом торге на лисиц у него нехватило трех четвертей лисьей шкурки. В 1842 году Мястуков, бедняк, подвергся такому же наказанию на 13 лет за то, что в меновом лисьем торге у него нехватило одной лапы. С другой стороны, купечество, как корпорация, было склонно монополизировать всю торговлю с чукчами именно на ежегодной Анюйской ярмарке, с исключением всех других мест и способов торговли. Так, в 1849 году колымские купцы жаловались на якутского купца Трифонова, желавшего вновь открыть забытый путь на Анадырь и Гижигу. Трифонов был очень предприимчив. Он делал несколько попыток разыскать этот путь. Однажды он, руководясь официальной картой, заблудился и вернулся на Омолон. Дорогой он посещал стойбища чукоч и ламутов, и колымские купцы жаловались властям, что Трифонов нарушает правила Анюйского торга.

В 1859 году такая же жалоба была подана на купца Николая Бережнова его собственными двоюродными братьями: Павлом, Лукой и Гавриилом Бережновыми, и имела немедленное действие. Из колымских архивов можно было бы привести целую серию подобных примеров.

Ранее этого, в 1834 году, нижнеколымские казаки подали жалобу даже на юкагиров с поселка Еломбал на Большом Анюе оттого, что юкагиры, чтобы добыть себе пищу, ковали железо и готовый продукт продавали чукчам. И это было немедленно запрещено.

В 1826 году купечество жаловалось на эти ограничения торговли. Оно обвиняло чиновников в том, что они вносят ограничение в торговлю из своих личных интересов, а сами ведут в то же время значительный торг. В виду таких жалоб Сибирский комитет в 1831 году пытался установить свободную торговлю. Доклад комитета указывает на то, что вследствие ограничений цены на привозные товары являются очень высокими. Так, табак, расцениваемый в Якутске по 18 руб. за пуд, в Верхоянске ценится по 5 руб. за фунт, т. е. более, чем в 10 раз выше якутской цены. Топор расценивался в 10 руб. Замечательно, что разрешение, данное Сибирским комитетом на свободную торговлю, совершенно не имело применения. Напротив того, в 1837 году было повторено запрещение ездить торговцам в поселки и стойбища туземцев.

Тоже запрещение повторялось еще несколько раз: в 1839, 1840, 1847 годах. Ограничения, очевидно, имели большую силу, чем разрешение свободной торговли.

Реформа Майделя

Такое положение вещей продолжалось до 1859 года, когда Майдель отменил трескинские правила и установил свободную торговлю. В то же самое время Майдель пытался уничтожить так называемые чукотские подарки в обмен за ясак и старался ввести настоящий ясак. Он осуществил это в связи с довольно странной реформой управления в отношении ближайших групп оленных чукоч, между тем, как приморские чукчи оставались вне сферы его внимания. Уже в 1869 году он не дал обычных подарков на Анюйской ярмарке даже приморским торговцам в обмен за ясак. Реформа Майделя, как было указано выше, стремилась установить казенные чукотские роды на предмет взимания ясака. Эти роды должны были иметь особых князьцов и верховного вождя всех чукоч, вроде наследственного князя, управляющего целым племенем. Это высокое звание досталось, разумеется, самой богатой оленной семье чукотской страны. Главой этой семьи в Майделевское время был Omrakwurgьn -- человек большой личной силы, физической и моральной. Отец его был Jatgьrgьn, а дед -- Gelàьrgьn (Евражка). В выписке из дел 1812 года этот "Евражка" называется "Чаунский чукотский тоен" (князец). Qьmьqej по цитированному выше документу 1789 года также назывался "Чаунский чукотский тоен": Западная граница чукоч в это время лежала близ реки Чауна.

Русские власти с самых первых лет старались найти среди чукоч начальников (князьцов), чтобы через их посредство установить влияние на все племя. Но так как чукчи вообще не имели вождей, то русские власти просто обращались к богатым и влиятельным людям и привлекали их подарками, давая им цветные кафтаны, яркие медали и кортики с серебряной отделкой; впрочем, все это на деле не вело ни к чему. Omrakwurgьn унаследовал от своего отца две медали и один кафтан. Самому ему дали тоже несколько знаков отличия, так что сын его Ejgeli, когда одевался в полную парадную форму, вешал на шею пять тяжелых блях из золота и серебра. Omrakwurgьn был по -- своему скромен и не хвастался титулом. Но Ejgeli, будучи гораздо простоватее отца, часто имел вполне шутовский вид. Приведу выписку из доклада колымского исправника за 1884 год: "Этот забавный человек пришел ко мне в полном параде и заявил: "Я -- чукотский тоён, я -- все равно царь".

Я был при встрече Ejgeli с помощником исправника, недавно прибывшим из Якутска и неопытным в местных делах. Ejgeli был совершенно пьян, и его малиновый кафтан был весь испачкан нечистотами. Но когда Ejgeli с трудом произнес свое обычное "Я чукотский царь", то чиновник поспешно вскочил и отдал честь. А затем, когда Ejgeli уходил, он прошел вперед и собственноручно открыл дверь чукотскому величеству. Следуя этому примеру, другие русские часто называли Ejgeli "черным чукотским царем" или "тундренным Царем". Я видел другой случай, когда состоятельный русский торговец упал на колени пред этой особой, принося жалобу на некоторых анюйских чукоч, которые просили слишком высокую цены за убитых оленей. Ejgeli ничего не сказал: он не имел никакого влияния на этих чукоч. Другие князьцы, приставленные к новым родам, имели не больше влияния, чем эта основная особа. Через некоторое время все "роды" перемешались. Так называемые родовичи меняли свои места жительства и совершенно забывали эту казенную связь. Я помню, что в 1895 году некий Tolьŋo был сделан помощником тоена Анюйского рода. Он сказал мне вполне рассудительно: "Я теперь тоен и имею этот кортик и пачку бумаг как знаки моего достоинства. Но куда же девался мой род? Я не могу отыскать никого".

Распространение оленных чукоч и новый ясак

Как повод для введения нового ясака среди оленных чукоч Майдель указывает в своей книге то обстоятельство, что после прекращения войны они медленно, но непрерывно двигались на запад и юг. Во время войны их граница лежала к западу от реки Чауна на верховьях обоих Анюев.

В 30-х годах XIX века их стойбища простирались уже до реки Большой Баранихи, хотя вся эта область с древних времен считалась принадлежащей анюйским юкагирам. В 50-х годах XIX века чукчи продвинулись сперва на Лабуген, а потом на Погинден. Обе эти реки являются притоками Сухого Анюя. Продвижение чукоч связано с исчезновением юкагиров. Последние или вымерли или отступили к Колыме, так как стада диких оленей прекратили свой ежегодный путь через реки Анюй и Колыму. Это, вероятно, зависело от возрастания чукотских стад. Таким образом умиротворение страны оказалось неблагоприятным для более первобытного хозяйства юкагирских охотников и было весьма благоприятно для кочевого хозяйства чукоч, которое было, конечно, выше, чем хозяйство юкагиров, хотя в других отношениях чукчи являлись более примитивным народом. В конце 50-х годов XIX века передовые чукотские стойбища на западе перешли Колыму, а на юге приблизились к реке Омолону. Вся эта территория раньше была занята юкагирами, уже наполовину вымершими. Но чукчи, однако, сознавали, что занятая ими страна принадлежит, в сущности, другим, и считали себя обязанными хотя что-нибудь платить за свои новые пастбища. Майдель утверждает, что он первый дал разрешение чукчам переправиться через Колыму но это не точно. Часть чукоч переправилась через Колыму еще в 1859 году с разрешения одного из предшественников Майделя. Другая партия чукоч переправилась через Колыму в 1866 году. Что касается ясака, то Майдель имел достаточно здравого смысла, чтобы уничтожить прежнюю норму по красной лисице с души, тем более, что оленным чукчам было трудно добывать лисиц на своей безлесной тундре. Он установил новую норму, дешевую и легко добываемую,-- именно по одной оленьей шкуре, обработанной в виде замши. Большое количество такой замши выделывается всеми племенами края: на северном русском наречии она называется "ровдуга". Часть этой ровдуги идет на одежду, другая вывозится в Якутск и раскупается якутами.

Каждая чукотская семья имеет обычно запас оленьих шкур, и женщины могут постоянно выделать две или три шкуры на белую ровдугу -- замшу, и сдать ее в казну. Однако этот ровдужный ясак оказался" никуда негодным. Чукотская ровдуга была такого плохого качества, что ее сплошь и рядом отказывались принимать в казну, и возмещать недостачу приходилось Omrakwurgьn'у и прочим чукотским "князьцам". Здесь Майдель снова обнаружил здравый смысл, заменив натуральный ясак денежной платой по рублю за одну штуку ровдуги. Такой платеж является очень низким и особенно в сравнении с тем, что платили другие сибирские народы. Вся сумма ясака, взимаемого с чукоч, равнялась 247 рублям. С этого времени оленные чукчи аккуратно платили эту сумму, хотя все-таки большая часть ее вносилась богатыми князьцами. Вместе с тем оленные чукчи перестали получать подарки в награду за ясак. Майдель также запретил давать ясачные подарки чукотским приморским торговцам. Эта отмена, конечно, укрепилась бы, если бы не упадок Анюйской ярмарки, которую начальство желало непременно поднять. Для этого вскоре после Майделя были опять введены ясачные подарки приморским купцам. Главной причиной упадка торговли и ярмарки было сокращение американской пушнины, поступавшей на колымский рынок. В прежнее время все бобры и куницы и добрая половина лисиц, продаваемых на Колыме, приходили из Америки. С другой стороны, часть табаку и железа попадали на американское побережье и даже далее внутрь страны через посредство чукоч. В недавние годы вся эта пушнина нашла себе дорогу из Аляски в Соединенные Штаты. Немного бобров и куниц, за которые в Азии платили хорошую цену, все еще уходило по прежнему пути, но это уже были меха низшего качества. Даже значительная часть мехов от приморских чукоч и азиатских эскимосов также направилась в Америку через посредство китоловов. "Поворотчики", набрав американских товаров, везли их внутрь страны на оленные стойбища менять на пыжиков и готовую одежду. Таким образом и эта торговля стала отходить от колымских ярмарок.

Общее число приморских поворотчиков, приходивших на Анюйскую ярмарку, которое в прежнее время доходило до полусотни, ныне упало до десятка и даже еще ниже. Тогда власти надумали привлечь чукоч восстановлением ясачных подарков. Это произошло вскоре после Майделя. В 1889 году якутский губернатор Светлицкий сделал распоряжение, чтобы эти подарки даже были увеличены, как последний отчаянный способ воротить приморских посетителей. Каждый, кто приводил с собой товарища, получал право на особое вознаграждение. В конце концов, по этому приказу, каждая доля подарков выросла более чем вдвое. В 1889 году 12 приморских чукоч уплатили ясак на ярмарке я получили за одну, напр., красную лисицу один большой котел, один нож, один наконечник копья, несколько фунтов табаку, бусы, леденец (в кусках), сухари. Ценность подарков была много выше ценности ясака.

В официальных бумагах того времени означенные подарки называются "ответными подарками для чукоч неподвластных России". Такое положение вещей продолжалось до самого последнего времени. Пять-шесть приморских плательщиков являлись ежегодно на ярмарку, привозя с дюжину ясачных лисиц за себя и за отсутствующих друзей, числящихся в списке. Приходили и другие приморские гости и просили занести их тоже в этот ясачный список, затем, чтобы получать такие богатые подарки, но начальство обычно отказывало им, потому что умножать такие ясаки было совершенно не выгодно. Плательщики приезжали на Анюйскую ярмарку без всякой продажной пушнины, только привозили ясак и несколько шкурок на водку. Вся эта сделка превратилась в комедию, лишенную всякого смысла.

В первое трудное время после того, как была уничтожена Анадырская крепость, русские власти в сношениях с чукчами проявляли крайнюю осторожность и благоразумие. Этот подход сохранился и в позднейшее время. Я говорил раньше о столкновении, которое случилось на Анюйской ярмарке в 1895 году. Другой случай произошел на десять лет раньше, в 1884 году. Русский поречанин из Нижнего Колымска, по имени Семен Дружинин, отправился для торга на мыс Шелагский и имел там столкновение с приморскими чукчами из-за тюленьей туши, купленной им на собачий корм: Он заплатил за нее "неправильную цену", и туша была отобрана хозяевами. Дружинин рассердился и заявил, что якутский губернатор явится на Колыму для наказания чукоч и что с этой целью будет привезен порох и свинец на десяти конских вьюках. Чукчи посмеялись над его угрозами, и он прибавил, указывая на небо, где разыгрались "сполоха" (северное сияние) с особенной яркостью: "Видите это пламя, раньше такого не бывало. Бог вас предостерегает. То ваша кровь".

После того возникло целое дело по доносу другого колымчанина, который завидовал Дружинину и расписал эту историю в Нижне-Колымске в весьма преувеличенных чертах. Русские власти пришли в большое смятение. Дружинин был арестован и посажен в тюрьму. Особый курьер был отправлен к якутскому губернатору; другой был направлен к чукотским "князьцам" с формальным торжественным заявлением, что русское правительство не принимало никакого участия в угрозах Дружинина. Исправник даже предлагал чукчам, что, если нужно, он может приехать сам и уверить их в мирных намерениях правительства. Местные русские получили указание, что они не должны давать чукчам ни малейшей причины к недовольству под страхом строгого наказания по закону военного времени. Я не знаю, чем кончилась эта история и действительно ли Дружинина судили военным судом.

АНАДЫРСКИЕ ВЛАСТИ

Анадырская область, после уничтожения Анадырской крепости в 1764 году, не имела никакого начальства и управлялась издали, из города Гижигинска. Первый самостоятельный начальник был назначен в 1889 году, во время открытия первого пароходного рейса из Владивостока на Мариинский Пост в Анадырской бухте (однажды в год). Начальником был назначен Гриневицкий, доктор медицины, который умер через год, тщетно выпрашивая перед смертью отпуск на юг в более цивилизованные страны. Он между прочим официальным рапортом просил позволения называться не начальником, а только доктором, так как чукчи являются свободно живущим народом и должны сначала еще привыкнуть к идее власти. Просьба эта, однако, не была уважена. После этого в течение трех лет Анадырская область снова оставалась без начальства. Только несколько казаков из Петропавловска на Камчатке были посланы на проживание в Мариинский Пост. Жизнь здесь была весьма тягостной. Так, в один год для них не было доставлено топлива на пароходе, и они принуждены были собирать наносный лес, в течение всей зимы доставая его из-под снега. За отсутствием собак сани с дровами приходилось волочить на себе. Казаки нередко блуждали, в холод, в вьюгу, теряли дорогу в пурге. Некоторые из них рассказывали мне следующее: "Мы не знали ничего об этой проклятой земле, нас посылали усильно, против воли. Покинем наши семьи на Камчатке и поедем об Анадырь. Так вот, когда придется особенно тяжко, какой-нибудь хлопнется об землю и на голос зовет: "Мамонька моя, зачем ты меня родила, на экую стужу и нужу, разнесчастные мы!"

После того в 1894 году начальником Анадырской области был назначен Н. Гондатти, ныне тобольский губернатор {Н. Л. Гондатти скоро дослужился до "степеней известных" и в последние годы перед мировой войной был даже генерал-губернатором Приамурского края. Во, время революции он был арестован и посажен в тюрьму, но успел освободиться, участвовал в белом движении, а потом удалился в Харбин, где долго представлял видную фигуру среди белой эмиграции. Будучи генерал-губернатором, он имел несколько громких и грязных дел, связанных со взятками, вступил в тесный контакт с местным отделом Союза русского народа, также в Харбине он устроил для себя экономическую базу и тесно связался с белогвардейской группой, в то время управлявшей Манджурской дорогой, на службе у китайцев. (Прим. 1933 года).

}. Он оставался на Анадыре три года. Подобно ученому Майделю, исправнику из немцев, Гондатти тоже имел научный интерес и старался подражать колымскому администратору в его неослабной ретивости. Майдель объясачил оленных чукоч, Гондатти послал своего помощника Анкудинова объясачить кереков. Кереки являются самыми несчастными во всей северо-восточной Сибири, быть может, даже более несчастными, чем юкагиры; кереки быстро вымирают просто от голода. Следует сказать, что Гондатти не применял особенно жестоких мер, послал с Анкудиновым сухарей и сахару для керекских ребятишек, их боязливые отцы пожертвовали несколько лисьих шкурок в ясачный фонд Российского государства. Однако в своем рапорте Гондатти описывает этот полярный водевиль как "подчинение племени прежде совершенно независимого". К этому следует прибавить, что племя кереков платило свой ясак только однажды или дважды. Потом они перестали приезжать в Анадырь и платить ясак. После того, во время поездки в эскимосские поселки, на мысе Чаплина Гондатти проявил большое казенное усердие, как он сам описывает в своих статьях {Население Анадырского округа (Изв. Амурского отд. Р. Г. О., т. III, ч. I).}.

Так, в селении Uŋasik он будто бы запечатал казенным российским сургучом туземный амбар, наполненный бидонами со спиртом. Печати остались нетронутыми вплоть до его обратного приезда, что, впрочем, имело место через самое короткое время. Он также старался противодействовать влиянию "превращенных шаманов" и доходил даже, по собственному рассказу, до кулачной расправы. Он рассказывал мне об этом лично, со многими подробностями, правда, не весьма вероятными. Так, он будто бы выбрал трех надежных людей и назначил их старшинами или князьцами селения Uŋasik. Каждому из них он вручил письменную инструкцию, разумеемся, на русском языке, а также трехцветный флаг с приказом подымать его каждый раз, как русское судно появляется у берега. Первое судно " пришло через год, и эскимосские старшины к тому времени забыли о флаге. Над обруселым населением Гондатти работал еще усерднее целых три года. Он завел особые книги, куда заносил каждую торговую сделку любого чуванца или юкагира, даже покупку штанов или шапки. Он с гордостью показывал мне эти странные писцовые книги, до которых не додумался на один московский воевода. Я знал другого чиновника на Нижне-Колыме, который вел другие записи не менее подробные -- о любовных интрижках каждого парня, каждой девицы в пятнадцати поселках, надеясь таким образом добраться до распространителей зловредного сифилиса и выслать их в Якутск. Кончилось тем, что он сам заразился сифилисом, ибо его изыскательные методы были чересчур реальны {После энергичной деятельности Гондатти на Анадыре наступил период спокойный. Приморский губернатор во Владивостоке сказал преемнику Гондатти: "Мы дали Гриневицкому 2000 руб. на исследование области и дали Гондатти 1500 руб. Теперь мы считаем, что область вполне исследована. И вы будьте не исследователем, а просто начальником округа". В этих губернаторских словах есть такая правда, что чем меньше проворства проявляет российский начальник, тем безопаснее и лучше для вверенных ему обывателей.}.

ТОРГОВЛЯ СПИРТОМ

Я упоминал о бойкой торговле спиртом, которая велась в Колымской области между русскими и чукчами. Полезно прибавить по этому вопросу историческую справку от 30-х годов XIX века. Спиртные напитки были в то время редки на Анюйской ярмарке. Только переводчик Кобелев, чье имя упоминалось выше, продавал немного спирту, распивочно, враздробь. Маленький стаканчик стоил по кунице. Я нашел указание в документах эпохи, что из-за этой торговли Кобелева любило и ценило все население. В то же самое время (1827), однако, в Нижне-Колымске был настоящий кабак, где даже продавалась фруктовая водка (5 фляг) {Фляга -- плоский боченок из дубового дерева, обитый кожаной "широй"; фляга содержит три ведра и составляет половину конского вьюка. Две фляги спирта -- полный вьюк коня.}. В 1842 году на Нижней Колыме был большой голод и было несколько случаев голодной смерти на обоих Анюях. В том же самом году вышеупомянутый кабак продал 30 фляг неразведенного спирту, а в 1847 году даже 50 фляг. В 1864 году на Анюйской ярмарке бутылка спирту стоила две бобровых шкурки.

С этого времени ввоз спирта в Колымский округ возрастал регулярно, пока не достиг трехсот фляг в год. Цена же на спирт одновременно падала. В конце XIX века цена спирта в средне-колымском кабаке была два с половиной рубля за бутылку. Нижне-колымский кабак был закрыт. Но на Нижней Колыме было вина в изобилии. На Анюйской ярмарке бутылка спирту стоила одну лисью шкуру, что было все же в пять раз дешевле чем в 1864 году.

В 1895 году казачий командир из Средне-Колымска по официальному распоряжению исправника послал к оленным чукчам на западную тундру купить пятьдесят оленей исключительно на спирт. Только в распоряжении спирт именовался просто "напитком". Посланный казак увез флягу спирту, а привез двадцать две оленьих туши. После него поехал другой. И вывез столько же. Обе эти сделки проходили при мне с начала до конца.

Если бы явилась возможность прекратить ввоз спиртных напитков в чукотскую землю с обеих сторон, с русской стороны через Колыму, с американской стороны через Берингово море, такой запрет безусловно задержал, бы быстрый темп вымирания туземных племен этой обширной страны.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Я изложил историю официального влияния русских завоевателей на жителей северо-восточной тундры -- чукоч. Чтобы понять это влияние надлежащим образом, надо иметь представление об общем характере русской администрации на дальнем востоке Сибири. Порядки Московского царства, которые продолжались в Европейской России до начала XVIII века, в Сибири продолжались еще на полвека и даже более того. Таким образом и все чукотские войны, а также их наиболее активные участники со всем правительственным аппаратом,, казаки, служилые люди, боярские дети, воеводы, дьяки, их донесения и отписки, писцовые и ясачные книги -- все это целиком принадлежит Московскому периоду русской истории. Правительство этого периода было, по крайней мере, откровенно и действовало просто: казаки и казачьи начальники требовали от инородцев покорности и платежа ясака. Преимущественными средствами для поддержания этого требования были: "огненный бой", взятие заложников, пытки и смертная казнь.

Во второй половине XVIII века петербургский метод управления распространился также и на Сибирь. Латинско-немецкие термины заместили исконные русские. Широкие кафтаны и ферязи древне-русского покроя отступили перед немецкими кургузыми мундирами, и бюрократический способ управления утвердился в своей полной силе. После того в течение полутора веков до настоящего времени сибирская бюрократия оставалась без всяких перемен. Но Яна, Колыма и другие отдаленные области арктической зоны имели всегда наихудшее управление.

Издержки производства

Привожу в виде примера "издержки производства" на содержание всей администрации Колымского округа. Штат управления состоит из пяти человек, получающих в общем десять тысяч рублей жалованья и триста пудов муки. Каждый служилый казак имел, в свою очередь, право, начиная с семилетнего возраста и до самой отставки (после двадцатипятилетней службы), на паек в полтораста рублей и двенадцать пудов муки ежегодно. Число таких пайков достигало до ста, так что в итоге общая сумма расходов по управлению области в виде личного содержания начальников и их подчиненных равнялась двадцати, пяти тысячам рублей и полутора тысячам пудов муки. Если считать цену муки в восемь с половиной рублей за пуд, как это было, например, в девятидесятых, годах XIX века, то вся сумма этой полицейской зарплаты составит тридцать семь тысяч рублей. Кроме того, духовенство за эти же годы в количестве семи человек получало восемь тысяч рублей жалованья и пятьсот пудов муки. Таким образом все содержание должностных лиц обходилось в пятьдесят тысяч рублей. К этому нужно прибавить по меньшей мере еще столько же затрат, которые падали на плечи населению легально или нелегально. Сюда относится доставка подвод для начальства при разъездах по области, постройка и починка правительственных зданий, перевозка казенных тяжестей, хотя в теории эта перевозка и дача подвод должны были быть платные. Сюда же надо прибавить вымогательство, взятки, подарки, поборы и прочее.

Все эти затраты, казенные и частные, падали на население, состоявшее из трех тысяч человек полуоседлых и других трех тысяч -- кочевых. На одного человека приходилось расходов семнадцать рублей. В то же время казенные доходы от Колымской области составляли менее десяти тысяч рублей в год.

Обычно в такие отдаленные местности, как Яна, Колыма, чиновники посылались в качестве опалы или в виде прямого наказания за всякие служебные проступки, вплоть до самой темной уголовщины. Другие чиновники, напротив, приезжали добровольно, даже из самых столиц, Петербурга и Москвы, привлекаемые высоким жалованьем, большими подъемными и коротким сроком (десять лет) для выслуги пенсии. Они имели на севере полноту власти и безделье и скоро переходили через всякие пределы. Года через два из Якутска посылалась ревизия, которая вскрывала самые невозможные дела. Ревизия кончалась, как водится, или подкупом самого ревизора или отрешением от должности и преданием суду того или иного исправника. Половина колымских исправников закончила свою служебную карьеру и даже свою жизнь в таком неопределенном подсудном состоянии. Многие, попавшие под суд, отказывались уезжать, да так и оставались в Колымске, как в "бесте" {"Бест" -- по-персидски "убежище", "охранное место".}, недоступные дальнейшим воздействиям. Многие исправники, и их помощники были настоящими авантюристами. Даже явно преступный элемент, попадавший из Европейской России в Сибирь, здесь снова принимался на службу и направлялся в далекие северные области. Таким несомненным преступником был исправник Виноградов, служивший и управлявший Колымским округом в 30-х годах XIX века. В 1837 году из города Якутска был отправлен в Колымск губернский советник Ринг для очередной ревизии. Ринг с Виноградовым тотчас же затеяли ссору, имевшую резкие формы и прерванную внезапною смертью Ринга. Местное предание гласит, что Виноградов попросту отравил Ринга. Я нашел в колымском архиве приказ, подписанный Виноградовым и направленный на имя частного командира нижне-колымских казаков, по поводу смерти Ринга. Приказ имеет довольно зловещий характер. Командиру приказывается, в виду внезапной болезни советника Ринга, немедленно отправиться к нему и, не дожидаясь его смерти, опечатать казенные бумаги. Из других бумаг видно, что в бумагах Ринга был обстоятельный донос губернатору о служебных преступлениях Виноградова.

Другой документ относится к 1839 году, когда Виноградов все же был уволен и попал под суд. В этом документе упоминается между прочим покушение исправника на убийство жены. Жена его была дочерью колымского благочинного. В деле сохраняется отзыв самого Виноградова о непристойном поведении этой дамы, слишком непристойном, даже для "колымских поступков".

Я мог бы рассказать и другие примеры такого же рода, многие из них проходили перед моими глазами. Например, игра краплеными картами. Исправник, почтенный человек, Владимир Петрович Карзин. В трезвом виде мухи не обидит, а в пьяном виде -- чистейший сахар и даже часто плачет от излишка чувств. Почтеннейший Карзин в некотором роде столичная штучка. Приехал в Колымск прямо из Петербурга, где был околоточным в центральном участке. В Колымске запоем пьет, запоем играет в карты и запоем читает. Книги берет из нашей библиотеки. Все перечитал. Даже политическую экономию Милля в переводе Чернышевского. Но когда ему станет скучно, он велит призвать к себе местных-торговцев и садится играть с ними в карты. Режутся в винт, или козыряют в три очка. Винт в этой полярной глуши приемлет всякий. Просто классический винт и с выкупом, с присыпкой, с пересадкой, с гвоздем и с эфиопом, и с треугольником, по тысячной, по двадцатой и даже но четвертой части копейки. Девять роберов, восемнадцать роберов, даже сорок восемь роберов, не вставая с места, пока в глазах не зарябит и дамы с королями станут казаться все на одно лицо. Играют в три стола. Исправник, помощник и две соответственные дамы составляют союз. Они подают друг другу сигналы пальцами. Высунут средний палец -- это значит туз козырей, а указательный -- король, а безымянный -- дама.

Или вместо винта начинают с руки козырять в штосе, в банк, в три очка. И тут выступают на сцену крапленые карты. Но торговцы такие хитрые, что обыгрывают исправника его же собственными мечеными картами. Оберут его, как липку. Сначала его собственные деньги, потом и казенные деньги, вещи, обстановку, даже полицейскую шашку, запасную шинель, и всю эту добычу немедленно уносят домой и прячут в тайник, а сами уезжают в леса. На утро исправник посылает драбантов хватать этих торговцев и тащить их в полицию. Кто не успел убежать -- попадает в "холодную". Тогда начинается другой поединок: на резвость и злобу со стороны исправника и на терпение со стороны обывателя.

"Отдашь -- отпущу". Иные падают духом и отдают хотя бы половину. Другие упираются до самого конца. Тогда экономика побеждает политику.

Не удивительно, что действия такой администрации часто представляли самые странные формы, чтобы не сказать более. Приведу несколько примеров. В то время по всем округам, полицейским участкам и судам огромной империи рассылались поискные ведомости о разных лицах по тому или иному поводу. И вот на Колыму почта, приходившая лишь три раза в год, приносила постоянно целые груды таких полицейских запросов. Ими были переполнены все местные архивы. Таков, например, запрос военного министра об отставном подполковнике фон-Штемпель, его сводной дочери Евгении Крумонес на предмет их ходатайства о приеме вышесказанной Евгении Крумонес в институт благородных девиц. Другой запрос относительно банкира Матвея Лейбиона, поступивший из города Гааги в Голландии, и множество других. Не стану говорить о розысках бежавших преступников, в том числе и политических, бежавших из южной Сибири. Никто из таких беглецов, конечно, не забрел бы в Колымск по собственной воле. Тем не менее их фотографические карточки с подробными описаниями многими десятками и сотнями попадали на Колыму. Столь же многочисленны были циркулярные приказы о сборе добровольных пожертвований официального характера, чаще всего на сооружение памятников,-- например, на памятник графу А. А. Бобринскому собрано 3 рубля 35 коп., на памятник композитору Глинке в Смоленске собрано полтора рубля с ясачных юкагиров в 1842 году, на госпиталь в Константинополе -- столько-то, на добровольный флот,-- столько-то.

Следуют длинные таблицы местной статистики, которые из года в год составлялись в таком роде:

Ослов и муйлов -- 000
Верблюдов и буйлов -- 000
Католиков -- 000
Протестантов -- 000
Посеяно ржи -- 000
Собрано ржи -- 000
Кожевенных заводов -- 000
Салотопеных заводов -- 000
Поденная плата мужская -- 000
Поденная плата женская -- 000

И так далее, на десятках страниц. Если какие-либо из этих "000" не были во-время отправлены в "Якутск, присылалось сердитое отношение с угрозой наказания по закону и даже по суду. Я собрал на Колыме целую коллекцию таких официальных отношений и отписок. Впрочем, и сам по себе, не будучи вовсе на казенной службе, я получал такие же настойчивые требования, например, циркуляр от Русского общества шелководства с предложением устроить разведение шелка в Колымском округе. В конце циркуляра было даже обещание умеренной субсидии. Каюсь, я не ответил на этот циркуляр. И в должное время, через девять месяцев, пока обернулась почта между мной и Петербургом, я получил от этого "шелкового общества" другую бумагу, с вежливым напоминанием и с вторичным предложением того же содержания. Впрочем, когда местные казенные ученые затевали собирание статистики по собственным домыслам, не списывая с казенных образцов, результаты получались еще более оригинальные: так, в архиве одного из камчатских поселков я нашел копию статистического рапорта следующего рода:

Петр Рыбин -- 52 года от роду.
Семен Березкин -- 43 " " "
Иван Домошонкин -- 47 " " "
Итого всей деревне -- 2236 лет от роду.

Вымогательство

Под грудами таких фантастических бумаг скрывались притеснения и вымогательства всякого рода, самые реальные и часто не лишенные искусства. Так, соль привозилась из Якутска в Колымск на казенный счет и там распродавалась всему населению по установленной цене. Перевозка обходилась казне восемь с половиной рублей за один вьючный пуд. Она производилась на вьючных лошадях якутских торговцев. Продажная цена соли была установлена в один рубль двадцать копеек за пуд. Разница на пуд составляла семь рублей тридцать копеек.

"Якутские подрядчики обычно устраивались так. Они провозили в Колымск всего лишь десятую часть установленного количества соли, а на девять десятых получали расписки от колымского исправника. Расписки давались казачьими чинами, богатыми торговцами и другими приближенными лицами колымского правителя из года в год и сдавались в Якутске, в. финансовую часть. Чистый доход от этой-операции составлял несколько тысяч рублей, которые делились между подрядчиками и колымскими чиновниками. Излишне говорить, что все казенные запасы и припасы, состоявшие на попечении вышеуказанных хранителей, подвергались усушке и порче, от ветра, от мышей, от плесени, от сырости, от засухи, от наводнения, от пожара, червоточины и от множества других тому подобных причин. Я нашел в казенных рапортах даже указание на то, что запас листового свинца подвергался усушке на десять процентов.

Еще один пример. Во всех родах и обществах русских и туземных, кроме обычных податей и ясаков, был еще так называемый "темный сбор", который взимался и расходовался без всякой отчетности. Его собирали все чиновники, от исправника до младшего писаря. Я видел также случаи, когда исправник проигрывал в карты всю сумму ясака какого-нибудь района и потом так запутывал отчеты, что жители должны были платить еще раз на будущий год, уже

Странные реформы

Когда администраторы подобного сорта затевают реформу, выходит, пожалуй, похуже вымогательства. Один из колымских исправников в 1888 году внезапно задумал ввести в своем округе копчение сельдей. Надо сказать вообще, что в Колымском округе нет никаких сельдей,- но есть небольшая рыба из породы сигов, с мягким и нежным мясом, которая зовется по-местному "сельдятка". Исправник затеял коптить эту сельдятку. Коптильни, как нарочно, были устроены по верхнему течению реки, куда эта сельдятка почти не доходит. Жители построили навесы и начали копчение. Знали они о коптильне и копчении, пожалуй, не больше предприимчивого исправника. В конце концов вышло, что часть злополучной сельдятки совсем обгорела,- другая часть попадала с вешал, уцелевшие сельди вышли горькие и для еды негодные. Не нужно притом забывать, что колымские жители питаются одной рыбой без хлеба и овощей. Для них годится только свежепойманная или свежезамороженная рыба. Отчасти в ходу также вяленая рыба и соленая рыба. Вяленую рыбу готовят под солнцем и ветром, а в солке пускают на пуд рыбы фунт соли. И то получается рыба настолько соленая, что перед варкой ее нужно вымачивать полсуток. Копченая или крепко соленая рыба совсем не годится для местного питания.

Около того же времени вдруг вышло запрещение ловить икряную рыбу. Надо сказать, что рыба из моря входит в реки как раз для метания икры. Не ловить икряной рыбы значит не ловить ничего. Икра является для поречан существенной частью питания. Ее сушат или толкут с мукой и потом выпекают из нее особые блины, которые у русских зовутся "барабаны". Еще через год исправник затеял новый опыт: добывание соли из морской воды. Русским; мещанам было приказано выехать на море и устроить соляную варницу. Они взяли с собой большой котел, собрали топливо и стали вываривать соль и" морского рассола. В конце концов котел прогорел насквозь и рассол вылился в огонь. Надо указать, что все эти опыты затевались в рабочее летнее время, когда дороги каждый час и каждая лишняя пара работающих рук.

За два года до того якутский губернатор, в свою очередь, поддался этой реформаторской заразе. Он приказал колымскому исправнику немедленно перебить всех ездовых собак и заменить их ездовыми оленями. Каждый домохозяин должен был получить пять оленей. В приказе сказано: "собаки поедают человеческую пищу, оттого появляется голод". Этот приказ однако не был исполнен.. Иначе рыболовы реки Колымы, русские, якуты и юкагиры, которые совсем не умеют пасти оленей, стали бы "пешими", как говорят на "Колыме. Не нужно прибавлять, что речное население совсем не могло бы промышлять и ездить без упряжных собак.

Реформы подобного рода не прекратились и впоследствии. Так, в 1906 году, после взрыва первой революции, в Петербурге был издан приказ отобрать оружие во всех частях империи. Этот приказ, в конце концов, дошел до Колымы. Тогда заседатель сделал объезд по поселкам, отбирая кремневые ружья у тунгусских охотников, даже поясные ножи у полуоседлых рыбаков. Между прочим в этих краях человек без поясного ножа совершенно немыслим. Парня без ножа просмеют девки, о нем поют насмешливые песни и дают ему презрительные прозвища.

Пособие во время голодовки

Местное начальство и полиция, которые обходятся так дорого и государству и самому населению, должны помогать жителям, по крайней мере, во время голодовок. Голодовки же в этих краях случаются почти ежегодно и так же правильно, как смена времен года. Начальство должно оказывать помощь во время голодовок и организовывать медицинский осмотр во время эпидемий. Право на эту казенную помощь имеют только подъясачные. Голодовки происходят на реке Колыме, по меньшей мере, через год. Кроме того, голодовка бывает весной, в марте и. апреле, когда зимние запасы кончились, а свежая рыба еще не поступает. Для того чтобы облегчить голодовку, начальство устраивает из года в год рыбные запасы и целые рыбные магазины. Каждая община имеет свой собственный магазин, жителям приходится вносить ежегодно десятую, даже седьмую часть своего валового продукта. Соответственно этому рыбные запасы в магазине возрастают из года в год. Рыба меж тем не может, храниться слишком долго без всякой порчи. Когда наступает наконец голодовка, слишком часто выявляется, что рыбные запасы сгнили или разобраны по рукам. В случаях экстренной нужды начальство раздает голодным обитателям ржаную муку из казенных магазинов. Мука дается в виде займа и потом цена ее возмещается деньгами или местными продуктами. А между тем в некоторые годы казенная цена на муку доходила до 14 рублей за пуд. Все эти запасы рыбные и мучные достаются 9 нужде только местным русским и обруселым туземцам. Другие племена, особенно обитающие слишком далеко от русских поселений, не получают помощи во время голодовки, доходят до голодной смерти или до людоедства. Мне: известны случаи людоедства среди тунгусов и юкагиров во время голода.

Чукчи, большей частью не платят никакого ясака и потому не имеют права на казенную помощь. Но они об этом как будто, не очень горюют. Я встретил русского юношу, который вырос между чукчами, жил чукотскою жизнью, кочуя на тундре с собственным стадом оленей. Имя его было Алексей Казанов. Однако, в отличие от чукоч, он числился русским мещанином и членом одного из мелких обществ на Нижней Колыме, которые все вообще завалены сборами, податями и всякого рода реквизициями. На долю этого русского оленевода приходилась соответственная часть таких платежей. Если за ним накоплялась недоимка, его общественники старались поймать его на Анюйской ярмарке или зимой в Нижне-Колымске. И тогда они отпускали его только после платежа. Его чукотские соседи в то же время не платили ничего. Ему, разумеется, не очень нравилось его собственное русское происхождение. Однажды при мне он пришел к колымскому исправнику и просил написать ему прошение на царское имя о том, чтобы его исключили из русских мещан и включили в ясачную ведомость оленных чукоч. "Они платят один рубль в год",-- сказал он в объяснение. Исправник сказал, что это совершенно невозможно. "И если ты запишешься в чукчи, ты потеряешь права на казенное пособие",-- сказал исправник. "Не приставайте ко мне с вашими сборами,-- возразил злополучный русский кочевник,-- и я не стану ходить к вам за пособием".

Казанов женился на чукчанке по чукотскому обряду и наотрез отказался венчаться у попа. "Тогда моих детей запишут в русские,-- говорил он,-- пусть они будут незаконные, но все-таки чукчи; так же как мать". Этот единственный русский пастух Колымского края ничем не отличался от своих чукотских соседей. Он мне между прочим говорил, что если начальство не перестанет теребить его со всеми недоимками, он решит этот вопрос, покончив с собственной жизнью. Все это имело место в 1895--1896 году.

Медицинская помощь

Медицинская помощь тоже является частью казенного попечения. Колымский округ наводнен эпидемиями и чужими болезнями, которые являются с запада, из страны русских, то зимою, то весной. Внимание начальства привлекают особенно болезни безобразные, такие как сифилис, проказа. Внешние формы этих обеих болезней отвратительны и страшны. В городе Средне-Колымске есть больница, назначенная для беднейших больных этими обеими болезнями. Никакие слова не могут описать ужасное состояние этой больницы. Она стояла посредине так называемого "Голодного Конца", где обитала городская беднота. Больница помещалась в большой неуклюжей юрте якутского типа. Стены и пол, потолок, все было пропитано насквозь плесенью и грязью. Больные были большею частью якуты и страдали от самых ужасных форм этих болезней. Только таких полуразложившихся заживо больных привозили в больницу. Все другие, если у них оставалась хоть искра надежды, в больницу не шли. Я видел больного сифилитика, которого привезли из глубины якутского улуса. Его притащили за двести верст на маленькой якутской нарте, которая волочилась за седлом, на длинных ремнях, как принято у якутов. В седле сидел погонщик, он же проводник. Фельдшер велел больному раздеться; тот поднял свою меховую рубаху и показал нам круглый берестяный бурак, подвязанный к поясу и наполненный полусгнившими частями. Когда фельдшер обрезал все это прочь, он даже не почувствовал боли.

Надо сказать, что казенную еду, назначенную на поддержание больничных пациентов, забирал вахтер всю дочиста. Больные кормились пособием от родных или добровольными даяниями от жителей. Порою, когда голод донимал их чересчур сильно, они угрожали, что выйдут из больницы гуртом и поползут по домам, -- многие из них уже не могли ходить. Но жители тотчас же посылали выкуп рыбой и мясом.

Впрочем, через два года после моего отъезда, в самом начале текущего века, в 1901 году, старая больница была наконец срыта прочь и на ее место построили новую, где врачом стал политический ссыльный.

Такова медицинская общественная помощь, которая была устроена в Колымском округе, так сказать, для массы. Доктор числился в штате чиновников округа, но место его почти всегда было вакантное. Кого "посылали случайно из Европейской России в Колыму, тот оставался по дороге, не доехав до Колымы верст на тысячу и больше. В то время даже в южной Сибири не было настоящих врачей. И молодому врачу просто не давали проехать так далеко на север. В Колымск попадали одни фельдшера, невежественные и неопытные, которых соблазняла перспектива пенсии через десять лет службы; другие фельдшера еще до того одурели от пьянства, и их посылали в Колыму в виде наказания. Прививание оспы существовало на Колыме в течение целого века, начиная с 1806 года. Для этой цели выбирались так называемые оспенные ученики, которые, получив от фельдшера краткие наставления, ездили из селения в селение и прививали оспу старым и молодым. В 1884 году, лишь только пришли первые известия об оспенной эпидемии, разразившейся в соседних округах, был организован оспенный комитет, и оспенные ученики были снова разосланы для осмотра населения. Они нашли, что почти все население имело прививку. Всем остальным они заново привили оспу. Тотчас же после этого пришла эпидемия и унесла около третьей части всего населения. Потом оказалось, что вакцина, присланная из Иркутска в запечатанных трубочках, никуда не годилась, а ланцеты у оспенных учеников были в таком состоянии, что ими можно было бы лучше всего прививать сифилис. То же самое повторилось в 1889 году при новой вспышке оспы.

Первый настоящий врач посетил Колыму в 1817 году. То был доктор Реслейн, старший врач Якутской области. По словам Геденштрома, он был одним из благороднейших людей своего времени, но в то же время отличался большими странностями. За свою медицинскую помощь он не брал" ни платы, ни подарков {Геденштром, "Сибирские отрывки", стр. 117.}. Большую часть своего жалованья он оставлял в казначействе и брал лишь столько, сколько было необходимо для его скудного содержания. Едва ли какой-нибудь цинический философ древности мог превзойти его в суровости образа жизни. Зимою, в самые лютые морозы, он носил летнюю одежду, легкий мундир, шляпу, изредка суконную накидку. В 1817 году он получил распоряжение отправить из Якутска врача в Зашиверск и Средне-Колымск для борьбы с сифилисом и проказой, которые свирепствовали в этих округах. Реслейн, имевший уже 70 лет от роду, рассудил отправиться лично. Он выехал из Якутска в октябре, несмотря на холода, одетый в сукно без подбоя. Дорогой он часто сходил с лошади, бежал по дороге и даже кувыркался, чтоб согреться. Так он сделал тысячу пятьсот верст, а потом отморозил себе ноги. Его доставили в Средне-Колымск на носилках, завернутым в шкуры. Там он ампутировал себе сам несколько пальцев на ногах, а через шесть месяцев умер и был погребен в Средне-Колымске. После него осталось много рукописей, которые были пересланы его родным.

Странная судьба доктора Реслейна послужила основанием для легенды, которую я записал на Нижней Колыме. Старый врач описывается как молодой придворный, знатного рода, который был сослан на Колымск по политическому делу и решился покончить с собой. "Колыма недостойна такой персоны",-- будто бы сказал он перед смертью. Все это, разумеется, чистейший вымысел.

После Реслейна я знаю еще об одном враче, докторе Некрасове, который жил в Колымском округе в 70-х годах XIX века и там умер. Третий врач приехал после большого промежутка времени, уже при нашей ссылке. Он был как будто не в своем уме и должен был уехать обратно. В последних годах XIX века доктор С. И. Мицкевич, тоже политический ссыльный, отправляемый в Олекминск, предложил вместо того отправиться на Колыму в качестве окружного врача, и это предложение было принято. Когда кончился срок его ссылки, его заменил другой ссыльный врач, Попов, который приехал в Колымск тоже добровольно и оставался там больше двух лет.

Школы

Не лишне сказать несколько слов о школах Колымского края. В Средне-Колымске и Нижне-Колымске было по школе, а третья была в Пятистенной, на реке Большом Анюе. Все это были приходские школы. Обучение было такое, что детей приходилось тащить в школы насильно. В то же самое время всякая частная попытка обучения детей всегда находила применение и даже давала заработок. Так было, например, со всеми политическими ссыльными. Якутские и, средне-колымские улусы должны были посылать учеников по казенному наряду в центральную городскую школу. Они посылали сирот и детей бедняков. Некоторые из учеников все же научались читать и писать, но по-русски говорить не умели, так что порой на Колыме можно было наблюдать странное явление. Полудикий человек читает вслух письмо, но по-русски говорить не умеет. Слушает это письмо неграмотный русский, который читать не умеет, но зато понимает язык.

Ученые экспедиции

Даже ученые экспедиции, устраиваемые правительством, попадая в эти далекие края, служили только для дальнейшего отягощения жителей, туземных или русских. Словцов указывает один из наиболее ранних примеров: Гмелин и Миллер, уезжая из Иркутска в 1835 году, по дороге к Байкалу, имели лишь легкую кладь, а от начальства получили наряд на тридцать семь лошадей. Не довольствуясь этим, они послали людей на рынок и велели забрать лошадей у кого попадется. Со станка Голоустного они выехали, имея уже полтораста лошадей. Ни за одну лошадь не было заплачено. Они забирали лошадей в виде реквизиции. Для экспедиции Беринга огромные грузы съестных припасов и амуниции перевозились на якутских лошадях через всю Якутскую область, до самого Охотска. Большая часть лошадей при этом погибла в пути. По этому поводу Словцов добавляет: "до сего времени не было другой экспедиции, столь славной и огромной, прошедшей через всю Сибирь. Но дай бог, из жалости к бедному краю, чтоб грядущие дни не видели славы столь разрушительной" {Словцов, 1, стр. 255.}. Из всех экспедиций минувшего времени самая трезвая и скромная была экспедиция барона Врангеля в 1820--1824 годах. Однако местное предание и к этой экспедиции относится в духе того, что было приведено выше из суждений Словцова. Я записал это предание на Нижней Колыме, у русских.

"В досельное время прошла здесь экспедиция. Начальник ее был барон, а другой был мичман Анжин (Анжу, спутник Врангеля). Они" привезли с собой большую лодку и плыли срединой реки, и ни ветер, ни бури не могли ей что-либо сделать. Она только качалась от ветра, как детская зыбка. Мичман повесил постель, тоже наподобие зыбки. В этой зыбке он спал, укачиваемый ветром. Он просыпался лишь тогда, когда ветер стихал и переставал укачивать зыбку.

Они посетили все деревни и в каждой деревне устраивали пир. На пир приглашали всякого народу: мужчин-молодоженов и отцов с молодыми дочерьми.

Всю ночь они пили, играли и плясали, пока наступала пора расходиться по домам. Тут они выбирали девушек и женщин, какие приглянутся, и оставляли при себе добровольно и насильно. Муж уходил без жены, отец без дочери, брат без сестры. Девицы и женщины оставались у них все время, пока экспедиция не покинет селения. Наконец они уезжали и все, что было в домах, оставляли женщинам. Тут иные из мужей принимали жен обратно, а другие -- нет. Женам тогда приходилось жить отдельно и мучиться без всякого конца.

-- Ох, эти мужья, какие они бестолковые. Ведь это случилось не по их воле и не по воле женщин. Начальник отдал приказание, и кто мог противиться!

Так они жили в нашей земле весну и лето. Когда пришла осень, они поехали к морю на собственных собаках и взяли с собой лучших ездоков со всей Колымы, таких, которые знали море и умели ездить. Когда доехали до моря, увидели остров. Там были церкви с золотыми головами, дома и даже люди все из чистого золота. Когда они подъехали поближе, вышла навстречу старуха, барон курил трубку, она дала ему трубку из золота. Анжин нюхал, она дала ему табакерку. Потом она сказала: "Я знаю, вы ищете путь в Америку, лучше вернитесь назад. Это граница человеческих путей, если переедете через нее, никогда не вернетесь обратно". Они держали совет и от острова пошли через море. Через малое время нашли они полую воду, на средине стояла лесина, высотою до самого неба. Лесина нагибалась и уходила под воду. Потом она выходила из воды, вся полная рыбой. Потом ласина подбрасывала рыбу и сглатывала всю. Они испугались той лесины и свернули направо к матерой земле. Еще через малое время нашли на другой остров. Он был совсем пустой, там рос табак. Листы были такие, что одним листом можно было обернуть человеческую голову. Они взяли сколько-то листов, покинули остров, а сами, пошли к земле. Когда остановились на ночлег, услышали грохот и гром со стороны того острова. Каюры (ямщики) испугались и разбудили их. Они пали на нарты, и собаки помчали их. Но грохот догонял. Наконец и лед заходил и закачался, как волны. Они мчались без сна, без еды, пока не добрались до суши. Здесь они стали отдыхать. На утро проснулись и увидели, что весь лед переломан и сбился ледяными горами. Тут они приехали в крепость (Нижне-Колымск), сходили в церковь и положили клятву нерушимую, чтобы нипочем не говорить, какие вещи они видели на море. Потому было известно, ежели они расскажут, то весь народ должен погибнуть. Тут они держали свою клятву, и только потом старики рассказали, чего с ними было".

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Нравы и обычаи русских колымчан, которые являются потомками завоевателей, вполне соответствуют характеру местного управления. В другом месте я упоминаю {См. дальше, глава "Брак", стр. 113.} о крайней половой распущенности, какая существует во всех русских поселениях северо-восточной Сибири, от устья реки Яны до южной конечности Камчатки. Колымчане о себе говорят: "Вода наша такая, не можем быть иначе". Возможно, что половая возбужденность действительно зависит, конечно, не от воды, а от жирной рыбной пищи, добываемой из воды. Рыбная пища вообще, по некоторым данным, влияет на половую чувственность. Йохельсон полагает, что половая распущенность русских развилась под юкагирским влиянием, и даже утверждает, что местный русский термин "девичьи дети" является только переводом юкагирского marxid-uo ("девичий ребенок"). Конечно, нельзя отрицать, что юкагирское влияние на местных русских было весьма значительно. Однако для такого явления, как внебрачные дети, русские имели свои собственные термины, принесенные еще из-за Урала в эпоху завоевания. Так, кроме "девичьих детей", колымчане имеют "вдовьих детей". Обе категории вместе дают до 30% всей рождаемости. Кстати, такая же точно пропорция наблюдается у чукоч. Некоторые русские семьи, многолюдные, довольно зажиточные, имеют во главе женщину, так сказать, матриарха, никогда не состоявшую в браке и родившую всех своих детей в девичьем состоянии, притом от разных мужчин. В данном случае, сообразно с таким происхождением, возникают фамильные имена по материнской линии, например: Наташонки (потомки Натальи), Катьконки (потомки Катерины), Домашонки (потомки Домахи, Домны). Есть семьи, в которых отвращение к браку принимает мистический характер. О них передают, что много лет назад бабушка положила клятву на своих сыновей и дочерей, чтобы они никогда не женились и не выходили замуж: "если желаете, можете жить себе так, но на брак я не даю вам благословения". При этом преследуется цель пресечь старое фамильное родство. В таком случае дочери получают позволение на брак. В мое время "две местных богатых семьи, Чертковых и Уваровских, находились под таким запрещением. Первая семья ко времени моего приезда уже исчезла. Вторая имела двух последних братьев. Они имели любовниц и детей, но так как они не состояли в браке, то дети носили другую фамилию.

В вышеуказанных женских семьях, напротив того, сыновья получают разрешение жениться и должны выходить из семьи, которая ведется по "женскому корню".

Также и среди быстро вымирающих юкагиров, обрусевших и полуобрусевших, тоже наблюдается болезненное отвращение к браку, но в связи с другими обстоятельствами. "Много заботы",-- говорят эти несчастные люди относительно брака, семьи и детей. Они имеют в виду неоплатные ясачные долги, которые лежат на их полувымершем роде, так что каждый новый мужчина-плательщик является, в сущности, пожизненным казенным рабом, продаваемым с публичного торга в уплату недоимки.

Русское население вымирает, так же как юкагиры. Сифилис пустил " глубокие корни среди русских колымчан. Молодое поколение все заражено, что выражается в самых уродливых формах. На каждом шагу встречаются уродливые лица, безносые, с наростами, с рубцами от язв. Это не мешает сифилитикам быть плясунами и любезниками и ухаживать за девицами. "Что же,-- говорят колымчане по этому поводу,-- на них вины нет. Бог накажет и рога привяжет".

Картежная игра широко распространена в самых худших формах. Плутовство в картах считается законным способом выигрыша. Общественные отношения элементарно грубы. Сосед у соседа занимает деньги или пищу на чудовищных условиях, с накидкой до 200% в год, и даже сами должники считают такой порядок законным и естественным: "ему пришлось -- он меня давит, мне придется -- я его придавлю". На Нижней Колыме " такие отношения приняли какой-то почти простодушный характер. Все жители -- нищие, и все начисляют друг на друга большие проценты и кортом (наемную плату) за каждую малость: за старую лодку, за весло, и в конце концов никто ничего не получает и не платит. Долги погашаются взаимно, вроде безналичного расчета. Наличных денег нехватает даже на уплату податей, для которых между прочим существует круговая порука.

Что касается туземцев различных племен, то русские колымчане твердо убеждены, что это -- их законная добыча, вроде диких оленей, песцов или белки. Полунищие русские жители опутывают еще более нищих ламутов и юкагиров долгами, как будто паутиной. В обычном разговоре туземцев по-русски никогда не называют людьми, а просто полевыми зверями, тварями, зверьем. Их племенные названия употребляются только в презрительной форме: чукчишки, якутишки, ламутки и т. д.

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ

Русская православная церковь всегда составляла только особый отдел российского правительства. Миссионерское дело в Сибири совершалось на средства государства и йод полным контролем полиции. Один из влиятельных участников этой казенной работы даже говорит: "больше всего они (инородцы) указывают на то, что от царя нет прямого приказа для нас на принятие русской веры". Они говорят: "если бы царь желал, чтоб все мы сделались русскими, то он, конечно, прислал бы об этом указ". Они понимают чутьем, что принятие русской веры -- не только церковное, но также государственное дело {Вениамин, архиепископ иркутский, "Жизненные вопросы православной кафолической миссии в Сибири". С-Петербург, 1885, стр. 7. В некотором разноречии с этими пышными фразами колымский исправник пишет в казенном отчете за 1884 год, т. е. почти одновременно с указанным писанием архиепископа Вениамина: "чукчи заявляют, что они боятся принимать русскую веру, не то их задушит тотчас же "главный русский дьявол".}.

С другой стороны, в прямом соответствии с таким положением вещей, история работы православных миссионеров среди сибирских племен, как об этом справедливо замечает Иохельсон, имеет в себе мало достойного, за исключением немногих лиц; таковы, например, алеутский миссионер Вениаминов и алтайский миссионер Вербицкий {Иохельсон, "Коряки", стр. 807.}.

Первые попытки крестить чукоч были, вероятно, сделаны тотчас же после встречи русских с этим племенем. Однако в последующие полвека это удавалось мало, прежде всего из-за отсутствия попов и миссионеров. Аргентов упоминает, что в колымской часовне, за отсутствием священства, службы исполняли миряне. Даже гораздо позднее миряне совершали обряд крещения младенцев. Иркутский архиепископ Нил еще в 1848 году сделал распоряжение о том, чтобы священники обличали и искореняли это зло {Аргентов, Труды Сибирского отдела Русского Географического Общества, 1875, часть IV.}.

Первая церковь Колымского округа была построена в Нижне-Колымске в первых годах XVIII века. В 1704 году из Тобольска была отправлена напрестольная пелена в Собачий Острог. В 1701 году Средне-Колымск тоже имел церковь во имя Покрова богородицы, построенную "по-черному", т. е. без дымовой трубы. В том же году в Средне-Колымске было только три дома. Верхний Колымск имел только часовню во имя Николая-чудотворца. Анадырская церковь, по Аргентову, была построена в 1743 году. Еще через год был прислан первый миссионер, иеромонах Флавиан, с тремя помощниками, но все они были убиты коряками в 1745 году. Первые священники на Колыме и на Анадыре принадлежали к зажиточной местной семье Трифоновых. Так, в Нижне-Колымске в 1753 году находим священника Михаила Трифонова. Это был единственный священник всего Колымского края, и он посещал все три колымских города. До того он был священником у анадырских чукоч. В 1757 году видим другого священника, Прокопия Трифонова, переведенного в Анадырь в 1758 году.

Однако в 1764 году, после разорения анадырской крепостцы, он был возвращен на прежнее место.

В 1812 году, вместе с началом новых сношений с чукчами, нижне-колымский священник получил наименование чукотского миссионера. Первым таким миссионером был отец Григорий Слепцов. Он проживал постоянно в своем прежнем приходе и только был обязан съездить однажды в году на Анюйскую ярмарку. Аргентов утверждает, что в 1811--1812 году Слепцов ездил к чаунским чукчам. Следующий приходский миссионер, отец А. Трифонов, прибывший на Колыму в 1816 году, никогда не посещал чукоч. В его время иркутский архиепископ Михаил написал чукчам особое послание, увещевавшее их к принятию христианства (1818). Можно спросить: сколько же чукоч сумели прочесть это русское послание?

В 1848 году, по настояниям архиепископа Нила, была сооружена небольшая церковка, на северном прибрежье, у устья Большой реки (она же Большая Бараниха). Церковь отстояла от Нижне-Колымска на 300 верст, и молодой священник, отец А. Аргентов, был назначен туда первым миссионером. До того времени он был штатным священником на Нижней Колыме в течение четырех лет слишком. Он говорит в своих путевых заметках, что место для миссионерского пункта было выбрано не очень удачно. Чукчи на этом месте постоянно не живут, а только наезжают от времени до времени. Это, разумеется, верно.

Аргентов отправился в свою церковь вдоль морского прибрежья на пяти больших карбасьях колымского дела. Карбасья эти были сделаны так грубо и непрочно, что можно только удивляться, как эта экспедиция на всем своем длинном пути не потерпела крушения. Колымчане, пришедшие в карбасьях, построили для Аргентова бревенчатую избу и сами ушли назад, оставив его одного с женой и прислужницей. Уже через несколько месяцев Аргентову пришлось поспешно бежать из своей миссии, потому что чукотские соседи требовали от него вступления в связь группового брака. Эту историю в мое время еще помнили на Колыме и русские, и чукчи. Аргентов ездил по стойбищам всю зиму, забирался на реку Чаун и на мыс Шелагский и в конце концов впал в искушение и заключил дружественный союз с чукчей Атато, равным образом и с его женой. Возможно, что в это время он еще не знал всех чукотских правил относительно группового брака. Через некоторое время Атато возвратил визит и просил взаимности. С ним было шесть товарищей, так что отказывать было бы опасно. В критический момент прислужница согласилась заступить место хозяйки. Чукчи, пожалуй, не вполне понимали это различие и считали прислужницу младшей женой Аргентова. Помимо того, по чукотским воззрениям, семья имеет право в брачных возмещениях заменять одну женщину другой. Некоторые подробности этого дела я слышал от самого Атато, который еще был жив в 1895 году. Вскоре после этого Аргентов поспешно оставил свою церковь. Это была первая и последняя попытка чукотских миссионеров поселиться среди чукоч.

Майдель в 1870 году предпринял постройку церкви на реке Еломбале, притоке Большого Анюя. Omrakwurgłn, новый чукотский князь, пожертвовал на церковь четыреста убойных оленей. Олени были съедены русскими колымчанами, впрочем, и, церковь и дом для священника были построены, но никто не хотел там жить.

Следующие партии миссионеров, быть может, из-за странной истории с Аргентовым, были назначены уже из монахов. Число их постепенно возрастало. В конце XIX века в Колымском округе было три миссионера. Один действовал в городе Нижне-Колымске, другой -- в поселке Пятистенное, на реке Большом Анюе, и третий -- в якутском наслеге Сен-Кюэль, на самой границе с западной тундрой. Место для этого миссионера было указано лично якутским епископом Дионисием: "повелеваю миссионеру поселиться на тундре, на Большой Чукотской реке. Самое имя этой реки указывает, что места эти служили издревле для обитания чукоч".

На деле, однако, Большая Чукочья река является особого рода проблемой. Здесь, повидимому, никогда не было чукоч, но в XVII веке обитал какой-то другой народ, который казаки-завоеватели тоже называли "чукчи", народ этот исчез еще два века тому назад. Тундра вокруг Большой Чукочьей реки была до такой степени пустынной, что новый миссионер мог поселиться только на ее окраинах, в одном из крайних якутских наслегов.

В начале XX века в Колымском крае было семь священников: четыре приходских и три миссионерских. При церквах состоял довольно значительный клир: дьяконы, дьячки, псаломщики. Число православных вместе с крещеными чукчами не превышало четырех тысяч. Таким образом на каждого священника приходилось пятьсот человек паствы. Верхне-Колымск, Средне-Колымск и Нижне-Колымск имели деревянные церкви. В других поселениях были простые деревянные часовни, где службы справляли лишь раз в год, во время проезда одного из священников.

На Анадыре, напротив, был только один приходский священник, который в то же время был и чукотским миссионером.

В мою задачу не входит описывать подробно церковно-приходские дела на Колыме. Я приведу только одну подробность. В 80-х годах XIX века во всей Якутской области был только один священник якутского происхождения, только что получивший посвящение. С другой стороны, во всей Якутской области есть только один приход, где жители не знают якутского языка и вообще чуждаются якутской народности. Этот приход -- Нижне-Колымский. Единственный якутский священник был назначен в этот единственный антиякутский приход,-- не знаю, случайно или с умыслом. Через несколько лет священник-якут получил чахотку и умер в половине 90-х годов.

Нравы и обычаи колымского духовенства ничем не отличались от простого рядового населения. Не говоря уже о ближайших временах, колымский архив был полон указаний на прошлые годы также весьма недвусмысленного типа. Приведу несколько примеров, связанных с обращением туземцев.

Так в 1821 году средне-колымский священник Михаил Сивцев был предан суду за то, что отнял у ламута-новокрещена его законную жену и силою оставил ее в своем доме. В обвинительном акте было много подробностей, которые лучше не приводить.

В 1826 году священник Василий Трифонов был предан суду за продажу спирта чукчам.

В 1837 году вышеупомянутый исправник Виноградов написал письмо чукотскому миссионеру того времени, утверждая, что этот миссионер привез с Анюйской ярмарки "кипу чукотских грехов на четыре вьючных лошади" (24 пуда). Над словом "грехов" сверху написано "мехов". Миссионер ответил: "письмо Ваше указует малое усердие Ваше к строительству церкви и к службе отечеству".

Миссионеры получали денежные фонды и товары, назначенные для чукотских подарков, и раздавали их точно так же, как светская власть. Каждый новокрещеный язычник получал сахар, табак и другие ценности так же точно, как при уплате ясака царю.

Крещение и уплата ясака были вообще тесно связаны вместе. Как писал один миссионер в докладе епископу, "креститься для язычника обозначает заплатить ясак, небесному царю". С другой стороны, способ заманивать язычников к крещению при помощи подарков приводил к различным странным сценам. Одна из этих сцен описана Матюшкиным в "Путешествии Врангеля" {Врангель, 1, стр. 282 (немецкое издание).}. Она произошла на Анюйской ярмарке, где молодой чукча внезапно выпрыгнул из купели и стал бегать по комнате, мокрый и голый, с криком: "довольно, не надо, давайте мой табак".

Миссионеры нередко были в то же время и сборщиками ясака. Так, в 1814 году вышеупомянутый отец Григорий Слепцов совершил поездку к чаунским чукчам и привел 77 мужчин к присяге. Некоторые из них были также крещены. В связи с этим он привез в Нижне-Колымск 87 пудов моржовой кости и много пушнины. Все это он передал в казну {"Северная Почта", 1814, No 91.}. Чаунские чукчи, как видно, пытались лишить его жизни и забрать эти ценности. Его спас богатый чукча Валетка, который убедил их оставить его в покое {Филарет Гумилевский, История русской церкви, СПБ, 1888, IV, стр. 52.}. В последующие времена работа миссионеров протекала в таких же условиях. Я видел, например, казенную бумагу, посланную из якутской консистории начальнику православной миссии на Колыме. Она относилась к вопросу о соблюдении великого поста новокрещеными чукчами, которые обычно питаются почти исключительно мясной пищей. На полях было подписано: "отец, пошли мне хорошей юколы побольше, я люблю ее исти". Было подписано: "отец Доримедонт". Быть может, эта приватная просьба о юколе имела какую-нибудь связь с вопросом о посте. Юкола была своевременно отправлена в количестве трех вязок (сто двадцать крупных рыб). Оплачена юкола не была, как это обычно случается в приватных отношениях между высшими и низшими.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
(в начале XX века)

Из трех чукотских миссионеров, проживавших в Колымском крае в 90-х годах XIX века, один отец Виктор постоянно жил в городе Нижне-Колымске. Он числился миссионером приморских чукоч и также состоял главой миссии. Весь интерес его жизни заключался в разведении породистых собак, на что и уходили все его жалованья и доходы. Ездить на своих собаках он, однако, не умел, а держал специального "каюра" (ямщика).

Что касается миссионерской работы, то год от году он делал приготовления к какой-то далекой экспедиции. Но планы его ежегодно нарушались теми или иными обстоятельствами. Ближайшие приморские чукчи обитали на мысе Шелагском, за несколько сот верст от Колымы. Тем не менее однажды поездка к Шелагскому мысу была действительно предпринята. В чукотском поселке русские гости нашли всех жителей мертвыми, перерезанными и, пораженные страхом, в панике бежали обратно. Отец Виктор совершенно не знал ни чукотского языка, ни даже торгового русско-чукотского жаргона.

Другой миссионер, отец Венедикт, должен был заниматься западными, оленными чукчами. Он жил, как упомянуто выше, на окраине западной тундры, в якутском селении Сен-Кюэль. Часть оленных чукоч время от времени подкочевывала к его месту жительства, и тогда он пытался войти с ними в общение. Для этой цели ему были нужны два переводчика: один переводил с русского на якутский. Любой мещанин или казак из Средне-Колымска был совершенно пригоден для этой цели, так как средне-колымчане вполне двуязычны. Другой переводчик, обыкновенно из тундренных юкагиров, живущих в постоянном соседстве с чукчами, переводил с якутского на чукотский. Сквозь это Двойное посредство отец Венедикт пытался проповедывать слово божие своей чукотской пастве. Выходило, должно быть, не весьма вразумительно. Пребывание отца Венедикта в поселке Сен-Кюэль было оборвано довольно неприятно полицейским расследованием о каком-то котле, который пропал в одном из соседских домов. Впрочем, обвинение не было доказано, и дело прекратилось. Однако, после того, отец Венедикт не рассудил остаться на Сен-Кюэле. Был он к тому же со многими странностями. Он, как говорили, пришел из России пешком до самого Якутска. Будучи на Колыме, он писал обширные и неутомимые доносы на других колымских священников, а также на светских людей. Его обличения были вообще не обоснованы и оставались без движения. Он хвастался также не раз и не два, будто якутский епископ взял с него торжественное обещание обойти все поселки и стойбища чукоч и привести их к святому крещению. Для этой почетной цели епископ вручил ему две тысячи рублей.

Отец Венедикт до такой степени презирал своих сослуживцев по церкви и по миссии, что даже ничуть не считался с религиозными обрядами, которые они совершали. Он, например, совершал церковные браки над чукчами, уже венчанными у них.

Посла истории с котлом отец Венедикт решился внезапно исполнить поручение епископа и, оставив Сен-Кюэль, действительно направился вместе с оленными чукчами на восток, к мысу Дежневу. Он путешествовал около двух лет и последовательно посетил все чукотские поселки на прибрежьях обоих океанов. Конечно, он перенес при этом много лишений. Запасы его совершенно истощились, и в последнюю часть путешествия он жил одной жизнью с чукчами. Я встретил его на реке Россомашьей, когда он только начинал свои путешествия. Было это весной 1897 года. Потом, через три года, когда я путешествовал по Тихоокеанскому прибрежью, чукча Kьlatь, обитатель поселка Valqa'tlen, рассказал мне подробности относительно последней части его поездки и приезда на реку Анадырь. Отец Венедикт приехал к Kьlatь с группою приморских чукоч и оставался у него 18 дней. Он прожил перед этим две недели в бревенчатой избе у американцев, в бухте Лаврентия. Американцы работали по закупке живых оленей для американского правительства. Их начальником был Джон Келли. Они отнеслись к странствующему священнику с большим вниманием, дали ему винтовку, нож и топор, снабдили припасами.

Дальше Kьlatь рассказывал: "Место наше не особенно ветряное, но дальше к югу, на полдороге к поселку Rètken, около реки Iru-veem, ветер дует постоянно. Там совсем невозможно проехать. Мы говорили ему об этом, но он нам не верил и через несколько дней, утомившись ожидать, ушел пешком, совершенно один, без всякого запаса. Его страшила мысль, что он останется с нашим народом еще на одну зиму. Мы говорили ему: "русские поселки не очень далеко, успеешь добраться туда". Но он думал, что мы его обманываем, потому совершенно один ушел пешком по берегу. Я догнал его на собаках и привез его назад. Через два дня он опять ушел и на этот раз отошел довольно далеко. Был страшный ветер. Я запрет своих собак и пустился в погоню. Через некоторое время я нашел его на морском берегу. Тогда я остановил собак и стал подкрадываться к нему, как к дикому оленю. Потому что он был не в себе, я боялся, что он убежит. Потом я выбежал вперед и загородил ему дорогу. И тут я сказал: "Ну, воротись, воротись. Ты видишь, итти невозможно. У нас, ты знаешь, нет вождей, ни начальников, так что если бы ветер сдул тебя в море, то твой народ нам бы не поверил, они сказали бы, что мы тебя убили. Так вышла бы большая беда, торговле перерыв". Он ничего не сказал, лег ничком на землю и повернул ко мне спину. Вдруг песец выскочил из-под камней. Собаки побежали за ним, я схватился за нарту, но не мог ее остановить. Тогда я постарался править, по крайней мере, нартой. Но мы летели по самому краю, и каждую минуту я ожидал, что вот мы свалимся в воду. Наконец я успел задержать собак. Вода кипела внизу, и брызги летели. Я совсем рассердился и сказал священнику: "Видишь теперь, из-за твоей глупости я чуть не потерял свою жизнь. Садись-ка на нарту, не то я свяжу тебя". Так я привез его назад. Через неделю вьюга унялась, и я позвал его: "Едем". Мы уехали и прибыли на Мариинский Пост".

На устье Анадыря Kьlatь получил в награду: чаю и табаку. На отце Венедикте не было даже рубахи, и его меховая одежда кишела вшами. Он проехал до Марковой, а оттуда на реку Анюй. Впрочем, и в этом путешествии ему не повезло. Он и его спутники потеряли дорогу в снегах и совсем умирали с голоду, когда тунгусы, проходившие мимо, нашли их следы и пришли им на помощь. Вскоре после того отец Венедикт оставил наконец Колыму и направился в Якутск. Не думаю, чтобы он когда-нибудь вернулся. Путешествие отца Венедикта весьма замечательно: Я однако не уверен, что он сделал хоть что-нибудь для распространения христианства на тундре. Отправляясь в свое путешествие, он не знал ни слова по-чукотски. Вместе с ним ехала русская женщина, вышедшая замуж за чукчу. Эта женщина служила ему переводчиком, но где-то на полярном берегу она его оставила. После того он должен был сам заботиться о всем необходимом для жизни и дороги. И для проповеди у него не оставалось ни времени, ни охоты. Во всяком случае, Kьlatь и его товарищи ничего не говорили о проповеди отца Венедикта. Напротив того, они говорили, что он все время молчал, но иногда начинал кричать и плакать, как маленький ребенок. Ему, очевидно, у чукоч стало невтерпеж.

Третий миссионер того же времени был отец Михаил. Он не был монахом и служил долгое время дьяконом при колымском протоиерее, и ему ужасно хотелось получить достоинство священника. Для этого он стал деятельно разъезжать по чукотским стойбищам, занимаясь, впрочем, не столько проповедью, сколько торговлей. Он пытался составить русско-чукотский словарь. Колымчане над ним насмехались: "Он пишет словарь свой на пыжиках и присылает его в Нижне-Колымск запечатанным в сумах". В этом было много правды. Так, например, он возил с собой бумажные иконки святых, полученные бесплатно в огромном количестве из города Якутска, и выменивал их у набожных ламутов н юкагиров по белке за штуку.

В конце концов он получил посвящение. Тогда словарь стал ему не нужен, и, не зная, что с ним делать, он передал его мне. Я сохраняю его еще и теперь. Это книжка из серой бумаги, сшитая в восьмушку, без переплета, в сальных пятнах, исписанная карандашом. Работа над словарем у отца Михаила проходила в таком роде. Он выписал все слова из маленького печатного русско-немецкого словарика и потом стал перекладывать их по-чукотски с помощью переводчика. Там были такие слова: "герцог", "гувернантка". У чукоч, разумеется, нет ни "герцогов", ни "гувернанток". Для последнего слова переводчик подсказал ему весьма неприличный вариант. Отец Михаил немного говорил по-чукотски, но все исключительно в пределах торговых интересов.

С такими миссионерами неудивительно, что большая часть чукоч, за исключением тех, которые живут в непосредственной близости с русскими поселками, оставались и остаются до сих пор некрещеными.

Даже те, кто получил крещение, не знают своих имен, ни один из них не знает имени Христа, не соблюдает христианских праздников. Они живут как жили, принося жертвы духам-хозяевам и злым духам, занимаются магией и шаманством. Однако и русские колымчане в этом отношении мало отличаются от чукоч. Во время моей колымской ссылки я уже занимался этнографией. Я как-то привез с реки Большого Анюя старинный плащ юкагирского шамана вместе с бубном и другими принадлежностями. В то же время зажиточный купец города Средне-Колымска, Нехорошев, внезапно был поражен умственным расстройством. Жена его позвала якутского шамана "полечить" своего мужа. Шаман объявил, что ему необходим для обряда шаманский плащ из моего амбара. Женщина, опасаясь последствий, обратилась за советом к средне-колымскому священнику, который в то время служил за протопопа. Священник отвечал с большим благоразумием: "если из этого выйдет какая-нибудь польза, я разрешаю взять одновременно и плащ и шамана".

После того, через несколько лет, в 1902 году, из полицейского управления исчезла большая сумма денег (28 тысяч рублей).

После целого ряда поисков исправник, поссовету того же протопопа, решил обратиться к шаманам. Позвали сначала якутского шамана, а потом тунгусского. Шаманы оказались, однако, благоразумнее казенных чинов. Они объяснили, что на казенных бумажных деньгах есть водяные знаки и оттого духи-помощники не могут их найти, Через два года оказалось, что деньги украл церковный псаломщик.

Чукчи называют шамана и попа одним и тем же словом: eŋéŋьlьn; слово это происходит от eŋeŋ, которое, в свою очередь, означает икона, крест, амулет, лекарство, шаманского духа-помощника и т. д. При такой терминологии трудно разбираться между шаманами и православными попами.

АМЕРИКАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Приморские чукчи находились вне всякой сферы русского влияния. Вместо того на Тихоокеанском берегу, особенно в эскимосских поселках, до некоторой степении чувствовалось влияние американцев. Это влияние пришло сюда вместе с китоловами при посредстве американских товаров. Я говорил об этом раньше. После полувековых торговых сношений с американскими китоловами многие молодые люди стали говорит по-английски. Они восприняли американский счет, календарь, употребление часов и даже судового компаса. Некоторые из них сами ходили матросами на китоловных судах, в особенности забойщиками и свежевателями китов. Они попадали нередко на американский берег, на мыс Ном, в форт Михаила и даже в Сан-Франциско. Когда я был в поселке Uŋgaşik, некоторые из моих молодых друзей выражали горячее желание научиться читать и писать. Один из них, по имени Celqar, успел самоучкой, по газетным клочкам усвоить латинский алфавит. Он написал мне письмо по-английски крупными печатными буквами, с варварским правописанием, но все-таки слова и смысл я разобрал.

I WLTL YUO ALASNEIT ME CAM POORESSEB MENO KEROT NETO ME-RIKAN MAN NO COOD MAI POOI CEREI AIN PEIEB E LIKM ROOSEN MAW GOOD MAN SOOBBOSE EKUTM MAI POOI PEIEB MEI VELL GOOD.

"Я вам скажу, прошлого ночью мой пришел на судно, мой не получил ничего. Американский человек -- нехороший, мой мальчик плакал (просил трубку), он хотел ее, русский человек -- хороший человек, быть может, он даст ему, моему мальчику, трубку, мой чувствует хорош".

Письмо подписано: "Салкер".

После такого письма мне пришлось, разумеется, дать мальчику трубку, чтоб поддержать хорошее суждение обо мне мистера Салкера.

Впрочем, из этого письма видно, что молодые эскимосы говорили только на ломаном жаргоне, в том же виде, как на Аляске говорили по-английски эскимосы и индейцы.

Молодые эскимосы хотели учиться по-русски. Они даже упрекали меня за отсутствие школы в поселке: "американцы на острове Лаврентия учат эскимосских детей. Почему вы не учите наших?" Слушать это было в общем приятно, хотя в то время устроить русскую школу на северо-восточном берегу было совершенно невозможно.

Другим последствием американского влияния, гораздо менее приятным, является большое истребление и уменьшение морского зверя в водах Берингова моря, в особенности китов, а частью также моржей. Китоловы берут ус, а тушу бросают на воду, в море, на произвол судьбы. Это безрассудное истребление таких крупных звериных пород приносит с собой постепенное уменьшение источников существования для всех туземных народностей, живущих на прибрежье. Так кереки вымирают с голоду, потому что моржи перестали подходить к берегам к югу от Анадырской губы.

К счастью для приморских чукоч и азиатских эскимосов, китоловы в последние годы перестали бить моржей, предпочитая собирать моржовое клыки от туземцев. Морж имеет такое важное значение в питании этих народностей, что без моржей они тоже стали бы вымирать не лучше кереков. Один из моих эскимосских друзей дал "такое объяснение: "когда американцы пришли к нам, мы стали с ними говорить и мы им сказали: "Возьмите китов, но оставьте нам моржей. Нам тоже нужен какой-нибудь промысел, а моржовые клыки мы будем сдавать вам". И они согласились".

С туземной точки зрения уменьшение морского зверя на прибрежье вызвано прежде всего тем, что американцы нарушают весьма распространенный запрет против древесного топлива во время зимнего промысла. Туземцы соблюдают этот запрет ненарушимо. В связи с этим туземцы вообще возражали против того, чтобы по соседству с их поселками было устроено какое-нибудь поселение белых. "Белые будут топить печь, дым будет наносить на морского зверя, и зверь уйдет". Другой эскимос объяснял мне на своем ломаном английском жаргоне: "Русский король -- большой капитан. Американский король -- большой капитан, не очень. Говорит продавать двенадцать миль этот берег, двенадцать миль тот берег. Двадцать четыре мили по берегу. Американский человек говорит: дам тебе десять тысяч долларов.-- Нет. -- Отчего не хочешь?-- Нет.-- Американский человек много огня, его нюхает моржи, тюлени,-- уходит. Здешние люди ищут, охотятся, нет ничего. Потом умрут. Не надо. Американский человек продает много виски. Здешние люди пьют, дерутся. Нехорошо. Американский человек совсем с--н с--н".

"Здешние люди" таким образом полагали, что "русский король" отказался продать американцам двадцать четыре мили по берегу даже за десять тысяч долларов единственно из-за попечения о благе азиатских туземцев. Людская природа повсюду одна и та же. "Здешние люди", т. е. приморские чукчи, вели дела с американцами, но русских знали мало. Поэтому они американцев бранили, а русских представляли себе в каком-то романтическом освещении. Оленные чукчи, колымские, анюйские и анадырские, имевшие дело с русскими торговцами и русскими речными рыболовами на Колыме и Анадыре, напротив того, бранили русских и хвалили американцев. Мне говорил по этому поводу молодой оленевод на Анадыре: "американцы -- хорошие люди. Они приежают на пароходе и приносят все, что угодно. Продают они дешево и многое отдают бесплатно. Они привозят ружье и патроны и говорят: стреляйте зверя, а шкуру давайте нам. Мы будем платить. Они убивают китов и берут только ус, а мясо отдают народу. Они -- искусные охотники, смелые моряки, щедрые дарители. Вы, русские -- худые. Вы сидите дома, не умеете охотиться, у вас нет ничего. Товары ваши плохи, а цены дороги. Без платы ничего не даете. Даже на жвачку табаку. Оттого мы вас не любим, а их любим".

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В заключение я должен повторить, что, во-первых, обрусение чукоч нисколько не двинулось вперед в течение двухвековых сношений чукоч с русскими. Чукчи сохранили свой язык, материальную культуру и религию. Даже немногие семьи чукотских поречан на среднем Анадыре все-таки не приняли русскую речь. Они приняли русский камелек в своих странных хижинах и под русским влиянием создали загадки и пословицы, отчасти переведенные с русского и по характеру отличные от всего остального чукотского фольклора.

Если поставить вопрос о том, что же именно внесло русское влияние в судьбу и жизнь чукотского народа, я должен указать, что и здесь, как и повсюду, русские внесли войну и разрушение и хотели ввести ясак. Однако судьба чукотского народа отличалась от судьбы остальных туземных народностей, так как чукчи успешно отбили нападение русских и воспротивились введению ясака. Когда же война, наконец, прекратилась, они сохранили, несмотря на свою малочисленность, всю свою свежесть и силу и могли таким образом использовать благо прекращения войны. Этим объясняется распространение оленных чукоч на запад и на юг, непрерывное возрастание их стад. Однако и в настоящее время, как два века назад, обрусение этого первобытного кочевого народа может означать лишь истребление и смерть. К счастью для них, последнее изобретение русского правительства, как искусственные "роды", с такими же искусственными князьцами, и. так называемый добровольный ясак остались лишь внешними формами и не внесли изменения в их хозяйственные формы и социальное устройство.

Русское влияние принесло чукчам железные орудия, кремневые ружья и порох, железные котлы и глиняную посуду. Все это, конечно, является полезным приобретением. Цветной бисер и бусы, балахоны из яркого ситца тоже должны считаться приобретением, так как они удовлетворяют эстетическому чувству туземцев и вносят в их тусклую жизнь какую-то физическую яркость. Что касается белья или простой ситцевой рубахи, говорить об этом, пожалуй, не стоит. Даже местные русские носят одну и ту же рубаху без всякой смены, пока она не свалится с их плеч грязными и ветхими лохмотьями. Оленные чукчи иногда надевают старую рубаху, купленную у русских. Они называют ее "вошеловкой" (mьcukwun) и утверждают, что она особенно удобна для того, чтобы собирать вшей из их меховой рубахи: вши прячутся по швам в ситцевой рубахе, и их легко передавить. Вместе с этими жалкими приобретениями русские принесли водку, картежную игру и ряд заразных болезней, от кори до сифилиса. Я приведу слова Кувара, эскимосского торговца в поселке Uŋgasik на мысу Чаплина, которые относятся именно к этому странному равновесию между плюсами и минусами цивилизации, идущей от русских и американцев: "духи, повидимому, постоянно заботятся о том, чтобы население этой страны не увеличивалось. В древнее время постоянная война уносила человеческий прирост. После того, несмотря на большое обилие морского зверя, являлся голод и опять уносил излишек. Теперь, когда американцы привозят в обилии муку и масло, является болезнь и опять-таки уносит прирост".

Из всего вышесказанного можно, вывести такое заключение: чукотская народность, приморские с оленными вместе, является весьма первобытной. Она может проживать в своих бесплодных пустынях, только если так называемая цивилизация оставит ее в покое.

Если цивилизация станет приступать вплотную, то чукчи, должно быть, пойдут по пути других первобытных народов, и тогда они вымрут и исчезнут.

Глава IV
ЧУКОТСКАЯ ТОРГОВЛЯ

ТОРГОВЛЯ В ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ

Еще до прихода русских существовали оживленные торговые сношения между стойбищами оленных чукоч и поселками приморских жителей (чукотскими и эскимосскими), а равным образом между Азией и Америкой через Берингов пролив. Оленные чукчи нуждались в ворвани, в ремнях и тюленьих шкурах, взамен этого они давали оленьи шкуры, готовую одежду, -- совершенно так же, как в настоящее время. На Американском берегу оленьи шкуры ценились выше, чем в Азии, почему чукчи и азиатские экскимосы совершали туда ежегодно торговые экспедиции, а иногда пускались и в пиратство.

В чукотском рассказе "Эленди и его сыновья" герой рассказа, явившись к американским эскимосам, требует: "двадцать выделанных тюленьих шкур, по двадцати выбеленных и вычерненных, сложенных в кольца ремней, столько же невыделанных тюленьих шкур, всего, что вы имеете, по двадцати". Хозяин просит взамен что-либо равноценное, но Эленди не имеет ничего; возникает ссора, и они вступают в бой. Эленди побеждает эскимоса, приказывает жителям поселка выдать ему все то, что он требовал, и возвращается домой, уводя побежденного врага в качестве невольника.

Главная роль в таких экспедициях принадлежала эскимосам Nuukalьt с Восточного мыса, однако чукчи часто сопровождали их. Рассказывают, что в середине прошлого столетия с Восточного мыса однажды отправилась в Америку большая торговая экспедиция. Nuukalьt отплыли в своих больших байдарах, из которых некоторые имели по тридцати весел; чукчи же из соседних североокеанских селений отправились в меньших лодках. Переправившись в Америку, мореходы занимались торговлей или пиратством, смотря по тому, как складывались обстоятельства. Подобные экспедиции эскимосов и чукоч, хотя в меньшем размере, до сих пор отправляются с мыса. Чаплина на остров Лаврентия.

Торговля даже в Азии всегда совершалась с взаимным недоверием. Рассказывают, что в очень древние времена в Нуукане или Уэлене бывали ярмарки, которые располагались вне селения на отмели морского берега из опасения враждебных действий (тот же самый способ впоследствии установился на русских ярмарках и твердо держался до последнего времени на Анадыре). Обе стороны являлись на торг в полном вооружении и предлагали друг другу товары на концах копий; или держали связки шкур в одной руке, а в другой обнаженный нож, в полной готовности вступить в бой при малейшей тревоге. Немая торговля имела место как в Азии, так и в Америке. Именно таким путем партия русских искателей приключений, проплыв в 1646 году от устья Колымы на запад, вдоль берега Северного океана, завела торговлю с приморскими чукчами. Торговцы оставляли свои товары на берегу и уходили прочь. Чукчи приходили, брали товары и оставляли ценные шкуры, моржовую кость и резные поделки из кости.

Чукотская традиция сохранила следующие воспоминания о прежней торговле с Америкой: "На другом берегу океана, в большом лесу, живут "невидимки". Когда они выходят торговать, то можно видеть только лисьи и бобровые шкурки, которые они держат в руках, и кажется, будто бы шкурки движутся сами собой; они выходят встречать наших торговцев на окраины леса и кричат: "давайте торговать". Торговцы берут связки табаку и бросают их вглубь. "Табак, табак!" -- слышится из лесу, но никто не показывается. Через некоторое время мешок, наполненный песцовыми или бобровыми шкурками, вылетает из леса. За одну связку табаку они дают полный мешок песцовых шкурок".

Подобная торговля, вероятно, происходила также у чукоч с коряками еще до прихода русских. Мне приходилось слышать в южной части Парапольского Дола, на реке Анапке, о существовании древней ярмарки, на которую собирались стойбища оленных коряков и чукоч, приморские чукчи и даже камчадалы. Быть может, некоторые предметы японского изготовления попали на север именно таким путем. По крайней мере, вопрос о появлении и изготовлении чукотских железных лат указывает на связь с Японией, которой в настоящее время не существует.

Эти латы, сделанные из маленьких кусков железа с завязками из узких ремешков, были весьма распространены среди оленных чукоч до недавнего времени. Даже теперь многие чукчи сохраняют их из уважения к древности. Кроме того, были в употреблении шлемы и ножные латы, сходные с японскими. Сами чукчи, однако, не столь опытны в кузнечном деле, чтобы ковать такое вооружение. Можно указать только одно место, где могли изготовляться железные вещи, именно в коряцком селении Парень, обитатели которого в течение долгого времени занимались кузнечным ремеслом, о чем свидетельствуют и предания юго-западных чукоч. Возникает вопрос, развилось ли изготовление железного оборонительного вооружения только после прихода русских (особенно если принять во внимание, что войны стали сокращаться после второй половины XVIII столетия) или раньше.

Не менее интересны латы и шлем японского изделия, который мне удалось достать у оленных чукоч на северной Анадырской тундре. Они были стары и ржавы и, по рассказам, переходили от отца к сыну в течение ряда поколений. В позднейшие времена, как известно, японские торговцы не посещали Анадырской бухты. Вероятно, японцы имели сношения с южными камчадалами. Стеллер {Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, p. 320.} и Крашенинников {Крашенинников, "Описание земли Камчатка", II, стр. 49.} полагают, что камчадальское название японцев Suhsemen (Шишаман) происходит от камчадальского слова Suhse или "шиш" ("игла"), ибо камчадалы получали железные иглы от японцев.

Казак Епишев, посланный к устью реки Охоты в 1656 году, сообщал, что он встретил "множество туземцев с оружием и в латах, с луками и копьями, с нагрудниками и шлемами из кости и железа". Из донесения мичмана Матюшкина: "Омоки (старинное русское название юкагиров) Колымской области были знакомы с употреблением железа раньше прибытия русских". Чукчи звезду Альдебаран называют cetlo-maqьm -- "медная стрела"; cetlocel значит "нечто красное", "медь", и с соответствующими фонетическими изменениями имеется и в некоторых коряцких наречиях, и у коряков тоже употребляется как название Альдебарана. Из этого следует, что оба племени знали стрелы с медными наконечниками в очень древнее время. Совершенно ясно, что название звезды появилось ранее последних двух столетий, истекших со времени прибытия русских. В такой короткий срок оно не могло распространиться от племени к племени на пространстве 2000 миль.

ТОРГОВЛЯ С РУССКИМИ

Товары, полученные из цивилизованных стран, придали примитивной чукотской торговле значение, которое ранее совершенно не было ей свойственно. Туземцы до сих пор сохранили воспоминание о сильном впечатлении, которое произвели на их предков железные орудия, табак и водка. Юкагиры Нижней Колымы рассказывают о победителе на состязании с русским пришельцем, получившим в награду за свое искусство железный топор. У юкагиров верхней Колоды сохранились в памяти слова одного старика, сказанные им при первом появлении водки: "Не имейте дурных помышлений, дети. В моей жизни я не пробовал воды, столь усладительной, как эта". Чукчи рассказывают, как их воины старались заполучить железные стрелы, копья и блестящие кольчуги завоевателей и как сильно женщины ценили бусы и готовы были отдать что угодно за пару серег.

Даже слова торгового языка изменились, сделавшись более точными. В древние времена в торговле имелось только слово əlpurьrkьn -- "менять", и производные от него. То же самое слово обозначало кровомщение в значении "обмениваться местью". Современный язык имеет специальное слово viliurkьn -- "торговать", со многими производными от него, как, например, vilvil -- "товар", veьtko-qlaul -- "купец" и проч. Слово это, с соответствующими изменениями, существует и у коряков в форме vilivikьn, значение его -- "мириться". Различие между древним и новым термином весьма интересно.

Первое столетие сношений русских с чукчами, однако, прошло в войнах, и мы имеем очень мало сведений о торговых сношениях за этот период. На Анадыре я слышал, что меновая торговля с чукчами железным оружием была строго запрещена. Но они покупали котлы и резали железо на ножи и наконечники стрел. Даже теперь старые котлы утилизируются таким же образом. Кремневые ружья, захваченные при сражениях, перековывались каменными молотками на грубые стрелы. В настоящее время чукчи делают ножи и тесла из американских подпилков, перековывая их в желательную форму.

АНЮЙСКАЯ ЯРМАРКА

В 1788 году, 41 год спустя после смерти Павлуцкого и 24 года, спустя после отзыва гарнизона из Анадырского форта, Бакнер, комендант города Зашиверска, на Индигирке, исправник Колымской области, восстановил мирные сношения с западными оленными чукчами. Результатом этого было установление регулярной торговли в последующие годы. Ближайшие чукчи, посредством подарков и обещаний, были приведены в подчинение русскому авторитету и даже к платежу податей. Но чукоч более интересовали русские товары, чем сами русские. С Анадыря появились жалобы, что жители этого округа забыты русскими и не получают никаких товаров. По преданию, три чукотских воина захватили в плен одного из приближенных царицы (Екатерины II) и согласились отпустить его только при условии установить для них на Анюе ежегодную ярмарку. Затем, чтобы успокоить его, они дали ему богатые подарки -- шкурки черных и голубых песцов.

Чукотская ярмарка происходила не регулярно, иногда на Сухом Анюе, близ горы Обром, на месте, называемом Островное, иногда на Большом Анюе, вблизи устья его притока Ангарка. Наконец, Островное получило преобладание, потому что на Сухом Анюе чукоч было больше. Сверх того, путешествие на Большой Анюй являлось затруднительным для собак и оленей из-за больших снегов; между тем Сухой Анюй, который течет по границе тундры, более открыт для ветров. Русские построили в Островном деревянный острог, названный Анюйским острогом. Ярмарка приобрела большое значение, и во втором десятилетии XIX века ее торговый оборот достигал до 200000 рублей ежегодно. Сумма эта несомненно велика, принимая во внимание дорогую расценку денег в то время. Лучшие шкуры (бобровые, куньи и рысьи), одежды из выхухоли и куницы, большие партии лисьих и песцовых шкур, шкур полярных медведей, моржовых клыков прибывали с американского берега. В 1837 году, например, по данным, имеющимся в колымском архиве, было продано на ярмарке 100 бобров, 395 куниц, 30 рысей, 31 комплект куньих одежд, 13 комплектов выхухолевых одежд и проч., все из Америки, так как этих пушных зверей в северо-восточной Азии не водится. Сюда же надо прибавить 580 красных лисиц, 80 сиводушек, 13 черных лисиц, 268 песцов, 8 голубых песцов и 1 563 штуки моржовых клыков, проданных на ярмарке в том же году. Приведенные цифры должны быть удвоены, для того чтобы получилось верное представление о торговых операциях ярмарки. Колымские купцы всегда уменьшали цифры при даче официальных сведений.

Продукты оленеводства в то время имели весьма малое значение в торговле. Между тем впоследствии они составляли три пятых всего анюйского оборота. Ярмарка происходила весной и продолжалась три дня. От располагалась на открытом месте, перед воротами русского острога, иногда несколько поодаль, на речном льду. Чукчи являлись в полном вооружении, с копьями, луками и стрелами, с большими ножами на поясах. Распри и раздоры и даже кровопролития случались не редко. Возникали они главным образом из-за разногласий в ценах. Вследствие этого в 1812 году иркутский губернатор Трескин, управлявший также Якутской областью, т. е. всею северо-восточной Сибирью до Чаунской губы и р. Анадыря, распорядился, чтобы торговля табаком -- главным товаром, который русские вымениваи на бобров, лисиц, куниц и моржовые клыки -- производилась на условиях, заранее выработанных начальником острога, по соглашению с влиятельными купцами. Цены на пушнину фиксировались ежегодно по общему согласию купцов. Железные и медные котлы тоже включались иногда в список товаров с фиксированными ценами.

По обычной расценке пуд табаку или железных котлов равнялся 10 красным лисицам, пуд медных котлов равнялся 20 лисицам. В позднейшие годы россомашья шкура или большой котел давались в придачу к большому мешку с табаком в 3 пуда весом. Мешок табаку ценился в 60 лисьих шкур. Ценность прочих шкур выражалась также в единицах шкур красной лисицы. Например, 4 песца равнялись 1 красной лисице, 1 сиводушка или 1 бобер равнялись 2 красным лисицам, а черная лисица стоила 20 красных лисиц. Правила эти были в особенности тягостны для мелких торговцев, которые подпадали под кару за самые легкие нарушения установленных расценок. В некоторых случаях даже богатые купцы лишались права на торговлю с чукчами за легкие нарушения торговых правил, например, за прием тюленьей шкуры взамен недостающей единственной лапы в партии из нескольких сот шкур разных лисиц -- лисья шкура должна была иметь все четыре лапы, чтобы удостоиться обмена на табак. В 60-х годах прошлого столетия, с упадком ярмарки, правила Трескина стали выходить из употребления и в 1869 году они были отменены бароном Майделем.

Во время процветания на Анюйскую ярмарку собиралось не только множество оленных стойбищ и купцов-поворотчиков, но приезжали предприимчивые люди из приморских селений даже с Восточного мыса и с мыса Чаплина, проезжая на собаках огромное расстояние и часто рискуя лишиться своих ездовых животных, которые околевали от истощения на обратном пути. Путь их лежал вдоль берега Ледовитого океана, на Якан и мыс Эрри, затем вокруг Чаунской бухты, вдоль линии оленных стойбищ и потом через водораздел до верховьев Анюя; отсюда непрерывной линией анюйских стойбищ на ярмарку. Еще в 1879 году Норденшельд видел несколько собачьих упряжек, возвращавшихся с ярмарки. Между тем за все время моего пребывания в Колымском округе (1890--1898) ни одна собачья упряжка не явилась на ярмарку из приморских селений.

В начале XX столетия на Анюйскую ярмарку собиралось от 600 до 700 человек, одну четверть из них составляли русские, обрусевшие туземцы и якуты из селений по Анадырю, Колыме, Алазее и Индигирке, вторую четверть составляли колымские ламуты, а остальные были оленные чукчи и поворотчики. Но затем торговля сильно упала, так как американские шкуры почти перестали прибывать, и даже часть шкур с азиатского побережья скупалась китоловами. Из оставшейся пушнины большая часть шла на Анадырь. Анюйская торговля, по официальным данным, выражалась в 200--250 тыс. рублей. Из них две трети выпадали на оленных чукоч, остальная треть падала на ламутов, обрусевших юкагиров и проч.

ПРОЧИЕ ЯРМАРКИ

Около времени основания Анюйской ярмарки анадырские и телькепские чукчи начали торговать с Гижигою и с. Каменским на Охотском море. В начале XIX столетия, одновременно с весенней ярмаркой для оленных коряков, была установлена ярмарка для юго-западных чукоч на Парапольском Долу,, в районе верхней части течения р. Опуки. В селении Марково, на среднем Анадыре, ярмарка была открыта для анадырских и "внутренних" чукоч. В течение последнего полустолетия XIX века, со времени учреждения отдельного окружного управления, в Анадыре было открыто еще три ярмарки: первая -- Туманская, на западе, близ горы Иргуней, преимущественно для телькепских чукоч, другая ярмарка -- в маленьком селении Вакарена, на среднем течении Анадыря, для "внутренних" чукоч, и третья -- на реке Еропол, для чукоч Верхнего Анадыря и для ламутов. Но торговые обороты были недостаточны для поддержания этих ярмарок, они выражались в сумме около 20000 рублей. В 1901 году, вследствие больших снегов, только два телькепских стойбища приехали на Туманскую ярмарку и только три "внутренних" стойбища явились на Вакаренскую ярмарку. Ежегодный торг чукотской ярмарки на реке Опуке выражался всего лишь в немногих тысячах рублей.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

В древние времена немногочисленные русские торговцы путешествовали на собаках вдоль морского берега от устья Колымы по североокеанским селениям. Этот путь был короче, но он считался более трудным, чем путь внутри страны, потому что между устьем Колымы и мысом Эрри (Восточный) не было населенных мест. Последним из таких торговцев был казак Иван Кудрин, который в 1882 году привез на Колыму Гильдера, в пути считал его пленником, как писал об этом сам Гильдер в своей книге {Gilder, p. 148.}. Гильдер называет его Ванкер -- очевидно, это соединение его двух имен.

Кудрин, ныне уже умерший, имел репутацию сумасшедшего; брат его, Федор Кудрин, живой и теперь, был один из немногих русских шаманов на Нижней Колыме.

Жители тихоокеанских поселков продолжали ежегодно совершать поездки на собаках к русским селениям на Анадыре, потому что путь этот гораздо короче, чем путь на Анюй. Лучшим местом для торговых собраний являются не ярмарки, перечисленные выше, а местность близ устья Анадыря, так как путешествие сюда из ближайших чукотских селений через бухту Креста может быть совершено в весеннее время года в течение пяти или шести дней. В первой половине прошлого столетия место собрания было на тундре в двадцати милях к северу от устья Анадыря, близ Заячьих гор (Ушканий хребет); но в последнее десятилетие XIX столетия вместо этого были организованы две маленьких ярмарки на Мариинском Посту -- одна весной, а другая летом -- около времени прибытия почтового парохода. Весной на ярмарку собиралось до пятидесяти собачьих упряжек из чукотских и эскимосских селений, вплоть до мыса Чаплина, и вдвое больше оленьих упряжек с внутренних и телькепских стойбищ. Летом приплывало десять или двенадцать байдар (кожаных лодок) из приморских селений и несколько байдар от телькепских оленных чукоч и даже от кереков.

ТАБАК И КИРПИЧНЫЙ ЧАЙ

Из всех русских товаров первое место в торговле занимал табак. Пристрастие туземцев к табаку удачно выражено в одном рассказе, хорошо известном всем племенам северо-восточной Сибири.

Во время недостатка табаку, когда все люди были близки к сумасшествию, так как нечего было курить, один богатый оленевод, у которого был большой кисет, полный табаку, не желал ни с кем поделиться своим достатком. Когда его брат попросил табаку на трубку, то получил отказ. На следующий день он настиг владельца кисета на тундре, убил его сзади копьем, распорол его грудь и вынул легкое, которое было покрыто сажей. Он накроил часть легкого и набил это крошево в трубку вместо табаку, кисет же оставил нетронутым. Когда казаки поймали убийцу и представили русским властям, то он показал им большой кисет и покрытые сажей легкие и был освобожден от обвинения.

Табак нашел путь из Сибири далеко на восток, в Северную Америку. В чукотских преданиях о древней торговле табаком есть следующий рассказ: "Вдали живут люди, которые могут расщепляться, они живут на берегах озер, среди деревьев, расщепленные пополам. При малейшем шуме расщепленные части соединяются и люди ныряют в воду. Они очень любят табак и дают за него крупную рыбу и выдр".

"Еще дальше в лесах живут карлики, величиною не более руки человека от пальцев до локтя, трое из них с трудом могут одолеть одного гуся. Они живут на деревьях и покупают табак за шкуры рысей и выхухолей. Там живут также косматые люди, у которых тела полярного медведя и человеческие лица. Они платят лучше всех,-- за маленький кусочек нагара из трубки величиной не более ногтя они дают куницу. Все люди этой страны жаждут табаку в течение всей своей жизни".

Табак, служащий товаром в русско-чукотской торговле, представляет собой дешевый сорт южно-русского табака, так называемый черкасский. Он продается либо папушами, около полутора фунтов каждая, либо большими и малыми сумами. В малой суме 25 папуш, в большой -- в три раза больше. С началом посещения тихоокеанских берегов китоловами американский курительный и жевательный табак стал вытеснять русский табак, т. к. американский табак дешевле - и его можно покупать в течение всего лета. Жители острова Лаврентия до сих пор предпочитают русский табак и часто охотно платят за русский табак дороже, чем за американский.

Из других русских товаров надо назвать: сахар, железные и медные котлы, бумажные ткани, дешевые теплые шарфы и шали, дешевые медные и железные изделия и ножи, доставляемые из Якутска, затем бисер и т. п. Во второй половине XIX столетия кирпичный чай, любимый напиток восточной Сибири, получил более важное значение, чем все прочие товары. Он теперь употребляется даже на стойбищах, наиболее отдаленных от берегов Северного и Тихого океанов. Те немногие чукчи, которые еще не имеют чайников, получают от соседей насмешливое прозвище "бесчайные" (acajkalat).

СПИРТ

Торговля спиртом считалась строго запрещенной во все времена. Но в Колымском округе она представляет одну из важнейших статей русской торговли с чукчами. Город Средне-Колымск ввозил с юга до 300 боченков неочищенного спирта и был центральным пунктом, откуда спирт развозился по селениям и стойбищам. Торговцы употребляли всевозможные хитрости, чтобы избежать официальной бдительности, когда она становилась не просто номинальной. Они клали маленькие фляжки алкоголя, слегка разведенного водой, в связки табаку, сложенные в большие мешки, эти мешки запечатывались и продавались богатым "поворотчикам" kavralıt. Якутские торговцы замаскировывали фляжки спирта, покрывая их кислыми мороженными сливками, которые на севере употребляются в холодном и твердом состояние (хаях, Якутск.). Мелкие торговцы из Нижне Колымска обмакивали в алкоголь свежий ржаной хлеб, еще горячий, и приготовляли особого рода проспиртованный хлеб, который потом продавался в розницу. Часто купцы, а равно и официальные лица просто брали значительное количество алкоголя на становища и на ярмарки под видом необходимости для личного употребления.

Ссора на Анюйской ярмарке между русскими и чукчами, произошедшая в 1895 году и закончившаяся кровопролитием, возникла из-за торговли спиртом. На Анадырской стороне хмельный напиток добывается с чрезвычайным трудом, и если он привозится сюда, то действительно для личного употребления торговцев. Чукчи имеют возможность купить его только с почтового парохода, который во время двухнедельной стоянки в Анадырской бухте устраивает мелочную лавку для торговли- всякого рода провизией.

На Беринговом море некогда партии чукотских и эскимосских торговцев направлялись в больших кожаных байдарах вдоль берега к Восточному мысу, а отсюда плыли в Америку, с остановкой на Диомедовых островах. Американские туземцы точно так же путешествовали в Азию, хотя не так часто, потому что все продукты цивилизации приходили к ним с Азиатской стороны, главная роль в торговле всегда принадлежала жителям Азии.

ТОРГОВЛЯ С КИТОЛОВАМИ

С 1848 года, а особенно после продажи Аляски, американские китоловы стали посещать эти отдаленные воды и завели торговлю на обоих берегах Берингова моря. Вначале их товарами были дешевый ром, ружья и боевые припасы. Затем сюда прибавились прочие виды товаров, в которых имели нужду туземцы: мука, сухари, сахарный песок, черная патока, толстое сукно, холст и дрель, железные и медные изделия, бисер. В обмен китоловы брали преимущественно китовый ус, дававший громадные барыши, так как у туземцев были большие запасы и они употребляли его только на связку, а также на подрезы для сонных полозьев. Замечательно, что русские торговцы до последнего времени обращали мало внимания на китовый ус. В последние годы XIX столетия торговля спиртом отчасти уменьшилась, т. к. большинство китобойных капитанов стало отказываться от этого источника дохода. Из десяти судов, которые прибыли на мыс Чаплин в 1901 году, только два торговали ромом. Кроме того, сами туземцы не стали так падки на спиртные напитки, как прежде, потому что у них уменьшились средства для покупки и появились различные новые нужды, которые требовали удовлетворения. Однако часть рома, разлитого в пузыри и маленькие мешки из тюленьих кишёк, проникали далеко в глубь страны с мыса Чаплина и мыса Восточного. На ярмарке в Заячьих горах спирт был даже самой важной статьей меновой торговли между чукчами и русскими. Нечто подобное имело место также и на Мариинском Посту, всякий раз когда там появлялись чукотские и эскимосские купцы, прибывшие с севера. Таким образом взаимное положение русских и туземцев совершенно изменилось, как это часто бывает в отдаленных частях Сибири. Русские платили за спирт чаем, табаком и проч., а также собаками, которые считались много лучше, чем собаки чукотской породы, и ежегодно уходили с Анадыря в северные туземные селения.

Китоловы привозили ружья, преимущественно винчестеры, 44, 45,60 или 45,70 калибра, большею частью подержанные. Продавали также дешевые дробовики и патроны различных калибров. В конце XIX и в начале XX столетия все туземцы северо-тихоокеанских берегов были вооружены этим огнестрельным оружием и употребляли его для всех видов охоты. На мысе Чаплина число ружей в 1901 году было свыше 400 на 440 человек жителей. Оленные чукчи к западу от Колымы точно так же имели много винтовок, между тем как население западной тундры и Омолона употребляло кремневые ружья и лишь в небольшом количестве подержанные берданки, продаваемые русским правительством.

Белая мука является предметом постоянного потребления на Тихоокеанском берегу, особенно во время неудачного тюленьего промысла. Туземцы говорят, что только мука поддерживает их во время голодовок. Действительно, весной 1901 года жители поселка len'a, равным образом поселков у мыса Чаплина, питались исключительно мучными лепешками, слегка прожаренными в жиру. Той же весной на одном только мысе Чаплина было куплено у китоловов около 500 мешков муки, а по всему берегу -- около 2500 мешков муки, и столько же муки было продано за все лето. Среди оленных чукоч лепешки из белой муки считаются одним из самых вкусных лакомств; между тем ржаную муку они почти не употребляют, несмотря на постоянную связь с русскими селениями.

Кроме всего вышеперечисленного, туземцы охотно покупают подержанные китоловные вельботы, маленькие китобойные пушки, китобойные взрывные гарпуны, а равным образом керосиновые печки и керосин. В 1901 году были завезены даже керосиновые лампы, примуса, корабельные компасы, употребление которых хорошо знакомо эскимосам.

В 1882 году некто Кувар, один из богатейших торговцев мыса Чаплина, сделал опыт покупки шкуны в целях организации охоты на китов и крупной торговли продуктами китобойного промысла. Как раз в это время был послан русский военный корабль "Крейсер" для захвата американских китоловных судов, плавающих в русских водах или занимающихся незаконной торговлей на русских берегах. Неизвестно, были ли захвачены какие-нибудь американские шкуны, встречавшиеся ранее в большом количестве, но шкуна "Генриетта", только что купленная Куваром, была взята в качестве приза, несмотря ни на какие просьбы и протесты. Шкуна затем была оборудована паровым котлом и употреблялась в качестве сторожевой на Охотском море, где она и погибла во время шторма в 1895 году. Кувар несколько раз обращался к властям, но не имел успеха. Владивостокские власти утверждали, что Кувар не вступил в законные права владения шкуной. Однако туземцы на мысе Чаплина говорили мне, что Кувар заплатил за нее груду китового уса с двух китов, большую кучу моржовых клыков, три полных мешка лисьих шкур и три шкуры полярного медведя. Во время моего пребывания в том же районе экскимосам представлялся другой случай купить шкуну, но в виду возможности повторения конфискации покупка была, по моему совету, ими отклонена.

Американские товары вообще вдвое дешевле товаров, прибывающих из Сибири. Даже те товары, которые прибывают из Владивостока морем, не могут конкурировать с ними, потому что большая часть владивостокских товаров американского происхождения, а идут они более кружным путем. Американский сахар в этом отношении представляет исключение, он хуже русского сахара. Американское ножовое производство не так хорошо приноровлено к потребностям туземцев, как грубые и крепкие ножи, специально изготовляемые в Якутске, Средне-Колымске, Маркове и пр. Кроме того, китоловы не торгуют кирпичным чаем, потому что они не посещают ни китайских, ни дальневосточных портов. Один или два раза они привозили кирпичный чай из Японии, но японский чай ниже по качеству, чем китайский, и плитки его меньшего размера.

После того как запасы китового уса у туземцев стали истощаться, китоловы начали принимать вместо него моржовую кость, шкуры песцов и шкуры белых и черных медведей. Прочие звериные шкуры, как-то: красные лисицы, лисицы-сиводушки и волки, а также американская пушнина, т. е. шкуры бобров и куниц, направлялись на русские ярмарки, потому что в Азии они ценились дороже, чем у китоловов. В начале XX столетия главным источником дохода туземцев были шкуры оленьих телят, в которых сильно нуждались американские туземцы и аляскинские рудокопы для приготовления одежды. Шли также шкуры взрослых оленей для спальных мешков и отчасти для одежды, а больше всего различные виды обуви из тюленьей, кожи, которую охотно носят матросы китобойных судов и рудокопы американского севера. Азиатские и американские туземцы продают эту обувь в большом количестве каждое лето. Потребность в ней возрастает. В 1901 году на мысе Чаплина пара обуви продавалась за мешок муки.

Главные торговые пункты находятся на Восточном мысу и также на мысу Чаплина, где море благодаря сильному течению освобождается ото льда в середине апреля. Два или три туземных торговца в обоих местах скупают ежегодно большое количество туземных продуктов. В обмен на них они получают тогда же американские товары и торгуют ими в течение целого года. Они даже покупали деревянные лавки, привозимые специально из Сан-Франциско.

В 900-х годах таких лавок на Тихоокеанском берегу было 14, из них 5 на мысу Чаплина, причем 3 принадлежали Кувару, богатейшему торговцу на Чукотском полуострове. В Нуукане было 3 лавки, в Уэлене -- 1. Остальные лавки находились в различных эскимосских и чукотских селениях.

Китоловы редко посещают североокеанский берег западнее Уэлена. До XX столетия они почти никогда не заходили дальше Колючинской губы. Все приморские жители, желающие принимать участие в торговле, отправляются из североокеанских селений на Восточный мыс, а из тихоокеанских селений -- на мыс Чаплина. Определенных сроков для торговых сношений не существует. Но начиная с середины марта собачьи упряжки и оленьи караваны появляются один за другим. Они продолжали приходить гораздо позже появления китоловных судов, потому что снега стаивают лишь поздней весной. Путешествия на кожаных байдарах начинаются в конце мая. Для торговых поездов употребляются только кожаные байдары, т.к. на деревянных вельботах трудно совершать выгрузку вследствие сильного прибоя; кроме того, очень трудно их вытаскивать на берег.

Торговля непосредственно с американскими туземцами упала, потому что китоловы заняли место прежних посредников. Кроме того, у американских эскимосов нет достаточного количества пушнины и тюленьих шкур для торговли с азиатскими туземцами. Весь их промысел продается на месте американским купцам.

Население острова Лаврентия и Диомедовых островов часто отправляется к азиатскому берегу на борту китоловных судов, на всякий случай забирая с собой кожаные байдары. Торговые партии с мыса Чаплина до сих пор ходят на остров Лаврентия для обмена оленьих шкур на излишки китового жира, моржовых шкур и китового уса, который стал занимать важную роль в туземной торговле. Они собирают также сплавной лес на северных берегах острова или покупают у его жителей необделанные остовы и деревянные части байдар. Торговля деревом, а также деревянными поделками и посудой постоянно совершается в Беринговом проливе. Предприимчивые люди с мыса Чаплина и мыса Восточного иногда отправляются с китоловами к порту Михаила, мысу Ном и далее. Они везут с собой оленьи шкуры, которые продают главным образом американцам.

ТОРГОВЛЯ ОЛЕНЯМИ

Живые олени всегда были предметом торговли между различными туземными племенами. В конце XIX столетия американское правительство, желая завести оленеводство на Аляске и на острове Лаврентия, также начало покупать живых оленей на азиатских берегах. В 1899 году на Аляске было 9 стад, в которых насчитывалось 2837 оленей, из коих 1021 были куплены на азиатском берегу, а 144 вывезены из Лапландии. Остальные олени явились в результате естественного прироста стад. В 1901 году здесь было 4164 голов, из которых 229 были дополнительно куплены в Азии, а 1100 являлись весенним приплодом стада. Общее число купленных на азиатском берегу оленей равнялось 1300. Американские агенты платили в три раза дороже обычной стоимости оленя, но, несмотря на это, они не могли обзавестись достаточным количеством "животных, потому что оленьи стада на морском берегу, от Колючинской губы до мыса Чаплина, недостаточно велики. В настоящее время численность оленей в Америке превышает 60 000.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что живущие внутри материка оленные чукчи, особенно kavralıt, враждебно относятся к торговле живыми оленями, т. к. они сознают, что их собственная торговля с американскими туземцами все время идет на убыль, и они боятся, что заведенное в Америке оленеводство еще более уменьшит ее. Около 1895 года, когда американские торговые агенты еще пользовались расположением русского правительства, мне пришлось слышать характерный рассказ от жителей реки Россомашьей. Они говорили, что главною целью русских военных судов в водах Тихого океана был захват американских судов, которые производили торговлю оленями.

Торговля живыми оленями, если ее организовать надлежащим образом, может быть только прибыльной для северо-восточной Азии, потому что там имеются миллионы оленей. За три дня какой-нибудь большой ярмарки убивают столько оленей, сколько куплено американским правительством в течение десяти лет. Владивостокская администрация в начале XX столетия изменила взгляд на торговлю живыми оленями, отчасти под влиянием взглядов путешествовавших. по Чукотскому полуострову Гондатти и Богдановича, не сочувствовавших этому роду торговли в Беринговом море, по крайней мере, в тех формах, в которых она там совершалась.

ТОРГОВЛЯ ВНУТРИ СТРАНЫ

Внутренняя торговля среди чукоч совершалась до последнего времени тем же самым способом, как она происходила до прихода русских. Среди оленных чукоч обычно человек более активный, чем другие, или порою менее внимательный к своему стаду, сравнительно небольшому, проникался желанием отправиться на морской берег для меновой торговли. Существует особый термин для такого путешествия -- t-ŋьrkeurkьn -- "я отправляюсь к Восточному мысу для торговли". Предпринимающий такую поездку нанимает работников для сбора шкур оленьих телят на продажу и для нагрузки и заготовки саней к путешествию. Родственники и соседи дают ему взаймы, у кого что есть. Таким образом он отправляется отчасти в качестве их агента и везет шкуры на продажу, имея их на комиссии. Такие комиссионные шкуры имеют специальное название -- vilьnrьr (собственно "данное для сбыта"). Торговец отправляется в путь в феврале или марте. Он очень медленно подвигается вперед, боясь переутомить своих оленей. Путь его лежит от Анюя и Омолона к Чаунской губе. Отсюда он продвигается от одного маленького горного хребта к другому, следуя в общем направлению морского берега, но все время держась в значительном отдалении от него. С наступлением весны он старается продвинуться как можно дальше на восток и повернет к берегу только в том случае, если путешествие на оленях станет невозможным. Иногда он достигает Восточного мыса, но чаще останавливается в каком-нибудь другом поселке между Колючинской бухтой и Восточным мысом. Останавливаться на запад от Колючинской бухты для него невыгодно, потому что западные селения малолюдны, а морское путешествие к Восточному мысу представляется довольно затруднительным и даже опасным.

Целое лето он остается на морском берегу, принимает участие в тюленьей охоте, чтобы иметь долю в добыче, не платя за нее, и затем постарается отправиться на байдаре к Восточному мысу. В обмен за свои шкуры он берет главным образом тюленьи кожи, всякого рода ремни и американские продукты -- спирт, ружья и патроны. В середине осени он отправляется в обратное путешествие, продвигаясь так же медленно, как и прежде. Домой он вернется весной. Вернувшись, он возвращает занятых оленей, большею частью без специальной платы за это или возмещает взятое в долг частью товаров, которые он купил на комиссию, оставляя себе значительную долю барыша от всех сделок подобного рода. Такое путешествие продолжается целый год и может даже длиться дольше. Путешествие между мысом Чаплина и Анадырем много короче и обыкновенно совершается в одну зиму, так что караван, выступивший осенью, возвращается около середины следующей весны. Когда человек войдет во вкус и поймет пользу от этих путешествий, он повторяет их и становится kavralьn. Kavralьt (множ. ч.) -- большею частью приморские жители, которые сначала перешли к оленеводству, а затем к торговле. Таким образом они хорошо знакомы с тем или другим бытом и обычаями обеих групп племени. Kavralьt находятся постоянно в пути. В прежнее время они усердно старались посещать русские ярмарки, направляясь к морскому берегу навстречу байдарам, идущим, с Диомедовых островов и из Америки, часто вступали в соглашение с ними и совершали путешествие по морю, чтобы добыть ценные шкуры. Иногда отец семьи направлялся в западную сторону с оленным караваном, между тем как один из его сыновей ждал лета и направлялся через Берингов пролив в Америку на своей байдаре. Следующей весной отец и сын встречались и предпринимали новое путешествие для распределения своих товаров. Даже в XX столетии несколько купцов kavralьt продолжали совершать свои путешествия, не сокращая их круга, посещая Анюйскую ярмарку и Диомедовы острова. Большинство kavralьt, однако, торгует преимущественно шкурами оленьих телят и не совершает поездок далее ярмарки на Островном и русских колымских селений.

В начале XX столетия около 10 или 15 караванов, каждый из 6 или 8 шатров, являлись каждую весну на реку Россомашью на восточной границе Анюйской области, прибывая с востока. Некоторые из них являлись из Чаунской тундры, другие -- из местности, соседней с мысом Ьгть (Восточный), Jaqan и Rьrkajpьjan, а некоторые -- из окрестностей Колючинской губы. Оживленная меновая торговля шла в течение двух недель, а затем торговцы отправлялись в обратное путешествие.

В прежние времена среди kavralьt было больше богатых людей, чем в начале нашего столетия. В 60-х годах XIX века один из них даже накупил лошадей и совершал летние путешествия между оленными стойбищами, развозя свои товары вьючным способом. Другой по своему желанию был послан русскими властями Колымского округа в Якутск. Он был у якутского губернатора и получил через него золотую медаль и парадный кафтан, украшенный серебряным галуном. В начале XX столетия самым богатым из kavralьt был Кувар и еще несколько эскимосских торговцев Тихоокеанского берега.

Чукчи совершают также и другие регулярные путешествия в торговых целях, меньшие по размеру. В Анюйской стороне русские купцы путешествуют по стойбищам зимой на собаках, а летом на лошадях, собирая преимущественно шкуры оленьих телят, песцов и красных лисиц. Русские торговцы на Анадыре не предпринимают таких путешествий. Они не ездят далее бухты Креста. Вообще русские торговцы не заезжают дальше "края лесов", по крайней мере, когда они передвигаются сухим путем. С другой стороны, мелкие торговцы в зимнее время направляются на собаках из каждого туземного селения Чукотского полуострова в оленные стойбища, скупая шкуры подросших оленьих телят и готовые одежды. В летнее время целые флотилии байдар направляются с мыса Чаплина к бухтам Креста и Лаврентия, где оленеводы совершают сезонный обряд убоя оленей. Они возвращаются тяжело нагруженные шкурами и мясом. Некоторые байдары идут к Анадырю и поднимаются вверх по течению, чтобы принять участие в большой охоте на диких оленей. В 80-х годах XIX столетия они доходили по морскому берегу до телькепских летних стойбищ и до селений кереков. Здесь, вблизи мысов Барыкова и Наварина, проходила южная граница чукотско-эскимосской торговли на берегу Тихого океана.

ЕДИНИЦЫ ЦЕН И ЦЕНЫ ВООБЩЕ

Чукотская торговля -- исключительно меновая. Деньги совершенно неизвестны. Оленеводы даже не имеют слова для обозначения денег, называя их просто kelitul ("кусочек испещренного"); точно так же называется всякий кусочек бумаги, на котором что-нибудь написано. Приморские чукчи называют деньги maneman, от английского слова "money", заимствованного от китоловов.

Денежной единицей в русской торговле в начале XX века оставалась полновесная папуша табаку (торговцы часто вынимают несколько листов, не трогая завязок). Кирпичный чай точно так же стал входить в употребление в качестве денежной единицы и даже приобрел в этом отношении преобладающее значение, т. к. плитки этого чая (кирпичи) одинакового размера и формы.

В торговле с китоловами нет специальных денежных единиц. Цены бывают весьма различны, соответственно времени и месту. Одни и те же товары продаются в различных местах и в разное время по цене, которая в два и три раза выше, чем в других местах. Можно указать следующие образцы цен для различных округов. В 90-х годах XIX столетия в южной России папуша табаку стоила около 30 коп., в Якутске -- 60 коп., в Средне-Колымске -- 1 руб. 80 коп., на Анюйской ярмарке -- 2 руб. 40 коп. или 3 черных оленьих выпоротка. На Анадыре -- 80 коп., на тундре -- 5 черных выпоротков, на Чукотском полуострове -- 1 песец.

Во Владивостоке или в Иркутске кирпич чая стоил 30 коп., в Якутске -- 50 коп., в Средне-Колымске и на тундре он равнялся по цене папуша табаку. Фунт русского сахара стоил в южной России 15 коп., в Якутске -- 40 коп., в Средне-Колымске -- 1 руб., на Анюйской ярмарке -- 1 руб. 50 коп. или 2 черных и 1 серый выпороток.

Бутылка неразбавленного спирта ценилась в Средне-Колымске до 2 $^1/_2$ руб., на Анюйской ярмарке (сильно разбавленная водой) -- 5 руб. или отдавалась за хорошую шкуру красной лисицы. На тундре и на Анадыре были произвольные цены.

В торговле с китоловами лавка, которая в Сан-Франциско стоила 100 долларов, продавалась за 100 связок китового уса (около 400 фунтов), по цене от 2 $^1/_2$ до 3 $^1/_2$ долларов за фунт, т. е. за 1000--1400 долларов. Второсортный вельбот с принадлежностями продавался за 20--30 связок китового уса или от 200 до 420 долларов, дробовик или винтовка со снаряжением -- за 4--6 связок, маленький ящик жевательного табаку (6 $^1/_4$ фунтов)-- за 2 пары обуви. Боченок черной патоки отдавался за одну или две пары обуви, мешок белой муки также за одну или две пары обуви и проч. Хорошая шкура оленьего пыжика ценилась одинаково с парой обуви, полная одежда равнялась двум, парам обуви, вышитая одежда -- связке китового уса и т. д.

На устье Анадыря чукчи обменивали американские товары по ценам ниже, чем при покупке у китоловов. Винчестер продавался за 20--30 кирпичей чая, т. е. от 8 до 12 руб.; китоловный вельбот стоил 70 кирпичей чая, 30 фунтов сахара, 20 фунтов табаку, в общей сложности около 50 руб. Мелкие товары, как-то: порох, пистоны, бумажные ткани, покупались по еще более низким ценам. Причина этого заключалась в том, что в прежние времена русские не брали китового уса и ставили на свои товары высокую цену в обмен на шкуры. Поэтому приморские жители, которые устроили обмен американских товаров на китовый ус, считали их менее ценными в сравнении с русскими товарами.

Во внутренней торговле среди западных стойбищ существовали следующие цены: за шкуру большого тюленя -- от 10 до 15 шкур оленьих пыжиков, за круг белых ремней -- 5 пыжиков, за большой мешок тюленьего жира -- 3 оленьих туши, за винчестер с принадлежностями -- 2 оленьих упряжки. У кереков винчестер с принадлежностями ценился в 2 собольих шкуры.

Ежегодная торговля между чукчами и русскими во всех трех северных округах выражалась в общей сумме около 70000 руб. Общая сумма оборота в торговле с китоловами на морском берегу неизвестна. В начале XX столетия ежегодно к азиатским берегам прибывало около 10 китобойных судов, из которых каждое производило торговлю на сумму от 1000 до 2000 долларов, так что весь ежегодный торговый оборот мог выражаться в сумме от 10000 до 20 000 долларов. Эта торговля происходила главным образом с эскимосами.

Общая ежегодная сумма торговых операций в трех округах северо-восточной Азии среди всех племен, включая чукоч, коряков, эскимосов, ламутов, юкагиров, русских, обрусевших туземцев и якутов, доходила до 200 000 руб.: 70000 -- в Гижиге, 70000 -- на Колыме, 25000 -- на Анадыре и около 30 000 -- на Чукотском полуострове. Но, во всяком случае, три первые цифры (хотя они базируются на официальных данных) являются только приблизительными.

Глава V
СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ГРУППА

МУЖЧИНА В СЕМЬЕ

Единицей чукотской социальной организации является семья или семейная группа. Однако семейные узы не слишком крепки, и отдельные члены семьи часто порывают связь со своими родственниками и уходят на сторону. Взрослые сыновья покидают своих родителей и уходят искать счастья в отдаленные местности. Юноши из оленеводческой части племени спускаются к морскому берегу, а приморские чукчи переходят к оленеводам. Многие чукотские сказки начинаются с описания жизни одинокого человека, который не знает других людей и живет в пустыне.

Можно было бы сказать, что отдельный человек, живущий одиноко, является основной единицей чукотского общества. Даже женщина, чье общественное положение значительно ниже мужского, нередко бросает отца или мужа и уходит от них к другим людям. Семья ушедшей может преследовать ее и даже стараться вернуть ее насильно. В дальнейшем изложении такие случаи будут описаны подробно.

Среди тунгусов подобные явления не встречаются, так как организация семьи и рода у них гораздо крепче. Тунгусские семьи тоже нередко отделяются от рода и уходят на поиски новых охотничьих угодий, но отдельный человек никогда не бросает семьи. И даже отделившаяся семья долго сохраняет память о связи со своим родом. Ламуты в районе Чауна, состоящие из выходцев разных родов, живущих южнее, до сих пор еще помнят свое происхождение от определенных родов, хотя в настоящее время эта связь не имеет особого значения, благодаря дальности расстояния. Чукчи, отошедшие от своих семей, никогда не сохраняют таких воспоминаний о родственных связях. Отделившись от семьи, они тем самым становятся для нее чужими.

СИСТЕМА РОДСТВА

В чукотской системе родства отцовская линия в значительной степени преобладает над материнской. Родственники по мужской линии называются "произошедшие от старого быка" (kьrŋajpb walьn, также kьrŋetumgьn {Kьrŋe-tumgьn или kьrŋa-takalŋьn обычно означает "старший родственник", 4-kьrŋe-jicemit-tumgьn -- "старший брат".} -- "старый бык товарищ") или происходящие (от одного и того же) "детородного члена", jaьlgeрь-walьn. Родственники по женской линии называются "произошедшие от (общей) матки", kьjolgeрь-walьn. Родственники по отцу называются также "люди одной крови", ənnen-mutlьlь. В данном случае имеется в виду обычай жертвенного помазания кровью. Надо указать, что во время определенных праздников чукчи помазывают свои лица кровью, причем семьи, происходящие от общей отцовской линии, употребляют одни и те же знаки помазания, передаваемые из поколения в поколение (см. ниже, стр. 130) Точно так же люди, принадлежащие к одной и той же отцовской линии родственников, "старые мужские товарищи", называются также (люди) "одного огня", ənnen-jьnl┌t, так как у них общий огонь. Родство по отцовской линии считается более крепким, чем по материнской. Чукчи говорят, что даже самый* далекий родственник с отцовской стороны ближе к семейному очагу, чем ближайшие родственники по матери. Привожу таблицу терминов родства:

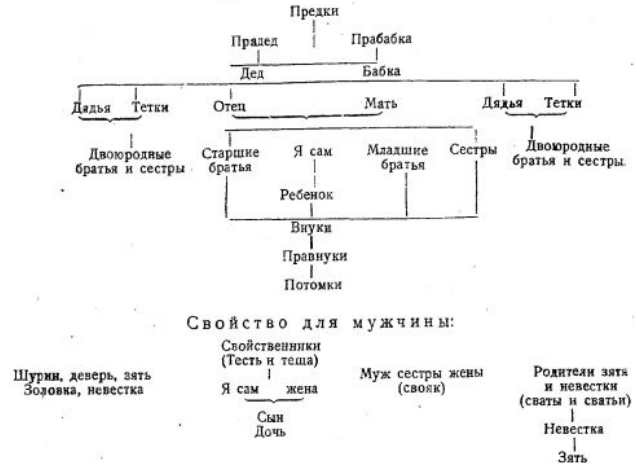
Кровное родство (отцовская линия):

Əttuutien ("идущий впереди") -- предок
Jaatlan ("идущий сзади") -- потомок
Mirgьn {Иногда говорят ətlьw-mirgьn ("дед по отцу") и ətla-mergьn ("дед по матери"), хотя обычно первая часть слова опускается. Маленькие дети употребляют также термин apajŋьn_ ("дедушка") и ереqəi ("бабушка"). Оба эти термина образованы от слова ерь ("отец"). -- Первый термин -- увеличительный, второй -- уменьшительный. Однако слово ерь употребляется редко и принадлежит скорее коряцкому языку. Другое уменьшительное слово ерерil -- коряцкого происхождения, буквально: "маленький отец", служило названием для христианских священников в качестве перевода русского термина "батюшка", а в этом значении было усвоено чукчами.} -- дед и брат деда
Ðew-mirgьn (ŋe, ŋew -- "женщина") -- бабка или сестра бабки
Əndiw -- дядя {Различают ətlьgьndiw ("дядя с отцовской стороны") и ətlandew ("дядя с материнской стороны").} с отцовской и материнской стороны
Əccaj -- тетка {Тем же термином обозначаются двоюродные дядья и тетки.} с отцовской и материнской стороны
Ətlьgьn (детское: atə, "тятя") -- отец
Ətla (детское: əmmə, "мама") {Əmmə, по существу, означает материнскую грудь. Ate, əmmə употребляется большей частью только очень маленькими детьми. Слова ьnрьnacgьn и ьnрьŋe, которые, согласно Nordquist'у, были указаны у различных авторов как термины для обозначения "отца" и "матери", г действительности имеют значение "старик" и "старуха". Оба эти слова происходят от ьnр, корня прилагательного nьnрьqen ("он стар").} -- мать
Ətlьgьt ("отцы") -- родители
Jicemit-tumgьn {Во всех производных формах употребляется только первый корень. Tumgьtum (множ. чис. tumgьt, основа tumg) означает "товарищ", "друг", а также "родственник". Муж, говоря о своей жене, называет ее gumnin tumgьtum ("моя подруга"). Getumgьlin означает "человек с товарищами", "человек сродственниками", "человек с влиянием". Это слово употребляется в различных сочетаниях, обозначающих термины родства, в одних случаях только между мужчинами, в других случаях только между женщинами и, наконец, смешанно, между мужчинами и женщинами.} ("брат-товарищ") -- брат
Ьneelьn -- старший брат
Ətlaŋi -- младший брат {Термины "старший брат@ и "младший брат" взаимно соотносительны, т. е. все братья старше меня -- мои ьneelьt, а все братья моложе меня -- мои ətlenjut (мн. ч.). Термины более детализированные суть _следующие: ənan-ьnaalьn -- "самый старший брат", ənan-ətlaŋe -- "самый младший брат"; wutgьtcēn -- "средний (брат)". Ьneelьn ("старший брат") ətleŋi ("младший брат") оба употребляются мужчинами и женщинами. Однако первый термин женщины произносят ьninelin, согласно правилам женского произношения, в котором избегаются сокращения. Старшая сестра называется также ьneelьn или ьninelьn. Термин ətleŋi употребляется только для младшего брата, но не для младшей сестры.}
Cakьət -- сестра (мужской термин)
Ьnрьсь-cakьət -- старшая сестра (мужской термин)
Wutgьtcə-cakьət или wutgьtcēn -- средняя сестра (мужской термин)
Ðenca-cakьət ("младшая сестра") -- младшая сестра (мужской термин)
Caket-tomgьn ("сестра-товарищ") -- сестра (женский термин)
Ьnрьсь-caket-tomgьn ("старшая сестра-товарищ") -- старшая сестра (женский термин)
Wutgьtcə-caket-tomgьn ("средняя сестра-товарищ") -- средняя сестра (женский термин)
Ðenca-caket-tomgьn ("младшая сестра -- товарищ") -- младшая сестра (женский термин)
Jēlgь-tomgьn ("двоюродный брат -- товарищ"), jēlo -- двоюродный брат по отцовской и материнской линии
Ðaw-jelgь-tomgьn (мужской термин) {Женщины употребляют термин ŋawgel, т. е. измененный, согласно женскому произношению, термин ŋaw-jēigь.} -- двоюродная сестра по отцовской и материнской линии
Ekьk -- сын
Ðeekьk -- дочь
Ətluə (множеств, число ətluwgot) -- внук и племянник
Ðautluə -- внучка и племянница.
Ətloo tomgьn {Женское произношение ətluwgo-tomgьn. Ətloo и ətluə родственны.} -- троюродный племянник
Ðautloo-tomgьn {Женское произношение ŋautluwgo-tomgьn. В разговоре между собой женщины употребляют просто термин ŋawgel.} -- троюродная племянница
Из каждого такого термина можно образовать коллективный термин при помощи основы ret, rat, имеющей значение: "связь", "группа". Эта основа употребляется только комплексно. Так, jicemret -- "группа братьев", cakettьrat -- "группа сестер" (мужской термин); jəlgьrat -- "группа двоюродных братьев"; kret -- "группа мальчиков" (k -- сокращение слова kmiŋьn, "мальчик", "ребенок").
Четвертая степень восходящего и нисходящего родства обозначается при помощи корня jьlg, что означает "связь", "соединение", "звено". Так, jьlgь-mirgьn -- "прадед"; jьlg-ətluə -- "правнук"; jьlg-ьtloo-tomgьn -- "троюродный брат" и т. д. Более отдаленные степени родства обозначаются словом сьmcekin -- "близкий" или cicetkin, cicetleŋ, -- "родственник". Объем второго термина шире, чем объем первого.
Все степени сводного родства обозначаются посредством суффикса iqəl, что означает "назначенный для" {Например, uwəqucilqəl -- "назначенный в мужья", "жених". Ðewənlьqəl -- "назначенный в жены", "невеста".}. Так, ətlьgьlqəl -- "отчим"; ətlalqəl -- "мачеха" или, в полигамных семьях, "другая жена моего отца"; ekkelqəl -- "пасынок"; ŋeekkelqəl -- "падчерица"; jicemit-tumgəlqəl -- "сводный брат", cakettьlqəl -- "сводная сестра" (по отношению к брату) и т. д. В полигамных семьях встречается даже ŋew-mirgьlqəl, что можно было бы перевести "сводная бабушка".

Свойство:

Matalьn {От глагола matarkьn -- "брать", "брать в жены".} -- тесть, свекор
Ðaw-matalьn -- теща, свекровь
Ьntuulpər -- зять
Ьnte -- невестка (по отношению к свекру и свекрови)
Aacew-matalьn {Aacek означает "юноша"; ŋeusqət -- "женщина". Эти термины употребляются и мужем и женой. Иногда говорят также əndew-matalьn ("дядя жены") и əccaj-ŋaw-matalьn ("тетка жены").} -- деверь, шурин
Ðaucgən-matalьn -- золовка, невестка по отношению к брату и сестре мужа
Takalgьn -- свояк
Umirit -- отец зятя по отношению к отцу невестки и обратно, сват
Ðeumirit ("женщина-umirit") -- мать зятя по отношению к матери невестки и обратно, сватья. Свойственники вообще называются matalьt (множ. чис.) или matalь-ramkьn ("свойственников племя")
Мужья двух сестер называют друг друга takalgьn. Takalgьn (свояк) собственно означает "товарищ по упряжке", например, один из двух оленей, запряженных в нарту. Pьtka-takalgьn означает "брат-близнец" (буквально: "двойной товарищ"). Такие степени свойства считаются очень близкими и крепкими. В старину такие родственники считались даже более близкими, чем родные братья. Существует поговорка: Takalgьn kьrŋa-jecamet-tomgeрь paroc, что значит "Свояк выше брата с отцовской стороны". Старая чукотская поговорка говорит: "Свояк -- на одном берегу озера лежащий (убитый) товарищ" takalgьn ənnangьtgьlьŋkь rьltel-tomgьn. Это значит, что оба свояка сражаются и падают вместе. Чукчи говорят, что если один, takalgьn видит кровь другого, то он будет нападать на его врагов, пока сам не упадет рядом со своим товарищем. Возможно, что это родство должно считаться пережитком группового брака, хотя в настоящее время групповые браки между takalgьt сравнительно редки. Групповой брак и родственные связи, основанные на нем, будут описаны ниже.
Семья называется rajiьrьn ("наполнение дома") или jara-tomgьt ("домашние товарищи" -- домочадцы). Оба эти термина, собственно говоря, относятся и к дому и к людям, живущим в нем. Действительной основой чукотской семьи являются люди, живущие в общем жилище. Отрыв от общего жилища -- у оленеводов от стойбища -- является одновременно разрывом хозяйственных и родственных связей.
Система кровного родства и свойства представлена в следующей таблице:

Кровное свойство:



Для женщины эта система остается фактически той же. Но в ней нет степени takalgьn.

СЕМЕЙНЫЕ ГРУППЫ

Группа родственных семей обозначается термином varat (буквально: "собрание живущих вместе"). Корень глагола varkьn -- "он пребывает", -- ret, rat, означает "коллектив, группу" (см. стр. 93). Члены одной и той же группы называются ənan-varatken -- "человек из того же varat". Однако в настоящее время этот термин приобрел более широкое значение и употребляется в смысле "люди", "народ", хотя для последнего понятия существует другое слово -- remkьn ("люди", народ"). Более характерным для семейной группы является другой термин -- cin-jьrьn ("группа участников кровной мести". Cin -- это корень, слова liŋliŋ ("сердце") {В чукотской фонетике *c* и *l* часто заменяют друг друга.}, но означает также кровомщение. Liŋьlьn означает "кровомститель". Термин cin-jьrьn употребляется часто, так как обычай кровавой мести существует до настоящего времени.

Чукотский varat отчасти можно рассматривать как зачаток рода. Однако' varat крайне неустойчив, и число семей, "пребывающих вместе", меняется почти каждый год. Сверх того, если между двумя varat, обычно живущими по соседству, начинается ссора, то всегда находятся несколько семей, которые одинаково связаны как с той, так и с другой стороной. Ядром объединения является группа родных братьев, а также группа двоюродных братьев. Обе эти группы вместе называются "группа парней". Есть пословица: "Группа парней склонна к издевательству": Kratьcgьn nьkoraqen. Это значит, что многочисленные братья, живущие вместе, могут безнаказанно обижать любого из соседей. С другой стороны, одинокий человек kuwlikьlьn "всегда бывает унылым". Он разговаривает смиренно, живет в бедности и подвержен, обидам и насилию со стороны многолюдных семей.

В случае кровавой мести родные и двоюродные братья всегда выступают вперёд. Так, в 1895 году в районе Большого Анюя двое юношей, принадлежащих к разным семьям, нашли на тундре клык мамонта. Когда они стали делить его между собой, возникла ссора, и один из них, схватив ружье, выстрелил в другого, правда, неудачно. После этого случая между семьями разгорелась вражда. Обиженный принадлежал к более многочисленной семье. У него было несколько дядьев, все с сыновьями. Кроме того, у него было четыре родных взрослых брата. Общее число его товарищей -- мужчин -- было двадцать два, и все они были его близкие родственники. Его противник, наоборот, принадлежал к малолюдной семье. Поэтому, когда семья обиженного начала говорить о мести и угрожать нападением на стойбище врагов, он уехал в ближайший русский поселок, за сто километров от своего стойбища. Он провел там семь или восемь недель. Все это время он чувствовал себя очень несчастным, т. к. оленные чукчи не любят оставаться в русских домах больше, чем этого требует необходимость. Они не выносят спертого воздуха избы и рыбной пищи. Все это время его родственники вели переговоры с семьей потерпевшего и в конце концов покончили дело миром, даже без выкупа, т. к." семья потерпевшего была удовлетворена тем, что обидчику пришлось так долго, прожить у русских. Следует отметить, что ссора была улажена между семьями, а не между семейными группами.

В другом таком же случае девять человек из семьи обиженного приехали к обидчику, чтобы показать ему свою силу и сплоченность. Все они были родными и двоюродными братьями и дядьями обиженного. Ножи были обнажены, но до кровопролития все же не дошло.

Однажды, в моем присутствии, боролись двое чукотских юношей, и один одолел другого. Я уже отмечал, что борьба часто ведет к ссорам. Отец побежденного, присутствовавший при борьбе, очень рассердился и сказал победителю: "Стой, стой! Ты считаешь нашу семью слабой и плохой? Ты думаешь, что у нас нет родных и двоюродных братьев? У моего сына есть семь братьев. Сейчас они еще маленькие, но они вырастут, и тогда они все будут против тебя".

В чукотских сказках также постоянно указывается, что кровавую месть и вообще отплату за обиды берут на себя близкие родственники {Более подробно об этом будет сказано при анализе кровавой мести.}.

Организация стойбища оленных чукоч связана с отношениями семейной группы. На каждом стойбище есть передний шатер, место которого определяется старшинством его владельца. Другие шатры располагаются по определенным правилам, основанным по большей части на взаимных семейных отношениях их хозяев. При всем том организация стойбища очень неустойчива и слаба, так же как и организация семейной группы.

В старину связь между "пребывающими вместе" была крепче и больше приближалась к роду. Эта социальная единица включала десять или пятнадцать семей, живших всегда по соседству. Летом, когда оленеводы подходят к морскому берегу, все семьи сливались обычно в одно большое стойбище. Часть молодежи оставалась у стада, ибо в те времена стада были немногочисленны. Другие занимались рыболовством и охотой на морского зверя {Такое положение вещей до сих пор существует у приморских коряков Тихоокеанского; побережья, которые тоже имеют оленей. Каждый поселок представляет отдельную семейную группу.}. Свой досуг они заполняли атлетическими упражнениями, борьбой, бегом, фехтованием на копьях и т. п. Благодаря этому они были хорошо подготовлены к войнам, которые в те времена происходили постоянно. В действиях против врагов, во время войны, единицей являлась семейная группа.

Роды, введенные русскими, также были искусственным изобретением и не имели почвы в первобытной организации племени. Вся местность, населяемая чукчами; была разделена на пять частей. Каждая из этих частей с ее населением была названа "родом". Несколько богатых оленеводов, которые относились дружественно к русским, были названы "князьцами родов" или старостами -- и это было все. Чукчи, живущие вне ближайшей сферы влияния русского начальства, на тундре к востоку от Чауна и на Чукотском полуострове, как оленеводы, так и приморские охотники, все вместе получили название "приморского рода". Даже ясак был лишь номинальный -- 247 рублей со всех родов -- несмотря на то, что чукотское племя состоит из нескольких тысяч взрослых людей. Этот ясак был выплачиваем следующим образом. Каждая семья, живучая вблизи русского поселения, платила один рубль. Считалось, что эта сумма представляет ясак с одного человека, так же как у тунгусов и якутов {Майдель старался также ввести у оленеводов ясак на мальчиков моложе шестнадцати лет в размере 50 копеек. Но эта попытка осталась безуспешной. Поэтому сумма, которую нужно было собрать, понизилась с 316 руб. до 247 руб. В то же время Майдель попытался провести перепись среди оленных чукоч. По его переписи, мужчин было 476 человек, женщин -- 369, в общем -- 845. Однако он и сам хорошо знал всю неполноту переписи. Он даже не привел эти цифры в своей книге. Я взял их из бумаг архива Колымской области.}. Однако на самом деле один рубль платила целая семья. Те из чукоч, которые относились к русским не очень дружелюбно, ничего не платили. Тунгусы, якуты, камчадалы платят ясак поголовно, даже за всех умерших. Так как многие разделы этих племен численно весьма уменьшились, ясак стал очень обременительным, а иногда совсем непосильным. Обрусевшие юкагиры и якуты района Нижней Колымы до самого последнего времени должны были платить по 11 рублей с каждого мужчины. У чукоч ничего подобного не было. Чем дальше отстояли кочевья от русских селений, тем большее число семейств не хотели платить ничего. Наибольшую долю ясака, наложенного на каждый род, уплачивал так называемый "князец". Для богатого чукчи было не очень трудно уплатить 40 или 50 рублей. Он продаст пару медвежьих шкур и несколько добрых лисиц и получит за них достаточно денег, чтобы уплатить ясак.

У приморских чукоч и азиатских эскимосов семейные группы еще мельче, чем у оленеводов. Среди них социальной единицей является семья и поселок. Многие поселки населены родственниками, особенно у эскимосов, которые менее склонны переходить из поселка в поселок, как это делают чукчи. Однако есть и другие поселки, состоящие из элементов разнородного происхождения; так, например, поселок Cecin населен эскимосами, приморскими чукчами и значительной группой оленных чукоч, потерявших свои стада и поселившихся на берегу моря. В некоторых поселках имеется передний дом. В общем можно сказать, что поселок представляет территориальную единицу. Никакой организации не существует, кроме того, что обитатели поселка являются соседями и доброжелательно относятся друг к другу. Родственные семьи выступают как единицы в организации байдарной артели {См. стр. 154.}.

СЕМЬЯ

Чукотская семья состоит обычно из мужа с одной или несколькими женами и их детей. Обычно родители мужа живут рядом, в особом шатре. С ними могут жить младшие сыновья и дочери, еще не вступившие в брак или хотя и вступившие в брак, но не имеющие детей. Их шатер зависит от главного шатра и считается принадлежащим к его "наполнению" (см. стр. 93).

ПОЛОЖЕНИЕ СТАРИКОВ

Старики пользуются большим значением. Особенно сильно это проявляется у оленеводов. По всей вероятности, это объясняется тем, что стадо является собственностью отца до самой его смерти. У кочевников заметна тенденция развить крепкие семьи и прочную связь внутри семейной группы, чем обусловливается высокое положение стариков в семье. Хотя я не могу сделать общего вывода и утверждать, что организация семьи и семейной группы более высоко развита у оленеводов, по сравнению с приморскими жителями, однако в отдельных случаях это, несомненно, имеет место. Очевидно, оленеводство не столь древне у чукоч, чтобы создать заметное различие между двумя ветвями племени. Во многих стойбищах, в самых различных частях чукотской территории, я встречал очень старых людей, пожалуй, дет семидесяти или даже восьмидесяти. По крайней мере, их волосы были совсем седые, что у чукоч происходит гораздо позднее, чем у людей белой расы. Некоторые из этих стариков почти впали в детство и были слабоумными. Но они все еще считались владельцами стада и общими руководителями жизни на стойбище. Так, на стойбище по реке Олою чукча, по имени Kauno, у которого были уже десятилетние правнуки, владел двумя большими стадами и разрешал очень важные вопросы о выборе летнего пастбища, о направлении сезонной кочевки и т. п. Несмотря на то, что он ослабел от возраста, он каждую весну ездил к реке Россомашьей и там проводил меновой торг с приморскими торговцами, которые в это время наезжали туда, привозя приморские продукты и американские товары. Члены семьи Kauno рассказывали мне, что старик совсем впал в детство и часто делает покупки совершенно ненужные. Вместо сахара он привез патоку в бутылках, потому что она красная, а ему нравился этот цвет; вместо охотничьих ножей он покупал столовые, потому что они блестящие и т. д. Это было рассказано, однако, с широкой усмешкой и без малейших признаков недовольства. "Глупый,-- добродушно прибавляли они. -- Что же делать? Ведь это старик" (Jurgumteq! qailoqьm, miŋkri, ьnpьnacgьn). Я уверен, что до самой смерти Kauno оставался главой своей семьи.

У другого старика, лет шестидесяти, проживавшего в районе Сухого Анюя, было вывихнуто бедро. Он мог лишь ползать с помощью двух костылей. Поэтому его прозвали Atka-Paŋanto ("Хромой Paŋanto"). Свое увечье он получил на состязании в борьбе. Он был женат и имел стадо. После несчастного случая он продолжал оставаться владельцем стада и главой семьи. У него было несколько детей. Когда они подросли, они взяли на себя заботу о стаде и присмотр за ним. Каждый год Atka-Paŋanto возил пушнину и оленьи шкуры на Анюйскую ярмарку. Он очень любил водку, и когда получал ее, то всем членам семьи давал лишь по несколько капель, а все остальное выпивал сам.

На ярмарках или торговых сборищах, куда бы я ни приезжал, встречавшие меня всегда говорили: "Позволь нам отвезти тебя к самому старому человеку на нашем стойбище. Поговори сперва с ним". Барон Майдель отмечает, что однажды, когда он проезжал по району Верхнего Анадыря, его встретил очень старый чукча. Этот старик жил на очень далеком стойбище, и его принесли на плечах его молодые родственники, навстречу начальнику {См. Майдель, I, стр. 520.}. Это было летом, а потому они не могли воспользоваться нартами. Для чучок этот случай не представляет ничего необыкновенного. Обычно старик идет сколько в силах, потом его проносят вперед на плечах. После того делают короткий отдых, и он опять в состоянии итти. Даже у приморских чукоч, где старики пользуются меньшим значением, младшие родственники носят старика на плечах, когда он устанет и не может итти сам. Так, на Мариинском Посту я видел старика с костылями, по имени Jьrmь, который отморозил себе ноги во время охоты на море. Это случилось с ним лет пятнадцать тому назад. При мне Jьrmь был уже очень стар и не мог передвигаться даже с помощью костылей. В случае нужды его переносил на плечах его зять.

Я уже говорил, что приморские чукчи относятся к старикам с меньшим почтением, чем оленеводы. Жизнь приморских жителей значительно труднее. Каждый кусок пищи достается с большими трудностями, с опасностью и напряжением всех сил. Поэтому старик, не способный сам добыть себе свою долю пищи, становится в тягость своим родственникам. Здесь у стариков нет стада или какой-либо другой собственности, имеющей значение. Опытность старого охотника ничем не помогает его родственникам, т. к. он должен оставаться дома. Во время голодовок он съедает слишком много. Благодаря этому все старики, которых я видел у приморских чукчей, выглядят уныло, и вообще стариков там гораздо меньше, чем у оленеводов. Это объясняется отчасти трудностями приморской жизни, где менее активные охотники часто не в состоянии справиться с опасностью и потому погибают. Обычай убийства стариков, о котором я буду говорить ниже, очевидно, зародился у приморских чукоч.

По многим данным, такое же различие, хотя и менее резкое, существует между оленными и приморскими коряками. Иохельсон, говоря об отношениях коряков к старикам, отмечает, что у оленных коряков новая форма экономики -- оленеводство -- развила и заострила принцип личной собственности {См. Иохельсон, "Коряки", стр. 759.}. В устном сообщении он указывал мне на то обстоятельство, что старики у оленных коряков имеют большую власть и значение, чем у приморских, благодаря тому, что до самой смерти старик считается владельцем стада.

В настоящее время принцип личного владения ценностями, приобретенными торговлей с американскими китоловами, стал укореняться даже и у приморских чукоч. Почти в каждом большом поселке есть несколько торговцев, которые время от времени ездят на оленеводческие стойбища и выменивают русские и американские товары на шкуры и мясо оленей. Некоторые из них имеют даже целые амбары с товарами. Торговцы, даже становясь глубокими стариками, продолжают владеть своей собственностью, и с годами их положение в семье нимало не ухудшается.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

Положение женщин в общем хуже положения мужчин. "Раз ты женщина, то молчи" (ŋeusqət turi əqulike) -- это изречение повторяется каждый раз, когда женщина осмелится сказать хоть слово в свою защиту.

В одной сказке девушка приходит к kelə и в следующих словах заявляет о своем желании стать его женой: "Я хочу быть твоей подругой и рабыней. Моя мать сказала мне: "у этого kelə нет рабыни. Мы вырастим тебя, как можно скорее. Иди и служи ему" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 105.}.

У оленных чукоч женщины работают гораздо больше мужчин; в особенности молодые. Мужчины должны следить за стадом, ловить и убивать оленей, охотиться и приносить бревна и камни, необходимые для укрепления шатра. Мужской работой является также всякая работа топором, теслом, ножом и "т. д. Есть и общие работы. Так, например, и мужчины и женщины запрягают оленей, таскают топливо из ближайших зарослей кустарника и колют дрова и лед. Нагружают и разгружают "нарты по большей части женщины. Работа по дому, очень тяжелая и трудная в условиях полярного кочевого быта, целиком лежит на женщинах. Женщины обдирают убитых оленей, пластают туши, собирают съедобные корни, приготовляют пищу, выделывают шкуры, шьют одежду и исполняют множество других работ, не говоря уже об обязанностях материнства. Мужчина почти никогда не помогает женщине в ее работе. Он даже не умеет делать самых простых женских работ. Часто кочуя с чукотским стойбищем, я с мужчинами приезжал на новое место задолго до своего каравана. Мы ехали на легких нартах и намного опережали женщин, управлявших грузовыми санями. Иногда мы приезжали часа на два, на два с половиной раньше, но мужчины только распрягали оленей и затем беспечно и праздно сидели и ждали приезда женщин или принимались за какую-нибудь свою работу. Однажды в моем присутствии один чукча взял лопату для снега и начал очищать место для шатра. Минуты через две он отбросил лопату. "Ух!-- сказал он, -- это женская работа". Когда я начал изучать чукотский язык и от каждого чукчи записывал новые для меня слова, я обнаружил, к моему крайнему изумлению, что мужчины не знают даже названий многих предметов домашнего обихода, например, приспособлений для шитья одежды, посуды и т. п. "Ух!-- говорили они,-- я не знаю. Это -- женское дело".

В повседневной работе шатра мужчины, оставаясь дома, все же не принимают никакого участия. В крайнем случае они осматривают нарты, чинят их и т. п. Все работы по шатру и внутреннему помещению лежат на женщинах. Женщина должна освежевать убитого оленя, разрезать на куски мясо и отнести его в надлежащее место. Она приготовляет пищу и подает ее мужу. Она отрезает для него лучшие куски, а себе оставляет кости и остатки. Такие лакомые куски, как головной и костный мозг и т. п., даются исключительно мужчинам. Женщины довольствуются тем, что облизывают пальцы после того, как разрежут и подадут это кушанье своим мужьям. "Раз ты женщина, ешь остатки",-- говорит чукотская поговорка. Женщины едят лишь после того, как все мужчины насытятся {То же самое существует и у коряков (Иохельсон, "Коряки", стр. 745).}. Только старуха, мать семьи, имеющая взрослых дочерей или других женщин под своим руководством, сидит с мужчинами во внутреннем помещении и ест вместе с ними. Как правило, женщины проводят в спальном помещении гораздо меньше времени, чем мужчины, хотя они больше находятся дома. Рано утром молодые женщины первые выходят из полога и входят в него только ночью, после всех. Если в шатре остается ночевать какой-нибудь гость, а внутренний полог слишком мал, чтобы вместить всех, то женщина проводит ночь в наружном шатре, если только она не нужна мужу. С другой стороны, женщина постоянно исполняет также и мужскую работу. Молодые женщины и девушки помогают мужчинам пасти стадо зимой и даже летом.

Когда пастух возвращается домой после "двадцатичетырехчасового пребывания в стаде, ему дают сухую одежду, подают еду, и он сразу же идет спать. Женщина, вернувшись вместе с ним, должна приготовить ему пищу, затем она тотчас же приступает к исполнению домашних работ. Когда я проводил лето у чукоч в районе реки Олоя, я жил месяца два на стойбище Ejgeli, из вышеупомянутой княжеский семьи. Его старшая невестка вернулась после двухдневного пребывания у стада. Летом пастухи, находясь около стада, имеют очень мало времени для сна. Они спят лишь по возвращении домой. Однако молодой женщине не позволили спать. Ejgeli велел приготовить чай и еду. Она была совсем измучена, двигалась как сонная. Она машинально взяла чайник, но вместо того, чтобы налить чай в чашку, лила его прямо на стол. На другом стойбище женщина лет двадцати, вторая жена хозяина переднего шатра, однажды во время работы вдруг упала на землю, как подстреленная. Так внезапно ею овладел сон.

Правда, Ejgeli создал себе репутацию старика слишком придирчивого к женщинам своей семьи. Соседи даже злословили над этим. Как уже было сказано, Ejgeli считался верховным князем чукоч {Ср. стр. 58.}, и соседи говорили за его спиной, что благодаря тесным сношениям с русскими, он полюбил домашнюю жизнь и с тех пор у него нет другого дела, как браниться с женщинами. Муж другой молодой женщины, упомянутой выше, также считался жестоким человеком.

Ajŋanwat, наоборот, ушел из шатра своего сына, чтобы избежать ссоры с женщинами. Он рассказал мне следующее: "Я хотел бы жить с моим сыном, но у него там слишком много женщин. Из-за них я себя плохо чувствую, они слишком сварливы. Поэтому я и ушел от них, так как я боюсь на них рассердиться. В своих мыслях я совсем отстраняю их". После 1884 года, отмеченного эпидемией оспы, Ajŋanwat потерял удачу в оленеводстве. В то же время умерла его вторая жена. Утомленный заботами о своем убывающем стаде и хозяйстве, он передал остатки своего имущества старшему сыну и сделался бродячим охотником на диких оленей. Он чувствовал себя неспокойно и, вероятно, все равно не остался бы жить дома, даже если бы женщины и не "говорили так много". Мне известно несколько случаев возмущения женщин против плохого обращения тестя. Так, например, на реке Россомашьей я встретил одного богатого старика оленевода, по имени Omrelqot. Он был приветлив и гостеприимен по отношению к чужим людям, но очень тяжел и жесток со своими домашними. Он был весьма вспыльчив, и это было причиной частых ссор. Одно лето у всех чукоч, живших по соседству с ним, не было табаку. Только у одного Omrelqot'a было несколько фунтов. Он отдал большую часть табаку соседям, почти ничего не оставив для своей семьи. Будучи сам страстным курильщиком, он перестал давать женщинам. Нужно сказать, что северные жители легче обходятся без еды, чем без табаку. У русских поселенцев существуют поговорки: "Табак не знает стыда", "табак заставит бедняка просить у исправника".

Кто знает неимоверный страх русских поселенцев перед всяким начальством, оценит все значение этой поговорки.

Я записал сказку о двух братьях, один из которых во время табачного голода убил другого за то, что тот отказался поделиться с ним своим запасом табаку. Этот рассказ широко распространен среди народов северо-восточной Сибири.

В отношениях со своими соседями Omrelqot, о котором я говорил, полностью следовал правилу, требующему, чтобы последние остатки табаку были поделены между соседями и последняя трубка была бы выкурена всеми по очереди. Но к женщинам он относился совсем иначе. Разгорелась ссора. Одна из его невесток, также очень вспыльчивая, схватила копье и нанесла старику три раны: одну -- в плечо и две -- в спину. Тогда он, в свою очередь, выхватил из-за пояса нож и серьезно ранил ее. Ссора закончилась тем, что женщина уехала со стойбища своего тестя и вернулась к себе домой. Omrelqot'a после этого долго звали, к его великой обиде, "человеком, поколотым женщиной". Я рассказал этот случай так подробно потому, что он очень характерен, как картина чукотской семейной жизни. Другой, более печальный случай произошел на Анюйской ярмарке в 1895 году. Один чукча был убит казаками в время драки. Чукчи окружили деревянную крепостцу и угрожали взять ее приступом. После долгих переговоров они немного успокоились и попросили выдать им тело убитого. На следующее утро они пришли, чтобы получить тело убитого и выкуп за кровь. Ворота крепостцы были заперты изнутри. Чтобы передать им труп, нужно было поднести его к воротам, открыть их и тотчас же запереть. Никто из находившихся там казаков и чиновников не хотел принять участие в таком рискованном предприятии. В конце концов это было проделано мною и еще двумя политическими ссыльными, которые случайно присутствовали на ярмарке. Однако мы не хотели сами нести труп. После некоторого колебания на это согласился один казак, денщик исправника. Труп убитого чукчи положили на собачью нарту, и он тащил ее за верхнюю дугу. Я действовал в качестве переводчика и посредника. Мои товарищи, оба люди здоровые и сильные, отодвинули засовы и открыли ворота настолько, чтобы могла пройти нарта. Чукчи столпились перед воротами. Они кричали, требовали, чтобы их впустили и выдали им тело товарища. Когда ворота были отворены, жена убитого схватила казака и хотела вытащить его наружу. Однако ему удалось отскочить назад, оставив в ее руках лишь кусок своей одежды. Охраняющие вход оттолкнули ее, просунули нарту с мертвецом и поспешно заперли ворота. Отчим убитого, третий муж его матери, также был там. Он стоял вместе с невесткой у ворот укрепления, но не делал никаких попыток помочь разъяренной женщине. Она кричала ему: "Ты, старый бездельник! Разговаривать надраться с женщинами в своем шатре ты умеешь. Почему же ты теперь не дерешься, когда твоего сына убил русский?"

У приморских жителей женщины не принимают никакого участия в охоте. Домашние работы у них также не очень тяжелы, благодаря оседлому образу жизни. Поэтому приморским женщинам живется гораздо легче, чем женам и дочерям кочевников.

По данным переписи 1897 года, собранным Н. Л. Гондатти и мною и опубликованным С. Паткановым {Патканов, Опыт статистического и географического описания палеоазиатских народностей Сибири по данным переписи 1897 г. (Петербург, 1903), стр. 27.}, количество женщин, сравнительно с числом мужчин, составляет у приморских чукоч 108 на 100, а у оленных чукоч -- 101 на 100. В общем для всего племени приходится 102 женщины на 100 мужчин. Различие в цифрах между приморскими и оленными чукчами объясняется различием их экономики. Приморские охотники подвергаются большему риску и опасности, чем оленеводы. Перепись Майделя 1870 года не была принята в расчет, так как данные ее слишком неполны.

Случаи жестокого обращения мужа с женой не редки. Я знаю о муже, убившем свою жену ударом деревянного огнива. Побои менее жестокие часто сыплются на женщин. Но случается, что и жена бьет своего мужа. Один знакомый мне чукча, слабый и малорослый, был очень вспыльчив. То-и-дело между ним и его женой загорались ссоры. Когда дело доходило до драки, жена валила его на землю испрашивала: "Довольно тебе? Теперь ты перестанешь?" Так она держала его до тех пор, пока он не говорил: "Довольно, я перестану". Его соседи со смехом рассказывали мне об этом, но не осуждали слишком строго сварливую супругу.

Чукча Gьrgol, богатый оленевод, скверно обращался со своей женой. В конце концов она убила его из ружья. Это случилось в середине лета, когда семья жила вдали от соседей со стадом на летнем пастбище. Семья состояла из Gьrgol, его жены и трех взрослых незамужних дочерей. И что именно случилось, никто не узнал; но однажды младшая дочь пришла на ближайшее стойбище и сказала, что Gьrgol внезапно заболел и почувствовал себя настолько плохо, что потребовал, чтобы его немедленно убили. Жена исполнила его просьбу. Когда соседи пришли на похороны, то женщины, помогавшие одевать покойника, с удивлением заметили, что рана была на шее, сзади. Надо сказать, что обычно, в случаях добровольной смерти, рану всегда наносят спереди. Однако дочери подтвердили, что их отец был убит по его собственному желанию.

Gьrgol не имел близких родственников в этом районе, и убийце нечего было опасаться кровавой мести. Женщина взяла себе стадо мужа и осталась его владелицей. Через некоторое время она вторично вышла замуж. Ее новый муж не имел своего стада и поэтому всецело зависел от нее.

Положение старух в семье гораздо хуже, чем стариков. У оленных чукоч вдова, имеющая детей, остается владелицей стада лишь до тех пор, пока ее дети не станут взрослыми. У приморских чукоч вдова живет с одним из своих сыновей. Голос ее не имеет большого значения даже в вопросах домашнего хозяйства, если только она не шаманка или знахарка

Подчиненное положение женщин не исключает любви между мужем и женой. Браки, заключаемые по воле родителей между малолетними женихом и невестой, развиваются в очень крепкие супружеские узы. В бытность мою на реке Россомашьей разразилась эпидемия гриппа. В несколько дней в этом районе умерло около 20 человек. У одного молодого чукчи, по имени Moron, умерла жена, с которой он прожил 15 лет. Он женился на ней, когда ему было десять лет.

На второй день после смерти жены он покончил с собой, заколовшись ножом. "Я хочу последовать за ней",-- сказал он перед смертью.

Другой случай, указывающий глубокую любовь между мужем и женой, относится к старику, жившему в районе Сухого Анюя. Он прожил со своей женой 50 лет. Однажды он заявил, что хочет взять себе в жены одну девушку, жившую по соседству. Его старая жена пригрозила, что она уйдет от него, если он возьмет эту девушку себе в жены. У супругов не было детей, которые могли бы помешать расторжению брака. Старик некоторое время колебался, но затем желание иметь детей взяло верх. Он рассчитывал иметь если не собственных детей, то все же прижитых от новой жены в пределах группового брака. И он женился на молодой девушке. Его первая жена сдержала слово. Она ушла со стойбища мужа и поселилась у своего брата, жившего в стороне, километров за полтораста. Старик прожил с молодой женой несколько месяцев, затем он начал скучать. Однако гордость мешала ему пойти к старой жене. Вместо того он потребовал смерти и был удавлен ремнем {О подобных случаях среди коряков см. Иохельсон, "Коряки", стр. 745.}.

Таким образом мы видим, что в супружеской жизни чукоч нет недостатка в сильных чувствах и романтических эпизодах.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕТЕЙ

Я упоминал выше, что маленькие дети являются предметом заботы и нежности со стороны их родителей. В разговорной речи ласкательным именем для них служит ligliqqəjti -- "маленькие яички". Детям дают лучшие куски, их ласкают и пестуют все взрослые люди. Глубокая любовь родителей к своим детям нашла свое отражение в одном эпизоде, который повторяется во многих сказках. Маленький мальчик внезапно умер. Его родители остались с ним во внутреннем пологе. Труп мальчика лежит перед ними на оленьей шкуре. Они плачут день и ночь. Их щеки изрыты слезами до самых костей. Так они сидят над трупом год, и другой, и третий.

Детство у чукоч проходит очень счастливо. Детей ни в чем не стесняют и не запугивают. Маленьким мальчикам, как только они начинают цепко хватать вещи, дают нож, и с этого времени они с ним не расстаются. Я видел одного мальчика, старавшегося резать ножом по дереву; нож был немногим меньше его самого. Однажды казак, бывший со мной, начал дразнить мальчика лет пяти. Мальчишка обиделся, схватил лежавший на земле топорик и бросил его в голову казаку. Он нацелился довольно правильно, хотя топорик и не попал в казака. Казак закричал и затопал ногами, желая напугать маленького воина. Но мальчик, нимало не смутившись, схватил большой нож и встал в оборонительную позу.

В чукотском эпосе часто встречаются маленькие мальчики, принимающие участие в битвах. В рассказе "Elendi и его сыновья" мальчик, внук Elendi, все время забавляется стрельбой из лука и даже не спит по ночам из-за этого. Отец в шутку говорит ему: "Вон там растет былинка. Попробуй попасть в нее". Он сделал для мальчика стрелку из обломка котельного железа. Мальчик выстрелил и разрезал былинку пополам. На следующее утро они встретили Tanŋьn'a. "О,-- сказал отец,-- ты еще совсем ребенок".-- "Чтож из этого?" -- ответил мальчик".-- "А что скажет твоя мать? Хорошо. Мы подойдем ближе. Тогда ты сядешь поодаль на безопасном расстоянии, а я буду сражаться с этим человеком на копьях. Однако я могу устать. Тогда я вернусь, и ты пустишь в ход свой лук. Я посмотрю на тебя и недалеко, от тебя перейду, тропинку. Тогда стреляй ему в лоб. Старайся хотя бы прорвать кожу на его лбу. Отец вступил в битву с Tanŋьn'ом, но вскоре устал и начал отступать по направлению к тому месту, где остался сидеть мальчик. Тогда мальчик выстрелил из лука, и стрела прорезала кожу на лбу у Tanŋьn'a.

"Ох, вот таким способом вы отбираете наши стада. Твоя сила в помощи мальчика. Мы так не поступаем. Ваша опора -- в союзе с детьми".-- "Ага!-- сказал отец.-- Я породил силача на будущие времена, такого, который ограбит имущество от всех окружных стойбищ. Я, воистину, хороший воин".

Через несколько лет отец и сын поссорились из-за табаку. Сын требовал у отца разделить мешок табаку между всеми соседями, Отец упорствовал. Во время ссоры сын сказал: "Если бы я тогда не разрезал стрелой вражеского лба, мы бы сейчас не курили совсем" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 354.}.

Жизнь детей у приморских чукоч не так легка и привольна. Приморские поселки очень грязны, по сравнению с постоянно-меняющими свое местопребывание стойбищами оленеводов. Внутреннее помещение, в котором дети проводят большую часть своего времени, черно от дыма и пропитано тяжелым запахом. Еда также менее обильна, запасов не всегда хватает. С другой стороны, детство, годы досуга и игр у приморских жителей продолжительнее, чем у оленеводов. Чукчи-оленеводы посылают пасти стадо мальчиков лет десяти и девочек немного постарше. Однажды я видел двух таких маленьких пастухов -- мальчика и девочку. Каждому из них было лет десять-двенадцать. Они пробирались сквозь чащу кустов совершенно одни с посохом в руках и с котомкой за плечами. Они должны были пройти несколько десятков километров, чтобы подойти к своему стаду. Странно было видеть этих маленьких детей, пробирающихся сквозь чащу без всякого надзора и охраны. Находясь при стаде, дети исполняют немалую долю работы по охране и присмотру за оленями. Конечно, они спят больше, чем взрослые пастухи и бегают не так много. Но все же им приходится трудно. Через три или четыре года подростки, особенно мальчики, в полной мере несут ответственность взрослого пастуха. Зимой, когда стадо спокойно, отец-хозяин стада может не приходить туда неделями. Стадо остается целиком на попечении его молодых сыновей. Отец в это время ездит в, гости по окрестным стойбищам, чтобы получше поесть и поговорить с соседями, разумеется, если нет больших снежных буранов. Поздняя осень -- время благополучия и покоя, в особенности потому, что в это время олени вполне ожирели.

Даже летом мальчики остаются на несколько дней одни около стада. Им приходится напрягать все силы, чтобы удержать стадо на месте.

Чукотские сказки полны описаниями порождений и приключений маленьких пастухов. Так, в одной сказке рассказывается, что во время войны с Tanŋ'ами враги были побеждены, воины их убиты и стада захвачены. Пощадили только молодых пастухов. Мальчики пригнали стадо к стойбищам победителей и остались там жить на положении пастухов. В других сказках, в случае убийства воина, его молодые подростки сыновья продолжают охранять стадо и заботиться о нем. "Когда мой отец умер, -- рассказывал мне один молодой чукча, -- я был не выше оленьей спины. Я очень боялся оленьих быков с широкими рогами. Но все же мне удалось не только сохранить стадо, но даже увеличить его".

Чукотские дети относятся к своим отцам с большой почтительностью. Вернувшись из стада, молодые пастухи дают отцу подробный отчет о самых ценных оленях в стаде, о пастбище, о водопое, о комарах и оводах. Отец задает вопросы, сын должен отвечать ясно и коротко, без лишней болтовни. Он пересыпает свои ответы почтительными восклицаниями: "Да!", "Конечно!", выказывая этим уважение к словам отца. Сын даже считает неприличным сесть в присутствии отца, особенно если в шатре находятся чужие люди. Такие отношения продолжаются до тех пор, пока сын не станет вполне взрослым. Лишь после того как юноша достигнет двадцатипятилетнего возраста и у него вырастает черный пушок над губой, или же он обзаведется женой и парой собственных ребят, он становится более самоуверенным и независимым, хотя попрежнему продолжает пасти стадо отца. Полной покорности уже нет.

У приморских чукоч мальчики значительно позднее приступают к исполнению различных работ; чем у оленеводов. Когда их берут с собою на приморскую охоту, они являются скорее помехой, чем помощью. Юноша не принимает участия в серьезной охоте до шестнадцати -- семнадцати лет. До этого возраста он может стрелять из ружья в тюленя только с берега или помогать при установке тюленьих сетей на ледяных полях так называемого берегового припоя. Морская охота лежит на обязанности сильных охотников молодого и цветущего возраста, Старые охотники, во всем уступающие молодым или даже сидящие дома, не могут рассчитывать на слишком большое уважение со стороны молодежи, как это мы видим у оленеводов.

Ссоры между отцом и сыновьями порою имеют место. В случае ссоры семейные узы могут быть разорваны по почину той или другой стороны. В районе Сухого Анюя один знакомый чукча, по имени Kelgьm, выгнал со стойбища своего двадцатилетнего сына Kьtlep, обвинив его в лени, строптивости и нерадивом отношении к обязанностям пастуха. Юноша, судя по словам отца, любил только посещать сборища товарищей, играть в карты и всячески веселиться. Kьtlep ушел с отцовского стойбища и бродил вокруг, стараясь вступить приемным зятем в какую-нибудь семью. Но требования, предъявляемые будущему зятю, показались ему жестче требований отца, и он вернулся домой. Отец его в это время нуждался в пастухах. Он принял сына обратно на стойбище. Однако через несколько недель начались несогласия. Как раз в это время мы приехали на стойбище Kelgьm'a. Однажды ночью юноша, вернувшись из стада, разрезал один из наших кожаных мешков и украл половину его содержимого, главным образом сухари и сахар. На следующее утро, когда мой товарищ обнаружил пропажу и сердито обсуждал дурные нравы этого стойбища, юноша спокойно сказал: "Довольно болтать. Это я взял ваш сахар и хлеб". -- "Зачем ты это сделал?" -- спросил я его. "Потому что мне захотелось съесть их",-- последовал быстрый ответ. Отец чувствовал себя очень смущенным. Он предложил нам два оленьих языка и связку камусов {Камус (северно-русское наречие) -- полоса шкуры, содранная со звериной лапы.}, в виде "выкупа" (kьtkaw -- буквально: "твердая расплата"). Таким образом жалобы отца на Kьtlep'a не были вполне беспричинны.

На другом стойбище в той же местности, за несколько лет до моего прибытия, произошел следующий случай. Чукча, по имени Cejpn, выгнал своего старшего сына Nuwat за то, что он был очень плохим пастухом. Cejpu сделал главным наследником (eun-milgьlьn) своего младшего сына. Nuwat долго бродил из стойбища в стойбище и в конце концов пришел на стойбище к богатому оленеводу Jonlь. Он женился на дочери Jonlь и жил в его семье на правах приемного зятя. На следующую весну, во время кочевки на летние пастбища, тесть, очень недовольный его работой, хотел выгнать его. Молодая жена была уже беременна. Но у чукоч это обстоятельство не служит препятствием к расторжению брака. Ссора между тестем и зятем возникла во время кочевки. Nuwat ничего не ответил тестю, но через некоторое время он присел на нарту жены, обхватил ее сзади, вытащил нож и ударил ее в живот; потом соскочил с нарты и перерезал себе горло.

В обоих этих случаях юноши, выгнанные из семьи, были "плохие", как говорят чукчи. В тех случаях, когда вина лежит на отце, юноша, к которому отец относится несправедливо, может по собственному желанию порвать с семьей и уйти искать счастья куда-нибудь в другие места. В бедных семьях такие случаи часты. Юноши уходят от своих родителей, недовольные бедностью и неудачливостью домашнего очага. Они отправляются за многие сотни километров искать себе счастья у богатых оленеводов. Иногда даже девушки уходят из отцовского шатра. Это случается тогда, когда девушку хотят выдать замуж против ее желания. Такие случаи, конечно, редки. Однако мне известны два таких случая, увенчавшиеся успехом. Оба они произошли летом, когда преследование на дальнем расстоянии очень трудно. В одном случае женщина вернулась к своему прежнему мужу, от которого, согласно чукотскому обычаю, ее увезла семья. В другом случае женщина вышла замуж в другую семью, и ее отец после недолгой ссоры оставил ее у мужа.

У приморских чукоч каждый, кто хочет уйти из своей семьи, может перейти в чужой дом и сделаться приемным зятем или же он может уйти к оленным чукчам и занять место при большом стаде.

Ссоры между отцом и сыновьями иногда заканчиваются далее убийством. Я знаю о случае отцеубийства, имевшем место вблизи мыса Эрри, в семье богатого оленевода. В убийстве принимали участие жена, сын и племянник убитого. В старинных казачьих описках отмечаются такие же случаи. Так, анадырский казак, Борис Кузнецкий, который в 1754 году был взят в плен чукчами, упоминает в своем донесении в 1763 году начальнику Охотского округа, что, будучи в плену, он видел, как сын убил ножом своего отца, и брат, просто с досады, убил своего брата {Северный архив, 1825, часть 18, стр. 187.}.

УСЫНОВЛЕНИЕ

Супруги, не имеющие детей, иногда усыновляют какого-нибудь ребенка, чаще мальчика, из родственной семьи, например, от родного или двоюродного брата. Впрочем, ребенка берут также и не из родственной семьи -- от друга или даже от соседа по стойбищу. Принятый ребенок впоследствии становится "главным наследником" (eun-milgьlьn) приемных родителей. Если сосед слишком беден и имеет много детей, а приемный отец богат оленями, то родители очень охотно отдают ребенка. Приемный отец, кроме того, дает действительному отцу "радостный дар", состоящий из пары живых оленей, обычно упряжных. Обряд усыновления очень похож на свадебный. Убивают оленя в жертву Утренней Заре, и приемный ребенок, вместе с новыми родителями принимает помазание кровью, причем, разумеется, они наносят на лица знаки новой семьи. Это символизирует приобщение ребенка к новому очагу, с его специальными хранителями и "удачливой жизнью" {Kьnta-vaьrgьti -- буквально: "бытие, дающее удачу".}. Несмотря на это, узы усыновления не очень крепки, в особенности если ребенок приходит из совершенно чужой семьи. Даже прожив несколько лет в новой семье, ребенок может быть отослан или взят обратно. Один знакомый мне чукча с западной Колымской тундры, по имени Ajŋaьrgьn, был бездетен. Он усыновил маленького мальчика, сына соседа по стойбищу, по имени Ajo. Мальчик прожил у него три года. Затем Ajo умер. Его жена решила уйти с западной тундры за Колыму. У нее было несколько родственников на восточном берегу. Она решила поселиться у них. Уходя, она взяла обратно своего сына и увезла его с собой. Ajŋaьrgьn, усыновляя мальчика, дал Ajo в "радостный дар" двух хороших упряжных оленей. Женщина отдала их обратно. Главная причина этого разрыва была в том, что Ajŋaьrgьn потерял и растратил в это время значительную часть своего стада, и олени его продолжали убывать. Поэтому женщина считала, что ее сыну предстоит далеко не блестящее будущее, если он останется у Ajŋaьrgьn'a.

В тех случаях, когда приемного сына берут от родного или двоюродного брата, новые узы вскоре становятся очень крепкими, почти равносильными естественной связи между родителями и детьми. Чукча Qorawge усыновил маленького сына своего младшего брата Əqəwgi. Он относился к нему как к родному сыну; другой чукча, Ejŋewgi, усыновил Aqacaut, сына своего троюродного брата, и т. д. Однако старики, потерявшие всех своих детей, редко усыновляют новых, предпочитая оставаться одинокими в своем горе.

С другой стороны, родственные узы между приемными родителями и ребенком даже чужеплеменного происхождения, также могут стать очень крепкими. Замечательный рассказ о Talo, приемном сыне Tanŋ'a (Talo, Tanŋьn rьmaiŋawgo), описывает, как Tanŋьt (коряки) преследовали убегающих чукоч С одной нарты упал мальчик, -- маленький мальчишка, который носил еще клапан в промежности Он упал в снег, лежал и плакал. Двое из преследующих, наезжавшие сзади, были родные братья. У одного из них дома были дети другой же не имел сыновей, у него была только одна дочь. Когда они подъехали ближе, они услышали плач ребенка. "Подожди немного, -- сказал бездетный брат,-- дай мне посмотреть, кто это плачет". Он нашел мальчика. "Ого мальчишка! Я лучше вернусь домой; поезжай дальше один". Он отвез мальчика на свое стойбище. Там он воспитал его, как родного сына. Talo рос очень быстро. С каждым днем он становился все сильнее и выше. Тогда приемный отец сказал ему: "О мой сын. Я стар и слаб. Смотри теперь ты за стадом. Вот девушка, из чужой семьи, которую я вскормил для тебя. Возьми ее в жены и вы будете хозяевами стойбища". Talo ушел к стаду и стал жить там. С этого времени он не приходил в шатер. Все время, с утра до вечера, он упражнялся в беге, в метании копья, стрельбе из лука и ношении тяжести. Он сделался таким легким, проворным и быстрым, как двухгодовалый олений бык, потомок дикого оленя. В конце концов он научился прыгать на высоту птичьего полета. Так жил Talo. Однажды его предполагаемые двоюродные братья разговаривали между собой: "Пойдем, посмотрим на этого приемыша из вражеского племени". Они пришли к стаду Talo и, спрятавшись в кусты, смотрели на его упражнения. Talo размахивал копьем, как будто это был лоскут мокрой оленьей шкуры, прыгал через озеро взад и вперед и подпрыгивал вверх, взлетая, как птица. Тогда они сказали: "Это ужасно. Надо его истребить. Этот пришелец перебьет весь наш народ". Они пошли к старику и сказали ему: "Через два дня мы придем большим сборищем и убьем этого чукотского выродка". Они пошли собирать людей. Это было ранней осенью, вскоре после осенних убоев оленей. Talo вернулся домой. Отец сказал: "Надень сухую одежду". -- "Не надо",-- сказал Talo. "Послушай меня, надень сухую одежду. Тогда я тебе, что-то расскажу". Talo вошел во внутренний полог, снял свою рабочую одежду и надел сухую меховую рубаху. Он присел в шатре, перед входом во внутренний полог, прикрывая рубахой свои голые колени {Пастух, приходя на отдых домой, часто принимает такое положение, сменив мокрую одежду на сухую.}. "Слушай, -- сказал отец,-- ты мне не родной сын: ты рожден от беломорской женщины {Чукотская женщина (ср. стр. 4).}. Ты найден на дороге в снежном сугробе". Talo грустно опустил голову. "Но твоя жена мне не чужая: она -- моя родная дочь. Я дал тебе ее в жены, и все мое имущество я тоже отдал тебе. Но теперь мои люди гневаются на тебя. Они хотят убить тебя. Руки рассерженных очень проворны и быстры. Пожалуй, они не попадут прямо в сердце и не сразу убьют тебя. Лучше пусть это я сделаю". Talo ничего не ответил, только еще ниже опустил голову. Старик взял лук, вложил на тетиву две острые стрелы, согнул колено и выстрелил. Но в то же мгновение, как спустилась тетива, Talo внезапно подпрыгнул, так, что его голова коснулась верхушки шатра. Затем он снова встал на землю и потрогал рукой стену внутреннего полога у себя за спиной. Две стрелы пробили в земляной стене две глубокие дыры, как раз на уровне его груди. Они так, глубоко вошли в землю, что торчали только их кончики. Talo присел, как прежде, прикрывая колени рубахой. Отец, подражая сыну, тоже присел с другой стороны очага. "Ого, ты стал очень проворен. На таком близком расстоянии уклонился от стрелы. Теперь уходи из этого чужого тебе племени. Ступай к своему народу. Дорога отсюда идет на полночь. Далеко впереди стоит высокий хребет. В короткие зимние дни, когда на земле не видно солнца, вершина хребта пылает от солнечных лучей. За этой скалой, по правую сторону, стоят шатры твоего народа". Он велел своей дочери сшить шесть пар сапог из толстой замши, шесть пар из шкур тюленя и шесть пар из оленьего камуса. Две ночи и день женщина не спала и шила обувь. Шила и плакала и стала под конец, не видя ничего, колоть иголкой свои собственные пальцы. На третье утро Talo уехал. Он не взял с собой ни лука, ни копья, только маленький поясной нож из китового уса. В дороге на него напали десять воинов Tanŋ'ов. Но он убил их всех и взял себе их оленей и одно полное вооружение: панцырь, копье и колчан. Когда он подъехал к скале и повернул направо, он увидел молодого чукчу, едущего на оленях. Юноша, увидев человека в вооружении и одежде чужого племени, повернулся и обратился в бегство, но олени Talo были быстрее. Он догнал чукчу и, желая поговорить с ним, загородил ему дорогу. Юноша повернул оленей и поскакал в другую сторону. Talo снова обогнал его и схватил рукой за уздечку правого оленя. Чукча бросил вожжи. "Если я стал для тебя как дикий олень, то убей меня" {Эта формула служит выражением требования добровольной смерти (см. последний раздел этой главы).}.-- "Нет, я не хочу убить тебя. Но скажи мне, кто ты?" -- "Я сын Omrьtagьn'a. Нас было три брата, но среднего брата забрали у нас Tanŋ'и еще младенцем".-- "Значит, я твой брат,-- сказал Talo. -- Меня вскормили Tanŋ'и. Одежда на мне чужая, но тело под ней рождено беломорской женою". Они поздоровались и перестали бояться друг друга. "Где ваше стойбище?" -- спросил Talo. "Здесь недалеко, за холмом". -- "Сколько шатров?" -- "Три шатра: моего брата, мой и старого соседа по стойбищу".-- "Ну, ладно, едем туда".-- "Я поеду первым. Если ты поедешь впереди, они убьют тебя". -- "Нет, я поеду первым. Не то они скажут, что за тобою гонится враг". -- "Нет, я "поеду. Тот, кто приносит хорошие вести, должен быть впереди". И так они поехали вместе, нарта за нартой. Они гнали быстро, и задние олени все время напирали на передних. Когда они подъехали к стойбищу, люди увидели их и закричали: "Tanŋьn преследует нашего человека!" Появились мужчины с луками, и стрелы посыпались в Talo. Только снежная пыль взлетала с земли, как будто от поземки. Когда снежное облако осело вниз, люди увидели Talo. Он стоял недалеко от них, совершенно невредимый и очищал от снега свою одежду. Тогда его брат рассказал о нем товарищам.

Talo остался, жить у своих родственников. На следующий год он предпринял отважный набег на землю Tanŋ'ов. Он перебил народ, забрал пятнадцать стад и восемьдесят молодых работников. Однажды ночью он пришел к своему тестю. "Я хочу тебе что-то сказать, -- заявил старик. -- Возьми свею жену и увези ее с собой. Что касается нас, лучше убей нас копьем. Мы слишком стары для того, чтобы уйти с родной земли и привыкать к обычаям чужого племени". Talo убил стариков и оставил их на месте, вместе с шатром и имуществом.

Другая часть этого интересного рассказа, также очень характерная, будет приведена в одной из следующих глав.

В рассказе о Jəkunnin (Павлуцкий), где описывается война чукоч с русскими казаками, в битве участвует также приемный сын Jəkunnin. Юноша бился вместе с отцом и был тяжело ранен, по другим вариантам -- убит. Тогда Jəkunnin, лишенный помощи своего сына, был взят в плен и замучен озлобленными чукчами {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 390.}. По некоторым вариантам сын Jəkunnin является "приемышем из племени чуванцев.

ДОБРОВОЛЬНАЯ СМЕРТЬ

Добровольная смерть -- обычное явление среди чукоч. Человек, желающий умереть, заявляет об этом другу или родственнику, и тот должен исполнить его, просьбу. Мне известно два десятка случаев добровольной смерти, имевших место во время моего пребывания среди чукоч. Однажды, летом, когда я был на Мариинском Посту, туда прибыла с торговыми целями кожаная байдара с Телькепской тундры. Один из приехавших после посещения русской казармы почувствовал боль в желудке. Ночью боль усилилась настолько, что он потребовал, чтобы его убили. Его спутники исполнили его желание.

Из всего сказанного видно, что поводом к добровольной смерти стариков служит отнюдь не недостаток хорошего отношения к ним со стороны родственников, а скорее тяжелый условия их жизни. Эти условия делают жизнь совершенно невыносимой для каждого, кто не способен заботиться о себе. Не только старики прибегают к добровольной смерти, но также и многие страдающие какой-нибудь тяжелой болезнью. Число таких больных, умирающих добровольной смертью, не меньше, чем число стариков.

Положение больных, слабых людей действительно очень тяжело, независимо от того, молоды они или стары. В западной Колымской тундре я встретил человека по имени Anьqaj. Ему было меньше тридцати лет. За три года до этого его разбил паралич, и хотя он частично поправился, но остался слабоумным. Я встретил его в феврале. Было холодно и ветрено. Чукчи западной тундры не имеют "зимников" и круглый год кочуют с обычными шатрами. Так же жила и семья Anьqaj. Мы приехали к ним как раз во время установки шатра. Женщины только что начали разгружать нарты. Шатер мог быть готов только поздно вечером. Anьqaj лежал на снегу. Похоже было, что это лежит просто куча тряпья. Его жена положила ему под голову мешок с рухлядью, но мешок был короткий и круглый, его голова тотчас же снова скатилась на снег. Шапка свалилась у него с головы и ветер набивал тонким сухим снегом его волосы. Мороз был настолько силен, что даже чукчам приходилось все время двигаться, чтобы не застыть. Anьqaj лежал совершенно неподвижно. Я перехватил его взгляд, слабый и тусклый, он выражал глубокое страдание, в нем было что-то похожее на взгляд умирающего животного.

Другой памятной мне трагической фигурой была женщина лет сорока. Она страдала болезнью легких. Я провел дня два в ее стойбище на Сухом Анюе. В молодости она была очень энергична, как говорят чукчи: "хорошая вытряхальщица шатра". Даже и теперь она всячески старалась быть чем-нибудь полезной, принимаясь за все тяжелые женские работы, но это плохо ей удавалось. Ее шатер был очень грязен, внутренний полог совсем отсырел, сама она была покрыта грязью и копотью. Она беспрерывно возилась с котлами и сковородами в едком дыму костра, топливом для которого служила жесткая тундровая сланка {Сланка -- ползучие кусты тальника, березы и кедровника.}. Время от времени она начинала глухо и продолжительно кашлять. Она кашляла, стоя на снегу, топая ногами и сжимая руками грудь. Когда припадок кашля проходил, она принималась проклинать свою судьбу, болезнь и всю свою жизнь. Ее лицо, и без того черное от сажи, чернело еще больше от злобы.

Причиной добровольной смерти часто является ярость, то особое чукотское нетерпение, которое упомянуто у Лоттери еще в 1765 году (см. стр. 25). Чукчи не способны бороться с болезнями и вообще с "физическими и психическими страданиями. Они стараются как можно скорее избавиться от них, хотя бы ценой своей жизни. Ajŋanwat рассказывал мне, как несколько лет тому назад его сосед по стойбищу, по имени "Маленькая ложка", потребовал чтобы его убили. "Он часто ссорился с женой, потому что у них были очень плохие сыновья. Благодаря частым ссорам у него появилось желание умереть. Однажды его жена и старший сын снова затеяли с ним ссору. Тогда он потребовал, чтобы его убили" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 53.}.

Другой знакомый мне чукча добавил следующее объяснение к рассказу Aiŋanwat: "В нашем народе, когда отец очень рассердится на своего ленивого и плохого сына, он говорит: "Я не хочу его больше видеть. Дайте мне уйти". Затем он требует, чтобы его убили, к поручает это исполнить тому самому сыну, который обидел его: "Пусть он нанесет мне смертельный удар и пусть он всегда страдает, вспоминая об этом".

Глубокое горе от потери какого-либо близкого человека также является одним из поводов для добровольной смерти. Я уже говорил выше о муже, пожелавшем последовать за своей умершей женой {Ср. стр. 25.}.

Наконец, одним из поводов для добровольной смерти является taedlmu vitae. Я говорил уже о том, как чукча, по имени Katьk, однажды заявил, что он не хочет "больше жить. Он объяснил это тем, что судьба не любит его, несмотря на то, что стадо его разрасталось и семья жила в полном довольстве. Я не придал большого значения его словам, но через несколько месяцев я услышал, что он заставил себя удавить {Ср. стр. 27.}.

Другой случай такого же характера произошел с сорокалетней вдовой. Она жила со своим сыном и двумя племянниками и владела значительным стадом. Она решила, что жизнь не доставляет ей никакого удовольствия. Она боялась, что стадо вскоре начнет убывать, и вдруг почувствовала стыд оттого, что она еще живет. Ее удавили. Этот случай рассказал мне Ajŋanwat.

Одни и те же психические поводы могут вести к самоубийству и к добровольной смерти. Различие лишь в том, что молодые люди, особенно не вполне взрослые, желая умереть, убивают, себя сами. Более же пожилые чаще просят об этом других. Я знаю несколько случаев, когда мальчики и девочки, пятнадцати двадцати лет, кончали самоубийством от обиды, стыда или печали {Ср. стр. 27.}. Ни один из них не мог упросить своих домашних быть ему "помощником в смерти". Для пожилых людей, напротив того, такая "помощь" считается более приличной, чем смерть от своей собственной руки.

Добавочным стимулом к добровольной смерти является убеждение чукоч в том, что насильственная смерть лучше, чем смерть от болезни или от старости. Даже термин, выражающий понятие "добровольная смерть", имеет некоторую связь с этим взглядом. Термин этот -- veretgьrgьn, что значит "поединок". Человек, желающий умереть добровольною смертью, иногда говорит: "Давайте биться" -- Mьnmarawmьk, или: "Теперь я стал для тебя диким оленем" -- Ceŋet-ьm ьlvenu inelgьi. Обе эти формулы выражают желание быть убитым. Другое выражение употребляется главным образом в фольклоре: "Теперь я стал для тебя добычей" -- Ceŋet-ьm gьnni inelgьi, или же более прямо: "Поступай со мной как с добычей" -- Gьnniku qinelgьi. Эти формулы употребляются побежденными воинами, которые не хотят пережить своего поражения. Полное значение формулы таково: "Нанеси мне смертельный удар, так как я стал для тебя звериной добычей". Один чукча следующим образом объяснил мне мотивы добровольной смерти: "Мы не хотим умирать от kelet. Мы предпочитаем умереть насильственной смертью, умереть в бою, как будто мы бились с русскими". Русские, по всей вероятности, были упомянуты лишь специально для меня. Смерть от болезни приписывается нападению духов {Ср. стр. 26.}.

Склонность к добровольной смерти является до известной степени наследственной в некоторых чукотских семьях. Конечно, потомки отнюдь не обязаны следовать примеру предков. Однако фактически в целом ряде семей добровольная смерть как бы передается от отца к сыну. Один чукча таким образом закончил подробный рассказ о случае добровольной смерти: "Если его отец и умер таким способом, то, конечно, сын захотел подражать ему". Отец орудием смерти избрал нож, но так как смерть не пришла сразу, то он потребовал, чтобы его задушили ремнем. И это было исполнено. Сын также велел ударить себя ножом, но удар не был смертельным. Тогда он пошел дальше в подражании отцу и потребовал, чтобы его тоже удавили, и желание его было исполнено.

Ajŋanwat, о котором я уже упоминал не раз, рассказывал мне, что его отец и старший брат умерли добровольной смертью и что он тоже чувствует склонность окончить жизнь тем же способом, хотя сын вовсе не обязан следовать примеру отца. Другой его брат умер естественной смертью, не поддержав таким образом семейной традиции.

По представлению чукоч, на том свете лучшие места для обитания отдаются людям, умершим добровольной смертью. Они живут в красном пламени северного сияния и проводят время за игрой в мяч, причем мячом служит моржовый череп.

Когда у человека появляется желание умереть добровольной смертью, его домашних охватывает тревога. Они всячески стараются отговорить его. Это делается серьезно и настойчиво, так как обязанность убить человека и притом близкого родственника, конечно, очень тяжела. Если человек хочет умереть от -- ножа и не имеет родных сыновей, которые должны были бы исполнить его желание, то часто ему бывает трудно найти "помощника". Никто не хочет нанести смертельный удар. В двух приведенных выше случаях рука сына была не тверда, и нанесенная им рана была не смертельной. Спор между человеком, решившим умереть добровольной смертью, и его домашними, прекрасно передан в сказке об Ajgьnto. Ajgьnto сказал: "О, они (духи) украли моего сына. Как я могу продолжать жить? У меня нет детей. Моего сына украли. Почему я должен жить? Сделай для меня что-то" (т. е. убей меня). "Нет, -- сказал хозяин стойбища, -- почему именно я должен это сделать с моим "товарищем скуки?" {Emŋol-tomgьn -- буквально "товарищ скуки", помогает занимать время и таким образом отгоняет чувство скуки. Этот термин употребляется, например, стариками и больными, не выходящими из внутреннего полога. Его применяют к гостям, к табаку и т. д.} -- "Нет, нет сделай это. Есть у тебя белые упряжные олени?" -- "Да, есть". -- "Есть у тебя белые одежды?" -- "Есть" -- "Есть у тебя белая шапка, белые сапоги белые рукавицы, белая подстилка?" -- "У меня есть все это".-- "Это должно быть для моей смерти. Сделай это". -- "Нет, нет, я не могу! Позволь мне отдать тебе одного из моих сыновей. Пусть у каждого из нас будет по сыну".-- "Я не хочу сыновей другого человека. Где мой родной сын? Торопись, сделай скорее".-- "Нет, нет. Позволь мне отдать тебе обоих сыновей. Пусть у меня не будет детей".-- "Я не хочу их! Где мой родной мальчик? Убей меня". Они спорили весь день. Ajgьnto так горько упрекал хозяина, что тот в конце концов должен был согласиться {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 265.}.

Однако, после того как формула произнесена вслух, отказ от высказанного намерения невозможен. Духи, слышавшие обещание, очень рассердятся и будут мстить, если человек не захочет исполнить его. Таким образом выходит, что добровольная смерть предохраняет от смерти, посылаемой духами (т. е. от естественной смерти), и в то же время является жертвоприношением kelet. Такого рода противоречия часто встречаются во взглядах и представлениях чукоч.

Человек, избравший добровольную смерть, считает, что он тем самым освободится от смерти, происходящей от kelet. Но, с другой стороны, добровольную смерть нельзя рассматривать иначе, как кровавое жертвоприношение тем же kelet. Хотя в добровольной смерти не видят прямого задабривания kelet, но неисполнение обещания принести им жертву, согласно представлению чукоч, вызывает гнев и мщение со стороны духов kelet.

Чукчам известны три способа добровольной смерти: смерть от удара ножом или копьем, смерть посредством удушения и смерть от выстрела. Последний способ употребляется гораздо реже, чем два первые. В таких случаях лук не употребляется, а только ружье. Можно считать, что этот способ появился лишь в последнее время. Причина употребления ружья заключается в том, что смерть от выстрела наступает гораздо быстрее и менее мучительна. Люди, убивающие человека, изъявившего желание умереть добровольной смертью, называются "помощниками" или "провожатыми", так же как на похоронах. При смерти от ножа смертельный удар должен быть нанесен мужчиной. Женщинам не ра (решают принимать участие в таком способе смерти. Человека убивают всегда его собственным ножом. Тогда смертельный удар менее болезнен. После смерти убитого рану зашивают нитками. Нож относят вместе с покойником на место погребения и там оставляют его. Смертельный удар, нанесенный рукой сына, не считается мучительным; удар, нанесенный рукой чужого человека -- причиняет сильную боль. Поэтому человек, находящийся в чужом стойбище, во время поездки или на ярмарке, выбирает для добровольной смерти какой-нибудь другой способ. Когда человека закалывают копьем, то обычно ему закрывают лицо куском шкуры или шалью. Он садится во внутреннем пологе, недалеко от входа. Исполнитель стоит в наружном пологе и просовывает копье под полог. Человек, желающий умереть, берет обеими руками наконечник копья и приставляет его к своему сердцу. Затем он подает знак, что готов принять смертельный удар. Смертельный удар ножом, копьем или пулей всегда наносят спереди. Если человек выбирает кровавый способ добровольной смерти, то "помощниками" могут быть только мужчины. Женщины могут помогать только при удавливании. Жена человека, желающего умереть, кладет к себе на колени его голову, обернутую шалью, в то время как два человека с обеих сторон тянут за веревку, обмотанную вокруг его шеи. Если человек слишком сильно дергается, то женщина "укладывает его руки" (т. е. просто держит его за руки). Иногда же, если у нее нехватает силы, ей помогает другая женщина. Один или два раза я слышал рассказы о таком улавливании из уст жен, державших на коленях головы своих умирающих мужей. Они говорили об этом с большим хладнокровием. Подробно описывали, как муж дергал руками и ногами и как они удерживали его. После произнесения вслух формулы добровольной смерти надо действовать быстро, по возможности в тот же день. После такой заявки духи носятся тут же, и если их заставить слишком долго ждать,- они могут потерять терпение и взять кого-нибудь другого. Перед последним часом человека пожелавшего умереть, кормят жирным мясом и "чужой пищей" (сахар, хлеб) и исполняют все его желания. Стараются не досаждать ему. Даже если он беспричинно ругается и кричит, окружающие должны молчать. (Следует напомнить, что в некоторых случаях к добровольной смерти прибегают от гнева и ярости) {По словам Иохельсона ("Коряки", стр. 760), обычай убийства стариков существовал у коряков до последнего времени. Franz Boas говорит, что у центральных эскимосов считается вполне допустимым убийство сычом своих старых родителей (Boas, Central Eskimo, стр. 615).}.

Я привожу два описания добровольной смерти, записанные со слов туземцев. Первый случай произошел в 1864 году на западной Колымской тундре. Второй -- в той же местности на следующий год. Оба были мне рассказаны. Ajŋanwat'ом:

Набрал много в долг у якутского купца Элигыкы. Несколько лет пролетовал, долга не покончил. Наконец, из дому выходит, отправляется в Средний (Колымск); с тундры, издали. В это время частью народ (реку) Омолон перешел, (его) брат другой Рультувия, он пьянствовал там, у тунгуса Ункуула водку пил; предмет (его) охранения, выходящие тонкие кишки (грыжа) замерзли, потом стали непослушны для засовывания. Что же, однако несчастье захотело с ним (статься); (это) он сделал себе болезнью, не смог засунуть кишки. Поэтому заговорил, прося смерти у своего товарища в браке, как бишь его, у Ункуула. Соседним жителем младший брат. А тот в Средний (Колымск) при чужом хозяйстве отправился. Ибо жена с молодыми детьми. Таким-то образом тогда болезнь нашел. Так как притом отец тоже умер убиением, он подражает ему. -- Ух, об отце отчего вперед не сказал? Тоже худозвучащий задом, испражняться не мог. А оттого, что камень образовался в заднице, белый камень какой-то, но мягкий, совсем круглый; в прямой кишке после смерти рассматривали. Так-то он попросил смерти. Старший сын провожал; он сделал смертный вздох. Но вдруг нож извлек, выдернул, опять ожил, совсем очнулся, не мог быть убитым, поэтому сам сказал: "пусть стесните мне горло." Действительно, ремнем задушили, этим убили. Как только покончили, унеся на поле, рассматривали задницу. Но и при жизни камнями испражнялся; песком или чем. Тогда камень увидели. Потом и сын также так был после. Так у товарища по жене заговорил, прося смерти. Иные услышали, повиноваться (захотели). Захотев повиноваться, к младшему брату увезли, в нарте с грядкой увезли. Там привели в исполнение. Действительно, младший брат провожал, опять не мог (убить). Правда, он и сам говорит: "слушай-ка, немного в сторону направь нож". Но (тот) не мог. Поэтому тоже, как отец, слово употребил: "пусть задушите ремнем". Действительно, задушили ремнем. Тогда убили. Что же, конец.

Записано от чукчи Ajnanwat осенью 1897 года в Нижнеколымске.

Я привожу этот рассказ в буквальном переводе с чукотского. Другой рассказ интересен тем, что в описываемом в нем случае, вскоре после того как было высказано желание добровольной смерти, последовало раскаяние.

Ложная добровольная смерть

Мой сосед Маленькая Ложка тоже попросил смерти. Многоречиво убедил товарищей. Ссорились до того с женой, т. к. имеет очень худых сыновей. На это из гнева запросил смерти. Вместе с матерью (сын) ссорился с ним. От этого произошло, разгневался. Потому попросил смерти. Почти только с пряговыми оленями, нет особых (свободных) оленей. (Женского) ведомого сзади быка другие сыновья убили, так как притом с весьма многими сыновьями. Старший сын постоянно бранит его, и вот на смертную пищу быка убили. Мы думали, он действительно просит смерти, торопились мы, всякие вещи приготовили мы. Санные принадлежности, изломанные и притачанные, мы заменили неизломанными. Ибо у наших притачанные сани -- для смертного употребления худо. Ибо составное, притачанное, посмертной дороге туда к его народу изломается, как он будет?

Потом собачий народ также поближе есть. Так как при этом истинно умерший,-- его уводит народ мертвых; они знают это, говорят; "заблудится, как же". Что он только что стал запутан, им известно. Ибо много дорог, и все дороги ведут к родственникам. При этом также из шкуры от" чужих оленей смертную одежду не употребляют. Грех. Там ведь мертвый народ, взад и вперед ходят. Двигаясь по ветру, нюхает, говорит: "одежды, что это нашим пахнут?" Отнимают. Поэтому чужое, что бы ни было, не употребляют, также чужих оленей. Кое-как бедняк, что есть именно свое, употребляет. Новую одежду, от чужих взятую/чужое подаренное, это все-таки покидают. Действительно, старое, лишь бы только свое, употребляют. Правду сказать, очень худой народ (покойники). Ведь не скажут так: "пусть употребляет". А между тем откуда только узнают? Правда, ведь много возвратившихся от смерти наших. Отсюда, должно быть, узнают обычай мертвых. Заговорами много возвращается мертвых... Также я сам о мертвых заговор от голодных старушек, будучи богатым оленями, радуя их горло, получил прежде,-- забыл, к сожалению, ибо сам обеднел.

При том же идущий по смертной дороге бывает возвращаем часто собакою. Кусает за левое ухо и наговаривает собаке (шаманящий человек), говорит ей: "Хозяина возврати, когда-нибудь хорошей пищей кормить тебя станем". Должно быть, также и заговорами. Легко болеющий бывает возвращаем. Затруднение в дороге. Собака, сильно прыгая в лицо, заставляет вернуться. Несмотря на то, трудно болеющий не податлив. Как только этот, от смерти возвращающийся, хорошо очнется, собаку убивают. Поэтому-то оленный народ собаку держит из-за этого свойства. Для сострадания возвращать мертвецов она сильна. Ибо разве для употребления, или для чего-нибудь назначена? Только для поедания корма... Впрочем, в действительности на что угодно пригодна собака: против сильной дичи, медведя, она с голосом, при неожиданной встрече в темноте... поэтому держат. Ты сам знаешь, все, каждый с собаками, многие люди. Мы ездили, ни один не бывает без (собак). В том же отношении идущий по смертной дороге. Понапрасну отчасти оленем его заговаривают, понапрасну. Ибо пуглив олень, там вдали постоянно ходит понапрасну, только глазами виден, показывается, правда, но только издали. Также частью совсем умерший, даже оставший без дыхания, только все еще не плачут живые, смотрящие члены семьи; именно потому, как только умер, (тут же) не плачут. Грех. Легко больной отвергается потом умершим народом. Говорят: "Ты зачем пришел? Уходи, домой вернись". Домой уходит, возвращается. Бывает разным образом; иной, правда, дышит, но без ума становится, так как при этом, должно быть, ему грезится, или что? Говорит: "Я пришел оттуда, от мертвого народа". Впрочем, также едят мухомор люди. Анадырщики привозят мухомор. Перед_ едой говорит, обращаясь к мухомору: "К мертвому народу увезли меня". Действительно, он потом увозит. Погружается, обмирает; потом увозит, но только душу. При этом имеющий внутреннюю боль совсем остается. Отсюда недавнее сказанное, относящееся к одежде и к отниманию, должно быть, от них узнают Действительно, от них с трех сторон: один возвращенный собакой, потом, во-вторых, самим сострадательным божеством, так что мертвое племя отвергает его, этот сообщает вести, в-третьих, мухомороед говорит... Однако Маленькая Ложка совсем неожиданно прекратил приготовления, раньше вознамерившись (собравшись с духом). Ибо мы уже собирались, совсем приготовились, тут же все как для мертвого сработали, сани, или что. Но разочаровались, так как настал вечер, а мы стали пребывать праздно; ждать не могли, прекратили ожидание. Стал вечер, настала ночь, без слов мы пребывали, только он нажрался что было получше, сам съел, послаще... Спрашивая сыновей, я сказал им: "А что? Что он делает?"-- "Постой. По окончании еды". Потом только сказали" "Что же, лег, заснул". Санки же так сзади жилища ночевали, как бы принадлежавшие мертвецу. На завтра по пробуждении попрежнему не выходит. Ни за что не выйдет, все сидящий в пологу. А потом он, так как у нашего рода пленного немного поговорить о смертной просьбе грех, поэтому-то и у него на будущий год три сына умерли. Так что он большое несчастие, говора о просьбе смерти, сам себе нашел. И я отослал его, сказал: "Тут не живи! Смешают тебя вместе со мной, на оленях, на чем-нибудь наружном "Поэтому отделился. В другие годы, в стране Араро {Имя богатого оленевода.} он умер. Да еще вот что, наш (кто-нибудь) избегая (боли) заговоривший немного о смерти, что же, божество жизни внешнее божество его слышит. И таким образом, избегая боль, немножко поговорит о смерти, дорого выкупает, хотя бы собственное словечко маленькое. Действительно, если домашние внушают ему прекращение, что есть ему сердечное близкое, за это словечко, за слово о смерти внешнему божеству дорого дает на выкуп. Говорит: "Вот мое тело, я безумно говорил " Хотя бы упряжку, или что, в руках держимое, от собственного тела. Это для жертвы употребляет, ибо взамен слова дает, все равно, что получше. Еще притом многие имеющие потом поправиться, просят смерти, иные же убеждениями бывают возвращаемы и, действительно, выздоравливают. Также однажды и я безумно говорил, как раз однажды. Недавно, я уже состарился. Нужно сказать что к волку и к злому духу совершенно одинаково относятся оленные. Не умея воротить оленей назад, весной, да, по окончании весны... В это время полуобнажается от снега земля; олени любят разбегаться в разные стороны при начале лета. И об этом оленные говорят: жадная суета... Это страшное время. От бессилия я безумно заговорил. Но еще будучи молодым человеком, я истощал гнев, настигая оленей; а при появлении бессилия поэтому безумно заговорил, сказал: "Волки! сюда! бросьтесь! ешьте!" Только потом дорого выкупил; немного погодя убил оленей и что подороже, тоже сердечное, прягового оленя убил. В первый раз таким стал, эти безумные слова извлек.

Записано от чукчи Ajŋanwat осенью 1897 года в Нижнеколымске.

Обычай добровольной смерти существует также у приморских чукоч и у эскимосов. Мне известны несколько случаев. Так, например, в поселке Eunmun туземец средних лет, страдавший от нарывов, велел удавить себя ремнем.

В 1898 году в эскимосском поселке Uŋasik старик попросил добровольной смерти. Его застрелили сзади. Это единственный известный мне случай, когда смертельный удар был действительно нанесен сзади {Богораз "Чукотские материалы", стр. 52.}.

W. H. Dall приводит следующий рассказ туземца Noakum из бухты Пловер: "Старые и ненужные люди часто просят, чтобы их убили. Тогда их приводят на место мертвых и там строят "загородку" из камней. Большой передний камень кладут с одного конца, а другой большой камень с другого конца -- в ногах. Под камнями кладут два шеста с привязанными ремнями. Убивают оленя и кровь его льют на передний камень. Тогда предназначенного смерти кладут на спину, ноги и руки протягивают на камни. Тогда его спрашивают, готов ли к смерти. Если следует утвердительный ответ, то его ноздри затыкают дурманящим веществом. Если же он отвечает, что еще не готов, то мясо оленя, которое обычно съедают, в данном случае сжигают в виде искупительной жертвы". Dall описывает этот обряд частью как очевидец: "Когда мы приехали, все уже было готово. Женщины и дети разрезали на части мясо убитого оленя и на переднем камне уже была кровь. Жертва -- слепой, но не очень старый мужчина -- сидел около переднего камня" {Dall, I, стр. 382.} и т. д. Dall отмечает, что туземцы были очень смущены приездом американцев и, боясь их вмешательства, отказались продолжать обряд.

Я боюсь, что в этом описании Dall'я не все правильно. У чукоч нет дурманящего вещества {Dall предполагает, что дурманящее вещество можно приготовить из дикого nux vomica, которое растет где-то подальше к западу. Но я ничего не знаю об этом. Чукчи и другие народы, действительно, покупают у русских купцов пилюли, приготовленные из стрихнина (чквибуха) и привозимые из Якутска. Но эти пилюли употребляют только для охоты на волков и песцов. Их закатывают в мясо или жир и бросают на следу зверя.}. Очень трудно поймать и привести живого оленя к жертвенному месту, особенно летом. Что касается убийства стариков над овалом из камней, то я, по крайней мере, никогда не слышал об этом.

Глава VI
БРАК

БРАК У ОЛЕННЫХ ЧУКОЧ

Оленный чукча не может устроить себе сносную жизнь, не имея своего отдельного шатра и жены, заботящейся о нем. Внутренний полог чукотского "настоящего дома" {Чукчи называют свой народ "настоящими людьми", свой язык -- "настоящим языком", свой дом -- "настоящим домом", а все чужеплеменное, чужое ставят в один уровень со злыми духами.} очень мал. В нем нет места для чужого человека, даже для родственника. Человек, живущий на чукотском стойбище и во всем зависящий от хозяина, должен все же иметь свой шатер. Иначе, приходя от стада отдохнуть, он будет вынужден спать под открытым небом, хотя бы и в холодное время года, если никто не захочет уступить ему свое место в пологу. У него не будет никого, кто мог бы починить его одежду и высушить ее, так как у женщин хозяйского шатра и без "того слишком много работы для их собственных мужчин. Если у холостого чукчи есть мать, то она берет на себя всю работу по шатру. Но этого не достаточно. Во время зимних кочевок со стадом пастуху необходима молодая, здоровая подруга, с сильными руками и быстрыми ногами. На ней лежит установка временного шатра на стоянках. В случае необходимости она поможет управиться с оленями. Конечно, это может делать и сестра. На сестра в один прекрасный день переходит в шатер другого человека. С неженатым пастухом к стаду нередко идет одна из дочерей хозяина. Обычно такое совместное пастушество кончается браком.

Одним из главных мотивов для брака является также сознание необходимости продолжения семьи для того, чтобы она не оборвалась и не угасла. Эта мысль хорошо выражена в одном рассказе. Сестра говорит единственному брату: "Найди себе жену. Возьми ее и породи детей, чтобы жизнь нашей семьи не угасла в грядущие годы" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 124.}. Подобные речи встречаются во многих чукотских рассказах. Каждый оленный чукча, как только он почувствует, что у него "взрослое тело" (uwikьpcьtkuk), старается жениться и завести свой собственный шатер. Чукчи с презрением и насмешкой относятся к холостяку. Его рассматривают как человека никчемного (tьmŋe-lejwьlьn), бездельника, бродягу, праздно переходящего из стойбища в стойбище {E. Westermarck, ссылаясь на Armstrong Discovery of the North-West Passage, стр. 192, утверждает, что у эскимосов человек, не имеющий жены, кажется почти неестественным существом, не заслуживающим никакого внимания (E. Westermarck, History of Human Marriage, стр. 136).

}. Ниже мне придется говорить о таких людях. Но даже среди них многие имеют жену и бродяжничают вместе с ней или же, время от времени, оставляют ее в чьем-нибудь шатре. Конечно, среди чукоч есть люди, которые не могут иметь жены вследствие каких-нибудь физических недостатков. Чукчи говорили мне, что если мать плохо следит за своим ребенком и недостаточно часто меняет мех и оленью шерсть в его нижнем клапане, то детородный член ребенка начинает, в конце концов, ненормально распухать и утолщаться. Эта опухоль остается на всю жизнь и лишает человека возможности подовой жизни. Такая ненормальность у чукоч называется особым глаголом (totajŋorkьn). Человек, имеющий такую ненормальность, конечно, неспособен к половой жизни и потому не может иметь жену и семью. Я лично не встречал таких людей, но когда я путешествовал в районе Сухого Анюя мне рассказывали, что здесь жил такой человек, умерший в прошлом году от гриппа. Он был уже очень стар и жил пастухом на стойбище много богатого оленевода. Спал он в шатре своего хозяина, так как не имел ни жены ни своего шатра. Иногда, в приступе скуки, он брал бубен и, ударяя в него пел: "О, о, о... От руки моей матери я получил опухоль на моем детородном члене". Семья, состоящая из женщин и не имеющая ни одного мужчины может жить на стойбище, имея свой собственный шатер. Но в деле пропитания они всецело зависят от милости хозяина. Старухи, живущие одиноко, тоже могут иметь на стойбище хозяина небольшой шатер и несколько грузовых нарт. Но существование одинокой женщины весьма незавидно. Молодые женщины, оставшиеся одинокими, бросают свой шатер и стараются войти в чью-нибудь семью. Один знакомый мне чукча, Tьnpuurgьn, рассказывая о своей жизни, говорил о своей сестре: "Тогда (после смерти отца) Ajgьnto (хозяин стойбища) сказал моей сестре: "Ты должна бросить свой шатер"... Она сказала. "Что ж, у меня нет ни отца, ни мужа. Для кого мне убирать шатер, вытряхивать и чистить шкуры? Не для тебя ли?....." Тогда она оставила на тундре все, что имела: деревянные огнива, нарты и связки охранителей. Последние она изрезала и бросила, таким образом навеки отреклась от них. Также и шатер, сделанный ее отцом, крытую кибитку, шесты и грузовые нарты -- все это она изрезала и бросила {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 60.}.

Жизнь в браке является нормальным состоянием оленного чукчи. Она служит основой его" экономического положения. В этом отношении оленные чукчи отличаются от всех своих соседей. У приморских чукоч брак не является столь необходимым для жизни. Неженатые люди среди них встречаются гораздо чаще. Среди ламутов также гораздо больше неженатых людей, так как они могут брать невесту только из другого рода. Кроме того, за нее нужно платить большой калым. Особенно в этом отношении отличаются от оленных чукоч обрусевшие юкагирские роды, живущие по нижней Колыме. Они быстро вымирают. Многие почти вымерли. Другие состоят из нескольких десятков человек. У них каждый третий мужчина -- холостяк. Одной из главных причин этого печального явления был платеж ясака за "убылые души". Но независимо от этого они чувствовали отвращение к браку и скучным семейным обязанностям. Так лучше жить, -- говорили они мне, -- что больше детей, то больше заботы".

У оленных чукоч брак заключается не только между взрослыми, но и между детьми. Их идеал невесты прежде всего предполагает физическую силу, здоровье и способность к работе. При описании женской красоты прежде всего отмечается физическая сила и здоровье, и все прочие качества подобраны так, чтобы еще больше подчеркнуть эти основные черты.

ЦЕЛОМУДРИЕ ЖЕНЩИН

Целомудрие не считается необходимым качеством идеальной невесты. И действительно, в чукотском языке нет слова для выражения этого понятия. Нет даже слова "девушка". "Существует только одно слово -- ŋeusqət ("женщина"), в сочетаниях с другими словами также -- ŋew ŋaw, ŋe ŋaНазвание anra-ŋaw "особо (живущая) женщина" у отребляется для каждой женщины, не имеющей в данное время мужа: для девушки, вдовы или разводки. Для выражения понятия "целомудрия" можно употребить только описательную форму: jep ajaakəlen ("еще не бывшая в употреблении"). Чукчи вообще -- как мужчины, так и женщины -- весьма чувственны. "Это лучшая вещь на свете" (ьnan-tam-vaьrgьn), -- с уверенностью говорили мне о половой жизни все поголовно. Чукчи любят непристойные сказки и неприличные на наш взгляд телодвижения и жесты. Многие прозвища и уменьшительные имена имеют непристойный характер. В рассказе о жене Aŋqald молодую невесту приводят на стойбище в крытой нарте. Соседи говорят: "Ну-ка, поглядим на эту молодую женщину, дочь жены Aŋqalo". "Нет, это невозможно,-- говорит жених. -- Если вы поглядите на нее, вы умрете". Люди собрались со всех сторон -- старики с посохами, пожилые люди, молодежь. Старики говорят: "Дай поглядеть хоть раз". -- "Нет, говорю, если поглядите, то умрете". -- "Нет, что ты, разве мы ребята: разве мы глупые? Покажи ее! Дай посмотреть на женскую красоту",-- "Ну, что ж, пусть так". Он велел своей жене высунуть из крытой нарты только одну руку. Как только старики и другие люди увидали ее руку, они затряслись от желания и все сразу умерли {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 244.}.

Такие эпизоды встречаются во многих сказках. Некоторые старики жаловались мне, что чрезмерная чувственность еще более развилась в последнее время. "Люди испортились, -- говорили они мне, -- наши юноши не думают уже о войнах и борьбе, и все их стремления направлены к тому, что скрыто женским платьем".--"Они теперь не собираются вместе. Они избегают друг друга, как дикие олени. Но они ловят запах женщины так же быстро, как оленьи быки". Однако у меня нет большого доверия к этим жалобам. Чукотские рассказы ясно показывают, что и в старину, во времена войн, чукчи были так же сладострастны, как и в настоящее время. Тем не менее многие чукотские девушки сохраняют целомудрие до брака. По сравнению с другими племенами области чукчи гораздо скромнее. У русских и обрусевших туземцев по всему северо-востоку от Лены до Камчатки едва ли найдется хоть одна девушка, сохранившая невинность до свадьбы. Большинство из них начинает половую жизнь при первых признаках зрелости, в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, иногда даже в двенадцать-тринадцать лет. Здесь существуют все виды прелюбодеяния и кровосмешения, даже в семьях духовенства. В них принимают участие монахи и миссионеры. Ниже мне придется говорить об этом подробнее. У русских старожилов сложились даже пословицы, подчеркивающие свободу половых отношений, так, например: "Венчалась -- не продалась", "Баба -- не калач, один не съешь", "Палец в кольце -- не замок на крыльце", "Чей бы бык ни скакал, а теленочек наш".

Девушки оленных чукоч достигают зрелости позднее, чем девушки соседних племен. Стойбища оленеводов разбросаны по тундре, часто в нескольких десятках километров одно от другого, и девушка редко имеет, случай встретить подходящего мужчину. Девушки оленных чукоч по своему характеру одновременно застенчивы и горды. Они избегают заигрывать с незнакомым человеком и лишь при более частом общении, узнав его как следует, могут избрать его себе в мужья. Однако не мало девушек имеют любовников и рожают детей вне брака. В чукотском языке есть специальный термин для половых сношений вне брака: vinvьtkurkьn ("он имеет тайную любовь"). Термин этот происходит от наречия vinvə ("тайно, секретно").

Положение внебрачных детей ничем не отличается от положения "законных". Чукчи говорят: ""Если уж ребенок родился, мы рады ему". В районе реки Сухого Анюя я видел одну семью, состоящую из старика-отца, немолодой уже дочери и четырех взрослых сыновей. Сестра была значительно старше братьев. С тех пор как умерла их мать, лет пятнадцать тому назад она вела все хозяйство. В детстве отец сделал ее "основным наследником" стада. Во время моей встречи с этой семьей два брата были уже женаты, и у каждого из них было по ребенку. У девушки же был пятилетний сын. Этот мальчик был объявлен "основным наследником" стада. Он должен был унаследовать старейшее оленье тавро, которым была помечена основная часть стада

НАСИЛИЕ НАД ЖЕНЩИНАМИ

Я уже отмечал, что чукотские мужчины склонны к буйству и насилию. В рассказе о "Чесоточном шамане" "молодой Rьntew", сделавшись "вредительским шаманом", начал поступать "безумно и бесстыдно". Он бегал из шатра в шатер, из одного спального полога в другой. Где бы он ни увидел женщину, он тотчас же насиловал ее. Увидев спящего мужчину, он хватал его за penis, поднимал его вверх и тряс в воздухе. Если, вбежавши в спальный полог, он находил старика и старуху, спящих спокойно, он хватал старика за penis, срывал с него штаны, тряс его взад и вперед и потом бросал его на землю. Также и со старухи срывал одежду, сбрасывал все и насиловал ее. Всю ночь он бегал из шатра в шатер и делал такие дела; в своей поспешности он сбросил с себя штаны и обувь. Так он бегал совершенно нагой и насиловал женщин {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 207.}. В другом рассказе, о "Счастливом женихе", юноша хотел жениться на одной очень гордой девушке. Она отказала ему. Тогда он застиг ее у стада, сорвал с нее одежду, потом затоптал ее в снег и исцарапал ей все лицо концом своего ножа. На следующий год настоящий жених этой девушки жестоко отомстил ему за надругательство.

Я уже говорил, что половая жизнь у чукоч порою начинается раньше полной зрелости. Нередко очень молодые девушки рожают детей. Чукчи таких девушек называют специальным термином: ecwak-ətla ("телка-мать"). Этот же термин применяется к молодым оленьим телкам, принесшим детеньшей. Некоторые телки приносят олененка на следующую же весну после своего рождения то есть когда им не исполнилось еще года. Однако у чукоч существует взгляд, что ранний брак вредно отзывается на здоровье женщины. От этого у нее рождается очень мало детей {И. Вениаминов отмечает, что у алеутов островов Атка сожительство с невестой или будущей женой до надлежащего времени считается греховным и недопустимым (Заметки об островах района Уналашки, часть III, стр. 8)}. Поэтому считается предосудительным сожительство с девушкой, не достигшей половой зрелости, по выражению чукоч, с девушкой, "не имеющей грудей и месячных очищений".

Л. Меликов в своем рукописном докладе якутскому губернатору говорит, ссылаясь на слова Ejgeli, "так называемого верховного князя чукоч", и его зятя Omrelqot, что у чукоч насилие над молодыми девушками, не достигшими зрелости, считается большим преступлением и сурово наказывается советом старшин. В. И. Иохельсон {"Живая старина", 1895, часть II, стр. 35.} в одной из своих статей приводит устное сообщение Меликова того же содержания. По этому сообщению Меликова, у чукоч существует три категории преступлений, которые считаются заслуживающими наказания: 1) кража чего-либо у человека из своего племени, 2) изнасилование девушки, которая еще не достигла половой зрелости (старейшины судят о зрелости или незрелости по грудям девушки), 3) убийство. За эти преступления совет стариков присуждает или к штрафу, или к телесному наказанию, или же, иногда, к смерти. Исполнение приговора возлагается на членов рода, к которому принадлежит преступник. Если же они отказываются наказать своего сородича, то члены рода, к которому принадлежит пострадавший, получают полную свободу действий. Раньше или позже они сами приводят приговор в исполнение.

Однако у чукоч нет совета старейшин. Они даже не имеют понятия о том, что значит преступление против закона, а также наказание преступника. Чукотские обычаи осуществляются действиями и поступками отдельных людей. У них не существует никаких установленных наказаний, кроме личной мести, выкупа или борьбы. Слова Ejgeli, по всей вероятности, следует считать просто попыткой "примениться ко взглядам и понятиям русского "большого начальника". Смысл их, вероятно, еще больше изменился через посредство невежественных переводчиков, которые говорили на обычном в той области русско-чукотском жаргоне с его искаженными формами. Я знаю случай, когда Ejgeli старался давать другие сообщения такого же сомнительного свойства. Он, например, рассказывал мне, что в старину чукчи более строго относились к случаям прелюбодеяния. Так, если замужнюю женщину заставали с мужчиной, то им обоим, в виде наказания, урезывали носы. Муж якобы говорил жене: "Твою красоту высоко ценил этот парень. Теперь смотри, что от нее останется". Рассказ этот имеет очень мало общего с действительностью. На деле чукча, застав свою жену с другим мужчиной, конечно, рассердится, но чаще всего он отправится на стойбище обидчика, поспит с его женой и таким образом даже завяжет узы группового брака {Другие племена, живущие в северо-восточной Азии, коряки и отчасти камчадалы, считают прелюбодеяние довольно серьезным преступлением. Возможно, рассказ Ejgeli имеет в виду обычаи этих племен. Известно, что у некоторых народов прелюбодеяние наказывают тем, что отрезают носы у женщины и, ее соблазнителя. E. Westermarck (History of Human Marriage, стр. 122) говорит о существовании такого обычая у различных племен Северной Америки, Индии и т. д. Между прочим Clark Wissler (Annual Archeological Report being the Appendix' to the Report of ihe Minister of Educations, Ontario. 1909 г., стр. 17) отмечает, что индейцы племени Черноногих, чтобы наказать женщину за прелюбодеяние, отрезают, ей нос, таким образом знак остается у нее на всю жизнь.}. С другой стороны, мне известно несколько случаев насилий над очень молодыми девочками, где преступник всякий раз оставался без наказания. Один из этих случаев произошел на реке Сухом Анюе, на стойбище чукчи Atato. Среди его старых знакомых был Петр Котельников, русский из поселка Сухарное на Нижней Колыме. Котельников был очень беден и каждую весну кормил свою семью оленьим мясом, которое давали ему его чукотские дружки. Весной 1890 года, больше чем когда-либо нуждаясь в еде, Котельников решил отдать свою младшую дочь в жены Attowak'y, старшему сыну оленевода Atato. Attowak был тяжелый и крупный, ему было около двадцати пяти лет. За девочку Котельников получил четыре убитых оленя. Чукчи питают большое пристрастие к "чужим" женщинам, в особенности к русским. Брак был решен. Свадебный обряд должны были совершить на следующее утро. Но в ночь перед свадьбой жених сделал попытку взять силой свою будущую жену. Девочка, проплакавшая весь предыдущий день, закричала и стала звать на помощь. На стойбище в это время были двое политических ссыльных. Они приехали за мясом для ссыльных, находившихся на Нижней Колыме. Один из них проснулся от криков девочки, и благодаря его энергическому вмешательству девочка была освобождена от чукчи и увезена обратно на Колыму. Жених грозил жестоко отомстить, но ничего не случилось. Через несколько лет девушка вышла замуж за русского колымчанина. Другой подобный случай произошел в моем присутствии в 1894 году на стойбище Qerguwgi Хромого, на реке Омолоне. Qerguwgi принадлежал к богатой семье, владевшей несколькими огромными стадами.- Хотя он был хромой, все же он сам ходил за стадом с помощью двух пастухов. Другим членам семьи также помогали пасти стадо их бедные соседи по стойбищу. Один из пастухов, по имени Keutegьn, взял с собой на стойбище Qerguwgi свою дочь и оставил ее в одном из шатров. Девочке было около пятнадцати лет, она была очень красива, даже с нашей точки зрения. Как только ее отец уехал к стаду, хромой хозяин пришел к ней и после короткого разговора тут же на месте сделал ее второй женой. Его первая жена была намного старше его. Его женили на ней, когда ему было пять лет. Через несколько дней после этого я встретил на другом стойбище отца девочки. Он всячески ругал и проклинал хромого и заявил, что через два дня пойдет к нему и сведет с ним счеты. Я вернулся на стойбище Qerguwgi, чтобы посмотреть, что произойдет. Keutegьn действительно пришел и сразу же вошел в спальный полог хозяина, так как тот был не совсем здоров в этот день и не выходил из полога. Я вошел вслед за ним, ожидая услышать, по крайней мере, сердитый спор, но ничего особенного не случилось. "Я пришел за своей дочерью",-- сказал Keutegьn, сердито глядя на хозяина. "Да, да, -- ответил Qerguwgi, признавая его право.-- Пусть она свяжет свой мешок и пойдет с тобой". -- "Я возьму с собой эту девочку", -- повторил отец попрежнему раздраженным голосом. "Возьми с собой пару молодых оленей". И это все, что было сказано. Keutegьn взял девушку и оленей. Через несколько месяцев девушка снова была на этом стойбище. Отец сам согласился отпустить ее.

Мне известны два или три случая изнасилования замужних женщин. Один из них привел к серьезной ссоре между обидчиком и мужем пострадавшей. Другой случай вызвал только смех у окрестных жителей. В третьем случае один тунгус обвинил своего соседа по стойбищу, богатого чукчу Tatk-omruwge в попытке изнасиловать его жену. Жалоба была принесена для разбора казачьему командиру в поселке Нижнеколымск. Дело было поздней весной. Все русское население Колымы, так же как и тунгусы и юкагиры, обрусевшие и не обрусевшие, страдали от голода. В такие времена чукчи -- оленеводы стараются угнать стада как можно дальше от своих голодных соседей.

Tatk-Omruwge был очень скупой человек, но, несмотря на это, он стоял от Нижнеколымска не дальше 60 км. Казаки пришли на его стойбище, арестовали его и отвели в Нижнеколымск. Там его посадили в караулку. Чтобы сделать заключение более ощутительным, к ночи сильно протопили печь и закрыли ее так рано, что вся комната наполнилась угаром. Наследующее утро после ареста заключенный купил себе свободу, подарив сто оленей русским поселенцам и двадцать -- тунгусам. Начальник представил это как добровольный подарок чукчи, и ссора была ликвидирована. Конечно, это происшествие в очень незначительной степени отражает обычаи чукоч и даже тунгусов. Оно показывает лишь те способы, какими пользовались голодные русские поселенцы, чтобы добыть себе пищу.

БРАК МЕЖДУ РОДСТВЕННИКАМИ

У чукоч существует несколько способов выбора невесты и заключения браков. Один из них -- брак между родственниками; если возможно, из той же семьи или, по крайней мере, с того же стойбища, из семьи, родственной по крови. Наиболее частыми являются браки между двоюродными братьями и сестрами {Вениаминов говорит, что алеугы обычно берут себе в жены дочь своего дяди (Заметки об островах района Упалашки, часть III, стр. 76). Такой же обычай существовал и у камчадалов (Крашенинников, II стр. 124), а также и у эскимосов Iglulīk и у Ainu (E. Westermarck, History of Human Marriage, стр. 296).}. Брак между дядей и племянницей считается недопустимым. Однако мне известен один случай, когда дядя находился со своей племянницей в тайном сожительстве, и второй случай, когда чукча женился на своей племяннице по всем правилам свадебного обряда. Впрочем, его соседи насмехались над ним за это. Мне известны два случая сожительства отца с дочерью. Брак или тайное сожительство между братом и сестрой также считается кровосмешением. Однако в нескольких рассказах "Из времен первого творения" (tot-tomgat-tagneрь, то есть рассказывающих о сотворении земли и людей) случаи брака между братом и сестрой описаны более или менее подробно. Так, в одном рассказе, первая пара людей на земле родила сперва сына, потом дочь. Дети сидели у входа в шатер и росли. Мать не няньчила их. Они выросли без присмотра. Тогда брат женился на сестре. Они имели детей. Их сын женился на второй тетке. Так они размножились, и появилось много людей, но все они оставались братьями {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 160.}. В другом рассказе упоминается страна Luren, расположенная на берегу моря. О ней упоминается в нескольких сказках как об одной из стран времени первого творения {Чукотский поселок Lūren расположен на берегу Тихого океана, к северу от мыса Чаплина.}. Рассказ говорит, что приморский народ, живущий на этой земле, весь вымер от голода, осталось только двое -- взрослая девушка и ее маленький брат. Она кормила его толченым мясом. Когда он вырос, она стала просить его жениться на ней. "Если ты не женишься на мне, у нас не будет детей, -- сказала сестра, -- у нас не будет потомства, и земля останется без людей. Иначе ведь люди, не появятся, и кто увидит нас?.. Кто нам скажет: "позор!" Кто на всем свете узнает об этом... Мы совсем одни на земле". Брат сказал: "Я не знаю. Я чувствую, что это плохо. Это запрещено". Тогда сестра начала думать: "Как мне это сделать? Наша семейная линия оборвется вместе с нами". Далее следует описание того, как молодая женщина ушла далеко от своего шатра, построила новый шатер, совсем не похожий на их прежний, сделала всю домашнюю утварь и новую одежду для себя. Затем она вернулась и сказала брату, что видела на берегу моря чей-то шатер. Брат пошел искать этот шатер и нашел его. Его сестра была уже там. Она переменила одежду, изменила выражение лица, звук голоса. Он не узнал и принял за другую женщину. После некоторого колебания он сделал ее своей женой. Тогда началась жизнь в двух шатрах: сестра была здесь и там и с успехом исполняла свою двойную роль. Наконец, когда она была уже беременна, брат перестал думать о сестре и остался жить на новом месте. У них родился ребенок, затем второй. Семья разрасталась все больше и больше. От них произошли все люди, живущие на стойбищах и в поселках {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 174.}. Большинство браков между родственниками заключаются в детском возрасте, часто когда жених и невеста еще совсем младенцы. Над ними совершают свадебный обряд. Дети растут и играют вместе. Когда они становятся постарше, их посылают вместе пасти стадо. С течением времени такие супруги крепко свыкаются между собой. Узы, связывающие их, часто оказываются сильнее смерти: когда один из них умирает, другой тоже умирает от горя или кончает самоубийством. Браки между детьми заключают также и дружественные семьи, не состоящие в родстве по крови. Иногда такие семьи договариваются о браке между своими детьми еще до того, как родятся дети. Так, во время моего пребывания в районе Сухого Анюя двое знакомых мне чукоч заключили такое соглашение. Один из них имел трехлетнего сына, жена другого была в это время беременна, и будущий отец был уверен, что родится дочь. Они договорились, что дочка, когда ей минет три года, будет взята в семью мальчика, чтобы дети росли вместе {Заключение браков между детьми существует и у американских эскимосов, как отмечает Murdoch (Point Barrow Eskimo, стр. 410). Lucien M. Turner говорит: "Детей часто женят в очень раннем возрасте. Мае известно несколько случаев, когда два человека, чтобы скрепить свою дружбу, договаривались о браке между своими еще неродившимся детьми". Nelson также упоминает о том, что маленьких мальчиков женят на девочках (Nelson, стр. 291).}. Свадебный обряд должен был быть совершен на следующую осень после рождения дочки, во время первого осеннего убоя оленей {См. стр. 372.}. Однако чаще знаком закрепления дружбы между семьями служит обмен более взрослыми женщинами.

БРАК МЕЖДУ ЛЮДЬМИ НЕРАВНОГО ВОЗРАСТА

При обмене женщинами возраст их совершенно не принимается во внимание. Так, например, на реке Олой чукча, по имени Qьmьqəj, женил своего пятилетнего сына на двадцатилетней девушке. В обмен на нее он отдал племянницу, девочку лет двенадцати. Ее выдали замуж за человека, которому было больше двадцати лет. В подобных случаях неравного брака молодой муж, ставши взрослым, берет себе вторую жену и оставляет при себе первую. Об этом я буду говорить ниже {Такое явление существует и у американских эскимосов. Murdoch (Point Barrow Eskimo, стр. 411) упоминает о случае, когда невесте было около шестнадцати, а жениху около тринадцати лет. Жених еще не достиг возмужалости, а невеста имела связь с более взрослым мужчиной.}. Мне рассказывали про одного двухлетнего мальчика, у которого мать умерла от гриппа. Так как семье нужна была женщина-работница, то мальчика сразу же женили на взрослой девушке. Через некоторое время невеста родила ребенка от "товарища по групповому браку". Она кормила грудью двух детей -- сынишку и мужа. Чукчанки кормят детей грудью до пяти-шести лет. Когда я спросил, зачем эта женщина кормит грудью своего мужа, чукчи ответили мне: "Кто знает? Это, должно быть, такое заклинание, чтобы внушить молодому мужу любовь к себе" {Брак между взрослыми девушками и маленькими мальчиками встречается у многих народов более цивилизованных, чем чукчи. Между прочим он существовал у русских крестьян. До последнего времени в русских деревнях часто" заключались такие браки. Но так как у русских нет группового брака, то роль настоящего мужа падала на свекра. Это так называемое снохачество (от слова сноха). Свекор, выступающий в роли мужа, называется снохачом. В одном известном русском анекдоте говорится, что жители деревни купили новый колокол. Все хозяева собрались, чтобы поднять колокол на колокольню, но случилась какая-то заминка. Все их усилия были безуспешны. Тогда поп подумал и крикнул: "снохачи, отойдите". Руки снохачей, казалось ему, были слишком греховными для того, чтобы принять участие в таком святом деле. Но едва он сказал это, все поднимавшие колокол убрали руки, и колокол упал на землю. Они все были снохачи. В настоящее время этот рассказ, конечно, устарел. О таких случаях также и чукчи рассказывают не без насмешки. Во время, моей поездки по реке Россомашьей мне рассказывали, что чукча Jetьləqəj жил с женой своего младшего сына Atkajŋaw. Его соседи насмехались над ними и дали ему прозвище ьntaьrьnken (снохолюбец). Сожительство со снохой считается не очень приличным, в то время как групповой брак между женщинами и мужчинами одного возраста широко распространен.}.

Случаи брака между людьми неравного возраста встречаются в общем редко. Обмен женщинами составляет лишь небольшую долю всех заключаемых браков, а случаи браков неравных по возрасту представляют лишь незначительную часть этой доли. Сроки при обмене женщинами не установлены. Обмен совершается не сразу, допускается отсрочка даже на -- несколько лет. Иногда, однако, слишком большая отсрочка может послужить поводом к ссоре и превратить дружбу во вражду.

ОТРАБОТКА ЗА ЖЕНУ

Обычным способом получения невесты является так называемое ŋaun-dourgьn (буквально: "пастушество за жену"), т. е. обычай работать в качестве пастуха у будущего тестя в виде платы за невесту. Этот обычай, как указывает его название, по всей вероятности, сложился в силу условий кочевой жизни под давлением потребности в молодых мужчинах для ухода за стадом. Он напоминает библейский пример Иакова, который пас стада Лавана в течение ряда лет, сначала за Лию, потом за Рахиль. Этот обычай укоренился так крепко, что он существует под тем же названием и у приморских чукоч, несмотря на то, что у них нет никаких стад. У приморских чукоч жених просто живет у отца невесты и работает на него определенный срок. У оленных чукоч этот термин приобрел более широкое значение. Его применяют ко всем бракам, в которых юноша получает невесту не через посредство семейных связей, а собственным старанием. Прежде чем приступить к описанию браков посредством отработки за невесту, я должен сказать несколько слов о тех более романтических браках, при которых мужчина добывает невесту не посредством отработки, а путем преодоления целого ряда опасностей и победы над своими соперниками. Такие браки часто описываются в чукотском фольклоре.

Многие из этих рассказов с яркими и картинными подробностями описывают, как юноша уходит из своей родной земли и идет в далекие края искать невесту. По пути с ним происходят различные приключения. Некоторые рассказы начинаются с описания жизни одинокого человека, который никогда не видал другого человеческого существа, в частности женщины. В другой стране живет женщина, никогда не видевшая мужчины. Оба они чувствуют определенное желание, которого не могут понять. При встрече обнаруживается, что они не имеют самых элементарных сведений о том, как происходит любовь между мужчиной и женщиной. Это обстоятельство служит поводом для смешных и неприличных подробностей. В конце концов, путем взаимного наглядного обучения они становятся мужем и женой. Другие рассказы описывают приключения юноши, который достает себе невесту из враждебного стойбища или поселка. Во всех этих рассказах много внимания обращено на описание наружности невесты. Такое описание делается двояко. В рассказах одного типа невеста сидит во внутреннем пологе и шьет одежду из лучших пестрых шкур. Ни один мужчина не видел ее лица. Оно так ярко и красиво, что при одном лишь взгляде человек подвергается опасности умереть от "сладострастного трясения". Она ходит только по шкурам. Ночью, когда она идет на прогулку, под ее маленькие ноги кладут самые лучшие, мягкие шкуры. Когда жених увозит ее, она не может итти пешком, так как, происходя из богатой семьи, она привыкла ездить на оленях, даже выходя из помещения за естественной нуждой. Все это совсем не соответствует условиям жизни чукоч, таким простым, грязным и будничным. В некоторых рассказах невеста сидит взаперти в железном ящике без крышки. Юноша должен отыскать вход в него или открыть его и освободить пленницу. Родители обычно не хотят отдавать свою дочь, всячески сопротивляются искателю ее руки. Они задают ему много трудных и опасных задач. Некоторые задачи имеют шаманский характер, другие же близко подходят к тем испытаниям, которые предлагают женщинам в действительной жизни. Наиболее часто встречается требование привезти дрова из леса. В сказке об Attegьtkь и его товарищах герой и его двоюродный брат пришли в шатер к одному могущественному человеку, по имени "Земля", свататься за его дочь. В шатре собралось много женихов. Это Солнце, Месяц, Небо, Темнота, Мир, Восход, Закат. После обеда хозяин сказал: "Дрова у нас на исходе. Сходите и принесите хоть немного". Но достать дров было очень трудно. Нигде не было ни деревца. Только посреди моря стоял один большой ствол дерева. Он был длинный, как река. И все время не переставал двигаться, то поднимаясь над водой, то снова опускаясь и погружаясь в воду. Сильный Kelə (злой дух) спрятался в стволе этого дерева. Как только человек приближался к дереву с намерением отрубить от него кусок, дерево сбрасывало его, и он начинал тонуть. Все гости "Земли", посланные за топливом, были великими шаманами. Поэтому они выбрались из воды на противоположный берег и, идя по нему, вернулись обратно в шатер. Однако никто из них не сумел отрезать хотя бы кусок дерева для топлива. Герою рассказа и его двоюродному брату удалось обмануть бдительность Kelə. Они достали много дров и с торжеством пронесли их в шатер невесты {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 235.}.

В других рассказах родители скрывают от юноши местожительство невесты. Они ездят к ней ночью. Но все же он находит ее жилище, проникает туда в темноте и делает девушку своей женой. Она не сопротивляется ему, так как счастлива иметь мужа. Тогда родители дают согласие на брак. Более чем вероятно, что большая часть этих подробностей заимствована у более южных племен. Однако несомненно, что все эти подробности вполне соответствуют характеру чукоч. Они стали очень популярны и повторяются снова и снова в различных сказках. Интересно отметить, что в последние годы в семьях богатых приморских торговцев восточного побережья можно наблюдать попытки ввести в жизнь, правда, слабое подражание сказкам в этом отношении. Так, например, три дочери Quvar'a, эскимосского торговца из селения Ung Uŋasik, занимали положение такой заключенной красавицы. Хотя их не держали в железной коробке, но они безвыходно находились в большом спальном помещении шатра их отца. Разговаривая с чужими людьми; они делали вид, что они очень застенчивы и их трудно вызвать на разговор. Даже цвет лица у них сделался более нежный и белый, как и подобает заключенной красавице. Все свое время и внимание они отдавали шитью из мягких пятнистых шкур. Из этих шкур они приготовляли мужскую одежду лучшего качества. Одежду, конечно, продавали американским китоловам в обмен на сахар, муку и дешевую водку. Это, впрочем, не очень соответствует тону сказочных описаний.

В рассказах другого типа образ невесты рисуется в тонах более близких к действительности. Она сильна и горда. Не родители, а она сама оказывает сопротивление жениху. Ее нужно найти и завоевать силой и храбростью. В одном рассказе невеста живет в шатре с престарелыми родителями. Она отвергает женихов, предлагая им состязаться с ней в беге. Каждого из них она побеждает и отсылает домой. Однажды в ее шатер пришел юноша. Он воткнул свое копье в землю перед входом и вошел в шатер. Девушки не было дома. Отец спросил его: "Зачем ты пришел?" -- "Я хочу жениться. У вас есть дочь, но она горда и очень быстро бегает. Она приглашает всех просящих ее руки состязаться с ней в беге". Старик посмотрел юноше в лицо и спросил: "Неужели она победит и тебя?" -- "Не знаю, может быть, она и победит", -- ответил он. Вскоре девушка вернулась из стада. "О, о... чье копье стоит здесь перед нашим входом?" Ее мать сказала: ""Не говори так громко".-- "Нет, нет, пусть он победит меня в беге". Она зашла в шатер. У нее длинные и тяжелые косы. Они доходят ей до лодыжек и почти метут по земле. Она сразу переодевается в беговую одежду: надевает штаны и куртку. Отец говорит ей: "Он устал и не может сейчас бежать".-- "Нет, нет, дайте нам бежать сейчас же". Они вышли из шатра и побежали. Девушка намного опередила своего соперника. Она пересекла последний холм, лежащий на пути к их цели. Она бежала уже по обратной дороге. Оба бежали обратно, но все же она была впереди. Сбегая по склону холма, она сказала, опять вызывающим тоном: "Не можешь ли ты обогнать меня хоть здесь?" -- "Нет, я слишком устал". Но пальцы его ног упирались в ее пятки. Он тоже бежал очень быстро. Когда они спускались со следующего склона, он уже догнал и перегнал ее. Затем он побежал вперед быстрее, чем стрела. Длинная красная кисточка на его спине вытянулась как трость. Две косы девушки также вытянулись как две стрелы. Он посмотрел на нее через плечо и побежал еще быстрее. На сердце у него стало легче. Когда он опять оглянулся, она была далеко позади. Тогда он схватил за конец свой беговой посох и поднял его вверх, как будто рог дикого оленя. Он завертел посохом в воздухе так же, как дикий олений бык трясет рогами во время течки. Девушка закусила губу, но не может догнать его.

Вернувшись домой, девушка снимает свою одежду для бега, развязывает обувь юноши и помогает ему раздеться. Она дает ему свою собственную беговую одежду. Затем она отрезает длинную красную кисть его меховой рубахи и пришивает ее к своей повседневной одежде. Всю его одежду она сжигает. Затем говорит отцу: "В эту ночь я не пойду к стаду".-- "Хорошо",-- говорит отец. Она приготовляет ужин и приносит его во внутренний полог. После ужина она стелет постель в углу полога. Она расстилает несколько мягких шкур, кладет изголовье и приносит одеяло из новых пыжиков. Затем она помогает юноше раздеться и говорит: "Ложись спать". Она покрывает его одеялом, потом тушит свет, снимает свое платье и ложится с ним рядом {Богораз, "Чукотские материалы"; стр. 251.}.

В некоторых рассказах этого типа родители девушки всячески стараются, чтобы юноша победил, к помогают ему покорить сердце непреклонной красавицы. В других рассказах соседи, живущие в том же стойбище или в том же поселке, стараются убить юношу. Некоторые рассказы описывают приключения юноши, пришедшего на чужое стойбище или в чужой поселок. Его приютила семья, живущая в самом бедном шатре. Он женится на дочери своего хозяина. Тогда хозяин главного шатра {"Переднего шатра хозяин", см. стр. 142.} или, в других рассказах, братья невесты, живущие в соседних шатрах, или даже все жители поселка говорят: "Давайте, поиграем с этим женихом". Следует ряд поединков и всяких других состязаний. Пришелец обычно отовсюду выходит победителем. После этого он берет жену и возвращается к себе на родину.

В старину браки между людьми из разных стойбищ или поселков действительно могли сопровождаться такими приключениями и трудностями. В чукотских рассказах широко практикуется обычай встречать новоприбывшего человека трудными испытаниями мужества и физической силы, даже в случаях, не имеющих отношения к браку. Испытания устраивает "переднего шатра хозяин". Они проводятся в "переднем шатре". Многие авторы отмечают существование этого обычая у американских эскимосов. Franz Boas (Central Eskimo, стр. 609) говорит: "Когда в эскимосский поселок приезжает человек, неизвестный жителям этого поселка, в честь его приезда они устраивают праздник. Приезжий медленно подходит, сложив руки на груди и повернув голову вправо. Тогда кто-нибудь из жителей поселка изо всей силы ударяет его по правой щеке и, в свою очередь, поворачивает голову, ожидая удара. Остальные в это время играют в мяч и поют. Такое состязание продолжается до тех пор, пока один из них не будет побежден. Смысл этого обычая, по объяснению туземцев, заключается в том, что два человека при встрече хотят узнать, кто из них сильнее и выносливее". "Поразительно сходство этого обычая с существующим в Гренландии",-- добавляет, автор. Не менее поразителен факт, что тот же самый обычай при встрече со всеми подробностями, в той же последовательности их описывается во многих популярных чукотских сказках, с той лишь разницей, что эскимосы устраивают праздники в особом помещении, а соответствующие чукотские праздники производятся в шатре главной семьи поселка. Впрочем, в старину жители многих чукотских поселков пользовались передним шатром главной семьи как постоянным помещением для устройств праздников.

Браки романтического характера можно наблюдать и в наши времена. Так, когда я проезжал по реке Россомашьей, я встретил однажды чету молодоженов. Мать молодой жены рассказывала мне: "Это была необычайная свадьба. Два года тому назад мой сын проезжал на оленях мимо их стойбища. Это было в начале весны. Небо было ясное, и его мысли еще яснее. Его сердце было полно радости, а табаку у него не было, поэтому, проезжая, он попросил: "Девушки, дайте мне покурить". Одна девушка ответила: "Мы не дадим тебе, пока ты не распряжешь оленей и не привяжешь их к столбу". Тогда он выпряг оленей из нарты и привязал их к столбу. "Теперь, девушки, дайте мне покурить". Та же девушка сняла упряжь с оленей и прогнала их в лес, где паслись олени этого стойбища. Поэтому моему сыну пришлось "остаться здесь ночевать, на следующее утро юноша и девушка ушли к стаду и пробыли там три дня. Кто знает,-- прибавила старуха,-- может быть, все это случилось для того, чтобы у нас был младенчик". Но братья девушки принадлежали к богатой семье. Они не хотели отдать сестру за бедного юношу. Тогда у молодой пары началась необычайная жизнь: время от времени они встречались и жили вместе, а затем разъезжались по своим стойбищам. Братья пробовали спрятать девушку на отдалённых стойбищах своих родственников, но юноше всегда удавалось найти ее и пробыть с ней день или два. Следующей весной молодая пара убежала со стойбища родителей девушки и, в свою очередь, пыталась спрятаться, о их вскоре нашли. Мир был заключен через посредство русского торговца, приятеля матери молодого мужа. Он поднес братьям девушки две бутылки водки. Юноша заплатил за них двойную цену, но зато его жену оставили у него.

Желая получить себе жену путем отработки, юноша прежде всего должен убедиться, что его искания будут встречены благоприятно. Иногда он просит одного из своих друзей сходить на стойбище предполагаемой невесты и поговорить с ее старшими родственниками относительно их отношения к его сватовству. Родители девушки отвечают по возможности кратко и в общих словах. Все же, если не последовал определенный отказ, юноша может притти и попытать счастья.

В других случаях применяются более непосредственные переговоры. Отец или дядя жениха идет в шатер невесты и просит разрешения начать сватовство. Эта предварительная просьба выражается при помощи различных производных от глагола ŋewewgirkьn ("он просит жену"). Посланный жениха начинает с того, что идет в лес и приносит большую связку дров. Это одна из наиболее неприятных обязанностей в чукотском хозяйстве. Гости ее никогда не исполняют, а только домашние работники и соседи-бедняки, а также, разумеется, женщины. Тем самым посланный жениха показывает, что тот является женихом и хочет принять участие в хозяйственных делах семьи. После этого начинается первый разговор. Обычно отец невесты делает вид, что он недоволен сватовством. Он старается припомнить все, что могло послужить поводом к ссоре, а следовательно, к отказу в сватовстве. Так, например, чукча Mewet, в районе Сухого Анюя, рассказывал мне, что его тесть жестоко издевался над его отцом, пришедшим сватать сына. Тесть был сердит на Mewet'a. Несколько месяцев до этого им случилось вместе проезжать на оленях. Mewet обогнал старика. Чукчи очень ревнивы к быстроте своих оленей. Поэтому считается довольно невежливым со стороны юноши ехать быстрее, чем старик.

Юноша, наметив себе невесту, должен быть очень почтительным и вежливым с ее отцом. "Просьба о жене" длится несколько дней или даже недель. Все это время посланный жениха, независимо от его возраста, принимает участие во всех хозяйственных работах семьи: приносит дрова, помогает пастухам пасти стадо. В это же время он старается приобрести расположение хозяина, который держится неприступно, гордо. Посланный хвалит жениха и всю его семью и не хочет отстать, несмотря на недовольство, высказываемое хозяином. В конце концов отец невесты уступает и говорит: "Ну, что делать? Иди домой. Довольно". Или что-нибудь в этом роде. Таким образом получен утвердительный ответ {Обычай посылать особых сватов к родителям невесты существует также и у тлинкитов.}. В иных случаях это считается концом сватовства, и жених может притти и взять свою невесту. Но в большинстве случаев даже и после этого жених лишь получает право притти в шатер своей невесты с тем, чтобы продолжать сватовство. Еще чаще жених приходит сам, без посылки сватов. Он также начинает с того, что приносит из лесу вязанку дров. Он старается сделать свою вязанку как можно больше, чтобы показать свою силу и выносливость {Вязанка дров является необходимой частью сватовства у всех племен Берингова моря. Лисянский ("Путешествие вокруг света", II, стр. 79) говорит, что среди населения о. Кадьяка существует следующий обычай сватовства: "Жених проводит ночь со своей невестой. Утром он должен встать очень рано и принести дров из лесу. Это считается очень важным, так как большая часть острова совсем безлесна и достать дров очень трудно".}.

Затем начинается его испытание. Оно длится в течение одного лета, а иногда два и три года. Все это время жениху приходится очень тяжело. Он встает утром раньше всех и ложится спать поздно ночью. Часто ему даже не дают места в спальном пологе, и он ночует в переднем шатре или под открытым небом. Большую часть времени он проводит около стада. Он носит тяжести, таскает нагруженные нарты, чинит всю домашнюю утварь. Он должен угождать отцу невесты, ее старшим братьям и всем родственникам-мужчинам. Если кто-нибудь из старших членов семьи выскажет ему свое недовольство или даже обругает его, он должен терпеливо снести брань и далее согласиться с упреком, выказав при этом почтительность. Если же родители невесты вспыльчивы и раздражительны, что свойственно характеру чукоч, бедному жениху часто приходится оставаться без крова и пищи. В том случае, если невеста любит его, она всячески старается скрасить ему жизнь. Время от времени она тайно подкармливает его. Иногда же ему просто приходится воровать себе пищу, украдкой съедая ее, чтобы кто-нибудь не увидел и не донес будущему тестю. При всем том даже после двух или трех месяцев тяжелой работы он может получить отказ, неожиданный и бесповоротный. "Тут не на что сердиться,-- говорили мне чукчи, -- а только слабодушный подчинится и уйдет... Сильный человек останется и будет работать без пищи, без спального места и даже без всякой надежды". Отстать и вернуться домой без невесты считается весьма унизительным для неудачливого жениха. Отец его скажет: "Значит, ты действительно плох. Если бы ты был хорош, то тебя не выгнали бы так просто". Обычно после нескольких месяцев отработки отец невесты смягчается и облегчает условия жизни жениха. С этого времени его уже не прогонят без какой-нибудь серьезной причины. Он начинает также настаивать на своих супружеских правах, и обычно ему удается добиться признания их еще через несколько месяцев. Конечно, это в большей степени зависит от самой невесты. Однако отец следит за своей дочерью. Так, например, ночью, когда жениху уже разрешается ночевать в спальном пологе, отец велит дочери ложиться в углу полога, и сам ложится рядом с ней, чтобы жених не мог к ней пробраться. Мне рассказывали несколько случаев, когда жених старался насильно стащить девушку с ее места около отца или же пытался овладеть ею, когда все засыпали. Такие поступки не считаются, однако, серьезной обидой. Как только жених стал фактическим мужем, он естественно начинает думать об устройстве своего шатра и стада и старается скорее увезти жену к себе. Именно поэтому отец невесты, наоборот, старается оттянуть совершение брачного обряда, особенно если у него не хватает пастухов и помощь жениха необходима ему. В некоторых рассказах "жених, пришедший издалека", после того как он преодолел все препятствия, встретившиеся на его пути, долгое время живет в семье молодой жены. И лишь через несколько лет, когда у супругов уже есть дети, он начинает думать о возвращении на свою родину. Тогда тесть дает ему часть своего стада и помогает ему вернуться. Даже в настоящее время чукчи считают, что молодому мужу полагается остаться у тестя два или три года, "пока его радость в жене еще сохраняет свежесть". Но не очень почтительный зять остается у своего тестя только полгода. Дальше он задерживается лишь в случае, если у тестя большое стадо и есть вероятность получить в дальнейшем хоть часть его.

Если зять увозит жену, сохранив добрые отношения с ее отцом, ему дают оленей. Число оленей в известной степени зависит от качества работы, которую он исполнял ранее, живя в семье тестя. Чем лучше он работал, тем больше вознаграждения получит он от своего тестя. Жена также берет несколько оленей, которые еще со времени ее детства были отмечены ее собственным тавром. Мне рассказывали, что богатые оленеводы иногда дают своим зятьям "свободу на один день": это значит, что в течение одного дня зять может беспрепятственно ловить любых оленей из стада и ставить на их ушах свое тавро. Все помеченные им олени становятся его собственностью.

В тех случаях, когда юноша из богатой семьи женится на девушке из бедной семьи, срок отработки совершенно сводится на-нет. Отработка за вторую жену вовсе не существует. Человеку пожилому, уже имеющему одну жену и детей, конечно, невозможно бросить свой шатер и стадо для того, чтобы начать отработку за вторую жену. Поэтому обычай отработки существует только для молодых женихов. Если жених богат, то он легко получает согласие на брак своего будущего тестя. Однако, по мнению чукоч, нельзя платить за невесту, "как если бы она была оленем". Чукчи резко осуждают тунгусов и якутов за то, что те платят за невесту оленями, шкурами и деньгами. Богатые оленеводы заключают с отцом невесты условие о браке в более деликатной форме. Жених дает отцу девушки несколько оленей, но это отнюдь не плата за невесту, а "радостный подарок". Подразумевается радость жениха по поводу предстоящей женитьбы. Еще чаще жених предлагает бедной семье своей невесты пожить на его стойбище и питаться от его стада. Если будущие родственники не соглашаются на это, боясь возможной ссоры со стар шей женой зятя, то они разбивают свое стойбище где-нибудь вблизи и время от времени получают от него в подарок живого или битого оленя. Однако мне известно несколько случаев, когда богатые пожилые люди, имевшие уже семью и хозяйство, принимали на себя и несли все тягости отработки за вторую жену.

УСЫНОВЛЕННЫЕ ЗЯТЬЯ

Зять, усыновленный семьей тестя, получает жену более легким способом, чем тот, который приходит отрабатывать за нее. Чукчи называют такого зятя vata itɬlən ("постоянный жилец"). Я уже говорил о юношах -- бедняках из оленеводческих или приморских семей, которые приходят к богатым оленеводам и работают у них пастухами. Большая часть женится на дочерях своих хозяев и становится приемными зятьями. Некоторые из них с самого начала являются в качестве женихов. Другие же, которые еще не решились пожертвовать своей свободой, начинают как пастухи, прежде чем занять положение жениха, и стараются ближе познакомиться с семьей хозяина {Подобный же обычай усыновления жениха семьей невесты существует также у американских эскимосов. Nelson (стр. 291) говорит: "Юноша может выбрать семью, в которой есть девушка и в которой он хотел бы жить. Его усыновляют, и все обязанности по отношению к отцу переносятся на его приемного отца".}.

Как уже отмечено выше, жениху приходится очень много работать и переносить всякие лишения и трудности. Вполне естественно поэтому, что юноша, прежде чем занять положение жениха, тщательно взвешивает все возможные для него выгоды. При этом многое зависит от положения в семье невесты. Часто бывает, что хозяин выдает замуж не дочь, а племянницу или же бедную родственницу, живущую в семье на "положении служанки. Ясно, что женитьба на такой девушке не обещает больших выгод. Как бы то ни было, время испытания для будущего приемного зятя значительно короче, чем отработка для независимого жениха. Если в семье есть несколько взрослых дочерей и в то же время чувствуется недостаток в мужской силе, то отец нередко сразу усыновляет пришлого жениха, дает ему супружеские права по отношению к своей дочери. Но все же усыновленный зять должен много работать и быть во всех отношениях безукоризненным, по крайней мере, первые два-три года. Жену ему дают для того, чтобы привязать его крепче к семье и этим увеличить рвение к работе. Но это совсем не значит, что семья берет какие-нибудь обязательства по отношению к нему. Даже после того как у его жены родится ребенок, его могут выгнать, если он подаст какой-нибудь повод к недовольству. С другой стороны, юноша, принятый в семью, имеет право, прожив целый год, уйти, даже в том случае, если у него есть ребенок. Положение его в семье становится устойчивым лишь после того, как он проживет несколько лет в семье жены и результаты его работы скажутся на состоянии стада, в котором некоторое количество оленей уже помечено его собственным тавром. Лишь тогда он получает право голоса в семейных делах.

Положение усыновленного зятя подробно описывается во многих рассказах. Так, например, в приведенной уже выше ссылке {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 251.} юноша, победивший девушку в беге, остается у нее в семье в качестве усыновленного зятя. На следующее же утро после своей женитьбы он идет к стаду и берет на себя все заботы о нем. Его молодая жена, на обязанности которой до этого времени лежали заботы о стаде, уже может остаться дома. Юноша возит по стаду своего тестя на маленькой нарте. Он тащит ее по моховищу. Но старик для него слишком легок, и он вырубает толстый пень с развилистыми корнями и подвязывает его снизу к нарте, чтобы сделать ее тяжелее. На следующий год человек из соседнего стойбища, который исцарапал лицо девушки кончиком ножа, устраивает бега. На этих бегах молодой муж вызывает обидчика на борьбу, побеждает его и разрезает на узкие полоски его веки, ноздри, губы и уши. Затем юноша отправляется на море и привозит огромный запас морского мяса и жиру. Он принес на спине большую тушу моржа. Когда моржа свежевали, отец сказал: "О, моя дочь действительно счастлива: она отказала многим женихам и нашла самого лучшего".

ПОХИЩЕНИЕ ЖЕНЩИН

В древние, более воинственные времена были часты случаи похищения женщин. Однако почти во всех рассказах похищение чукчанок совершают люди из другого племени, -- Tanŋɬ, злые духи, также орел, кит, ворон и так далее. Один из таких рассказов, повесть об Elendi и его сыновьях, дает очень интересное описание похищения женщин. "Жили пять братьев и две сестры" Когда девушки черпали воду, их серьги звенели, а также браслеты из металла у запястья и у локтя. Набрав воды, они медлили уходить, принимались болтать между собой и смеяться. Их волосы, заплетенные в косы, свисали донизу. Двое юношей tanŋɬ незаметно подкрались к ним по берегу реки. Они поймали их обеих, каждый схватил по одной. "Идемте с нами", -- сказали они. Девушки отказывались. Похитители стали размахивать копьями над их головами. Тогда девушки испугались и пошли за ними. Один из похитителей сказал им: "Этой дорогой отправимся, но не вздумайте пытаться бежать от нас". Девушки не могли итти потому, что они были из богатой семьи и не привыкли ходить пешком. Они сели на землю. Юноши сели рядом с ними. Все заснули. Однако сестры не могли ни спать, ни ходить. Их ноги болели, они скучали по дому. Мужчины спали. Недалеко впереди, под горой, виднелся огромный сугроб, старый, затвердевший от летнего ветра. Одна сестра сказала другой: "Пойдем туда, попробуем разрыть сугроб и спрятаться в нем. Они тогда уйдут без нас; иначе они убьют нас; мы уже не можем дальше итти".

Старшая сестра взяла нож у одного из спавших мужчин. Они подошли к сугробу, разрыли его ножом и вырыли под ним в земле глубокую яму, вроде лисьей норы. Старшая сестра велела младшей залезть в нору, затем закрыла ее землей и снегом и уничтожила все следы своей работы, так чтобы снег казался нетронутым. При этом она сказала: "Я пойду с ними. По крайней мере, ты сумеешь вернуться домой. Пока они еще здесь, ты должна сидеть тихо. Когда солнце поднимется совсем высоко и мы уйдем все трое, ты можешь выйти отсюда и пойти домой. Младший из братьев очень хочет, чтобы я была его женой. Пусть он возьмет меня, но ты иди домой". Она ушла обратно к мужчинам и положила нож на прежнее место. Затем она легла и притворилась спящей. Когда весеннее солнце начало подниматься, мужчины проснулись. "Ах, ах, где же другая девушка? Она убежала, и мы не заметили этого". Другая девушка продолжала притворяться спящей. Юноши пробовали разбудить ее, но она все спала. Наконец она сделала вид, что проснулась. "Где же другая девушка? Ведь она лежала здесь рядом? Что ты с ней сделала? Вы ведь спали бок-о-бок". -- "О, ведь вы -- мужчины, почему вы не посмотрели за ней? Я так устала, я не могла даже ходить. Но почему вы тоже уснули так крепко?" Юноши молчали. Затем один из них сказал: "Ладно, пускай та идет, куда хочет, мы возьмем хоть эту одну. По крайней мере, хоть эта в наших руках". -- "Подожди,-- сказал другой, -- посмотрим вон там за сугробом". У девушки от страха задрожало сердце. "О,-- сказала она про себя, -- они убьют ее". --"Пойдем, посмотрим в том снегу". Они подошли к сугробу. Как раз в то время дул теплый ветер и снег начал таять. Глубокие отверстия были видны в сугробе. "Что это за дыры?" -- сказал один. Он сунул в снег копье -- однажды и дважды и трижды, чуть не ранил девушку. Она была там, но извивалась, как рыба, и избегала копья. Он снова всунул в снег копье и наконец ранил ее в мякоть. Она закусила себе губу и зарылась в землю, как раненая лисица. Ее сестра сидела около сугроба и беззвучно плакала. "Ага, почему ты плачешь?" -- "Не знаю" -- "Нет, нет, та, должно быть, тут же. Почему эта плачет?" -- "Лжешь ты, -- сказала девушка.-- Разве только ты сам спрятал ее туда. Чем мы могли вырыть яму в таком снегу? Ногтями? Видели вы у нас в руках ножи?" -- "Тогда о чем же ты плачешь?" -- "Мне страшно итти к вашим людям, поэтому я и плачу. "Быть среди вас бессловесным, немым пришельцем -- это слишком тяжело для меня. Я в первый раз вижу людей из вашего народа. Вчера я едва шла от усталости, а вы тащили меня дальше. Я заплакала потому, что вспомнила это. И кроме того, я надеялась, по крайней мере, быть вместе со своей сестрой и видеть лицо моей подруги. Но теперь я совсем одна. При мысли об этом я плачу". Другая девушка слушала весь этот разговор из своего убежища. Юноши стали говорить между собой. "Должно быть, она говорит правду. Той здесь нет. Мы истыкали копьями весь сугроб, должно быть, она убежала домой. Пойдем. Бесполезно оставаться здесь". Они пошли дальше, не найдя беглянки. Девушка сказала: "Теперь я не пойду впереди, мне легче итти за вами сзади". Когда солнце стало садиться, беглянка уже не могла ждать. Она сказала: "Они наверное уже ушли". Она вылезла из снега и пошла домой. Две ночи она провела на тундре -- измученная, хромая, вся покрытая кровью. Когда она пришла домой, младшего (братане было там. Он ушел искать сестер. Остальные братья бросились целовать ее. "Где твоя сестра?" Она ничего не сказала, даже не показала им своей раны. При расставании старшая сестра сказала младшей: "Тот, кто больше всех меня любит, пойдет за мной". Младший брат не мог заснуть. "Где моя сестра?" "...Раненая сестра сказала себе: "О своей ране я расскажу ему завтра. Я не хочу лишить его покоя. Пусть он хоть немного поспит этой ночью". Младший брат был очень сильный и быстро бегал. Утром она сказала ему: "Мне очень стыдно "сказать тебе, ноя не могу ходить".-- "Почему тебе стыдно, разве я давал тебе повод бояться меня? Или ты думаешь, что я не буду слушать того, что ты мне расскажешь? Почему же ты стыдишься?" Тогда она показала ему свою рану и дыру в одежде. "Смотри",-- сказала девушка. Юноша тяжело вздохнул: "О, о, зачем они ранили женщину? Если бы они ранили мужчину, это было бы легче перенести. Стыдно ранить женщину". Затем он сказал своим братьям: "Пойдемте, догоним их". Братья сказали: "Подожди, не сейчас, мы еще не готовы". -- "О, пойдемте, я не могу ждать. Это слишком плохо. С той минуты как я увидел рану сестры, я не могу оставаться здесь. Я -- мужчина. Я пойду". Братья сказали: "Мы переночуем дома только одну ночь". Младший брат всю ночь не мог спать. Он ходил взад и вперед. Рано утром он подошел к братьям и сказал: "Пойдемте скорей. Я зову вас на войну с теми чужими людьми. Большой гнев вошел в мое сердце. С вашей помощью я буду силен".

Затем следует описание нападения пятерых на стойбище, похитителей. Они перебили их всех, взяли их стадо и вернулись вместе с сестрами {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 339.}.

Я уже отмечал, что этот рассказ описывает похищение чукотских девушек людьми с чужого стойбища. Однако, по преданиям, похищение девушек практиковалось и внутри чукотского племени, и не дальше, как сорок, пятьдесят лет тому назад. У чукоч существует даже специальный термин, означающий похищение девушки -- ŋaungьnteweerkьn ("он похищает женщину").

Мне рассказывали, что в старину группа юношей ловила девушку на тундре, связывала ей руки и ноги и относила ее в шатер того, кто наметил ее себе в жены. Так поступали люди не только из чужих семей, но и родственники, например, двоюродные братья, в случае, если они посватались и получили отказ от отца девушки. Однако похищение девушки не являлось серьезной причиной для непримиримой борьбы между семьями. Спустя некоторое время родители девушки приходили к похитителю и требовали выкуп за свою дочь. В качестве выкупа им давали женщину из семьи похитителя, а не оленей, как обычно.

В случае, если родители девушки сразу же пускаются в погоню, похититель прежде всего должен поторопиться с совершением свадебного обряда. Он должен совершить помазание -- если не жертвенной кровью, то, по крайней мере, золой семейного очага. Кроме того, он немедленно приказывает одной из женщин своего очага итти в семью похищенной девушки в качестве выкупа. Только таким путем можно избежать кровопролития при встрече враждующих сторон.

Даже в настоящее время случаи похищения женщин не редки. Так, например, мне рассказывали, что на западной колымской тундре Əttьgьn, богатый оленевод, которого исправник назначил князцом, пожелав жениться во второй раз, похитил девушку со стойбища ее отца, Kьmьlgьn. Похититель и его два брата пришли на стойбище Kьmьlgьn'a и сильно избили старика. Затем, так как девушка царапалась, как кошка, они завернули ее в покрышку от шатра и крепко обвязали ремнями. Лет через пять после этого я попал на стойбище Əttьgьn. Но это приключение было замято и забыто. У похищенной красотки было уже двое детей. Муж отдал ей свое второе стадо оленей, и она жила отдельно. С ней жил оскорбленный отец. Əttьgьn даже пытался отрицать обстоятельства, сопровождавшие его вторую женитьбу, и никто не противоречил ему, по крайней мере, в его присутствии.

БРАК УХОДОМ

В настоящее время брак уходом встречается чаще, чем похищение женщин. Я уже отмечал, что у чукоч, так же как почти всюду, существует принуждение со стороны родителей при выборе жениха. Случается, что девушка предпочитает покончить самоубийством, чем выйти замуж против своего желания. Наряду с этим часто заключаются браки по любви, против воли родителей. Однако все случаи таких браков, которые мне известны, имели место в слабых и малолюдных семьях. Сильная семья жестоко отомстила бы за такую обиду, во всяком случае постаралась бы отобрать женщину, или же получить другую женщину в виде выкупа. Мне известен случай, когда одна девушка, в районе р. Сухого Анюя, убежала из своей семьи к кочующему приморскому торговцу. Это был уже пожилой мужчина, имевший двух жен. Он был силен, здоров и смел, -- как и подобает чукотскому странствующему искателю приключений. У девушки не было отца. Она жила с братом и теткой. Брат ее, вполне взрослый, был немного моложе ее. Беглянка исчезла так быстро, что брат, даже если бы захотел воспрепятствовать ее побегу, ничего не мог бы сделать. Другой случай произошел почти что в моем присутствии. Однажды я ехал из русских поселков на Нижней Колыме в глубь тундры вместе с несколькими чукчами. Они ездили к русским с торговыми целями и теперь возвращались на свои стойбища. Среди них был некто Ðьгоn, юноша с очень вспыльчивым и буйным характером. О нем я уже упоминал выше. Вместо того чтобы продать свой товар, он проиграл все в карты. Между прочим он проиграл несколько шкурок молодых оленей, посланных с ним. на продажу его соседями по стойбищу. Он проиграл даже одного из упряжных оленей, и теперь у него был запряжен только один олень. Ðьгоn был очень хороший ходок, и почти всю дорогу он шел пешком, быстро и легко, как олень. Однажды вечером, когда мы подъехали к стойбищу Ðьгоn'a, нам рассказали, что его сестра убежала из дому к Məwet'y, с которым у Ðьгоn'a была давняя ссора. Молодую женщину уже два раза отнимали от мужа. Насколько мне известно, вражда между Ðьгоn'ом и Məwet'ом разгорелась из-за нее. Услышав, что сестра ушла, Ðьгоn так рассердился, что в ту же ночь отправился на стойбище Məwet'a, взяв с собой копье и длинный поясной нож. Нарту и оленя он оставил позади на стойбище и пошел пешком, пылая жаждой мщения. Однако ничего ужасного не случилось. Ðьгоn был очень беден, а Məwet был хозяином большого стада оленей. На следующий год, когда я снова встретил Ðьгоn'a в русском поселке на Колыме, он, как обычно, играл в карты, причем между другими вещами он ставил на карту шкуры пыжиков, посланных на продажу его зятем, Məwet'ом.

СМЕШАННЫЕ БРАКИ

Оленные чукчи, по крайней мере, в настоящее время весьма склонны жениться на женщинах из чужих племен. "Мы хотим знать их вкус, -- весьма цинично заявил мне ранее упомянутый Əttьgьn, -- мы ведь любители". В полосе, пограничной с коряками, оленные чукчи и коряки легко смешиваются между собой посредством браков. Этому способствует также и то, что их язык и образ жизни почти одинаковы. В этом районе вы можете встретить много семей смешанной чукотско-коряцкой крови. Невозможно даже сказать, к какому именно племени они принадлежат. Различить их очень трудно еще и потому, что и чукчи и коряки называют себя одинаково -- Cawcu, а друг друга -- Tanŋьtan {Ср. стр. 3.}. Часты браки между чукчами и оленными чуванцами. Еще чаще, как уже было отмечено, смешанные браки между чукчами оленными, приморскими чукчами и эскимосами. Мне известно несколько случаев брака между чукчами и тунгусами или ламутами. Смешанные браки с тунгусами заключаются двояко. В первом случае богатый чукча, женясь на тунгусской девушке, уплачивает за нее живыми оленями, согласно тунгусским обычаям. Молодая жена по большей части принимает чукотский образ жизни, во всем сильно отличающийся от тунгусского. Лишь немногие тунгусские женщины продолжают придерживаться своих прежних обычаев и обрядов, и тогда жизнь семьи имеет двойной характер. Зимой они живут в чукотском "настоящем шатре", запрягают оленей в чукотскую нарту и так далее. Летом они живут в тунгусском шатре, ездят верхом на оленях, охотятся на диких оленей и горных баранов. С женой-тунгуской приходит и вся ее семья, голодная и беззаботная, часто приходит и весь род, рассчитывая на помощь своего богатого родственника. Поэтому даже очень богатый чукча после женитьбы на тунгусской женщине через некоторое время заметно беднеет. Почти невозможно отказать родственникам тунгусам, которые просят убить им оленей на мясо. Ведь они постоянно стоят на рубеже голодной смерти. Зять -- оленевод должен помогать им, часто против своего желания.

Вторую категорию таких смешанных браков представляют тунгусы -- мужчины, женившиеся на чукотских женщинах. Молодой тунгус, устав от голодной жизни тундренного охотника, приходит на чукотское стойбище. Его принимают сначала как пастуха, потом он становится приемным зятем. Зажиточная чукотская семья, в которой нехватает мужских пастухов, не спрашивает пришельца, к какому племени он принадлежит; от него требуется только бдительная охрана стада. Я знал одну тунгусскую семью на Сухом Анюе, состоявшую из пяти взрослых братьев. Все они женились на чукотских девушках. Во время моего посещения у каждого из них было большое стадо, полученное за женой. Конечно, такие тунгусы усваивают чукотский образ жизни, и очень редко их дети говорят на языке своих отцов. Женщине труднее отказаться от своего образа жизни и усвоить обычаи чужого племени. Поэтому, попав в чужую семью, чукчанки и там принимаются вести хозяйство так, как они привыкли. Я не знаю, пожалуй, ни одного случая, чтобы чукотская женщина, выйдя замуж за тунгуса, перешла в его семью, приняв во всем тунгусский уклад жизни. Все, что было сказано относительно тунгусов, можно повторить и в отношении браков чукоч *с* юкагирами Западной Колымской тундры. Юкагиры еще беднее, чем тунгусы. Для юкагирского юноши является несомненным счастьем, если его примет в зятья какая-нибудь оленеводческая чукотская семья.

Мне известно около двадцати случаев брака между чукчами и русскими мещанами или обрусевшими туземцами. Половина этих случаев относится к настоящему времени, половина к недавнему прошлому. Я посетил одну за другой все смешанные чукотско-русские семьи в разных частях чукотской территории. В подавляющем большинстве случаев русская или обрусевшая женщина вышла замуж за чукчу. Все эти женщины вышли из очень бедных семей. Брак с оленеводами служил им средством хотя бы на время избавить семью от постоянной голодовки. За некоторых из этих женщин уплатили по двадцати и тридцати убитых оленей, за других же -- только по два или по три. Семьи, к которым они принадлежали, в большинстве случаев жили на границе чукотской области и находились в постоянных сношениях с оленеводами. Не следует забывать, что молодым чукчам не составляет труда добиться благосклонности русских девушек. Достигается это посредством легких подарков или даже без них. Все же различие между бытом русских рыболовов, живущих в теплых деревянных домах у края лесотундры, и жизнью чукотских оленеводов, обитающих в безлесной тундре в холодных открытых шатрах, очень велико. Зимой эти русские женщины, закутанные в косматые чукотские одежды, довольно беспомощны. С точки зрения чукоч, они -- никуда негодные работницы и хозяйки. Ни одна из них не умеет с достаточной силой и терпением сбивать снег с меховой оболочки спального полога. Работа русской женщины в районе Колымы несравненно легче, чем работа чукчанки. Русские родственники и соседи издеваются над женщинами, отданными "дикарям". Брак их считается унизительным и постыдным. Однако сами женщины, быть может, для того чтобы отстранить насмешки, с большей энергией принимаются за новое хозяйство и даже с некоторым презрением говорят о своей прежней жизни на берегу реки. Я помню одну из них, у которой мне пришлось побывать как-то в середине зимы. Было очень холодно. Рано утром она вышла из шатра, одетая в обычную "комбинацию" из шкур, чукотского покроя, наполовину открывшую плечи и шею. Лицо ее посинело, пальцы одеревенели; она могла сохранить хоть немного тепла, лишь непрерывно двигаясь и работая, и все же она хвалила свою жизнь. "Там на реке люди голодают,-- сказала она, -- а наша еда сама вокруг нас на ногах ходит". Однако все женщины, вышедшие замуж за чукоч, сознаются, что первые месяцы жизни на тундре для них были очень тяжелы. Молодая хозяйка не знает ни языка, ни уклада жизни, ее тянет обратно на реку. Все время она плачет. Тогда муж, бывало, вызывал старую знающую женщину, та произнеся заклинания, эти заклинания уносили горе и делали женщину пригодной для новой жизни. Русские женщины, живущие на реке Колыме, говорили, что чукотские колдуньи своими заклинаниями вынимают русскую душу и вкладывают на ее место чукотскую душу. Поэтому такие женщины после заклинания навсегда привыкали к жизни на открытой тундре.

Мне неизвестно ни одного случая, чтоб такая женщина вернулась с дикой тундры на цивилизованную реку. Одна из женщин рассказывала мне, что после смерти своего первого чукотского супруга она вернулась обратно в родной поселок вместе с трехлетним сыном. "Но мы не могли жить там, -- говорила она,-- от тяжелого духа в избе. Головы болели, едушки было мало, только сухая юкола, а мальченка не привык и все просил мяска. Вот так мы пробились на реке месяца три, а я взяла да и вышла за другого чукчу, и ушла с ним на тундру назад".

Большая часть браков между чукчами и русскими остается бездетными. При этом нужно принять во внимание что: 1) русские и обрусевшие женщины Нижней Колымы, особенно последние, обладают пониженной плодовитостью и 2) в жилах так называемых русских очень мало русской крови. Бесплодие этих смешанных браков имеет прямую связь с истощением жизненной силы среди обрусевших туземцев всего района Колымы. Следует заметить, что русская семья, пришедшая с женой, ложится тяжелой обузой на мужа чукчу и истощает стадо, так же как в случае брака с тунгусской женщиной. Я уже говорил, что чукчи, несмотря на грубость, имеют своего рода жалость к иноплеменникам, умирающим от голода у них на глазах. Оленевод -- чукча, когда он видит вокруг себя слишком много голодных, меняет свое стойбище и отгоняет стадо на сотню километров дальше. Таким образом в последние годы чукотские стойбища постепенно отодвинулись на полсотни или сотню километров от ближайшего русского поселка, чтобы затруднить приезд голодных речных жителей с их еще более голодными собаками. Но очень трудно уйти от родного тестя. Поэтому чукчи, женатые на русских женщинах, постепенно спускаются от богатства к бедности. Были один или два случая, когда русские мальчики выросли на тундре и женились на чукотских девушках. Они живут чукотской жизнью, ничего не знают о русских обычаях и даже не умеют говорить по-русски. Две-три чукотские девушки выросли на реке, вышли там замуж и совершенно обрусели. Много обрусевших туземцев в районе Нижней Колымы вступают в групповой брак с чукчами. Вернее, чукчи рассматривают это как групповой брак, русские же видят в этом своего рода проституцию. Чукчи высоко ценят такое родство, так как они считают, что русские, несмотря на постоянный голод и нужду, все же выше их по культуре. Русские же вступают в "родство", рассчитывая получить от этих "родственников" даровое оленье мясо, шкуры и ценную пушнину. В нескольких русских семьях, даже в семьях чиновников, купцов и духовенства, есть дети чукотской крови. В семье одного дьячка в Нижне-Колымске двух старших детей, мальчика и девочку, соседи зовут "чукотским отродьем". Я спросил их мать о причине такого прозвища. "Конечно, они -- чукчи, -- ответила достойная дама с известной гордостью, -- за них заплатили много оленей. В те годы я кормила всех голодных соседей". И это была правда, так как на Нижней Колыме во время голодовок каждый кусок пищи делился между всеми соседями.

В отличие от этого я не знаю ни одного случая брака между чукчами и якутами. Якуты не менее русских считают брак с чукчами унизительным. Но они и психически и экономически гораздо сильнее русских. Им не приходится испытывать постоянных голодовок. У них есть свои лошади и рогатый скот, так что чукотские олени не служат для них особенно сильной приманкой.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД

Наиболее важной частью свадебного обряда у оленных чукоч является помазание жениха и невесты кровью оленя, принесенного в жертву. Этот обряд проводят в шатре жениха или же, если он становится приемным зятем, в шатре невесты. Обряд сравнительно прост: жених идет к тестю и уводит невесту к себе. Невеста, которую сопровождают ее ближайшие родственники, едет на собственных оленях. Процессия приходит к шатру жениха. Оленей распрягают. Маленькие санки, на которых перевозят шатровые жерди, ставят позади шатра на то место, где обычно приносятся жертвы. Нарты жениха и невесты ставят по обеим сторонам, на некотором расстоянии. Потом убивают жертвенного оленя для помазания. Приносят жертвы закату и рассвету и производят другие кровавые и бескровные жертвоприношения. На нарты кладут деревянные огнива и связки охранителей. Затем производят помазание жениха и невесты кровью убитого оленя. Помазание делается также одним, или двумя членами семьи жениха, чтобы невеста не чувствовала себя одинокой. При этом жених и невеста наносят на свои лица семейные знаки жениха. Тем самым невеста отказывается от своей семьи, от своего очага и родства и переходит к другому очагу и родству. Далее невеста мажет оленьей кровью нарты и "кормит" костным мозгом домашние священные предметы. Она подходит к очагу, обрызгивает его жертвенной кровью, берет с него горсть золы и трет ее между ладонями. Она говорит, обращаясь к очагу: "Nьmelew qatvarkьn! (Живи хорошо со мною").

Через несколько дней, иногда через две или три недели, совершается вторая часть свадебного обряда -- alarantourgьn ("путешествие из-за скуки"). Молодожены, сопровождаемые несколькими родственниками, едут на стойбище тестя. "Мы думаем, -- говорили мне чукчи, -- что молодая жена может соскучиться по старому. Пусть она съездит и посмотрит на него снова". Для этой поездки не берут оленей, на которых невеста приехала к жениху. Она едет теперь на оленях мужа и ведет с собой много оленей в подарок родителям. Этот подарок называется rinkur. Чукчи настаивают, что это является подарком, а не выкупом, так как его дают по окончании свадебного обряда. Число оленей не установлено. Если семья жениха бедна, то она дает только одну упряжку, то есть двух оленей. Обычно полагается дарить две или три упряжки. В число оленей, предназначенных для подарка, могут входить телята, но они должны быть объезженными, годными для упряжки, словом -- то, что у чукоч называется gitliqəjuut ("жадные телята"), то есть телята, жадные к человеческой моче. Как известно, приручение оленей у чукоч основано на пристрастии оленей к человеческой моче. Кроме оленей, молодожены берут с собой колобки из толченого мяса -- любимое лакомство чукоч. Число этих колобков соответствует числу оленей, хотя порою число колобков в два и три раза больше. Согласно чукотскому семейному и семейно-групповому укладу жизни, молодому мужу помогают подбирать оленей для подарка его ближайшие родственники. Но помощь эта добровольная. Обычно один или два родственника по мужской линии (kьrŋne-tumgьt -- "родственники по линии быка-производителя") или родственники по свойству (takalgьt -- "свояки") дают по одному или по два оленя. Не полагается принимать помощь более, чем от двух человек. Остальных, оленей дает сам жених. Вместе с оленями родственники посылают и соответствующее число колобков, а иногда даже в два или три раза больше. Эти колобки имеют символическое значение. Если, например, кто-нибудь из родственников хотел-бы послать двух-или трех оленей, но в данное время не в состоянии сделать это, он посылает только колобки. Этим самым он берет на себя обязательство все-таки доставить оленей отцу невесты. Кроме колобков, привозят также и другие чукотские лакомства, как, например, замороженный мозг из ножных костей, в общем фунтов до десяти, головной мозг, также замороженный, языки, куски жирного мяса. Приезжая на стойбище жены, молодожены снова совершают помазание, нанося на лицах семейные знаки жены. Жена приносит жертву очагу своего шатра. Затем начинается пиршество, в течение которого съедается вся привезенная провизия. "На следующий день молодожены возвращаются домой. Здесь они снова повторяют обряд помазания и намазывают на лица семейные знаки мужа. Покинув таким образом свой родной очаг и семейные знаки помазания, жена наконец связывает себя с новым очагом и окончательно становится членом новой семьи.

РАЗВОД

Несмотря на жертвоприношения, сопровождающие свадебный обряд, брак у чукоч не считается нерасторжимым. Помазание кровью и другие обряды служат лишь для укрепления брачных уз, но не могут закрепить их навсегда. Они дают религиозную санкцию на брак, которая, впрочем, у других народов несравненно сильнее. У чукоч брачные узы разрываются очень легко, по самым разнообразным поводам. Если отец или мать мужа недовольны невесткой, они могут отослать ее обратно. Даже в тех случаях, когда жених отрабатывал за невесту несколько месяцев, его родители могут отослать ее назад, если она им не угодила. Я знал семью на реке Сухой Анюй, в которой старший сын в течение трех лет десять раз менял жен. За одну из них он работал три месяца, за другую четыре. Остальные были из знакомых семей и шли к нему, привлекаемые большим стадом его отца. Развод обычно происходит вскоре после женитьбы. Если молодожены прожили год или полтора, то для родственников мужа считается не особенно удобным отослать ее обратно. E. Westerraarck, цитируя W. Hooper'a, отмечает, что у чукоч Tuski разведенная жена со своими детьми имеет поддержку от своего мужа {E. Westermack, Ten History of Human Marriage (London, 1901), стр. 19.}. Однако W. Hooper говорит лишь о тех женах, на место которых были взяты другие. Он отмечает, что муж должен оставленным женам и их детям предоставить жилище и средства к существованию {W. H. Hooper, Ten Months among the Tents of the Tuski, стр. 100.}. В таких случаях брак совсем не является расторгнутым. Просто чукотский супруг, имеющий больше, чем одну жену, может отдавать предпочтение более молодой и пренебрежительно относится к старой. Я знал случай, когда такое пренебрежение вызывало ревность и ссоры между женами. С другой стороны, несколько знакомых мне чукоч, у которых было по несколько жен, говорили мне, что они считают своей обязанностью посещать своих жен по очереди. "Иначе выйдет ссора", -- говорили они. И действительно, чукотский темперамент таков, что пренебрежительное отношение к одной из жен, особенно если у ней есть дети, может повести к серьезной ссоре. В тоже самое время, W. Hooper признает, что "развод" -- это нечто иное, чем такое пренебрежение. Непосредственно вслед за приведенным сообщением он говорит: "В случаях дурного поведения жены, либо охлаждения со стороны мужа или жены развод тотчас же вступает в силу. Жена возвращается в шатер своего отца или брата, и если у нее не слишком скверный характер, ей обычно не приходится долго ждать второго мужа. Нередки случаи возвращения к прежнему мужу, должно быть, до следующей размолвки". Все это совершено правильно. Однако в огромном большинстве случаев инициатива расторжения браков исходит из семьи жены, которая удерживает за собой право на женщину в течение пяти-шести лет, невзирая на то, что у женщины есть уже дети. В случаях ссоры между семьями семья жены отбирает ее обратно, даже не останавливаясь перед применением насилия. Конечно, это исполняет не старик-отец, а старшие братья женщины, в особенности если их много. В том случае, если женщина любит своего мужа и отказывается уйти от него, ее связывают и увозят силой. Если у нее есть малолетние дети, их увозят с матерью, а старших детей оставляют отцу {У американских эскимосов брак чрезвычайно легко расторгается. Murdoch (Point Barrow, Eskimo, стр. 418) говорит: "Среди эскимосов часты случаи развода, который совершается у них чрезвычайно легко и быстро. Такой же обычай существует и в Гренландии. Cranz говорит: "Такие ссоры и разводы случаются между супругами, пока они еще молоды. Чем старше они становятся, тем больше он любят друг друга. То же самое Lucien M. Turner (Hudson Bay Eskimo, стр. 189) говорит об эскимосах Гудзонова залива: "Человек редко оставляет у себя жену на долгое время "...с иных случаях, при полном соответствии характеров, супруги остаются на всю жизнь". Franz Boas (Central Eskimo, стр. 579) отмечает, что и у центральных эскимосов брак может быть легко расторгнут по желанию тещи.}.

Мне приходилось видеть довольно много женщин, которых увозили от мужей их старшие братья. Одну из этих женщин я видел на стойбище чукчи Atato, на реке Сухом Анюе. Она прожила со своим мужем четыре года. Муж ее был довольно богатый, болезненный и ласковый в обращении с женой. Atato, ее брат, напротив, был мот и картежник. Зимой, за год до моего приезда, Atato проиграл в карты всех своих оленей и обратился за помощью к своему зятю. Тот помог ему. Но когда Atato возымел обыкновение убивать без всякого разрешения оленей своего зятя и таким образом уплачивать свои картежные долги, зять его запротестовал. Тогда Atato пошел к нему в шатер и увез сестру к себе на стойбище. Покинутый муж не мог перенести своего одиночества и после некоторых колебаний последовал за своей женой на стойбище Atato. Когда я приехал туда, мне рассказывали что несчастный муж прожил там четыре недели и делал все, что было в его силах, чтобы угодить Atato. Сестра хотела вернуться к своему мужу, но Atato не переменил своего решения. "Ты обещаешь давать мне своих оленей?" -- спросил он. Зять возразил; "Ты съешь все мое стадо и меня вместе с ним"! Тогда Atato заявил: "В таком случае я отдам ее в жены какому-нибудь богатому оленеводу". Насколько я знаю, решение Atato осуществил, и первый муж никак не мог "помешать этому.

В 1897 году, когда я работал по переписи чукоч Колымского округа, я имел возможность установить, что почти треть всех женщин разводились по одному или по несколько раз. Часть детей, родившихся от этих браков, оставалась жить с отцом, а часть жила с матерью. Дети, не имеющие родительского попечения, считаются принадлежащими той семье, в которой они живут, и заботы о них делят между собою все члены семьи. То же самое относится и к детям, рожденным вне брака незамужними женщинами.

МНОГОЖЕНСТВО

Чукчи в большинстве случаев моногамны. Однако в некоторых местностях не менее трети всех браков, а возможно, и больше того, полигамны.

Оленные чукчи выставляют чисто экономические причины своего многоженства: "Если я владею одним стадом, мне нужен один шатер и одна жена, однако если у меня два стада, я должен иметь два хозяйства и по женщине в каждом из них". В этом объяснении заключается большая доля истины. Многие богатые оленеводы, имеющие по два и больше стад, имеют жен по числу стад. Так, например, Əttьgьn, о котором я уже говорил, имел два стада и двух жен. Ejgeli, на реке Олое, о котором я также упоминал, был хозяином четырех стад и такого же количества жен. За каждым стадом присматривала отдельная жена. Omrelqot, также на реке Олое, имел три стада и трех жен. Однако многие не менее богатые оленеводы имеют только одну жену. Им помогают присматривать за другими стадами сыновья, зятья, братья и прочие родственники. С другой стороны, многие чукчи, имеющие только одно стадо, имеют двух жен и больше. Все они живут на одном стойбище. При составлении переписи оказалось, что число мужчин, имеющих двух и больше жен, доходит до пятнадцати процентов из общего числа женатых людей, а в некоторых областях -- даже до двадцати пяти процентов. В то же время число богатых оленеводов, имеющих два стада и больше, едва достигает трех процентов.

Очень немногие чукчи имели больше двух жен. Однако и здесь существовали исключения. Так, например, Ejgeli имел четырех живых жен, не считая четырех уже умерших и оставивших ему детей. Кроме того, у него была еще "бродячая" жена, старая Cakьət. Часть времени она жила на каком-нибудь из его стойбищ, часть времени скиталась по чужим стойбищам, уходя иногда миль за сто. Ejgeli и все его жены были уже старыми, так что о ревности между ними не могло быть и речи. У Cakьət не было детей, поэтому ничто не привязывало ее к месту. В то же время ее пятьдесят лет не мешали ей быть сильной, здоровой женщиной и очень хорошей работницей. Она была очень искусна в приготовлении шкур и шитье одежды, что делало ее желанной гостьей всюду, куда бы она ни приезжала. Характер у нее был подвижной, она ни минуты не могла оставаться без дела. Таким образом Cakьət, считавшаяся много лет женой Ejgeli, была все же совершенно свободна в удовлетворении своих кочевых наклонностей. Общее число детей от всех жен у Ejgeli было около двадцати, не считая умерших.

Чукча Mewetirgьn, на реке Сухом Анюе, имел в одно время семь жен на трех стойбищах. Позднее он совсем разорился, и жены ушли от него. Чукча Nomgatlə, на той же реке, имел трех жен и четырнадцать детей. Почти все дети были маленькие. Можно назвать еще несколько чукоч, как богатых, так и бедных, имевших в одно и то же время по три и по четыре жены. В том случае, если обе жены живут на одном стойбище, муж старается каждой из них дать отдельный шатер. Однако я знал двоеженцев, которые жили в одном спальном пологу с двумя женами. Все спали втроем под общим одеялом; мужчина лежал посередине между двумя женами. Такой образ жизни часто описывается в рассказах. В рассказе о "Младенце" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 212.} герой спит в одном спальном пологу с тремя женами. Все они совершенно нагие. На одной руке у него лежит жена из поселка Kicetun, на другой -- из поселка Enurmin; третья лежит немного подальше, ожидая своей очереди. В другом рассказе, о "Бородавчатом шамане", у каждой из жен шамана есть свой отдельный спальный полог. Во время обеда хозяин, сидя с гостем в спальном пологу, кричит из-под полы шатра: "Эй, ты, у меня гость, приготовь другой полог". Кто-то снаружи завозился, зазвенев ожерельями и браслетами, вбивает шесты, торопится. "Где ты будешь спать?" -- спросил хозяин. "Где скажешь", -- сказал гость. -- "Спи здесь. Я буду спать на другом спальном месте". Он ушел в другой спальный полог. Гость услышал веселый смех, возню, бряцание браслетов и ожерелий. Он сказал с завистью: "А им, должно быть, весело" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 225.}.

Положение жен в разных семьях не одинаково. Первая жена обычно бывает старше, и у нее уже есть несколько детей, когда в семью входит вторая, молодая жена. В таких случаях хозяйкой является первая жена, а другая жена является как бы служанкой. Первая жена сидит с мужем в теплом спальном пологу, а вторая работает в холодном наружном помещении, приготовляет пищу и подает ее внутрь. В одной сказке из моего второго собрания, сделанного на Анадыре, подробно рассказывается, как муж и его первая жена, заставляли вторую жену уносить и приносить ночную посуду и мыть руки в их моче. Иногда муж берет вторую жену с той целью, чтобы дать помощницу первой жене, которая стала стара и не может справиться с домашними работами. Бывают случаи, когда первая жена сама настаивает, чтобы муж женился вторично на молодой, здоровой женщине. В других случаях муж, бездетный в первом браке, женится во второй раз, чтобы иметь детей. Отсутствие детей считается большим несчастием.

Благоразумная жена, если она бездетна, сама уговаривает мужа взять вторую жену, так же как Сарра уговаривала Авраама провести ночь с одной из ее служанок, с тем, чтобы та родила ребенка к ней на колени. Здесь опять вторая жена в подчинении у первой. W. H. Dall отмечает, что даже в тех случаях, когда у чукчанки рождаются только девочки, муж ее берет вторую жену, чтобы иметь сына {W. H. Dall, Alaska and its Resources, стр. 381.}. Я не могу утверждать, что это -- общее правило для всех чукоч. Чукчи, конечно, предпочитают мальчиков, однако я видел несколько семей, в которых были только одни дочери. Это были семьи оленных чукоч. Девушки исполняли мужскую работу: ходили за стадом, ловили оленей арканом, убивали, свежевали и так далее. У приморских чукоч девушка не может вполне заменить мужчину в поездках на морскую охоту. В нескольких рассказах говорится о семье оленных чукоч, состоящей только из дочерей. Девушки пасут стада. Все же сильно чувствуется потребность в мужской силе. Семья, состоящая из молодых женщин, терпит много нападок со стороны злых соседей. Их спасает лишь появление молодого зятя, усыновленного семьей. В рассказах приморского происхождения такие эпизоды более редки и менее красочны. Здесь женщины "живут отдельно", достают себе пропитание, собирая корни и ягоды или охотясь на диких оленей и зимой по льду на тюленей. Гораздо реже встречаются рассказы о женщинах, охотящихся на тюленей и моржей летом из челнока или из кожаной лодки. Такая охота является одним из главных источников существования у приморских чукоч. Она очень трудна и почти не выполнима для женщины. Поэтому во многих сказках о женщинах, "живущих отдельно", говорится что они ведут голодное существование и с нетерпением ждут мужа.

Я должен отметить, что среди тунгусов я видел нескольких вдов и девушек, которые были очень хорошими стрелками, почти не уступающими мужчинам в охоте на пушного и копытного зверя. Но мне никогда не приходилось видеть женщину-охотницу у чукоч. Поэтому понятно, что мальчики являются более желанными в семьях приморских чукоч, чем в оленеводческих. Так что сообщение W. H. Dall относится более к приморским чукчам. Однако, с другой стороны, у приморских чукоч многоженство встречается гораздо реже, чем у оленных, также и разводы бывают значительно реже, но об этом я буду говорить ниже.

Бывают и такие случаи, когда муж, полюбив вторую жену, совершенно забывает первую или вовсе выгоняет ее из дому. Как раз такой случай описан в очень популярном рассказе "Двоеженец". Привожу выдержку из этого рассказа: "Жил человек с двумя женами. Одна была старая, другая молодая. Когда он взял вторую жену, то совсем покинул первую. Он не любил ее и не спал с ней больше. Он стал часто бить ее. В большом горе она пошла на тундру. Найдя медвежью берлогу, она вошла в "нее. Медведица огрызнулась на нее. Женщина сказала: "Почему ты не убьешь меня? Мой муж постоянно бьет меня; лучше уж ты меня убей". Женщина осталась у медведей и жила с ними. Когда пришла весна, она ушла, и медведи дали ей всякие подарки и научили разным заклинаниям. Она возвратилась домой и с помощью этих заклинаний вернула себе любовь мужа. Он выгнал из шатра ее соперницу, и та погибла от холода и голода".

У меня есть несколько вариантов этого рассказа. Мне всегда хотелось узнать, существует ли ревность между несколькими женами одного мужа. На мой вопрос об этом женщины обычно отвечали: "Какое нам дело? Мы не думаем о таких вещах". Или же более определенно: "Хорошие и умные женщины не сердятся на это". Тем не менее ревность между женами все же имеет место. Мне часто приходилось видеть жен одного мужа, которые жили в полном согласии друг с другом. Но по большей части это были уже немолодые женщины. С другой стороны, я видел и таких, которые дрались из-за любви своего мужа.

Майдель описывает несколько случаев драк, ссор и даже убийств, происшедших на почве ревности {Ср. Майдель, I, стр. 164.}.

В одном чукотском рассказе муж бросает жену с пятью детьми. Она с большим трудом добывает себе пищу, собирая съедобные корни. Странствуя по тундре, она подошла однажды к жилищу, стоявшему на берегу моря. У входа сидела женщина. Мужчина только что вернулся с охоты и тащил к шатру тюленя. Покинутая жена узнала своего мужа. Она решила отомстить. Подождала, пока муж снова уйдет, вошла в шатер, подружилась с его новой женой и, когда та уснула, убила ее. Затем она ушла домой. Когда муж вернулся и увидел, что его новая жена убита, он сразу же понял, что это дело рук его первой жены. Он схватил копье и отправился к ней. Когда он пришел, ее не было дома. Она снова ушла бродить по тундре. Дети закричали: "Папа, папа пришел!" -- "Где ходит ваша мать?" -- "Вдоль этой дороги, мы сходим за ней". -- "Нет, нет, подождите меня здесь". Он пошел и увидел ее у реки. Она собирала корни. "Я нашел ее, теперь я ее убью". Он крикнул: "Я убью тебя!" Она бросилась бежать от него по берегу реки.-- "Разве ты не мой муж? За что ты хочешь меня убить? У меня маленькие дети".-- "Зачем ты насмеялась надо мной?" Он замахнулся на нее копьем. Она схватила копье и разломала его на куски. Затем, натянув на голову свой капюшон, она превратилась в медведицу и набросилась на мужа. "О, прошу тебя, отпусти меня. Пойдем домой. Я всегда буду работать и доставать тебе пищу". В ответ она только зарычала и задавила его на смерть {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 259.}.

Эта сказка тоже очень популярна. Вариант этой сказки у эскимосов американского побережья записан Nelson'ом {Nelson, The Red Bear, стр. 467.}.

ГРУППОВОЙ БРАК

У чукоч существует обычай группового брака. В брачную группу входят иногда до десяти супружеских пар. Мужчины, принадлежащие к такому брачному союзу, называются "товарищи по жене" -- ŋew-tumgьt. Каждый из "товарищей по жене" имеет право на жен всех других "товарищей по жене", но пользуется этим правом сравнительно редко, лишь тогда,- когда он приезжает на стойбище к такому товарищу. Тогда хозяин уступает ему свое место в спальном пологе. Он старается уйти на эту ночь из дому, например, идет к стаду. После такого посещения хозяин начинает обычно подыскивать причины для поездки на стойбище "товарища по жене", чтобы, в свою очередь, воспользоваться своим правом.

Такой брачный союз большей частью заключают хорошо знакомые люди cū-tumgьt --"взирающие друг на друга (товарищи)", соседи и родственники. Двоюродные и троюродные братья чаще всего бывают связаны узами группового брака. Родные братья, напротив, никогда не вступают в такой союз. В старину такая форма брака служила, очевидно, связью между членами родственной группы. С течением времени в такой союз стали вступать и другие люди, связанные не родством, а только дружбой. Обряд, сопровождающий заключение группового брака, как бы предназначен для придания союзу характера связи между родственниками. Люди, входящие в групповой брак, совершают помазание кровью и жертвоприношение сначала в одном шатре, потом в другом. После этого они считаются принадлежащими к одному огню, что делает их родственниками по мужской линии. По сообщению чукоч, юноши настойчиво стремятся вступить в групповой брак с людьми богатыми, занимающими высокое положение. Они посылают родственников как будто свататься и даже отрабатывают сами в чужом стаде, как в случае индивидуального брака. Пожилые чукчи не охотно вступают в брачный союз с юношами, в особенности если те холостые. Разница в летах "товарищей по жене" при групповом браке хотя и допустима, но не пользуется одобрением. С другой стороны, если чукча бездетный, од старается вступить в групповой брак с каким-нибудь сильным молодым человеком, еще не женатым. Нежелание принять холостого в групповой брак вполне понятно. Холостой, вступая в групповой брак, много выигрывает, но ничего не дает взамен. Чукчи, живущие на одном стойбище, редко вступают между собой в отношения группового брака. Причиной этого, вероятно, является то обстоятельство, что взаимное пользование женами, осуществляемое при групповом браке, легко может выродиться в полную беспорядочность половых отношений, если члены группы живут по соседству. Однако постоянно бывают исключения из этих правил. Для иллюстрации группового брака между супружеской парой и холостяком я расскажу о том случае, который я наблюдал на одном из стойбищ. Молодой чукча, женатый, но бездетный, работал пастухом в стаде богатого оленевода. Он вступил в отношения группового брака с другим пастухом, молодым и неженатым, тунгусом по происхождению. Все трое жили в одном шатре. Когда пастух-чукча уходил к стаду, тунгус оставался в шатре и спал с его женой. На другом стойбище я видел двух соседей, весьма неравного возраста, шатры которых стояли рядом, хозяева их находились в отношении группового брака. Мне рассказывали, что бедные чукчи, вступая в групповой брак, иногда бывают так дружны, что живут в одном шатре и даже в одном спальном пологе. Мне не приходилось самому наблюдать таких случаев. Но в нескольких рассказах я нашел описание подобных отношений. Так, например, в рассказе о сыне Mutluwgi говорится следующее: "Тогда сын Mutluwgi поймал маленькую креветку и принес ее домой. Затем он принес немного травы, сплел из нее длинную косу и приклеил ее к голове креветки; сделав это, он толкнул креветку ногой. Она превратилась в очень красивую женщину с толстыми косами. Он сказал ей: "Войди в спальный полог". Она вошла. Перед наступлением ночи Утренний и Вечерний Свет пришли вместе. "Ого, кто это?" -- "Это мы". -- "Кто вы?... Зачем вы пришли?" -- "Мы пришли взять твою жену".-- "Вместо жены возьмите лучше эту женщину, мою сестру". Вечерний Свет сказал: "Хорошо, возьмем хотя бы эту женщину. Позволь нам войти в спальный полог, позволь нам жениться".-- "Нет, нет, не заходите в спальный полог. Возвращайтесь домой и берите с собой мою сестру. Спите с ней в своем доме".-- "Хорошо, мы согласны". Женщина вышла из шатра. Они подхватили ее с обеих сторон и понесли домой, Вечерний Свет и Утренний Свет. По дороге Вечерний Свет сказал: "Я лягу с ней первым". Утренний Свет ответил: "Нет, оба вместе". Они пришли домой. Говорит Утренний Свет: "Давай, сварим сначала еду". -- Вечерний Свет ответил: "Нет, давай сначала ляжем. Пускай женщина тоже ляжет". Другой ответил: "Тогда ляжем". Они легли с женщиной. Каждый из них целовал и обнимал ее, оба вместе" {Богораз, "Чукотские материалы', стр. 229.}.

Форма группового брака, описанная в этом рассказе, представляет почти настоящее многомужство. Я должен отметить тот факт, что иногда родство по групповому браку года через два-три делается очень сложным, благодаря обмену женами. Каждый "товарищ по жене" берет к себе жену другого, живет с ней несколько месяцев и затем воззращает ее мужу. Случается, что он оставляет у себя ее на более долгий срок или даже навсегда. В настоящее время групповой брак {Такая же форма группового брака существует и у американских эскимосов. Так. Nelson говорит (стр. 292): "сделаться "товарищами по жене" или приемными братьями возможно для двух мужчин, живущих в разных поселках. После такого соглашения, когда бы один из них ни приехал к другому, ему предоставляется постель хозяина вместе с его женой на все время, пока он здесь остается. В свою очередь, и другой пользуется такими же правами. В результате ни одна семья не знает, кто является отцом родившихся детей. Мужчины, заключившие такой договор, называют друг друга kin-i-gun; каждый из них зовет жену другого -- nuli-u-juk. Дети этих двух семей называют друг друга kat-khun. Среди эскимосов, живущих южнее Юкона, последнее название употребляется детьми двух семей, где другой мужчина женился на разводке. По нашей терминологии, дети одной матери от двух разных мужей являются единоутробными". Lucien M. Turner (Hudson Bay Eskimo, стр. 189) также говорит: "Обмен женами происходит очень часто, причем обе стороны бывают очень счастливы освободиться друг от друга на время". Franz Boas (Central Eskimo,, стр. 579) рассказывает то же самое и о центральных эскимосах: "В знак дружбы мужчины, по очень странному обычаю, меняются женами на целый сезон, а иногда на более долгий срок". Murdoch (Point Barrow Eskimo, стр. 413) говорит то же самое об эскимосах мыса Barrow: "Наиболее оригинальным и странным является их обычай обмена женами". Этот обычай был замечен и на берегах проливов Fury и Hecla Straits (Parry, Second Voyage, стр. 658), Cumberland Gulf (Kumlien. Contributions, стр. 16) и в области, лежащей около мыса Repulse Bay (Schwatka's Search, стр. 97). Этот же обычай существует и у некоторых индейских племен Северной Америки,-- как говорит А. О. Morrice,-- среди Denes (Athapassan) Атабаски; и несмотря на все их хорошие качества, обмен, женами не считается предосудительным. Это даже считается высшим доказательством дружбы и гостеприимства (Annual Archeological Report, 1805. Toronto, стр. 196).} охватывает почти все чукотские семьи.

Семья, не входящая в такой союз, не имеет ни друзей, ни доброжелателей, ни покровителей в случае нужды. Члены брачной группы стоят друг *к* другу ближе, чем даже родственники по мужской линии, но, как уже отмечено выше, эти две связи обычно соединяются.

В некоторых случаях в групповой брак вступают пять или шесть человек, и все они приобретают одинаковые супружеские права. В других случаях один чукча может иметь несколько товарищей в групповом браке, не состоящих в таких же отношениях друг с другом. Все русские женщины, вышедшие замуж за чукоч. и живущие на тундре, должны, конечно, подчиняться правилам группового брака. Одна из этих женщин, пожилая вдова, с гордостью сообщила мне: "Мой муж никогда не отдавал меня обыкновенным людям, только самым лучшим",-- и она перечисляла очень много имен. Я знал только одну семью, которая жила на тундре и не вступала в брачный союз. Это была семья русского, родом с реки Колымы. Он вырос в чукотской семье, говорил по-чукотски и жил по чукотским обычаям. Он женился на чукотской женщине, но у него не было "товарищей по жене". "У меня ревнивое сердце, -- говорил он мне.-- Лучше уж я буду один, без "товарищей по жене". В настоящее время групповой брак заключается без всяких обрядов. Чукча просто говорит другому: "будем товарищами по жене" (Mьnŋewtumgəmьk). После этого они оба приобретают все права "товарищей". Если близкое знакомство предшествует предложению вступить в групповой брак, то даже в случае отказа другой стороны отказ этот должен быть выражен не прямо, а в уклончивой форме. Бывают также случаи, когда муж соглашается вступить в групповой брак, но жена восстает против предполагаемого "товарища". Иногда муж даже бьет жену за такую непокорность и заставляет покориться своему решению. Однако часто жена отстаивает право выбрать "товарища". Мне рассказывали, что одна женщина даже пригрозила самоубийством, когда муж стал принуждать ее вступить в связь с человеком, который был ей противен. Родство по групповому браку считается равносильным кровному родству. Дети, рожденные в семьях, входящих в брачный союз, считаются двоюродными или даже родными братьями и сестрами. Они не могут вступать в брак, что, конечно, понятно, так как возможно, что у них один отец.

Значение группового брака ярко обрисовывается в рассказе "Ворон и Орел в переменном браке": "Жили Ворон и Орел. У Ворона был сын. Орел жил один со своей женой. Жена Ворона пошла в гости к Орлу. Орел взял ее от мужа и спал с ней. У нее родился сын. Сын Ворона тоже пришел и остался жить со своей матерью". Далее рассказывается, как сыновья Орла и Ворона выросли и начали вылетать на охоту. Во время одной охоты великан Орел поймал сына Орла и унес его. Тогда Ворон, первый отец, услышав это, пошел к Орлу. Его "товарищ по жене", Орел сидел в спальном пологе. Ворон клюнул его в плечо. Он закричал на него и слегка ударил. "Почему ты не уследил за детьми? Почему ты сидишь? Полетим, догоним их". Он очень волновался, хотя пропал не его собственный сын, а сын его "товарища". Затем следует описание их поисков. В конце концов Ворон нашел и принес обратно сына Орла.

Считается, что брачный союз можно расторгнуть, но мне не известны такие случаи, за исключением лишь тех, когда узнают, что кто-нибудь из членов группы болен сифилисом. Сифилитиков вообще подвергают остракизму, и даже ближайшие родственники прогоняют их от общего очага. Не удивительно, что с ними так жестоки "товарищи по жене". В настоящее время пределы группового брака еще более расширились. В брачный союз разрешается вступать жителям других округов, случайным знакомым в торговых поездках и даже иноплеменникам: тунгусам или русским. Чукчи называют таких своих русских приятелей "дружками"-ьnnalek. Выше я упоминал о случае группового брака чукчи с тунгусом. В тех местностях, где чукчи живут по соседству с тунгусами, очень много чукотских и тунгусских семей соединяются в групповом браке. Однако отклонением от общего правила является тот факт, что чукчи имеют супружеские права на большую часть тунгусских замужних женщин, в то время как из тунгусов только искусные охотники или же наиболее близкие друзья чукоч имеют такие права на их жен. Многие русские семьи состоят в таком же родстве с чукчами, но только одни лишь чукчи смотрят на это родство как на групповой брак. Русские же, напротив, склонны видеть в этом лишь легкое поведение женщин, желающих дешево получить убитых оленей. В чукотском фольклоре также рассказывается о групповом браке с иноплеменниками, например, с эскимосами, населяющими американское побережье. Чукчи с древних времен поддерживают торговые сношения с американскими эскимосами. Такие сношения часто приводят к заключению группового брака. Даже теперь, когда эскимосские торговцы с американского побережья приезжают в приморские поселки чукоч и эскимосов на азиатском побережье, в домах своих "друзей" они находят себе временных жен. Точно так же чукотские торговцы имеют временных жен на американском берегу.

В рассказе о "Бородавчатом шамане" рассказывается, что на берегу моря, в поселке Terqən, жил великий шаман. Другой шаман, Kukulpьn, жил на континенте, против селения Nuukan, на мысе Kььmьn. Следует описание поединка между двумя шаманами. Kukulpьn победил шамана из Terqən. Говорит этот шаман: "Будем, по крайней мере, товарищами по жене".-- "Ладно".-- "Куда полетим сначала? К тебе? Где твой дом?" -- "В поселке Terqən".-- "Долго ли туда лететь?" -- "Около половины дня".-- "Ага, мой шатер ближе; лучше отправимся ко мне. Обе мои жены сейчас дома. Давай на перегонки. Тот, кто победит, будет спать с обеими женами".

И здесь победил Kukulpьn и прилетел туда гораздо раньше своего соперника. После ужина решили, что хозяин будет спать со старшей женой, а Kukulpьn -- с молодой. Гость был недоволен таким распределением, но после нескольких бесплодных попыток поменяться с хозяином местами он покорился. Затем оба шамана полетели в глубь американского континента и утащили молодую девушку, дочь американского начальника. Они принесли ее в шатер Kukulpьn'a. Kukulpьn сказал своему товарищу: "Раз мы товарищи по жене, то ты спи со старой женой, а я -- с молодой, а завтра ты будешь спать с молодой, а я -- со старой". Девушка была очень красива. "Да",-- сказал другой, опустив голову. Он подумал про себя: "Какой негодяй". Они пошли спать в один спальный полог. Kukulpьn обнял девушку руками и ногами и уснул. Старая жена подвинулась ближе к гостю, но он оттолкнул ее локтем. Он посмотрел на Kukulpьn'a, Kukulpьn спал. "Сегодня моя очередь, не завтра". Он дунул на своего товарища так, что его унесло из шатра и выбросило на высокую скалу, свисающую над морем. Kukulpьn'y, однако, удалось избежать опасности, и он жестоко отомстил своему вероломному товарищу и сопернику.

"Товарищество по жене" с чужеземцами напоминает нам так называемую "гостеприимную проституцию". Нельзя сказать определенно, существовал ли в древности этот обычай у чукоч. По сообщению местных русских, в старину русские купцы обычно заезжали во время весенних чукотских ярмарок к богатым приморским торговцам. Они привозили с собой в подарок хозяину железо, котелки, листовой табак и тому подобное. Хозяин, в свою очередь, давал гостю взамен свою жену. Спальное место он покрывал при этом шкурами лисицы или куницы в количестве, соответствующем цене привезенного гостем подарка. В наши дни этот обычай уже не существует.

Как отмечено выше, чукотские девушки и женщины известны своим легким поведением и добровольным согласием на определенные предложения иноплеменных гостей за небольшое вознаграждение. Но чукчи даже и такие случаи рассматривают как групповой брак. Благодаря такому взгляду между чукчами и русскими часто возникают очень забавные недоразумения. Так, например, в бытность мою на Колыме исправник Карзин во время поездки по тундре вступил в сношение с одной из жен или родственниц богатого оленевода Omfelqot'a. Когда Карзин вернулся в Средне-Колымск, произошел следующий инцидент: домоправительница Карзина (он был вдов) устроила прием гостей. Среди присутствующих был и чукча Omrelqot. Он с самого начала пиршества напился пьяным, пробовал танцовать и, когда ему стало жарко, начал без всякого смущения сбрасывать с себя одежду. В конце концов он остался совершенно нагим и сел на пол. Хозяин предложил ему пойти спать. "Я пойду, -- заявил чукча,-- но ты должен дать мне поспать вот с этой твоей женой, как ты спал с моей".

Во время моих поездок мне никогда не предлагали "гостеприимную проституцию", но часто очень наивно и бесстыдно меня просили вступить в групповой брак, зная, что у меня есть русская жена.

Левират

У чукоч на ряду с групповым браком мы находим обычай левирата. Согласно этому обычаю, после смерти одного из братьев его жена переходит к следующему по старшинству. Он принимает на себя все заботы о жене и детях умершего. Он доставляет им пропитание и жилище на своем стойбище и вообще становится мужем для женщины и отцом для детей. Стадо он присоединяет к своему, но сохраняет его для детей умершего. Однако, если разница в летах очень велика, брат отказывается от своего права, чтобы не вступить в супружеские отношения со старухой. При отсутствии братьев право левирата переходит к двоюродным братьям. Нужно отметить, что часто левират имеет характер не права, а обязанности. Женщина, оставшись без мужа, с детьми и стадом, нуждается в защитнике и покровителе. Обязанность помогать ей ложится на одного из ближайших родственников. Однако только младший брат или двоюродный брат пользуется правом левирата по отношению к вдове старшего родственника. Старший же брат такого права по отношению к вдове младшего брата не имеет. Иногда, в случае нужды, племянник осуществляет право левирата по отношению к своей овдовевшей тетке. Однако дядя не может сделать этого по отношению к вдове племянника.

Мне известен случай на реке Россомашьей, когда некто Canla взял себе в жены вдову умершего племянника. Женщина была молода и привлекательна. На следующую осень старший сын Canla от другой жены упал с саней и разбился на смерть. Общественное мнение, установившееся среди соседей, рассматривало смерть юноши как наказание Canla за то, что он пренебрег брачным обычаем.

Подобная форма левирата, по многим данным, существует у целого ряда " народов. Л. Штернберг {"Сахалинские гиляки" ("Этнографическое обозрение" 1893, II, стр. 9).} сообщает, что у гиляков жена умершего переходит к одному из его "ruvn" {В тексте оказано "ruer", но это опечатка, согласно устному указанию самого Л. Штернберга.}, почти всегда к младшему, согласно решению клана. "Ruvn" у гиляков называются дети братьев и сестер всех степеней родства. В тех случаях, когда женщина достается "ruvn", который старше умершего, он должен принять ее, однако не имеет права жить с нею как с женой. Это согласуется с гиляцким обычаем, дающим младшему брату право сожительства с женой старшего, но не наоборот {Л. Штернберг, "Гиляки", стр. 26 (оттиск из "Этнографического обозрения" 1905, стр. 60, 61, 63).}. Однако у чукоч, как уже было сказано выше, никто из братьев не имеет права сожительства со своей невесткой до тех пор, пока она не овдовеет.

Dr. Forsyth упоминает об обычае Гондов центральной Индии, предписывающем еще повелительнее, чем указанный чукотский обычай: "долг младшего брата -- взять в жены вдову старшего, тогда как обратное запрещается" {Forsyth, The Highlands of Central India (цитировано по Westermark, History of Human Mariage. стр. 511).}.

Левират имеет широкое распространение среди американских эскимосов, где он рассматривается скорее как долг, а не как право. То же самое имеет место среди алеутов острова Атка {И. Вениаминов, "Заметки об островах района Уналашки", ч. III, стр. 9. "В случае смерти, одного из братьев другой должен жениться на вдове умершего".} и среди тлинкитов {W. H. Dall, Alaska and its Resources, стр. 416.}. В. И. Иохельсон описывает обычай левирата у коряков, названный им "двусторонний левират" {Иохельсон, "Коряки", стр. 748.}, согласно которому вдова должна выйти замуж за младшего брата, двоюродного брата или племянника (сына брата или сестры) своего умершего мужа, вдовец же должен жениться на младшей сестре, двоюродной сестре или племяннице (дочери брата или сестры) своей умершей жены. Он утверждает на основании некоторых замечаний Стеллера, что двусторонний левират, вероятно, существовал также и у камчадалов, и находит признаки этого же обычая среди многих североамериканских племен. Вестермарк {History of Human Marriage, стр. 309.} сообщает, что жители восточной Гренландии и эскимосы северо-восточной Америки осуждают женитьбу на двух сестрах. По мнению В. И. Иохельсона, это находится в связи с обычаем двустороннего левирата. Таким образом чукчи окружены племенами, среди которых распространен двусторонний левират. Тем не менее среди чукоч такой формы левирата я не нашел.

БРАК У ПРИМОРСКИХ ЧУКОЧ

Мое сообщение б браке у приморских чукоч будет более кратко. В главных чертах основа брачного союза у приморских чукоч и азиатских эскимосов та же, что и у оленных чукоч. Здесь мы также встречаем брак между близкими родственниками, брак путем обмена между семьями -- женщина за женщину -- и, наконец, брак в чужой семье путем отработки за невесту. Молодой приморский чукча, или эскимос, вступает в качестве работника в семью будущего тестя и живет у него два или три года, отдавая все результаты своего труда до тех пор, пока хозяин не согласится отдать ему в жены свою дочь. Если невеста слишком молода, чтобы вступить в брачный союз, жениху приходится жить у своего тестя, прилежно исполняя всевозможные работы в ожидании того, когда невеста станет достаточно взрослой. Многие из моих друзей -- приморских чукоч -- перечисляли мне и пытались дать оценку всему тому, что каждый из них отдал своему тестю во время работы за невесту. При "этом перечислении " мясо добытых ими тюленей, моржей и китов вовсе не принималось в расчет, будучи продуктом, пригодным лишь для потребления в пищу. Учитывались лишь продукты промысла, годные для продажи торговцам или для обмена с оленными чукчами. Один из них говорил мне: "В свое время я отдал тестю 3 полосы китового уса, 5 песцов, 5 больших оленьих шкур, 10 пар моржовых клыков". Другой отдал своему тестю 5 полос китового уса, 3 пары моржовых клыков, 2 большие моржовые шкуры и т. д.

Обычай отработки за жену существует у многих племен прилегающих стран. Так у коряков, оленных и приморских, жену можно получить посредством отработки в ее семье. У древних камчадалов, согласно Стеллеру, если кто-нибудь хотел жениться, то доставал себе жену посредством отработки за нее в ее семье.

Порядок и правила отработки здесь совершенно такие же, как у чукоч. Юноша должен исполнять самые тяжелые хозяйственные работы. Часто, если он не угодил будущему тестю, ему приходится безропотно убираться подобру-поздорову, так что вся его работа пропадает даром {Steller, стр. 343.}. Среди алеутов молодой, муж также был обязан жить у родителей своей жены, работая на них {W. H. Dall, Alaska and its Resources, стр. 402.}. Обычай отработки существует также у айну {Иохельсон ("Коряки", стр. 759) сообщает, что у коряков случаи приема в оленеводческую семью выходца от приморских жителей весьма редки. Зять из приморских жителей не обещает быть хорошим пастухом. Это находится в полном противоречии с обычаями чукоч.}.

Одинокий юноша у приморских чукоч, точно так же как и у оленеводов принимается в качестве зятя в зажиточную семью, в которой много дочерей. Групповой брак и левират здесь находятся в той же силе. Смешанные браки с -- иноплеменниками у приморских чукоч практикуются в той же мере, что и у оленных. Я зарегистрировал много случаев смешанных браков между приморскими чукчами и оленными {W. H. Dall, Alaska its Resources, стр. 524.}. Браки между приморскими чукчами и азиатскими эскимосами также весьма распространены. Эскимосские поселки расположены бок-о-бок с чукотскими. В некоторых поселках, как, например, Cecin или Uwelen, половина семей чукотские, половина эскимосские. Чукчи говорили мне: "В теперешнее время, с тех пор как прекратились войны, весь народ перемешался" (ьmьlo remkьn ralo genetlin). Эти слова не раз я слышал от чукоч в разных местах их территории. Выходцы с американской стороны более трудно смешиваются с приморскими чукчами.

Относительно "гостеприимной проституции" следует сказать, что под влиянием американских китоловов платная "проституция распространилась среди всех приморских жителей по обеим берегам Берингова моря. Каждый китоловный пароход имеет на борту несколько молодых женщин с американского или азиатского побережья. Я сам наблюдал, как при появлении американского парохода вблизи селения Uŋasik женщины в кожаных лодках со всех сторон стали приближаться к пароходу, откровенно предлагая свои услуги. Для того чтобы их лучше поняли, они сжимали руками щеки и закрывали глаза, изображая сон.

Брачный обряд сопровождается жертвоприношением домашнему очагу и помазанием. Для помазания вместо крови употребляется красная краска из ольховой коры. На мой вопрос -- какие знаки наносят на свои лица вступающие в брак -- неизменно я получал один и тот же ответ: "Tьmŋ-alvalag" (не все ли равно"). Это указывает на то, что в семьях приморских чукоч знаки помазания существовали в прошлом, но они забылись, сохранившись лишь как пережиток в брачном обряде.

Существенная разница брачных обычаев приморских и оленных чукоч обнаруживается в отношении моногамии. Случаи многоженства у приморских чукоч довольно редки. Правда, в приморских сказках нередко встречаются люди, имеющие трех и четырех жен. Однако, на самом деле, даже двоеженец -- редкое явление. Приморские чукчи, живущие рыболовством и морской охотой, не в силах содержать лишнюю семью. Они едва в состоянии добыть пропитание для одной жены с ее детьми. Это служит причиной того, что моногамия повсеместно преобладает среди приморских чукоч. По этой же причине у приморских чукоч далеко не так, как у оленных, распространены случаи, когда жена отсылается обратно домой или отбирается у мужа ее родственниками. Даже у приморских торговцев, разбогатевших в сношениях с американскими китоловами, обычай моногамии остается в силе. Выше я имел случай описать полигамную семью Ejgeli, богатого оленевода с реки Олоя. Семья богатого эскимосского торговца Quvar из селения Uŋasik, имя которого опять-таки многократно упоминалось, представляла собою прямую противоположность семье Ejgeli. Обе семьи можно рассматривать как типичные для оленных чукоч, с одной стороны, и для приморских жителей, чукоч или эскимосов -- с другой. В обеих семьях мне пришлось прожить довольно долго. Семья Quvar состояла из его самого, его жены и трех молодых дочерей. У него было также два сына, но один из них умер от кори, другой от инфлуэнцы. Старики оставались всегда вместе. Они сильно горевали о своих умерших сыновьях. "С тех пор как они умерли,-- говорил мне Quvar, -- я совсем забросил свое дело я начал пить водку. Раньше я никогда не пил и только угощал гостей и подносил им. Теперь из меня выдернули душу, мой ум отупел. Я не имею сна. Так мы сидим, я и моя жена, стонем и плачем. Зимой, когда солнце исчезает, мы принимаем гостей. Гости приходят, входят в спальный полог, греются, шумят, -- нам это приятно. Гости уходят, и мы снова плачем. Мы не можем есть. Мы горюем".

Оленный чукча, потеряв своих сыновей, тотчас же возьмет себе в жены другую, молодую женщину, от которой у него могут родиться другие сыновья.

Глава VII
СТОЙБИЩЕ И ПОСЕЛОК

СТОЙБИЩЕ ОЛЕННЫХ ЧУКОЧ

Стойбище у оленных чукоч и поселок у приморских представляют собою социальную единицу. Однако эта первичная социальная организация не отличается прочностью. Она постоянно изменяется. Чукотское стойбище очень не велико. Оно состоит из двух или трех семей, и все население его не превышает 10--15 человек. Стойбища, объединяющие 4, 5 или 6 семей, насчитываются единицами, стойбище же, состоящее из 10 шатров, просто немыслимо, за исключением особых случаев, как, например, стойбище, временно образованное на ярмарках. Как уже сказано выше, количество шатров на стойбище соответствует количеству семей, так как каждая семья имеет свой особый шатер. В большинстве случаев стойбище объединяет родственные семьи: братьев, двоюродных братьев и т. п. с их женами и детьми. Такое положение вещей мы встречаем у оленеводов не слишком богатых, стада которых не столь велики, чтобы заставить их кочевать особыми стойбищами.

Если стадо, оставшееся после смерти отца, состоит только из нескольких сот оленей, то сыновьям нет основания делить его на мелкие части, и они продолжают пасти его совместно, как это было раньше. В более бедных семьях, считающих своих оленей не сотнями, а десятками, сыновья, напротив, склонны делиться и искать себе нового счастья, каждый отдельно. С другой стороны, владельцы наиболее мелких стад часто объединяются с людьми равного им достатка, не связанными с ними узами родства. "Бедняки не заботятся о родственных связях", -- говорят чукчи. 5 и даже 8 таких бедняков сгоняют вместе своих оленей, образуя два или несколько стойбищ. Часто богатый чукча-оленевод не в состоянии пасти своих оленей, силами своей семьи и нуждается в помощниках. Помощниками бывают большей частью бедные родственники или просто бедняки-пришельцы из приморских поселков или с отдаленных стойбищ. Таким образом стойбище богатого оленевода состоит из семьи хозяина и из одной или двух семей помощников, зависимых от хозяина.

ХОЗЯИН СТОЙБИЩА

Хозяин стойбища, живущий в главном шатре, называется aunralьn, что значит: "(человек) из главного шатра", "главнодомный" {Слово aunralьn в чукотском языке имеет значение "хозяин".}, также -- ermecьn ("силач") и əttooralьn ("переднедомный"). Обитатели прочих шатров называются nьm-tumgьt (nьm-tumgьn -- "товарищ по стойбищу", "сосед"), также -- iaarralьt ("заднедомные").

Передний шатер помещается впереди всех других. Порядок шатров направляется слева направо, навстречу рассвету {Объяснение см. в следующем томе, который относится к религии.}. Часто передний шатер, действительно, стоит несколько впереди остальных. Правая и левая сторона в таких случаях определяются, согласно чукотскому обычаю, "обратив лицо к жертвенному месту позади шатра" {Объяснение см. в следующем томе, который относится к религии.} (poiaacen). Таким образом передний шатер чукотского стойбища является первым с северо-восточной стороны, задние шатры, отходят к юго-западу от него. Все шатры стоят в одном порядке. Линия шатров может быть обращена к востоку или к северу, или изломана, если к этому вынуждают условия поверхности. Расположение шатров тогда отступает от порядка. В таком случае расположение входа каждого из задних шатров все более и более отклоняется к югу, так что нередко вход заднего шатра оказывается обращенным в сторону прямо противоположную входу переднего. Во всяком случае, чукчи заботятся о том, чтобы вход сзади стоящего шатра не был обращен к жертвенному месту предшествующего. Иначе дым, идущий от очага неправильно поставленного шатра, выходя через входное отверстие, попадет на жертвенный огонь предшествующего дома и осквернит его деревянное огниво и домашнюю святыню. Напротив того, шатры, имеющие общий огонь, могут стоять "прямо против жертвенного места". Передний шатер обычно больше других. Он часто называется cьmŋa-peralьn -- "бычьеподобный", это значит, что передний шатер выглядит между другими шатрами также точно, как большой олений бык выглядит между другими оленями.

Передний шатер по праву принадлежит владельцу стада или большей его части. Старший из братьев или его старший сын имеет преимущество над. остальными братьями. Так что, случается, мальчик-племянник имеет преимущество над своими взрослыми дядьями. На стойбищах бедняков, о которых я говорил выше, самый богатый или самый физически сильный занимает переднее место. На временных стойбищах, как, например, на ярмарках, переднее место достается первому пришельцу. Пришедшие после занимают места впорядке своего прихода, так что явившийся последним занимает самое заднее место. Занявший первое место считается хозяином стойбища. Он распоряжается переменой места стойбища или пастбища, назначает дни прихода стада к стойбищу, убоя оленей на мясо и устройства жертвоприношений и праздников. В повседневной жизни он назначает людей на различные работы по стойбищу или около стада. Следует заметить, что власть хозяина стойбища над обитателями этого объединения двух-трех шатров весьма реальна. А так как чукчи вообще нетерпеливы, к власти другого человека, то часто завязывается ссора даже между родными братьями. Тогда наступает раздел, хотя бы стадо было совсем не велико. Если, стойбище состоит из семей, не связанных между собою родством, и начинается ссора, то самый раздел стада ведет к новым недоразумениям, так как не всегда легко установить, кому принадлежит тот или иной олень. Многие оленеводы победнее и посварливее нередко нарочно стараются загнать своих оленей в стадо богатого хозяина. Чаще всего это бывает летом, когда стада пасутся поблизости друг от друга. На побережье Ледовитого океана, в Колымском районе, богатый оленевод, подогнав летом свое стадо слишком близко к береговой полосе, не всегда в состоянии уберечь его от таких нежелательных вторжении. Прибрежная полоса, прохладная и богатая растительностью, сплошь занимается владельцами мелких стад. Она является предметом постоянных раздоров. Летом стада скопляются там в таком количестве, что впоследствии даже владельцы небольшого числа оленей не в состоянии, отделить своих от чужих без некоторых потерь. Тем труднее это богатому оленеводу. Хозяева? кочующие по соседству с ним, безнаказанно, убивают его оленей на мясо, метят уши его телят своим собственным тавром и изменяют знаки даже на взрослых оленях.

Хозяин большого стада не знает всех своих оленей, так что некоторые менее заметные олени могут быть изъяты без всякого риска, что пропажа будет обнаружена. Поэтому богатый оленевод старается держать свое стадо вдали от соседей и всячески предотвращает приближение чужого стада. Разделение смешавшихся стад, даже если это происходит без всякого обмана, составляет долгое и трудное дело. Пастухи соседних больших стад напрягают все силы, чтобы не дать им сойтись слишком близко. Я часто наблюдал такое смешение стад. Оно всегда приводило к ссоре и взаимному недовольству. Оленные тунгусы, когда живут вблизи, чукоч, имеют постоянную склонность перемешивать стада, так как они бедны и постоянно кочуют со своигии оленями даже летом, а чукчи стоят неподвижно на месте в течение лета. Когда стада опять разделены, чукчи жалуются на пропажу нескольких телят, а тунгусы жалуются на пропажу какого-нибудь упряжного быка большой цены. Тунгусские олени; хотя в малочисленные, гораздо дороже и лучше чукотских. Таким образом обе стороны имеют повод к недовольству.

Само собой разумеется, что ни один оленевод не может присоединяться к стойбищу не получив на это согласия его обитателей. Даже на временных торговых стойбищах или на праздниках, во время оленных бегов, куда каждый является со своим дорожным шатром и семьей, никто не имеет права раскинуть свой шатер возле других, не заручившись согласием будущих соседей. Как только разрешение получено и олени распряжены, стада немедленно соединяются вместе, так как основное, правило гласит: одно стойбище -- одно стадо. Несмотря на это, раздел стада впоследствии постоянно приводит к ссорам. Олени, приводимые сюда, имеют большую цену: все это хорошо выезженные, сильные бегуны или жирные быки для убоя, и пропажа даже одного ощутительна.

ПОМОЩНИКИ

На стойбище богатого оленевода; как сказано выше, имеются помощники, всецело зависимые от хозяина. Сговор между будущим хозяином и помощником хорошо изображен в сказке об Ajgьnto {В. Богораз, "Чукотские материалы", стр. 263.
}.

"Поехали на собаках внутрь. Ехали, ехали, стали без еды. Собаки издохли. Пошли пешком. Санки тащат, идут. Совсем истощились силы. Тогда встретили стадо. При стаде один пастушок-мальчик. "То, го! Кто вы?" -- "Мы люди Ajgьnto".--, Ага! Наконец нашлись для нас товарищи на земле. Пойдем к нам в дом!" -- "А там кто всех старше?" -- "Отец, разумеется". -- Ну, а может быть, он скажет: не нужно. Лучше же мы будем оставаться на этом месте".-- "Если так, то пойду спросить отца".

Живет один старичок в шатре с женой. "Вот,-- говорит сын,-- пришли такие гости, невиданные доселе соседи". -- "Где же они? Пусть войдут".-- "Но они остались при стаде, говорят: "Может быть, отец твой скажет: не нужно".-- "Замедление ты!-- бранится отец.-- Отчего не привел сразу? Товарищи сидят на пусто-лежащей земле. Беги скорее назад!" Полетел, как стрела из лука. "Отец бранит меня из-за вас, говорит: отчего не привел сразу". -- "Э-э-э! Если так, то пойдем". Пошли. Подошли к шатру. Не входит в шатер Ajgьnto и не пускает детей. "Боюсь, может быть, старуха взглянет косо". Вошел один сын. "Где же гости? Пусть войдут". -- "Они отказываются, говорят: быть может, старуха "взглянет косо". -- "Ну, ну. Выйди. Введи гостей в полог. Затруднение ты! Торопись, пусть войдут". Вышла старуха наружу. -- "Кэкэ! Гостья пришла! Скорее войдите". Отрясла их колотушками {Прежде чем войти в полог, тщательно отряжают снег с одежды особыми колотушками из оленьего рога.}. "Войдите".--"Пусть сперва отец", -- говорит хозяин изнутри. Ajgьnto вошел.-- "Ты пришел?" -- "Да, я пришел" {"Jettъ?" ("Ты пришел?") "Tьjetjəq" ("Я пришел") -- обычное приветствие при встрече у чукоч, которое произносится в то время, как человек входит в спальный полог. Хороший тон требует произнесения этой краткой формулы. Когда пришелец находится еще снаружи и хозяин, сидящий в спальном пологу, слышит его приближение, первые произносимые ими слова обычно следующие: -- "Mej" ("Эй") -- "Wuł" ("Чего?") -- "Meŋin?" ("Кто ты") -- "Elo, gьm" ("Ну это я"). Затем следует приглашение войти, причем употребляется вышеприведенная формула приветствия. В результате сношений с русскими у чукоч существует другая формула приветствия: Toroma,-- не что иное, как русское "здорово", измененное согласно законам чукотской фонетики.}. Ему указал на почетное место, против себя, по ту сторону лампы. Потом говорит: "Пусть дети гостя войдут". Вошли мальчики. Посадил их рядом с собой. "Будьте моими детьми". -- "А я как же?" -- говорит Ajgьnto. -- "Стой, стой! Пусть войдет мой сын". Вошел. Велел ему сесть возле Ajgьnto. "Вот будет твой, если тебя сюда привел" -- "Хорошо,-- говорит Ajgьnto,-- мои двое, твой один -- пусть будет мена, если твоя пища на придачу".

Так стали жить. Трое юношей ходят за стадом. Старики только живут при шатре.

Это описание отчетливо показывает, сколь велико может быть желание хозяина иметь соседей -- помощников в уходе за стадом. Наиболее желательными в качестве таковых, конечно, являются родственники. Следует отметить, что в приведенной сказке богач -- хозяин и бедняк -- пришелец рассматриваются как равные и впоследствии живут скорее как родные братья, нежели как хозяин и работник.

Другой рассказ, об "Elendi и его сыновьях", описывает отношения между хозяином и его рабом, который был взят в плен во время войны.

Рассказ описывает, как Elendi послал своего пленника к стаду, приказав ему смотреть за стадом вместе с его собственными двумя сыновьями. Пленник все время спит в шалаше, оставляя мальчиков одних при стаде. Когда настало время отнести мясо на стойбище, убитый олень оказался совсем иссохшим, без малейшего слоя жиру. Хозяин, разгневанный этим, спрашивает у мальчиков о причине столь скверного ухода за стадом. "Это оттого, что помощник скверный",-- следует ответ.-- "Для какой работы ты взял этого человека? Он только спит в шалаше все время, предоставляя пасти оленей нам двоим".

Отец идет к стаду, застает работника спящим и дает ему хороший урок при помощи тяжелого кнута. Однако это не помогает. Через несколько дней хозяин является снова и повторяет расправу, употребив на этот раз обрывок железной цепи. Тогда работник изменяет свое поведение. Он становится ревностным в заботах о стаде. Когда стадо убегает, он бежит быстрее оленей. Они убивают оленя на мясо. Он говорит мальчикам: "Теперь вы можете спать". Он разрубает мясо, варит его, выкладывает в корыто и будит детей: "Ну, садитесь и "ешьте".

Мальчики, поевши, надевают обувь, готовятся итти к стаду, но он говорит им: "Вы можете спать, я пойду к оленям". Мальчики спят, сколько хотят. Пробудившись, они сидят в шалаше, распевая песни. Работник стал очень заботлив. Все время он проводит возле стада. Стадо заметно жиреет. Он стал хорошим пастухом, искусным в уходе за оленями. Они снова убили оленей. Телята были жирные, круглые, как сальная свеча. Они убили одну молодую важенку и двух бычков. Мальчики говорят: "Теперь ты должен отнести мясо домой". Он понес на спине одну тушку. Когда он пришел на стойбище, хозяин был занят мелкой работой. "О, о, ты пришел! Дайте ему сухую обувь, "чтобы он переменил свою",-- так он сказал своей жене. Хозяин развязал ношу и увидел тушу теленка, всю белую от жира. Сердце хозяина развеселилось. Они поели жирного мяса. Работник тотчас же переменил обувь и хотел уходить. "Куда ты?" -- "К стаду".-- "Нет, нет, спи здесь. Оставь мальчиков одних". Легли спать. Рано утром хозяин проснулся, -- от работника не было и следа. Он ушел к стаду. Так прошло лето. Они привели стадо домой и начался осенний убой оленей. Работник так ревностно заботился о стаде, что мальчикам было совсем нечего делать. За всем он присматривал сам. Олени стали очень жирные. Спины у них были плоские, как доски, и даже старые быки были тучные.

Хозяин был благодарен работнику. Однако тот затаил обиду и однажды, переправив его на уединенный остров, лежащий далеко от берега, покинул его там а сам вернулся на стойбище и сделался хозяином стада. Несколько недель под ряд он истязал мальчиков и жен своего хозяина, убивал оленей, ел самое жирное мясо. Однако Elendi был спасен птицами. Они перенесли его через море. Elendi схватил работника, наказал его весьма жестоко и затем убил его.

Человек, рассказавший мне эту сказку, добавил от себя: "Если бы работник продолжал быть хорошим и полезным, Elendi был бы, конечно, весьма ласков к нему, дал бы ему в жены одну из своих сестер, а может быть, уступил бы ему одну из своих собственных жен. Его гнев пуще разгорелся благодаря его прежней благосклонности и дружелюбию".

Оба вышеприведенные характерные рассказа ярко обрисовывают положение работника на стойбище у хозяина -- оленевода. В первом случае работник приходит добровольно и сразу же хозяин принимает его как равного и брата. В другом случае работник -- подневольный пленник. Он должен исполнять самые тяжелые работы. Его жестоко наказывают за небрежность, и лишь в конце концов он добивается положения равноправного члена семьи в награду за свою ревностную и полезную работу. Следует сказать, что факты действительной жизни располагаются между этими двумя крайностями.

Встречаются хозяева не менее благосклонные к своим работникам, чем вышеуказанный старик по отношению к Elendi. У этих хозяев работник действительно становится как бы близким родственником и участвует наравне с прочими членами семьи в жизни стойбища. В конце концов семьи хозяина и работника составляют одну семью. Иногда, после смерти хозяина, работник делается фактически главой стойбища, хотя формально права хозяина переходят к кому-нибудь другому.

Другие хозяева, наоборот, жестоки и скупы. У таких работники меняются ежегодно. Порою, прежде чем работнику удастся освободиться от такого хозяина, ему приходится вынести множество невзгод и лишений, являющихся следствием дурного обращения хозяина. Я знаю случаи, когда хозяин не только ругал работника скверными словами, но даже наказывал веревкой или палкой, так же точно как Elendi наказывал своего раба.

В идеале, конечно, считается, что семья хозяина должна внимательно и благосклонно относиться к своим работникам. Так, например, другой эпизод того же обширного рассказа описывает нам, как Elendi, взяв в плен своего противника, убивает его жену дубиной, на его глазах, со словами: "Почему не кормила ты своих соседей хотя бы украдкой, без ведома мужа? Почему ты не давала им прибавочной еды?"

И действительно, если, хозяин слишком суров, его жена считает себя обязанной по возможности облегчить положение молодого работника. Она украдкой сунет ему кусок сушеного мяса или жира, которые служат добавлением к его скудной еде, и порою сделает ему небольшой подарок, чтобы утешить его за жестокие нападки и дурное обращение хозяина. В рассказе об Elendi есть такой эпизод: Elendi приезжает к чужому (эскимосскому) богатырю, и они садятся за обед. Когда они начали есть, бедные соседи тоже протянули руки за мясом. Но хозяин вместо мяса наделил их ударами. "Вы подождете! Дайте сначала поесть моим гостям". Он взял за правило, чтобы бедняки -- соседи не смели есть вместе с ним. Горло у них сжималось от желания, но им оставалось лишь одно: смотреть, как едят хозяева. Что они могли еще сделать? Тогда Elendi сказал: "Нет, нет, вы тоже ешьте". Они просовывают свои руки под руки гостей и берут мясо. Но хозяин бьет их по рукам. Хозяин сам" нарезал себе китового мяса, ест один. Гость опять говорит: "Ну, ешьте все!" Хозяин ударил гостя: "Почему ты приказываешь? Я -- хозяин". Гость, снял свой крепкий кожаный пояс и хлестнул хозяина по голой спине (по обычаю чукоч, оба сидели в пологу голые до пояса). Тело хозяина покраснело и вспухло от удара. Гость сказал своей жене: "Свари-ка побольше мяса. Эти бедняки, наши друзья, еще не наелись вдоволь". Хозяин неподвижно сидит на месте. Жена гостя сварила мясо. В чужом шатре она действовала как в своем собственном. Хозяин сказал: "Постой, постой, увидим, как выйдет". Говорит хозяин: "Вот что, должно быть, ты и есть чукотский богатырь, стадоотниматель". Elendi отвечал: "Не я, а ты насильник!" {Игра слов: ermecьn ("силач") означает в одном смысле "богатырь", в другом -- "насильник";, "грабитель".} Ты не позволяешь соседям есть при тебе. Куски вырываешь изо рта: ты и есть насильник. Я кормлю своих соседей -- кусок беру себе, другой даю им. Именно ты отниматель еды. Поэтому я, пожалуй, и убью тебя. И никто тебя не пожалеет". Так Elendi выразил свое негодование, возбужденное несправедливыми поступками хозяина.

Следует заметить, что Elendi -- оленевод по происхождению и быту. Он выражает здесь чувства оленных кочевников. Его противник, напротив, приморского происхождения, который живет охотой на морского зверя. Как общее правило, соседи -- помощники у оленных чукоч -- сильные молодые люди, способные к уходу за стадом. У приморских чукоч помощников, собственно, нет. Это скорее "бедные соседи", как они называются в рассказах приморского происхождения. Эти бедняки-соседи, неудачливые или неискусные в морской охоте, постоянно зависят от куска добычи, уделяемого им кем-либо из более, удачливых товарищей. Поэтому не представляет ничего удивительного резкая разница в положении соседей у оленных и у приморских чукоч. Слова Elendi отчетливо обрисовывают оленеводческую точку зрения в противовес скупости и жестокости приморского быта.

В виде иллюстрации того, как эти сказочные идеалы претворяются в действительной жизни, я могу привести отрывок из автобиографии одного чукчи, сообщенной мне им самим. Еще мальчиком он остался сиротой и в очень раннем возрасте сделался работником у оленевода.

"Потом мой дядя пришел, сказал: "Ух, племянник ты. У меня живи. Я тебя вырощу. Вырастешь, стариком я стану, мое жилище возьмешь. Все мое стадо заберешь". Потом я пять лет у него жил, постоянно я один при оленях ходил. Постоянно, вернувшись домой, мало ел. Однако бранится. Говорит: "Ух, почему медленно ты ходишь? Ленив ты! Почему медленно расхаживаешь? Ленивым человеком будешь". Немного спустя опять: "Пусть я побью тебя". Потом бил меня, все по голове, все арканом, постоянно. Наконец, за реку осенью перешли люди, мы тоже. Попрежнему там колотит меня, все палкой. Я сказал: "Пусть отдельно я стану". На ту сторону реки Омолона ушел тайно, украдкой я ушел. Только теперь на тундру к Omruwge пришел, к Сопливому Omruwge. Говорит: "Пришел ты? Пусть у меня побудь". Его брат, худой человек тоже, постоянно бранится. Опять там немного летом пожил, опять ушел, к Wukwuqəj туда (далеко) пришел. Говорит Wukwuqaj: "Мое стадо мало, не будь у меня". Я сказал: "Согласен, пусть опять я уйду". Потом туда я пришел к Ejŋewgi. Говорит Ejŋewgi: "Твой дядя здесь близко есть. Пусть вместе туда мы уйдем". Опять мы ушли, к моему дяде Ottьlgьn'у пришли. Говорит Ottьlgьn: "Племянник, пришел ты?" -- "Да, пришел я". Говорит: "Ну, ты завтра к оленям ступай". Говорит мой троюродный брат Ranakwurgьn: "Хорошенько за тавром смотри. С дядиным много чужих стад соединилось. Сосед Vetlь постоянно крадет: где жирный олень, всех убивает, на поле зарывает". Потом хозяева пришли, оленей отделили, сказали: "Части нет". Vetlь говорит: "Должно быть, потерялись". Потом говорит другой человек: "Должно быть, Vetlь украл". Собственник бранится, говорит: "Ух! почему ты украл?" Vetlь говорит: "Ух! Я ничего не украл". Говорят другие: "Пусть, пусть их, не ссорьтесь. Пусть потерялись". Потом я тоже ушел, к Penelqut'у пришел. Тоже Penelqut -- мой двоюродный дядя, дядя по матери, или что. Только у Penelkut'а худо я жил. Бранится, говорит: "Худо ты стережешь (стадо). Однако между тем жадно едящий ты, но худо поступаешь в охранении оленей. В конце концов уши тебе обрежу". Говорит: "Если снова с этого времени худо будешь стеречь, убью тебя... Попробуй-ка хорошенько охранять (оленей), заставь их пастись, не позволяй им ложиться, сделай, чтобы они жирели, потом жирный кусок мы есть станем. Продавать их будем. Потом состаришься, хорошо жить будешь. Потом хорошо умрешь когда-нибудь, сыновья сделают большой могильник из рогов. Каждый едущий на оленях посмотрит на тебя, будет хвалить тебя..." {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 61.}

Следует заметить, что большинство хозяев этого юного пастуха были его родственники, однако это отнюдь не вело к тому, чтобы его положение чем-нибудь отличалось от положения обыкновенных работников. Много раз мне приходилось видеть богатых оленеводов, которые обращались со своими пастухами, родственниками и не родственниками, с одинаковой грубостью.

Я помню одного старика, в шатре которого мне пришлось провести ночь. Ночь была темная, ветреная. Волки напали на стадо и угнали несколько оленей. На следующее утро, выйдя из спального полога наружу, старик увидел двух пастухов, которые сообщили ему о печальном происшествии. Тотчас же старик страшно разгневался, схватил аркан и принялся хлестать их обоих. Оба они были рослые, здоровые парни, сам же он был маленький, дряхлый. При ударах он подскакивал и все норовил попасть им по лицу железным кольцом аркана. Оба пастуха принимали удары, не двигаясь с места. С точки зрения чукоч, старик был прав, особенно потому, что, вместо того чтобы отправиться на поиски пропавших оленей, они пришли на стойбище рассказать о потере. Один из пастухов был племянник старика, другой -- чужак-пришелец. В данном случае разница лет давала старику дополнительное право сурового обращения со своими работниками.

Вспоминаю другой случай, когда, молодой хозяин избил помощника -- своего ровесника. Хозяин был сильный, энергичный человек, искусный и неутомимый пастух. Помощник, наоборот, был неумелый оленевод-бедняк, "расположенный только ко сну и к еде", как говорят чукчи. Конечно, слабосильный хозяин никогда не решился бы ударить сильного и энергичного помощника того же возраста.

В чукотском языке нет специального слова для помощников в оленеводстве. Они называются общим словом: nьm-tumgьt -- "товарищи по стойбищу", "соседи". Этот термин применим вообще ко всем обитателям на стойбище под главенством хозяина. Есть еще другое слово: gьpЫn, что значит "работник". Оно применяется ко всем исполняющим какую-либо работу по стойбищу или возле стада, включая и членов семьи хозяина. Третий термин, которым может быть обозначен помощник,-- cawcuwa-amolьn. Первая часть термина, как уже сказано, значит: "оленный чукча", также "богатый оленями"; вторая часть имеет значение: "слабый, зависимый, подчиненный", с оттенком презрения. Слово əmulьn, употребленное само по себе в обращении к кому-либо, есть, в сущности, ругательство. В соединении с другим предшествующим словом ciq, что значит "очень", слово ciq-əmulьn следует перевести как "совсем слабый", "никуда негодный". Обозвать так чукчу значит дать ему повод к серьезной ссоре. Впрочем, слово əmulьn употребляется в качестве собственного имени, которое порою встречается у чукоч. В древности этим словом, вероятно, обозначались рабы и военнопленные, о которых мне придется говорить ниже.

Слова vьjolьn, vinreteьn, vinret-iumgьn все обозначают "помощник" в точном смысле слова. Но они применяются скорее к тому, кто оказывает какую-нибудь особенную помощь. Поэтому эти термины употребляются также для обозначения так называемых помощников сверхъестественного свойства {См. прим. на стр. 142.}.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Условия жизни помощника на стойбище хозяина всецело зависят от качества его работы и от состояния стада, вверенного его попечениям. Если у помощника есть свои олени, он присоединяет их к стаду хозяина, и там они находятся до тех пор, пока помощник окончательно не отделится от стойбища хозяина. Мясо для своей семьи помощник почти всегда в достаточном количестве получает из хозяйского стада. Его шатер стоит в числе задних шатров стойбища. Во время убоя на каждый шатер обыкновенно дается по одному оленю. Конечно, обитателям переднего шатра достается самый лучший олень: большой бык или жирная яловая важенка, тогда как самому заднему шатру может достаться лишь тощий теленок. Снабжение мясом вообще зависит от положения помощника на стойбище. Если хозяин доволен его работой, то он не жалеет мяса для его семьи. В том случае, если число убитых оленей не соответствует числу шатров, каждый шатер получает свою часть мяса. Вопрос об одежде и о покрышке для шатра также находится в зависимости от такого убоя. Женщины каждой семьи сдирают шкуры с полученных ими оленьих туш и могут употреблять их по своему желанию на нужды семьи.

Чай, сахар, табак, железо и другие иноземные товары приобретаются хозяином и помощниками независимо друг от друга, большею частью в обмен на пушнину, добытую на охоте. У оленных чукоч, однако, главной основной ценностью являются выпоротки и пыжики, т. е. телячьи шкурки, собираемые во время тельбы, также весной и летом. Выпоротки и пыжики обычно сохраняются у хозяина, за исключением тех немногих, которые помощники могут иметь от своих собственных, оленей, находящихся в стаде хозяина. Поэтому хозяин, по возвращении с ярмарки, отделяет известную часть привезенных товаров и отдает помощникам, особенно если они были неудачливы в охоте и не имеют лисиц и песцов для собственных покупок. Впоследствии хозяин наделяет своих помощников табаком, чаем, когда у них выйдет свой запас. Конечно, так поступает лишь "хороший" хозяин.

Нередко случается, что оленеводческое хозяйство какой-либо семьи пришло в упадок. Оленей становится недостаточно. Приходится влачить полуголодное существование. Такая семья охотно присоединяет своих оленей к стаду богатого оленевода, у которого мало пастухов. Положим, богатые хозяева не очень охотно принимают таких обедневших соседей, опасаясь, что неудачливость обедневшего оленевода может сообщиться их собственному стаду. Однако нужда в рабочих руках сильнее такого страха, в особенности если обедневшая семья, потеряв часть своих оленей, несколько лет после этого не испытывает новых неудач.

В случае соединения маленького стада с большим новоявленный помощник лишь известную часть довольствия получает, от хозяина. Остальную часть он должен попрежнему брать от своих собственных оленей. Пастухи убивают оленей по приказанию хозяина и разносят туши одну за другой по шатрам. Если окажется, что на долю какого-нибудь шатра не досталось ничего, такой семье приходится убить одного из собственных оленей. Однако в таких случаях связь между хозяином и помощником не очень крепка и может порваться в короткий срок.

Напротив того, настоящие работники получают от своего хозяина, кроме мяса, несколько живых телят в виде ежегодного подарка. В конце лета на ушах телят надо ставить тавро их владельца. Как только теленок пойман и отдан в руки хозяина, последний выкусывает зубами свое тавро на ушах теленка. Но иногда, вместо того, он передает его помощнику и коротко скажет: "тебе". Тогда помощник выкусывает на ухе теленка свое собственное тавро, и теленок принадлежит ему. Количество даримых телят зависит от состояния стада и еще больше от того, сколько умерло телят в минувшую весну и сколько их осталось. В хороший год помощник может получить от хозяина три, пять и даже больше телят. Они вырастают в общем стаде, и все потомство их принадлежит также помощнику. Раньше я уже говорил, что олени при благоприятных обстоятельствах размножаются очень быстро. Важенки начинают телиться уже на первом году. При каждом убое хозяин охотно соглашается убить молодого бычка от помощника, отдавая взамен телку такого же возраста из собственного стада, тем более, что бычок обычно крупнее и в нем больше мяса. Таким образом работник, явившийся к хозяину совершенно неимущим, по прошествии нескольких удачных лет может сделаться владельцем полусотни и даже сотни важенок, Следует заметить, что при подсчете стада чукчи принимают в расчет только важенок. Я имел случай познакомиться на Сухом Анюе с неким Tato, жившим в качестве работника на стойбище Qeŋu-ketlan, самого богатого оленевода в этом районе. Tato прожил у него несколько лет. Когда он пришел к нему, у него совсем не было оленей. Ко времени моего посещения он был владельцем не менее трех сотен важенок. В стаде его хозяина было больше трех тысяч важенок. Семья Tato питалась исключительно за счет стада хозяина, тогда как его собственное стадо неуклонно возрастало. С тем количеством оленей, которым он владел, он вполне мог отделиться и жить особым стойбищем. Однако он предпочел остаться с хозяином. Оба были не очень молоды и имели взрослых сыновей и дочерей, которые помогали им при стаде. Оба были бдительные и опытные оленеводы и прекрасно знали все условия пастьбы зимой и летом. Они жили мирно и дружелюбно, совсем так, как Ajgьnto со своим хозяином в вышеприведенном рассказе.

В других случаях работник, едва накопив сотню оленей, отделяется и начинает жить своим стойбищем. В течение долгих лет ухода за стадом пастух приобретает опыт и уменье и часто превосходит в этом отношении членов семьи хозяина. Приобретенный опыт он прилагает к уходу за своим собственным стадом, и оно у него возрастает из года в год. Такие хозяева весьма экономны и всеми силами стараются, чтобы оленей было убито как можно меньше. Мне вспоминается один из них, живший на реке Олое. Он всячески изощрялся, изобретая всякие суррогаты пищи, чтобы, заменить оленье мясо. В его семье собирали огромное количество листьев, коры, полупереваренного моху из оленьего желудка, употребляя все это в пищу. Проезжая однажды по реке Олою, я попал на стойбище к его жене. Оказалось, что он оставил ее без куска мяса, укочевав со стадом более чем на два месяца. По возвращении он нашел в себе мужество упрекать жену за то, что она истратила в его отсутствие слишком много "тухлой" оленьей крови из сохранявшегося запаса.

Нет ничего удивительного, что по прошествии нескольких лет столь заботливые Помощники становятся наравне с самыми богатыми оленеводами по качеству оленей. В том же самом районе р. Олоя я могу назвать, например, Kagno, Rьkoq-Ajwan и некоторых других, которые в юности были работниками, а к старости владели стадами в несколько тысяч оленей. Разбогатев, они в свою очередь принимали к себе бедных помощников.

Самые богатые оленеводы, имеющие по три или четыре больших стада, такие как Ejgeli с р. Олоя, Omrelqot с верхнего Омолона, Агаго с Индигирской тундры и проч., устроили так, что каждое стойбище при том или другом стаде имело в качестве хозяина кого-нибудь из их ближайших родственников. У Ejgeli все его стада находились на попечении его взрослых сыновей, которые, в сущности, были полновластными хозяевами вверенных им стад. Один из них, например, чтобы избежать какого бы ни было контроля со стороны отца, укочевал со стадом в отдаленные горы и три года не показывался отцу на глаза. Когда я был у Ejgeli, он время от времени вспоминал об этом и сердито ворчал: "Вот я пойду *я* отберу у него свое стадо". Однако мы прекрасно знали, что он вообще любит хвастать и склонен преувеличивать свою власть и влияние. Все окружающие были уверены, что если б даже он отправился отыскивать непокорного сына, он бы даже не подумал отбирать от него стада, да и вряд ли такой усиленный нажим мог бы удасться. У Omrelqot'a два стада находились на попечении его двух жен, а над третьим он поставил хозяином своего младшего брата. Приблизительно такое же положение было у Агаго и у прочих. Так что, когда Майдель упоминает, со слов чукчи Omrakwufgьn'a, что "у чукоч богатые оленеводы отдают свои стада на полное попечение работников, которые распоряжаются оленями совершенно независимо от хозяина, убивая и продавая оленей по своему желанию, и что единственным условием договора является хорошее состояние стада и постоянное увеличение его" {Майдель, 1. стр. 159.}, то я могу только приписать это мнение полному недоразумению. Стадо не должно существовать без специальных магических охранителей, без ушного тавра и знаков помазания семьи владельца, необходимых для благосостояния оленей. Ни одна семья не доверит своего "оленного счастья" чужому человеку, или, что еще хуже, не согласится заменить священные предметы, относящиеся к стаду, святынями, принадлежащими другой семье. Все условия жизни оленных чукоч таковы, что помощник, начинающий самостоятельно жить со стадом, через несколько лет становится фактическим хозяином его, кому бы оно ни принадлежало.

Вышеупомянутый Quyar, прирожденный эскимос, никогда не имевший собственных оленей, тоже купил известное число оленей и передал их чукче, своему другу. Это стадо, однако, нельзя сравнивать с обычными стадами. Все олени в нем были приобретены покупкой, и, по существу, это стадо представляло собою результат торговли с американцами. Кроме того, Quvar довольствовался получением от стада известного количества мяса и шкур и не очень подсчитывал приход и расход оленей у своего доверенного.

ПОМОЩНИКИ ИНОПЛЕМЕННИКИ

В той части чукотской территории, где чукчи живут чересполосно с ламутами и чуванцами, выходцы из этих племен часто поступают в работники к чукотским стадам. Так, у Агаго на западной тундре помощниками, при всех его четырех стадах, были ламуты. Такое положение вещей, конечно, утвердилось лишь в последние полвека, когда окончательно установились мирные отношения и племена начали смешиваться и перенимать друг у друга различные культурные ценности. Проникновение ламутов в чукотские стада вполне понятно, так как в этой местности чукотские стада полны более ценными ламутскими оленями, разведение и уход за которыми ламутам, конечно, известны гораздо лучше. В особенности это касается верховой езды на оленях в летнее время, чукчам совсем не знакомой. Многие чукотские оленеводы берут помощников -- ламутов специально на лето, с целью научиться от них верховой езде на оленях и способам летней кочевки. В большинстве случаев помощники-ламуты недолго живут на чукотских стойбищах. Слишком различен характер обоих племен. Чукчи не питают особого пристрастия к постоянным перекочевкам и снимаются с места, лишь вынуждаемые потребностями стада в свежем пастбище. Ламуты подвижны и быстры в перемене места стоянки. Они любят бродить и постоянно охотятся, покрывая огромные расстояния. Обычно, прожив несколько месяцев на чукотском стойбище, ламут покидает его и отправляется охотиться за дикими оленями или горными баранами. Уклад жизни чукоч для него слишком тяжел и неподвижен.

БЕДНЯКИ

На чукотском стойбище мы встречаем и иные социальные подгруппы, кроме известных "нам хозяев, их родственников и помощников. Ниже я буду говорить о приморском поселке, где мы находим иной принцип, а именно -- принцип территориального единства. Поселок вообще значительно больше стойбища. Там мне придется выделить особую группу бедняков, состоящую преимущественно из вдов и сирот, не имеющих родственников. Существование их всецело зависит от соседей. На стойбищах оленеводов такое положение встречается значительно реже. Все семьи оленных чукоч связаны между собою узами родства. При таких условиях бедные, семьи, не имеющие родственников, среди них невозможны. Всегда найдется более или менее отдаленный родственник, который примет осиротевшую семью на свое стойбище и предоставит ей средства к существованию. Даже если внезапно умирает работник, семья его, ни в какой степени не родственная хозяину, остается на его стойбище и получает хотя бы скудное содержание. С другой стороны, семья, не заслужившая ничьей благосклонности и всем чуждая, осиротев, попадает в безвыходное положение. Она не имеет даже места, где жить. Конечно, если такой семье посчастливится попасть на чье-либо стойбище во время убоя оленей на продажу, хозяин, убивая оленей, предоставит одного также и на долю бедных гостей. Во время обрядового убоя оленей многие русские и ламуты, являясь в гости, получают убитых телят в подарок от хозяина стойбища.

Основное правило чукоч даже для временных стойбищ: каждый, кто живет на стойбище, должен получать пищу из местного источника. Но через два-три дня наступает время, когда все гости и торговые посетители разъезжаются. Не имеющая друзей семья не знает, куда деваться. Так, например, чукча, по имени Скребущая Женщина, рассказывал мне следующий эпизод своего детства.

Его отец был слабый, беспомощный человек. Оленей у него было совсем мало. Однажды зимой, кочуя с оленями, он попал в страшную пургу. Это случилось вблизи русского поселка Маркова на Анадыре. После этого родители Скребущей Женщины пришли пешком в Марково, таща за собой сани, на которых был только их сын и скудные пожитки. Два месяца прожили они в Маркове почти без всякой еды, так что в конце концов отец умер с голоду, а мать и сын едва не последовали его примеру. Кто-то из оленных чукоч, приехав торговать в Марково, забрал женщину с ребенком. С тех пор начались их скитанья. Никто не хотел оставить их на своем стойбище, а если где-нибудь они задерживались слишком долго, никто не заботился, хватило им еды или нет. Так жили они всегда голодные. У них не было даже ездового оленя, и они были вынуждены переходить пешком с места, на место. Когда мальчик немного подрос, он приходил на стойбище своих богатых соседей и оказывал всевозможные мелкие услуги. Он таскал огромные стволы деревьев, носил воду и лед, запрягал ездовых оленей и за все это получал кусок гнилого мяса или олений желудок, наполненный протухшей оленьей кровью. "Я перестал расти от голоду,-- говорил мне Скребущая Женщина, -- поэтому я такой низенький".

Женщина, оставшаяся вдовой с пятилетним сыном, рассказывала мне приблизительно то же самое. "Когда мой муж умер, -- сказала она, -- пришел его брат и отобрал оленей. Он хотел взять и меня, но я отказалась. У него было страшное лицо: нос разрушившийся и дыры на щеках. Я сказала: "Я хочу жить сама по себе". Он очень разгневался и сказал: "Я не дам тебе ни одного оленя, ты не сможешь ехать". Тогда я ушла пешком со своим мальчиком. После этого вся наша жизнь была в голоде и холоде. Мой мальчик стал работать пастухом в чужом стаде. Но он был слишком мал. А хозяин был очень придирчив. Мой сын был ростом только с теленка, а уже проводил бессонные ночи при стаде, как взрослый пастух. С большим трудом мы нажили нескольких оленей, и через некоторое время у нас стало уже около сотни важенок. Этим мы живем, хотя и очень скромно".

"ПРАЗДНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ"

Кроме вышеперечисленных категорий, среди чукоч есть люди, живущие вне стойбища и семейных связей, вся жизнь которых проходит в постоянных скитаниях. Чукчи называют их tьmnje-lejwulьt -- "зря ходящие", "бродяги". Их положение незавидно, У них нет ни шатра, ни стада. Однако они выработали в себе стойкость обходиться без удобств домашней жизни в суровых условиях полярной тундры.

Я встречал много таких скитальцев. Многие были совсем молодые, другие -- уже старики. У некоторых были жены, которые бродяжили вместе с мужьями, другие жили одиноко. Кое-кто из них имел несколько упряжек оленей, у других был один-единственный ездовой олень, а многие и этого не имели и бродили пешком, что в условиях полярной зимы сопряжено с огромными трудностями. У некоторых не было не только оленя, но также ружья, не было даже поясного ножа, который для северного человека не менее нужен, чем правая рука.

Скитальцы эти весьма беззаботны. Голод -- их постоянный спутник. Я говорил уже раньше, что чукчи едят только один раз в день, и даже приход почетного гостя" не нарушает этого правила. Тем более его не станут нарушать для какого-нибудь "праздноходящего". Конечно, он может притти на чье-либо " стойбище как раз ко времени вечерней еды. Однако, войдя в шатер, он помещается возле входа, позади всех гостей, и отсюда не может сам дотянуться до еды. Он примет несколько кусочков мяса, которые ему соблаговолит сунуть хозяйка шатра, и уже не смеет просить больше. Его не пускают спать в спальный полог. Его спальное место в наружном шатре, под санями, там же, где спят собаки. На следующий день, если он остается на стойбище, ему дают немного поесть, однако обращаются с ним совершенно бесцеремонно. Конечно, если он принимает участие в дневных работах -- рубке дров, носке воды, ловле оленей, его положение несколько изменяется, но все же хозяева помнят, что он--"зря ходящий". Даже старикам из "бродяг" приходится терпеть самое скверное отношение к себе. Вот что рассказывал мне один из них.

"В позапрошлом году Татк-Омрувия в Город Собрания (Нижне-Колымск) ездил. Из Города Собрания прибыл, домой вернулся. У его брата, у младшего брата, Гинюкая, там я был. Татк-Омрувия пришел, поставил загон из саней. Во время постановки к Татк-Омрувиевым (людям) гости пришли многие -- Ваалиргын, Рульты, Рультувия с женой, Эыльгын. Пили водку! Татк-Омрувия Рультувию бранит. Говорит: "Ты зачем пришел сюда? Голодный бедняк ты. Пищу разыскиваешь. Голодный, еду разыскиваешь". Говорит Рультувия: "Некогда я был помогающим (при поимке оленей)". Говорит Татк-Омрувия: "Почему же не помогаешь?" Говорит Рультувия: "Однако я состарился, старик я, как я буду помогать? Прежние старики только сидели, хозяином хорошо принимаемые".-- "Но ведь ты -- помогающий. Зачем ты сидишь? Разве так помогают, сидя?" Говорит: "Право. Не сиди. По голове ударю тебя". Говорит: "Пусть, если без стыда хочешь быть. На больного спиной совсем бесстыдно хочешь ты (напасть). Я с худой спиной". Татк-Омрувия рассердился, говорит: "Ну, ну. Давай схватимся". Рультувия пояс снял, меховую рубашку снял. Говорит: "Согласен. Схвати меня". Татк-Омрувия тоже пояс снял с ножом. Говорит: "Нет, только по голове тебя бить стану". Старика по голове ударил поясом. "Ну, помогай, помогай". Говорит старик, плачет: "Ай, ай, ай. Согласен. Буду вам помогать". Одежду надел, посох вместе с арканом взял, к оленям побежал. Немного спустя Татк-Омрувия спросил нас: "Где Рультувия?" Мы сказали: "К оленям ушел". Татк-Омрувия кричит, говорит: "Эй, эй, Рультувия! Вернись домой. Вернись домой. Сделаешь вонючим младшего брата дом. Тогда они оба вернулись вместе с женой. По дороге все время плакали. Такой насильник Татк-Омрувия, на всей тундре самый богатый оленями. Божество счастья {Божество "удачи в оленеводстве".} в последующие годы сделало его бедным {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 65.}..."

Такая скитальческая жизнь для женщин, конечно, еще труднее, чем для мужчин. Женатые "праздноходящие" не могут все время удерживать жену, при себе, разве только женщина эта тоже никуда негодна и не угодна никакому другому мужчине. Все же в середине зимы муж старается пристроить свою жену, хотя бы на месяц или на два, на стойбище у кого-нибудь из родственников или просто у мягкосердечного человека, который не пожалеет куска для бедной нищенки. Я помню такую супружескую чету -- Ranawkurgьn и его жена Aŋqaŋŋa. Оба были совсем молодые. Когда умер отец Ranawkurgьn'a, он был еще мальчиком. От отца ему осталось большое стадо оленей. Еще до того как он стал взрослым, половина стада была растрачена. Другую половину он растратил сам, большей частью проиграл в карты. Так он сделался бедняком. При встрече моей с ним и с его женой у них был только один олень и одни старые сани. Женщина была больна, вероятно, сифилисом, муж ее также. Он был хилый, слабый, -- "никуда не годный", -- это было видно с первого взгляда. У них не было порядочной зимней одежды, что редко наблюдается у "зря ходящих". Нужда в теплом платье на тундре так настоятельна, что даже самые беззаботные люди достают его себе так или иначе. Женщина пыталась раз или два покинуть своего мужа для другого мужчины, но никто не хотел ее держать в своем спальном пологу.

Другой "зря ходящий", Jaqaq, был уже старик. Его жизнь была легче, так как у него было восемь братьев, и каждый был передним хозяином на своем пастбище. Jaqaq не пожелал иметь свое стойбище, ни даже шатер. Он проводил свое время, переходя от одного брата к другому. Затем он двигался дальше, посещая соседние стойбища. Соседи принимали его радушно из уважения к его братьям.

Əndiw, такой же бродяга, был человек с веселым, легким характером. При самых трудных обстоятельствах он только смеялся, сохраняя полное спокойствие. Еще один, Elepqəj по имени, зимой и летом скитался пешком по стойбищам. Его выносливости дивились даже чукчи. В снежную бурю он мог спать без огня, зарывшись в глубокий сугроб. Как дикий зверь, он был терпелив к голоду и мог оставаться два-три дня без пищи. Он мало говорил. Вообще он имел вид человеческого существа, стоящего на самой низкой ступени развития.

СОСЕДНЕЕ СТОЙБИЩЕ

У оленных чукоч, живущих маленькими стойбищами, широко разбросанными по тундре, ближайшее стойбище представляет собою группу людей, с которой единственно возможно постоянное общение. Такое стойбище называется nьm-takacgьn ("соседнее стойбище"). Nьm -- это есть корень существительного nьmnьm -- "жилье", "стойбище". Takacgьn -- существительное takalgьn ("друг", "товарищ") с незначительным фонетическим изменением. *C* и *l* часто замещают друг друга в чукотской фонетике.

В случае какого-либо несчастья обитатели соседнего стойбища всегда окажут поморщь, тем более, что они большею частью являются родственниками или, во всяком случае, добрыми друзьями пострадавшего. Для примера можно привести следующий рассказ о внезапной смерти одного оленного хозяина во время охоты на дикого оленя.

"Конечно, побежал в погоню. Если это заколдованный олень, на большое озеро, на лед пошел, по земле не убежал, а именно на лед спустился. Что же, там вдали заозерный берег не виден, такое большое озеро. Упал, раскатился, поскользнулся на льду, сломал шею, так провел ночь. Даже две ночи, кажется, провел. После второй ночи к жителям пошла жена, действительно, понесла весть: "Мой муж где?" Соседи сказали: "Где? что с ним сталось?" -- "Хромого, раненого оленя гнал". "У-х. Вот как... Ну, (пойдем) поищем. Где же он? Ну... По направлению к какому месту мы будем двигаться?" Ушли вдвоем. Один человек соседний последовал. Врознь разошлись, там вчерашнего хромого быка на месте появления. Жена же по земле начала искать. А тот по льду, так как там, вдали, что же там чернеется, лед или что? Туда направился, приблизился к нему. Когда уже приблизился к тому поближе, стал узнавать: это, действительно, сосед и притом лежит ничком, лицо в лед втаяло. Стал махать товарищу (т. е. женщине). Она пришла. Действительно, это сосед... Лук (с прибором) держа в руке, там он и умер. Повезли домой... {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 25.}

Соседние стойбища при перемене пастбища обычно идут по одному и тому же пути и таким образом надолго сохраняют соседство. Они собирают вместе все имеющиеся у них меха и шкурки и отдают их кому-нибудь одному, который везет их на продажу в очень далекий район. Они собираются также вместе для жертвоприношений и игр.

ПОСЕЛОК ПРИМОРСКИХ ЧУКОЧ

Организация приморского поселка основывается не на семейном родстве, а на принципе территориального сожительства. Во многих приморских поселках также имеется Əttooraan ("передний дом") или armacьran ("дом сильнейшего"). Хозяин "переднего дома" называется Əttooralьn ("переднедомный") или armacьralьn -- "(человек) из дома сильнейших". "Передний дом" принадлежит семье, которая дольше всех живет на одном и том же месте. Я говорил уже о постоянных переселениях приморских жителей в зависимости от изменения условий морской охоты. Семья, много лет под ряд живущая на одном месте, имеет большие преимущества перед другими. Полное знание близлежащей местности позволяет ей легко выходить тем или иным способом из различных затруднений даже в самый неудачный промысловый год. Такой дом расположен тоже впереди других, т. е. с правой стороны линии домов, которые здесь все обращены входом к морю. Надо указать, что хозяин переднего дома, лучше всех зная условия местности, претендует даже на интимную связь с местными духами и порою облагает особой данью другие семьи поселка {См. прим. на стр. 142.}. Однако во многих поселках, даже в самых крупных, вовсе нет переднего дома. В таких поселках все обитатели находятся на равном положении, и дома разбросаны кругом без всякого порядка.

БАЙДАРНАЯ АРТЕЛЬ

Основной единицей у приморских жителей является так называемое "содержимое байдары" -- Əttwet-jьrgьn, байдарная артель, составившаяся в целях морской охоты. В древние времена, когда для морской охоты употреблялись исключительно кожаные лодки, байдарная артель состояла из восьми человек: один рулевой, один на носу с гарпуном и копьем, и шестеро гребцов. Рулевой, обычно владелец байдары, иногда не входил в это постоянное число, и тогда артель состояла уже не из восьми, а из "девяти членов. Однако число восемь в отношении количества членов артели настолько укоренилось в представлении чукоч, что даже о касатках, которые нападают на китов, они говорят, будто они охотятся тоже артелями по восемь штук в каждой.

В настоящее время во многих местах Тихоокеанского побережья американские вельботы вытеснили старые кожаные байдары. Число членов артели, необходимое для охоты на вельботе, меньше, чем при охоте на байдаре. Для вельбота довольно пяти-шести гребцов.

Байдарная артель составляется из ближайших родственников владельца байдары. Это нечто вроде, семейно-кооперативной группы. Члены артели охотятся вместе и поровну делят между собой добычу.

Главный член или старшина байдарной артели называется "байдарный хозяин" -- Əttw-ermecьn. Он является владельцем байдары. Он сам сооружает байдару силами членов своей семьи, живущих с ним в одном доме. Для этого он заготовляет прежде всего большую моржовую шкуру и необходимое количество свежих крепких ремней. Затем он собирает дерево, необходимое для остова. Это самая трудная задача в безлесной полярной полосе. Если ему не удается найти в достаточном количестве дерева, выброшенного морем, он покупает готовый остов у американских эскимосов, которые специально изготовляют такие остовы и доставляют их с американской стороны для продажи чукчам. Деревянный остов байдары и части его высоко ценятся чукчами. Остов является предметом торговли, считается богатым наследством и так далее. Когда какая-нибудь часть его изломается, ее заменяют новой. Таким образом один и тот же остов байдары может прослужить двум-трем поколениям. Моржовые шкуры и ремни, наоборот, меняются часто, почти каждую осень. По окончании сезона морской охоты кожаное покрытие байдары снимается и сохраняется отдельно.

Если хозяин не настолько богат, чтобы запасти весь необходимый материал для сооружения байдары, то ему помогают в этом двое-трое из его родственников, обычно родные или двоюродные братья. Тогда они все вместе считаются "байдарными хозяевами". Старший из них сидит на руле и распоряжается охотой. Но если его "удача в охоте" не очень велика, ему приходится уступить свое место другому.

Вельботы покупаются у американцев или у туземных торговцев, которые ведут дела с американскими китоловами. В обмен на вельботы чукчи отдают китовый ус, пыжики, черные или пестрые, готовую одежду из оленьих шкур, моржовые клыки и т. п. Стоимость вельбота значительно выше, чем стоимость байдары. Она составляет от 20 до 30 больших полос китового уса. Одному человеку такая затрата мало доступна. Вопрос о приобретении вельбота зависит от удачи в охоте на кита. Если обитателям поселка посчастливилось упромыслить хорошего кита, то несколько семей смогут купить по новому вельботу на следующее лето. Если же китовый промысел был неудачен, вельботы невозможно купить.

Многие "байдарные хозяева" приобрели вельботы в кредит у вышеупомянутого Quvar'a и у других богатых туземных торговцев. Им была предоставлена рассрочка платежа на два или на три года. Конечно, это были подержанные вельботы, бывшие в употреблении по несколько лет и уже основательно заплатанные, словом -- дешевка. Но даже за них чукчи были бы не в состоянии заплатить без помощи китового промысла.

Хозяин, у которого есть лишний вельбот, часто дает его в пользование кому-нибудь из соседей. Туземцы считают себя не в праве оставлять байдару или вельбот лежащими без дела на берегу, если поблизости имеются охотники, которые нуждаются в них. В таких случаях формируется временная байдарная артель под главенством того, кто берет на себя ответственность перед хозяином за предоставленную байдару и тем самым становится "байдаркым хозяином" этой артели! За пользование байдарой не взимается никакой платы даже в тех случаях, когда охота была удачная и временной артели удалось, например, упромыслить кита. Принять плату за пользование байдарой -- это значит испортить "охотничью удачу". В случае особенно удачной охоты временный "байдарный хозяин", тут же откупает байдару, и она переходит в его постоянное владение.

Quvar рассказывал мне, "что однажды он отправился на остров Лаврентия на байдаре, принадлежавшей одному из его соседей. По дороге им выпала редкая удача убить белого медведя на воде. Белых медведей в Тихом океане гораздо меньше, чем китов, хотя убить кита гораздо прибыльнее. Вернувшись домой, Quvar оставил себе эту байдару, отдав взамен владельцу свою собственную байдару, больших размеров и лучшего устройства. Правда, Quvar -- эскимос, но чукчи делают то же самое. Однако, когда охотник убьет кита первый раз в жизни, он должен оставить свою байдару и приобрести другую. Когда я спросил о причинах такого образа действий, туземцы объяснили мне, что это есть искупительная жертва за убитого кита. Хозяин удаляет байдару, служившую ему при убое кита, и приобретает другую, пока еще "невинную".

"Байдарный хозяин", сидит на руле. Это -- почетное место, и оно принадлежит ему по праву. У русских и у обруселых туземцев на реках Колыме, Индигирке и других место, хозяина лодки -- на корме. Он сидит положив руку на руль, даже в тех случаях, когда управляет лодкой кто-нибудь другой, знающий характер течения. Тот, кто уступает это место другому и добровольно садится в середину лодки, заслуживает презрения.

Чукотские семьи вообще немногочисленны: восемь членов байдарной артели могут принадлежать к четырем -- пяти семьям. Часто отец и сын считаются только за одного гребца, так как они могут заменять друг друга. Пожилой отец выезжает только в более короткие поездки, сын же отправляется в долгие осенние экспедиции, когда море неспокойно и погода холодная. В число семей, к которым принадлежат члены одной артели, могут входить не только родственные семьи, но также и семьи друзей или близких соседей. Дома всех членов артели находятся в одной и той же части поселка. При всяких обстоятельствах они дружно действуют общими силами, например, при торговле с китоловами или во время зимних поездок на собаках. Байдарная артель представляет собою довольно устойчивую социальную единицу. Туземцы говорят: "В этом поселке три байдарных артели". Я уже говорил, что в поселке Jŋeen в результате последней эпидемии кори из трех байдарных артелей осталась одна. Две другие вымерли. Однако состав байдарных артелей не постоянный. Выйдя по окончании осеннего промыслового сезона, из одной артели, охотник может в начале следующего лета присоединиться к другой, или, если, у него "большая удача", он может построить или купить новую байдару и составить свою артель из числа родственников и друзей.

"Байдарные артели" с "байдарными хозяевами" во главе их существуют также у азиатских эскимосов. "Байдарный хозяин" называется у них umialik (от umjak -- "байдара"). То же самое мы наблюдаем повсеместно у американских эскимосов. Термин umjalik в значении "байдарный хозяин" употребляется на американском побережьи Ледовитого океана от мыса Барроу {Murdoch, Point Barrow Eskimo, стр. 428.} до Гренландии {H. Rink, стр. 25.}. Murdoch рассматривает группу umjalik как постоянный богатый аристократический класс. Rink ограничивается указанием, что байдарный старшина является главою семьи. "Байдарные хозяева" у чукоч и азиатских эскимосов, независимо от их больших прав распоряжения на морском промысле, не могут быть названы, аристократическим классом, и их влияние в социальной жизни весьма ограниченно. Я буду говорить об этом подробнее в исследовании об азиатских эскимосах.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПРОМЫСЛА

Добытое на охоте делится следующим образом.

Мелкие тюлени отдаются охотникам, убившим их. Чукчи говорят, что такие тюлени не составляют ценного предмета охоты. Они могут быть убиты каждым охотником с берега. Поэтому они исключаются из состава добычи, подлежащей разделу. "Байдарному хозяину" иногда отдают одного или двух тюленей, в том случае, если он ничего не убил сам.

Мясо и жир лахтаков {Крупная порода тюленя.} и моржей режется на равные части и делится поровну. Головы отдаются "хозяину", моржовые клыки идут вместе с головами. Потом эти головы будут играть большую роль на "празднике голов". После праздника моржовые клыки делятся между родными и двоюродными братьями хозяина, участвующими в артели. Другие члены артели получают лишь жир "из-под моржовых усов", т. е. с передней части моржовой морды. При дележе шкур "хозяин" получает шкуру первого убитого моржа, стрелок, помещающийся на носу -- шкуру второго зверя, остальные шкуры достаются по порядку гребцам. Если количество убитых моржей слишком мало, не получивший сохраняет право на причитающуюся ему шкуру -- на следующий сезон. Однако нередко моржовые кожи расщепляют пополам на берегу. Каждая кожа дает два пласта, и число паев таким образом удваивается. При дележе убитых лахтаков, шкуры которых идут на ремни и подошвы и также составляют один из главных предметов торговли с оленными чукчами, приняты более сложные правила. Когда лахтаков много, каждый, начиная с "хозяина", получает по шкуре. Если же шкур нехватает, средина каждой шкуры вырезается и нарезаются два свитка ремней средней толщины. Остаток шкуры разрезается на восемь частей, и каждый член артели получает по куску -- на подошвы. Ремни получают всё по очереди, начиная с "хозяина", как описано выше. В последнее, время, вместо такого способа дележа, шкуры лахтаков отдаются тем охотникам, которые убили зверей и таким образом исключаются из общего раздела. Этот новый способ дележа не одобряется общественным мнением, однако он укореняется все крепче.

Что касается китов, то мясо их достается всем жителям поселка, вернее, всем, кто является на дележ. Кости от челюстей достаются тому, кто первый заметил кита. Китовый ус делится поровну между всеми участниками охоты. Его делит "хозяин" и для себя оставляет самые лучшие и длинные полосы. Следующую долю уса получает охотник, нанесший смертельный удар киту,-- обычно это -- член артели, помещающийся на носу байдары. По прибытии на берег хозяин берет часть мелкого, негодного для продажи уса и распределяет его между людьми на берегу.

Я уже говорил, что с полвека тому назад, после каждой удачной, охоты, лучшие части китового уса делились между всеми жителями поселка. Цены на китовый ус были ниже. Китов было больше. У богатых людей был старый запас, еще не проданный американцам. В настоящее время китовый ус слишком дорог для такого щедрого распределения. Это соображение было высказано одним из туземцев, хозяином артели. Часто в охоте на кита участвует не одна байдара, а две, три или более. Одна из них, играющая руководящую роль, называется "главная байдара", остальные -- "помогающие". В таких случаях при дележе весь китовый ус делится на две равные части, которые называются tinqəl -- "половинки (китового уса)". Главная байдара" получает одну половину. Другая половина достается всем "помогающим" байдарам, каждая байдара, в свою очередь, распределяет свою долю между членами артели. Если кит просто выброшен на берег волнами, мясо и жир его могут резать и брать все присутствующие, ус же считается принадлежащим тому, кто первый заметил кита. "Будь то хотя бы пятилетняя девочка, все равно: она имеет право на весь ус", -- говорят чукчи. Поступить иначе значит сделать большое зло. Кто возьмет ус вопреки обычаю, тот скоро умрет.

То же самое правило относится к шкуре белого медведя, убитого на берегу. Шкуру его получает тот, кто первый его заметил. Несмотря на существование такого правила, на самом деле раздел уса выброшенного или прибитого к берегу кита служит поводом к всевозможным недоразумениям и ссорам. Каждый считает себя первым заметившим добычу.

В районе поселков, которые я посетил, за последние десять лет моего пребывания среди чукоч не была выброшена на берег ни одна туша кита с усом, годным для продажи. Прибивало к берегу лишь туши китов, убитых американскими китоловами, которые берут только ус, а туши бросают в воду. Другие выброшенные киты были с коротким белым усом, негодным для торговли. Так что вопрос о дележе уса от выброшенных китов так и не вставал ни разу в практической форме.

Франц Боаз говорит, что у центральных эскимосов существуют те же правила распределения добычи. "Медведь или мелкий тюлень принадлежит тому, кто первый заметил его, а не тому, кто убил. Тюлень-лахтак принадлежит всем" участникам охоты. Шкура его, представляющая главную ценность, делится между ними. Морж разрезается по числу принимающих участие в охоте. Охотник, нанесший первый удар, имеет право выбрать свою часть и, кроме того, получает голову моржа. Кит принадлежит всему поселку. Добыча кита служит поводом к празднику" {Franz Boas, Central Eskimo, стр. 582.}. Право на добычу первого заметившего ее Rink нашел у южных гренландцев: "В южной Гренландии белые медведи встречаются редко. Если же случится убить белого медведя, то он принадлежит не тому, кто убил его, а тому, кто первый заметил" {H. Rink, стр. 29.}. В отношении редкости появления белых медведей тихоокеанские поселки чукоч и азиатских эскимосов находятся в том же положении, что и поселки эскимосов в южной Гренландии, так как белые медведи так далеко на юг не заходят.

Зимняя охота на льду производится индивидуально. Однако охотник берет себе целиком тушу убитого моржа или лахтака лишь в том случае, если в это время нет никого вблизи. Если же есть другие охотники, то каждый из них: имеет право получить долю добычи. Обычно, как только охотник убьет лахтака или моржа, все заметившие его удачу бросаются бегом на место убоя. Правило дележа таково: если убит лахтак, охотник получает шкуру, голову и обе лопатки, первый пришедший на место поимки получает тазовую часть, второй -- правую заднюю ногу, третий -- левую заднюю ногу, четвертый -- грудинку, пятый -- нижнее ребро с полосою жира, нарезанной кругом всей туши; другие ребра делятся между пришедшими позже. Самые последние получают лишь по куску мяса. Все это, конечно, ведет к спору и даже драке. Если приходит только один посторонний, туша зверя делится пополам, охотник берет себе переднюю часть, а пришедший получает заднюю. Чукотская и эскимосская резьба по кости часто представляет две половины лахтака, аккуратно обрезанные и уложенные на крошечные саночки, на каких мясо возят к берегу. При дележе туши моржа охотник получает шкуру, голову и спину со всем верхним жиром. Все остальное мясо и жир, делится между присутствующими. Лучшие куски получают старики.

То же самое право на часть добычи для всех присутствующих и прибежавших существует и у оленных чукоч. Например, если несколько человек идут вместе по тундре и один из них издали заметил торчащий из-под земли мамонтовый клык, как это порою случается на тундре, все они бросаются тотчас же к месту находки. Первый добежавший может взять ее себе. Однако остальные редко уступают без драки, иногда доходя до убийства. Тот же принцип, мы находим и в ритуале "праздника голов" диких оленей {См. прим. к стр. 142.}.

БЕДНЯКИ

Бедных семей, не имеющих ни родственников, ни друзей, в приморских поселках гораздо больше, чем среди оленеводов. Жизнь приморских охотников несравненно труднее. Рискованная охота на море постоянно грозит смертью. А когда сезон охоты кончается или прерывается морским штормом, над жителями поселка нависает голод. Население поселков значительно гуще, чем население стойбища. Семьи приморских охотников многочисленнее. Взаимопомощь между соседями у приморских чукоч развита гораздо сильнее. Бедные семьи могут существовать лишь тем, что они получают от своих соседей, живущих в большом достатке. Удачливого охотника на берегу всегда встречают вдовы и сироты, и он их всех оделяет мясом из своей добычи. Он посылает по куску мяса тому или другому из своих соседей, которые в данный момент почему-либо отсутствуют. Даже во время голода беднейшие семьи получают хоть немного, пока голодная смерть не начнет угрожать всему поселку. Тогда каждый сохраняет свой последний кусок для собственной семьи. Конечно, не у всех одинаковый характер. Скверный человек не дает ничего,-- говорят чукчи.-- "Подай кусок хотя бы в ближайшую дверь".

Однако в рассказах постоянно встречаются описания бедных семей, которые умирают с голоду, ничего не получая от своих злых соседей. Я приведу лишь один рассказ о сиротке, известный также среди азиатских и американских эскимосов.

"В приморском поселке было много домов. В самом заднем жил чесоточный сиротка, совсем один. Он разыскал одинокую старуху, вечно голодную. Он сказал ей: "Будь моей бабкой". Они стали жить вместе. Еды у них не было. Охотники убили кита. Старуха сказала сиротке: "Поди и попроси у них мясца из-под заднего ласта. ("Мясо из-под заднего ласта" -- очень жестко, оно считается самой плохой частью). Люди возвращаются с промысла, все несут мясо. Он пошел им. навстречу. "Чего тебе надо?" -- "Моя бабушка сказала: попроси мясца из-под ласта".-- "Ну, ну... Попроси у задних". Он пошел дальше. "Чего тебе надо?" -- "Бабушка сказала: попроси мясца из-под ласта". Все отказывали ему. Вместо того чтобы дать ему что-нибудь, его били. Наконец. Милостивое Существо смилостивилось над ним: самый задний охотник дал ему три маленьких кусочка мяса величиной с палец. Он положил эти три куска, в три мясных погреба, и каждый погреб чудесно наполнился мясом до верха. Тогда они со старухой стали счастливы и поставили варить котел с мясом. Соседи заметили дым. "О, что делает чесоточный! Он варит мясо". Они бросились к ним, вынули мясо из котла и унесли его прочь".

Дальше повествуется, о том, как чесоточный сиротка, под покровительством Милостивого Существа, стал очень сильным, удачливым юношей. У него постоянно была богатая добыча на охоте. В конце концов он женился на красивой девушке. Тогда все те, кто раньше скверно обращался с ним, пришли к нему и говорили: "Ты -- мой племянник. Ты -- мой двоюродный брат". Но он прогнал их со словами: "Я -- не ваш. Я -- чужеземец. Я -- сирота. Вы всегда били меня".

Вместе с женой он покинул поселок и поселился в другом месте. В поселке настал голод из-за неудачной охоты. Еды не было, и мозг в костях, у людей высох; и скоро его бывшие соседи вымерли с голоду один за другим. Сиротка основал новое жилье. Его семья возрасла в числе и образовала поселок" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 118.}.

В другой сказке рассказывается о том, как на самом конце поселка жила старая женщина с маленьким сыном. У нее не было еды. Она просила у соседей хотя бы кусочек тюленьей печени от их охоты. В конце концов она всем надоела. Соседи убили ее мальчика, вырезали его печень и дали ей вместо тюленьей. Она не узнала и принялась ее жарить над жировой лампой.

Оба рассказа обрисовывают тяжелое положение вдов и сирот, лишенных родственников и друзей, и жестокое обращение, которое им приходится претерпевать. Но все-таки такое полуголодное существование в приморском поселке возможно.

В сказках оленных чукоч о сироте его обычно истязает мачеха в его собственной семье. Он покидает родное стойбище и скитается по соседям, как "бродяга", или уходит на отдаленные стойбища искать счастья. В общественной жизни оленеводов для него, очевидно, нет определенного места.

Многие авторы, описывая социальную жизнь американских эскимосов, с похвалой отзываются об их заботливом отношении ко всем тем, кто не может самостоятельно достать себе пропитание. Hans Egede говорит: "Они не дают таким беднякам умирать с голоду, но свободно допускают их к своему столу" {Hans Egede, Description of Greenland (англ. изд., Лондон 1775), стр. 127.}. Franz Boas говорит, что у центральных эскимосов бедняков принимают совсем чужие им семьи. В частности, безродные холостяки, калеки, не могущие сами себя пропитать, или люди, потерявшие последние сани с упряжкой собак, находятся в таком положении. Отношение ко всем этим людям ничуть не хуже, чем к самостоятельно добывающим себе пропитание {Franz Boas, Central Eskimo, стр. 581.}. Все это указывает на большое сходство с обычаями приморских чукоч. Однако заботливость, приморских чукоч о своих бедняках как будто не заходит так далеко, как у американских эскимосов.

СКИТАЛЬЦЫ

Типы скитальцев среди приморских чукоч отличаются от оленных "праздноходов". Оленные чукчи кочуют по стране со своими шатрами и стадами оленей. Эта постоянная кочевка составляет их нормальный уклад жизни. Однако размах их кочевки не очень широк: от края лесотундры, где они живут зимой, на тундру летом и опять обратно на старое место. Длительные путешествия предпринимаются вместе с дорожным шатром, караваном грузовых саней и с запасными оленями, назначенными на мясо. Но такое путешествие не многим быстрее обычных кочевок. Одинокий путник на паре ездовых оленей -- без всякой клади, правда -- совершает весьма быструю поездку, километров на сто и больше. Покрыв такое расстояние, он останавливается у кого-нибудь из оленеводов и пускает своих бегунов в стадо хозяина затем, чтобы дать им полный отдых. Таким образом оленевод при всех своих передвижениях тесно связан с шатром и стадом. Человек же, ничего не имеющий и скитающийся без всякой цели, считается "праздноходом", негодным бродягой и парнем.

Приморские охотники живут оседло в постоянных поселках. Именно по этой причине (поселок неподвижен) они постоянно предпринимают далекие и длительные поездки во всех направлениях. Кроме того, они живут на морском берегу, а море, как известно, побуждает человека и путешествиям и облегчает ему передвижение. Многие из них занимаются торговлей, которая превращает их жизнь в постоянные передвижения. Поэтому странники без всякой особой цели здесь встречаются чаще, и отношение к ним не столь сурово, как у оленеводов. В чукотских рассказах приморского происхождения часто встречаются люди, которые, влекомые жаждой увидеть далекие неизвестные страны, покидают свою родину и уходят в заманчивую даль. Летом они путешествуют в челноке, зимой -- пешком. Последнее, по всей вероятности, отражение эскимосского быта, так как американские эскимосы постоянно совершают свои путешествия пешком. На самом деле приморские чукчи зимой путешествуют на собаках. Человек беспокойного нрава берет пять, шесть собак, запрягает их в маленькие -санки, ломаные и чиненые, и уезжает из своего поселка совершенно один. На своих санях он переезжает из одного посёлка в другой, с Ледовитого моря перебирается на Тихий океан и наоборот. Летом садится вместе с другими на большую байдару и едет километров за двести на какой-нибудь торговый пункт. Торговые байдары летом нуждаются в гребцах, и каждая лишняя пара рук всегда у места. Во время остановок в каком-нибудь поселке такой бродяга может принять участие в охотничьей экспедиции и получает свою долю добычи. Иные "поступают на американские суда и совершают с ними поездки к северу до мыса Барроу и дальше. Другие попадают в Сан-Франциско, заходят на тропические острова, потом возвращаются домой, попрежнему ничего не имея и не заботясь о будущем.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Приморские жители гораздо гостеприимнее, чем оленеводы. Каждый путник, остановившись в приморском поселке, может смело рассчитывать на то, что он получит корм для себя и для своих собак на один или несколько дней. Платы с него не требуют. Конечно, предполагается, что у путешественника есть чужеземные товары или продукты, столь заманчивые для обитателей поселка. Они могут получить от него немного табаку, чаю, оленьего жира или даже американской водки. Он дает того или другого в благодарность за дневное пропитание. Правда, он дает понемногу, только "понюхать", как говорят чукчи. Подобный обычай гостеприимства существует у всех племен северо-восточной Азии, которые ездят на собаках, -- на Камчатке и на Анадыре, на Лене, Колыме, Индигирке, на побережье Охотского моря, как у туземцев, так и у русских поселенцев. Если бы этого не было, передвижение на собаках было бы невозможно, так как небольшой запас сушеного собачьего корма, который можно возить с собою на нарте, едва достаточен для дневных передышек на снежной дороге и для разных особенных случаев. Поэтому люди, живущие на местах, часто посещаемых проезжающими, делают запасы собачьего корма не столько для себя, сколько для проезжих гостей. Часть запасов, которая расходуется на гостей, значительно превосходит часть, потребляемую в своем хозяйстве. Так, обитателям поселка Mьsqən, который лежит на пути с Чукотского мыса к устью Анадыря и является единственным населенным пунктом среди огромных пространств необитаемой тундры, часто приходится единовременно кормить по двадцать собачьих упряжек, то есть более двухсот собак. В поселке Mьsqən только три хозяйства, так что гостеприимство ложится на них тяжким бременем. То же самое следует сказать и о нескольких чукотских семьях, живущих на среднем Анадыре, как раз на полупути из Маркова на устье. Каждая из этих семей запасает, летом до трехсот туш диких оленей, и когда олени в определенное время переправляются через реку. Этот запас почти весь уходит на корм собакам русских поселенцев, постоянно разъезжающих взад и вперед с торговыми целями. Яне раз спрашивал у жителей Mьsqən и "поселка у Утесиков." на среднем Анадыре, достаточные ли запасы они сделали за лето. Неизменно я получал один и тот же ответ: "Достаточно для себя, но мало для проезжающих". Они лишний раз предпринимали охотничьи экспедиции с целью пополнить свои запасы. Но никто у них никогда не жаловался.

В других приморских поселках мне приходилось просиживать по несколько дней в ожидании прекращения пурги. Случалось, что все запасы топлива выходили. Мы питались серым моржовым мясом. Не было ни куска дерева, чтобы растопить снег и сварить чаю. В более южных поселках чукчи варят еду не на жировой лампе, а на костре, топливом для которого служит низенький, жесткий кустарник, куски выкидного леса, сухая трава и т. п. В конце концов хозяин брал топор и рубил свои сани или вырубал один из шестов, поддерживающих стены, рискуя обрушить на наши головы свое жилище. Если мы вспомним, с каким трудом достается дерево на берегах полярного моря, в особенности дерево, годное для шестов и подпор, поддерживающих стены шатра, мы сможем оценить величину такой жертвы. Немногие оленеводы, кочующие вблизи от приморских поселков и постоянно общающиеся с приморскими жителями, усвоили отчасти это чрезмерное гостеприимство. Но оленеводы, живущие на внутренней тундре, весьма далеки от этого.

Путешествуя среди оленных чукоч, я нередко встречал очень недружелюбный прием. Мой приезд вызывал ропот и даже угрозы. Мое имущество расхищалось. Хозяева шатра, в котором я останавливался на ночевку, нередко делали попытки открытого грабежа. Никогда ничего подобного не случалось со мной у приморских чукоч. Все было благополучно, мы жили мирно, за немногими исключениями, о которых мне придется говорить впоследствии.

Сами чукчи сознают разницу характеров оленеводов и приморских жителей. Морские охотники гордятся своим превосходством в приеме гостей. Это тем более замечательно, что они считаются гораздо смелее и предприимчивее оленных, и действительно их образ жизни требует мужества, присутствия духа и постоянной предприимчивости.

Глава VIII
СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ, ВОИНЫ, РАБЫ "СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ"

В предыдущей главе уже упоминалось слово "ermecьn" в значении "хозяин шатра". В буквальном переводе "ermecьn" означает "сильный". Это слово имеет также несколько других значений, более или менее близких друг к другу по смыслу, например: "сильный человек", "воин", "влиятельный человек", "насильник", "грабитело". Чукчи сами понимают различие оттенков этого слова. Так, например, в вышеприведенном рассказе об "Elendi и его сыновьях" встречается игра слов, основанная на оттенках значения этого слова. Хозяин-эскимос говорит: "Это, вероятно, известный оленно-чукотский ermecьn" (в смысле "воин"). Əlendi отвечает: "Не я. Вот ты -- действительно ermecьn (в смысле "насильник"). Ты так насильственно обращаешься со своими соседями, что они не смеют даже сесть в твоем присутствии". Но если этот отрывок показывает разницу между двумя значениями слова "ermecьn", то другой отрывок из последней части этого же рассказа, напротив того, указывает на нечто общее в различных значениях этого слова,-- таким общим элементом является воинственная сила.

"Ого!-- говорит отец после удачного выстрела, сделанного его малолетним сыном.-- Вот я создал будущего насильника, грабителя чужих стад, воина я создал. Я -- хороший человек".

В оригинале слово "ermesьn" употреблено во всех трех случаях. Войны и воины относятся к прошлой эпохе жизни чукотского племени. Опиания войн и воинов встречаются только в преданиях реального или сказочного характера. В настоящее время под словом "ermesьn" подразумевается прежде всего человек, обладающий большой физической силой, смелостью и склонностью к приключениям. Людей с такими качествами часто можно встретить как среди оленных, так и среди приморских чукоч. Таким был, например, один из моих колымских знакомых, по имени Tьmgənents. Он происходил от приморских чукоч, но с детства жил среди оленеводов. Tьmgənents был высокого роста и атлетического сложения. Он был искусен во всех видах спорта, борьбе, беге и езде на оленях. Когда я встретил его, ему было уже около сорока лет, и он несколько успокоился, но прошлая жизнь его была полна всевозможных приключений. Будучи приморского происхождения, он побывал во многих арктических поселках и стойбищах по пути от мыса Дежнева до реки Колымы. Он пробовал сделаться торговцем, но несколько раз успевал промотать большую часть товаров и в конце концов должен был отказаться от этих попыток. Два или три раза он был владельцем большого стада, но каждый раз, через год или два, стадо исчезало. Он много пил и во хмелю становился просто опасен. Так, про него говорили что в пьяных ссорах и драках он убил трех человек. Он часто ссорился с русскими поселенцами и многим из своих русских друзей задал хорошую трепку. Казаки, в свою очередь, после одной из драк так проучили его, что он лежал при смерти и поправился лишь благодаря своему крепкому сложению. Он несколько раз менял жен и, несмотря на свои сорок лет, все еще имел большой успех у молодых женщин и девушек и был "хорошо известен как товарищ в групповом браке многим достойным чукчанкам района реки Колымы и реки Россомашьей.

Таковы же были и два брата, Cepat и Qanciu, из так называемых торговцев-поворотчиков {См. стр. 4.}. Выше уже было указано, что торговцы -- поворотчики, хотя и приморского происхождения, имеют оленей. Они отправляются из приморских поселков на оленные стойбища и везут туда тюленьи шкуры и ремни, куньи и бобровые меха, привозимые из Америки, а также американские ружья, ножи и т. п. Все это они обменивают на выпоротки, пыжики, одежду из оленьих шкур, русский кирпичный чай и листовой табак. Я несколько раз встречал обоих братьев на ежегодной Анюйской ярмарке. Оба были люди крепкого сложения и обладали большой физической силой. Про Cepat'a говорили, что за ним числится несколько убийств. Qanciu, с другой стороны, потерял в драке один глаз, и его грудь покрыта была глубокими шрамами, следами старых ножевых ран. Братья пользовались широкой известностью среди населения оленных стойбищ района обоих Анюев, также среди русских купцов и казаков. Они привозили всегда много различных товаров, но большую часть тратили на покупку водки. Они пили сами и угощали других. Cepat был зачинщиком столкновения {См. стр. 26.}, имевшего место в 1895 году, как было указано выше.

Колымский исправник в этот год не приехал на Анюйскую ярмарку. Вместо него приехал его помощник, человек неопытный, незнакомый с местным бытом и методами чукотской торговли. Он привез с собой казаков из Средне-Колымска, которые тоже мало знали чукоч, и начал с того, что строго запретил торговлю крепкими напитками. Это было, разумеется, похвально, но в то же время почти все торговцы, мужчины и даже женщины, а также и оба казачьих командира--среднеколымский и нижнеколымский -- привезли для продажи спирт. Весь спирт был под этикеткой: "для личного употребления". Помощник исправника приказал казакам отнимать у чукоч, прямо из рук, спиртные напитки. На следующее утро после отдачи приказа Cepat напился пьяным, пошел в русскую крепость и встретил казаков. Он вынул из-за пазухи бутылку спирта, показал ее казакам и сказал насмешливо: "ну-ка, казаки, идите, отнимите ее у меня". Казачий командир подошел к Cepat'у, быстро вырвал бутылку у него из рук и вылил водку на снег. Надо сказать, что на севере пролить водку считается, пожалуй, хуже, чем пролить кровь. Cepat рассердился и так ударил обидчика по уху, что тот упал на землю, завязалась драка. Cepat был арестован, а другой чукча, участник драки, был убит казаками. Я видел, как казаки тащили Cepat'a в избу, служившую временной тюрьмой. Все лицо его было в крови, но он все еще "не хотел покориться. Один из казаков ("частный командир" из Средне-Колымска) вынул револьвер и направил его в грудь арестованного. Он сказал; "Я сейчас убью тебя, ты собака!" -- "Убей,-- ответил Cepat с таким же вызовом. -- Я не боюсь, а ты -- худой человек". Из крепости выгнали всех туземцев и закрыли ворота. У ограды крепости собралась большая толпа туземцев под предводительством Qanciu, брата Cepat'a. Вскоре русские убедились, что Cepat'a необходимо освободить. Некоторые из них попробовали предложить Cepat'у извиниться перед частным командиром за то, что он его ударил, но Cepat наотрез отказался исполнить это. "Все вы -- скверные, -- с полной откровенностью сказал он.-- Отстаньте от меня". Затем он быстро оттолкнул стоявшего около него казака и вышел вон.

Cepat и его брат были приморского происхождения, но убитый в драке чукча был оленевод. Он жил на реке Чаун, пользовался некоторым влиянием среди своих соседей, но даже и они называли его "плохим". За день до своей смерти он пришел в поселок и пытался своровать у русских железные ножи и наконечники для копий. Воровство не удалось, так как было замечено, но его не тронули и оставили на свободе. На следующее утро он первый начал драку после ареста Cepat'a. Тогда русские, в свою очередь, увидев, что сила на их стороне, набросились на него и убили.

Akьmluka, с реки Россомашьей, также был оленеводом насильнического типа, он был искусен во всех видах спорта, очень ловок, вспыльчив и отважен, и никто из его соседей не осмеливался начать с ним ссору. Однако влияние оленного удалого насильника на жителей соседних стойбищ весьма неопределенно, так как каждое оленеводческое стойбище живет совершенно независимой от других, отдельной жизнью.

В приморских поселках, где люди живут в тесном общении друг с другом, влияние ermesьn'a более определенно и действительно. Однажды, проезжая на собаках через чукотский поселок Valqailen, мы остановились на два дня, чтобы дать отдохнуть нашим усталым собакам. Один из жителей этого поселка, по имени Canla, предложил нам купить у него большой мешок тюленьего жиру. Жир в этом сезоне употребляется для корма собакам. Так как нас, русских, считали "богатыми", то мы сами должны были покупать большую часть корма для своих собак. Бедным людям хозяева дают собачий корм бесплатно. Кроме того, мы кормили своих собак лучше, чем чукчи, и поэтому нам нужно было большое количество корма. Мы платили за корм плиточным чаем и листовым табаком, платили понемножку, как это обычно бывает в таких случаях. Однако Canla не хотел ни чаю, ни табаку. Он хотел, чтобы мы отдали ему вожака одной из наших упряжек. Это была белая сука, очень большого роста, по имени "Стрела". Приморские чукчи высоко ценят русских собак. Canla предлагал нам за собаку шкуру бобра, две шкуры лисицы и вышеупомянутый мешок с жиром. Мехов у него еще не было, но он рассчитывал достать их потом у аляскинских эскимосов. Он обещал отдать эту пушнину месяца через два, когда мы будем возвращаться обратно. Хозяин собаки, один из моих казаков, отказался продать собаку в кредит. Тогда Canla обиделся на нас за недостаток доверия к нему, взял обратно свой мешок и ушел домой. Вскоре после этого нам пришлось убедиться, что никто в этом поселке не хочет продать нам корму для собак. "Canla ведь ermesьn,-- заявили нам жители поселка. -- Он сказал: не продавать!" Нам пришлось кормить наших собак лишь тем, что давал хозяин, у которого мы остановились. В конце концов мы принуждены были уступить и отдать собаку.

Надо отметить между прочим, что он честно принес нам в срок обещанные меха, когда мы на обратном пути снова проезжали через этот поселок.

Мы получили мешок с жиром и, кроме того, соседи Canla сразу же стали приносить нам моржовое мясо, и инцидент был улажен. Когда я спросил нескольких из них, неужли слово Canla действительно имеет для них такое значение и вес, они ответили: "Он наш сосед и очень сильный борец". Canla не было еще тридцати лет, он был высокого роста и крепкого сложения. Он носил штаны, украшенные красными кистями {Одежда борца.} и был постоянно готов на борьбу. Мы остановились тогда в "переднем доме". Хозяин его был богаче Canla, но влияние его на жителей поселка было гораздо слабее, чем влияние Canla. Однако я должен отметить, что в приморских поселках самый сильный человек обычно бывает и самым богатым, так как благодаря физической силе и ловкости промысел у него бывает удачливее, чем у других. Поэтому самой сильной и самой богатой семьей обычно бывает семья, живущая в "переднем доме". Глава этой семьи является ermesьn'ом. Отсюда появилось у приморских жителей название для "переднего дома" -- armacь-ran ("дом самого сильного"). Удача в оленеводстве не в такой степени зависит от физической силы человека, и поэтому среди оленеводов часты случаи, когда "самый сильный" человек оказывается бедняком. О таких случаях я буду говорить ниже.

"НАСИЛЬНИКИ"

Как у оленеводов, так и приморских жителей слово "ermesьn" употребляется и в смысле "насильник". Я хочу отметить весьма интересное различие между обеими ветвями чукотского племени.

У оленеводов самые яркие типы "насильников" чаще всего встречаются среди бедняков -- помощников. Они пользуются своей физической силой для ограждения себя от излишних посягательств "передней" семьи. Я приведу чрезвычайно характерный случай, происшедший в 1894 году в районе реки Чауна. Рассказал о нем один туземец, знавший участников этого происшествия. Привожу дословно его рассказ:

"Отдельным (единственным) поселением живет оленевод в двухжильях так, как с соседом. С весьма долгоязыкою женой сосед -- Амонайгин по имени. Притом Амонайгин -- большой силач. Также ленив при оленьем стаде ходить; поэтому ему почти не убивают оленей. Действительно, подумав, хозяин сказал: "(это) совсем негодник". Также не хотел, чтобы ему что-либо говорили: неудобно сказать ему что-либо. Жена стала говорить: "мы сохнем с голоду при большом оленеводе. Я говорю, я убила бы: мерзкой смертью умираем!" К счастью, непослушен муж при первом обращении. Постоянно заговаривая, говорит жена, источник беспокойства. Что же, за ушедшим к оленям (хозяином) последовал. Вместе стали пребывать при стаде. Там поодаль есть скала. Сосед сказал: "давай-ка ту скалу посмотрим, кормовище поищем кстати, взберемся". "Что же, согласен". Так, конечно, хозяин сказал. Прямо туда влезли, на гору пришли. Ибо стал беспечен (хозяин), так как неизменно сзади ходил сосед. Только что взобрались, сзади схватил его. Недавно нож тайно куда-нибудь (наготове) сунул. Схватил (его, а) другой рукой брюхо совсем распорол. Отпустил (его, раненный) побежал, бросился, упал, ибо, действительно, совсем разрезано. Ничего (с ним) не сделал, только покинул. Вернулся детина, домой пришел, ночевал так. При наступлении вечера вернулся домой. Муж жене тотчас по приходе не говорил. Пробудились назавтра. "Ну! С моей жертвой я справился, (а) с твоими, в свою очередь, что же станешь делать?" Жена сказала: "Ух, вот как! Пусть же ты всех сообща". -- "Нет, как же! Прямые твои слова: будем каждый со своей жертвой!" Жена вздохнула: "ну, пусть, ладно!" Нож тотчас же хорошо выточила, в рукав сунула. Пошла к соседям. Та добывает огонь, (так ее) там застала. Что же кольнула, но неизменно добывает огонь женщина. Ибо шаманская женщина, сама себя закалывающая женщина. Попрежнему добывает огонь. Братишка услыхал, в цельно сшитое платье одетый мальчик. Тотчас же из заднего края полога вышел. Из задней стены шатра вышел наружу, бежал, куда глаза глядят. Та услышала его шумящего. Не может убить ту другую, наконец бросила. Но только сперва ножные связки изрезала, ручные тоже изрезала. После того бросилась за мальчиком; уже он скрывался. Насилу догнала его. Убила там. Принесла домой, как только убила, принесла к дому. Другая же стала совершенно неподвижной, женщина с перерезанными связками. После этого, как кочующая (как бы собираясь перекочевать), разобрала шатер. Жерди, все что (было), изрезала, собрание саней. Что же, костер сделала весь из жердей и саней, с примесью тальника. Там положила их обоих; как только разгорелся костер, сгорели там. О, и дым же! Ибо при полном безветрии, вверх совершенно отвесно поднимается. Как раз собачники необычною (иной) дорогой движутся, из Торговой Крепости возвращаясь. Увидели дым; туда свернули. Прибыли туда. Что же, как же это, еще костер даже есть. И прямо так место (снятого) шатра тоже есть, вот как. Встрепенулся Амонайгин дружок. Только что они совершили преступление: конечно, что же скажет, если те увидели их? "Ну что ж, так у меня случилось! Эх! пожалуй, и вас убью! Действительно, разве будете молчать?" -- "Ох, право, нет!" Как бы великому начальнику стали кланяться: "лучше снабди нас запасом". -- "Э! Если бы только так, чтоб вы не говорили! Пожалели бы меня, пощадили бы!" -- "Конечно, так, чудак ты! Мы тоже так будем соответствовать. Ты бы, повидимому, тоже мог рассказывать об этом". Ловко поступающие люди. После того переночевали там. Что же, все лукавую речь употребляют. Назавтра снабдил их запасом; до предела выносимой тяжести обременил сани. Тем не менее прибыли туда (т. е. домой), подняли шум рассказом. Что же, собрание родственников на будущий год настигли (и) убили его. Амонайгинову жену я видел, ты же сына видел; также имя ее (его) знаю: Tŋe-ceivuŋe" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 31.}.

В другом случае сосед, с помощью своего двоюродного брата, убил хозяина стойбища. После этого он поселился в семье убитого и начал резать для себя оленей из его стада. Убийца оставался на стойбище до тех пор, пока не осталось ни одного оленя. Только тогда он ушел от них {Там же, стр. 41.}.

В чукотских рассказах часто описываются подобные случаи. Наиболее характерным является случай, описанный в сказке "Əlendi и его сыновья".

"Эскимоса взял Əlendi к себе в помощники по стойбищу. Тому удалось однажды оставить хозяина на одном острове в открытом море. Затем он вернулся обратно и завладел имуществом своего хозяина. Он совсем перестал работать и разговаривать стал грубо. Все время оставался он в спальном пологе, совсем не выходил наружу и даже испражнялся в ночную посуду. Жены хозяина не захотели жить с ним; они даже не входили в спальный полог, все время сидели на морском берегу, плача. На следующее утро раб сказал мальчишкам -- пастухам, идущим к стаду: "Завтра мне принесите только что вылинявшего теленка. Как худо пахнет от тухлого мяса. Исключительно язычками стану питаться". Они боятся. "Он ведь убьет. Принесли ему линялого теленка. Дети плачут в стаде об отце. Каждый раз, принося теленка, говорят: "Или же поколотит, или же, пожалуй, нет? Может, мы немножко выросли, стали "сильнее?"

Птицы спасли Əlendi. Он пришел к своему стойбищу. Встретил на тундре одну из жен, сказал ей: "Иди и скажи мальчикам: в следующий раз, как спросит он теленка, пусть ответят ему: "Ты раб. Когда ты привык питаться телятами и язычками?" Услышав это, эскимос заревел от гнева. Он выскочил из полога наружу, совсем голый. Женщина сказала ему: "Надень хоть штаны". Он надел штаны. Потом схватил рукоятку от скребка и погнался за мальчиками. Но Əlendi вдруг набросился на него, схватил его сзади и вскоре после того казнил его жестокою казнью {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 348.}.

На самом деле, у приморских чукоч я не встречал случаев подобных вышеописанным. В общем можно сказать, что приморские чукчи, несмотря на то, что они храбрее оленеводов, гораздо спокойнее и миролюбивее их. "У нас никогда ничего не случается, -- рассказывали мне чукчи и эскимосы приморских поселков, -- хотя у нас и нет начальников. Во время пьянства те из нас, кто не пьет, успокаивают буйных пьяных и, если необходимо, то даже связывают их, вообще несут на себе обязанности ваших полицейских". Среди приморских чукоч мне даже приходилось встречать людей, которые совсем не пили водки, в то время как оленеводы пьют все" поголовно, даже женщины. Исключением являются лишь чукчи, живущие в отдаленных частях области, прилегающих к Камчатке, где невозможно достать водки. Однако в общем оленные чукчи пьют меньше приморских, так как у них водка бывает в очень ограниченном количестве. Пьяные драки и ссоры у них, наоборот, случаются чаще.

В рассказах приморского происхождения "насильники" встречаются часто. В противоположность оленеводческим рассказам, "насильник" здесь обычно бывает самым богатым человеком в поселке, хозяином "переднего дома". Охота проходит у него всегда удачно, у него всегда есть большой запас провизии. Но он не помогает своим бедным соседям. В этом заключается его главная жестокость по отношению к людям. Кроме того, он бьет их, выгоняет из дома и всевозможными способами доказывает им свое превосходство и презрение к ним. Американский эскимос в сказке об Elendi наделен именно таким характером.

В другой сказке "насильник" поселка представлен очень крепким человеком. Он выезжает в море на байдаре и убивает моржей дюжинами. Затем он, привязывает всех моржей к байдаре сзади и едет домой. Приблизившись к берегу, он бросает веревку и кричит стоящим там людям: "Вытяните меня вверх вместе с добычей". Если они слишком медленно исполняют его приказание, он бьет их. В очень многих рассказах хозяин "переднего дома" изображен сильным и жестоким, а люди "последнего дома" -- старыми, маленькими, но добрыми и гостеприимными. Между передним хозяином и задними шатрами существует взаимное недружелюбие, что кажется рассказчику вполне обычным, само собой разумеющимся. Вторая часть рассказа почти всегда содержит описание прихода какого-нибудь молодого героя. Он побеждает и наказывает "насильника", берет себе все лучшие меха и шкуры, а остальное раздает бедным соседям. Так, например, в рассказе об "Əlendi и его сыновьях" победивший воин жестоко избивает хозяина "переднего дома" и затем говорит: "Ну, кого из вас он обидел?" Все вышли вперед и стали бить его, так как они были сердиты на него (даже и мышь может иметь злобу). Затем гость говорит: "Хорошо, хорошо, теперь помогите мне собраться в дорогу. Вы можете взять себе этот шатер со всем добром, но то, что я выбрал для себя, принесите мне сюда немедленно". Они приносят ему двадцать больших шкур тюленя-лахтака и двадцать свитков ремней. Все это он складывает на свою нарту {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 348.}.

В приморских рассказах тип "насильника"-бедняка встречается не так часто. Обычно герой сказки, сильный, но "ленивый", вместо того чтобы охотиться, отнимает добычу у соседей. В одной из сказок "насильник" имеет двух жен и одну большую собаку. Когда его соседи идут смотреть свои сети для тюленей, он остается на берегу. Затем, при возвращении охотников, он забирает у них тюленя или двух.

Я не представляю, как в действительности может произойти подобный случай, за исключением самых мелких поселков, где так мало охотников, что они не могут сопротивляться нападкам "насильника". Однако дальше в рассказах описывается, как соседи, когда им надоело платить такую дань "насильнику", собрались и убили его. Впоследствии его сын, ставши взрослым, отомстил убийцам отца.

ВОЙНЫ И ВОИНЫ

Как уже отмечено, слово "ermecьn" употребляется также и в смысле "воин". Сказания о былых войнах очень многочисленны. Они собственно составляют особый раздел чукотского фольклора. Называются они əqəliletkьn pьŋьlte ("времен войны вести"). Войны описываются как целый ряд внезапных нападений, ночных налетов и избиений спящих. В некоторых случаях нападающая сторона, наоборот, открыто вызывает врага на битву и приглашает противников выступить в равном количестве, так как обе стороны имеют равные силы. Так, например, в сказке о "Talo, воспитаннике Таньгов" герой встречает десять Таньгов, покрытых броней. Своим маленьким ножом из китового уса он убивает девятерых. Десятый пытается убежать, но Talo ловит его за одежду. "Постой. Я не убью тебя, я хочу спросить тебя: много ли ваших людей готово к битве?" -- "Ни одного. У нас остались только старики и подростки".-- "Когда эти подростки станут воинами? Притти ли мне в будущем году?" -- "Хорошо, приходи в будущем году. За это время они подрастут и станут сильнее, по крайней мере, некоторые из них". Этот эпизод повторяется и в других сказках. Я должен отметить, что чукчи описываются менее вероломными и более великодушными по отношению к своим врагам, чем люди других племен. Очевидно, вероломство не считается военной доблестью.

Мне рассказывали, что на войне употреблялись всевозможные заклинания, но ни одно из них не сохранилось в народной памяти. Чукчи во время похода считали своим часовым морскую ласточку (cicьn -- "наблюдающий") {Птица из породы вьюрков, в Европейской России зовется чечевица; на Камчатке русские изображают ее щебетанье так: "чавычу видел, чавычу?" Чавыча -- первая весенняя рыба из породы лососевых.}.-- При приближении врагов она будто бы взлетала вверх с предупреждающим криком. Поэтому группа воинов, останавливаясь на ночь в открытой тундре, обращалась к этой птице и просила ее охранять их от неожиданного нападения.

Война описывается как ряд отдельных схваток. Чтобы быть годным к битве, каждый воин должен был пройти тяжелую тренировку и закалить себя разнообразными упражнениями. Сказки изобилуют описаниями таких упражнений. Герой бегает на далекие расстояния, таскает тяжело нагруженные нарты. Он носит камни и бревна, упражнение он проделывает один, причем он должен размахивать копьем с такой силой, чтобы оно гнулось и болталось, как кусок сырой оленьей шкуры. Он также обучается стрельбе из лука и употребляет различные стрелы -- острые и тупые. Благодаря таким упражнениям он приобретает большую силу и ловкость. Он может убить двадцать человек, перебегая от одного к другому с быстротой горностая. Когда в него стреляют, он быстро отскакивает в сторону, или отбивает стрелы концом своего копья, или же просто ловит стрелы между пальцами и отбрасывает их назад. Его можно ранить или убить лишь тогда, когда он совсем обессилел от усталости.

Лучшие воины других племен, например, юкагиры, в подобных сказках тоже хватают стрелы между пальцев и благодаря быстроте своих движений избегают удара копья. Идеальный чукотский воин прыгает высоко и почти взлетает вверх, подобно птицам. Когда он гребет в каяке, он не отстает от летящей чайки. Сложение у него атлетическое. Когда он ложится на спину, он прикасается к земле только шеей, ягодицами и пятками, настолько толсты и массивны его мускулы. Сказки дают много описаний отдельных воинов. Подробности этих описаний будут приведены ниже.

ВОЙНЫ С ТАНЬГАМИ

Все сказания о войнах можно разделить на две группы. Большая группа заключает сказания о войнах оленных чукоч с Таньгами. Эти войны происходили во внутренних районах, и приморские жители принимали в них лишь небольшое участие. Вторая группа сказаний относится к войнам на прибрежьи между чукчами и эскимосами. К первой группе принадлежит несколько очень интересных сказаний, в числе которых встречаются даже рассказы эпического характера. Очевидно, всю эту группу можно считать зачатком оленно-чукотского эпоса.

В этих сказаниях под Таньгами подразумеваются либо русские казаки, либо, чаще, оленные коряки. Чукчи-оленеводы принуждены были защищаться против наступления казаков, и им даже удалось разбить отряд майора Павлуцкого {См. Иохельсон, "Коряки", стр. 789.}. Все же воспоминания об этих войнах сохранились не так прочно, как этого можно было ожидать. Сказания о них коротки и бедны подробностями. Сказки о войнах с коряками, наоборот, изобилуют живыми и яркими эпизодами. Некоторые рассказы о войнах с русскими представляют собой просто переделанный рассказ из цикла сказаний о коряцких войнах. Изменено только описание вооружения и способов ведения войны в соответствии с новым врагом. Чукотские герои, участвующие в войнах -- те же, что и прежде, в некоторых случаях не изменены даже их имена.

ГЕРОИ ВОЙНЫ

Я уже упоминал, что описания отдельных воинов встречаются часто в сказаниях. Их имена очень популярны и встречаются в самых различных сочетаниях, в рассказах о войнах с коряками {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 336 и сл.}. Очень интересным является тот факт, что один из таких воинов описывается как главный начальник и предводитель. Его зовут Lauts-lьwalьn, что означает "кивающий головой". Это имя дали ему потому, что он подавал сигнал к нападению кивком головы. Как это ни странно, но это объяснение почти на половину забыто. Иногда мне говорили, что имя "Кивающего головой" произошло от того, что он тряс головой во время езды на оленях по неровной, холмистой тундре. Очевидно, войны с Таньгами способствовали появлению военачальника, хотя обычные условия жизни чукоч слишком просты для возникновения какого-либо начальства, и действительно дело не пошло дальше. Как только войны прекратились, военачальник исчез, и даже самое значение его имени было забыто.

..."Кивающий головой" собирает воинов. У него громкий и сильный голос. Когда чукчи осаждают крепость Таньгов и женщины слышат его голос, они сразу же убивают своих детей, а молодые девушки убивают сами себя. У "Кивающего головой" есть два товарища -- Əlennut и Ajŋaьrgьn. Последнее имя значит "Крикун". Оно часто встречается среди чукоч даже и в настоящее время. Əlennut описывается как помощник "Кивающего головой".

"Кто хочет быть моей птичкой из подмышки? (cecgь-valьn pьcekalgьn, т. е. "кто хочет быть моим помощником?") -- спрашивает "Кивающий головой". Əlennut отвечает: "Я хочу быть птичкой из-под твоей подмышки". После этого они ринулись в бой плечом к плечу.

В другой сказке: "Кто начнет первым?" -- спрашивает старичок. "Я начну" -- говорит "Крикун". "Кивающий головой" кивает. "Хорошо, ну, пусть ты".-- "Нет, нет! -- восклицает Əlennut. -- Пусть я начну. Я ведь тоже острая спица от рогов "Кивающего головой". Пусть сперва обломают меня. Полные рога у "Кивающего, головой".

В другом рассказе Əlennut описывается так: У Əlennut'a длинные руки, ниже колен. Кулаки его -- как чаши из лиственничного нароста. Его руки крепче железа. Əlennut на голову выше других людей. Среди толпы его плечи возвышаются и видны издали, как плечи дикого оленя, стоящего в стаде домашних. Он бегает в проскачь по глубокому снегу, бросает ногу за ногу. Его след по снегу не двойной, а тянется цепью. Он ест очень быстро, с жадностью проглатывая куски пищи. Еда сама так и проскальзывает к нему в глотку. После битвы его всегда можно найти в спальном пологу. Он лежит там с молодой женщиной. Его ноги торчат из полога". Aiŋaьrgьn ("Крикун"): подпрыгивает высоко и криком призывает к битве.

К этой группе воинов принадлежит также и молодой Сьmkьl. Это -- скромный юноша. "Есть четыре сильных человека",-- говорит сказание:-- "Кивающий головой", Əlennut, "Крикун" и Сьmkьl. Перед Сьmkьl сидит его отец. Сильный человек молча ждет, пока старик говорит".

Из других воинов должен быть отмечен Nanqacgat. Это -- большой, тяжелый человек, одетый в лахтачную кожу. Наконечник его копья -- длиной в локоть. Во время ледокола на реке Omvaan он ложится поперек реки и останавливает лед. По его телу, как по мосту, переходят нарты, запряженные оленями. Такие преувеличения представляют обычный стиль чукотских сказаний.

В другом сказании он втыкает свое копье в дно реки. Пловучий лед останавливается. Лед образует временный мост, и по нему проезжают нарты.

В одном сказании появляется еще один сильный человек -- Attьmlū или Amlū, что "значит "Костяное лицо". Его зовут так потому, что лицо у него очень твердое, жесткое. Стрелы Таньгов не могут даже поцарапать его. С ним вместе живет Əlennut, его товарищ по жене.

"Костяное лицо" поссорился с "Кивающим" и ударил его ладонью по голове. Тот хворал целое лето. Потом он поправился, стал упражняться: бегает, фехтует копьем, таскает тяжести. Два года упражнялся. Потом с братом поехали они к силачу. Его брата звали Jьrkьtowatlan, т. е. "Имеющий мягкий зад". "Костяное лицо" предложил им заплатить за обиду. Сперва обещал дать им две тюленьи шкуры, потом -- двух бобров; но они отказались. Тогда все четверо вышли из шатра. Əlennut сел на сани и смотрит. Засучил рукава Костянолицый. Налетел на него один, протянул только руку, смотрит -- сзади другой, "Как -- говорит,-- двое?" -- "Да, вдвоем" -- "Ну, ладно, пусть!" Схватил их за шиворот, тряхнул, стукнул раз-другой лицами и бросил на землю. На земле кровь, как после убоя оленя. Тогда Костянолицый повернулся и вошел в шатер".

На этом сказание обрывается. Это, должно быть, только отрывок из какого-нибудь большого рассказа. Имя Костянолицего хорошо известно всем, сказочникам. Они говорят, что это был один из самых сильных воинов. Но, надо сказать, что все сказания, в которых упоминается его имя, лишь незаконченные, короткие отрывки. Интересно отметить, что вышеприведенное сказание говорит о "Кивающем головой" без особого одушевления и даже дает ему брата с унизительным именем -- "Имеющий мягкий зад". Это имя, должно быть, дано для контраста с жесткими щеками Костянолицего. "Костяное лицо" без всякого труда победил их обоих. Возможно, что эти сказки являются отголоском бывшего в действительности соперничества или же это -- пародия на старые традиции.

Старинные русские былины, описывая богатырей, порой незаметно переходят в насмешку и пародию. Эти былинные пародии также очень древни.

Кстати сказать, на Колыме и на Анадыре, среди русских, а также среди обруселых туземцев были в ходу эти старорусские былинные пародии. Temeerec, или, в уменьшительной форме, Temeerececəj, был молодым человеком, легким в беге и быстрым в движениях. Таньги убили его родителей, и он остался сиротой.

"Однажды пошли Таньги нападать на чукотское стойбище. Убегает народ: едущие на оленях; мальчик впереди идет пешком. Догоняют передние, говорит: "Где же я сяду?" Говорят: "Пусть у задних!" Задние подъезжают, говорит: "Где же я сяду?" Говорят: "Пусть у задних". Догоняют самые задние, говорит: "Где же я сяду?" -- "Пусть у самых последних!" Наконец, остался один едущий. Говорит: "Пусть у тебя сяду".-- "Нет,-- говорит,-- пусть у задних!" Ведь нет больше никого!" Тот угнал оленей, остался мальчик один. Идет по следу едущих. Маленький мальчик, но умный. Держит в руках детский лук, стрела -- с наконечником из красной меди. Идет по дороге. Наезжает сзади вереница Таньгов. Впереди самый сильный воин. Оглянулся мальчик, хочет его догнать. Думает: что буду делать. Бежит, падает, встает и опять бежит. Таньгин увидел бегущего, встал с нарты, снял панцырь, положил на нарту, положил и копье. Копье толстое, ратовье толще руки. Бежит, ведя за собой оленей. Думает мальчик: такой силач раздавит меня одним ногтем, как вошку. Бежит, спотыкается, опять бежит. Оглянулся, еще ближе стал Таньгин силач, скоро догонит. У него одежда короткая, почти не покрывает живота; выстрелил из лука, попал ему в брюхо. Сел на землю богатырь. "Стой, мальчик!" -- говорит ему богатырь.-- Подойди сюда". Боится, глядит издали. "Подойди сюда, не бойся! Теперь ничего тебе делать не стану!" Мальчик боится. Встал Таньгин, снял с нарты копье, положил на землю; снял и панцырь. Мальчик бросился бежать, но тот кричит: "Не беги, не беги! Тебе ничего не сделаю. Лучше подойди сюда! Подошел, наконец. "Ну,-- говорит,-- вот копье, вот лук, вот вся сбруя. Надень на себя это все, сядь на нарту и поезжай! Станешь проезжать оленных, станут они кричать: что за быки и откуда взял? -- не отвечай, проезжай мимо к дяде!" А дядя у него жил впереди на жительстве. "А наших не бойся, ибо они как доедут до моего трупа, то повернут назад, ибо я самый сильный изо всех!"

Мальчик приехал домой и стал жить с дядей. Он очень быстро рос, и все время занимался разными упражнениями. Однажды люди стали собираться на бега. Юный герой приготовил нарту, запрягся сам. Потом говорит он дяде: "Надень мне узду".-- "Не нужно",-- говорит дядя.-- "Нет, надень. Без того нарта слишком подпрыгивает". Он надел на юношу узду, сам сел и взял в руки вожжи. "Теперь хорошо, как раз".

Дорога была совсем кривая. Говорит дяде: "Пойдем прямо!" Дороги нет, снег по колено, но он бежит,- как будто нет снегу.

Когда он приехал, было еще совсем светло. В беге он перегнал всех соперников и взял приз. Впоследствии, в битвах, он употреблял тот же лук и стрелу, как и в детстве. Он стрелял сразу и убивал своего противника.

Другой герой, Əьrgьn, тоже очень искусный стрелок из лука, легкий в беге и быстрый в стрельбе. Около входа в узкое ущелье между горами стоял молодой Əьrgьn. Он пил воду из деревянной чаши. Он видит, что к нему подходит казак-воин в полном вооружении. "Пей больше,-- говорит казак,-- это твое последнее питье на земле". Казак размахивает копьем. Əьrgьn охватил свой лук и наложил на тетиву маленькую стрелу из китового уса. Все лидо казака покрыто железом, только для глаз оставлены два отверстия. "Он выстрелил и через дыру забрала попал казаку в правый глаз. Казак упал, и Əьrgьn взял его в плен.

В сказаниях встречаются имена еще нескольких воинов, но носители их не играют значительной роли. Имена героев, приведенных выше, широко известны в различных частях чукотской области. Я встречал семьи, которые заявляли, что они -- потомки того ила другого из этих древних героев. "Мы "насчитываем девять поколений (иногда восемь; реже меньше) от такого-то",-- говорили они обычно, "Мы продолжаем его род". Семьи, имеющие такое происхождение, требуют, чтобы все признавали их превосходство. Но надо сказать, что это требование остается неудовлетворенным и очень мало значит в глазах прочих чукоч.

Как уже сказано выше, под Таньгами в этих сказках подразумеваются оленные коряки. О них всегда говорится, что они очень богатые оленеводы, значительно богаче чукоч. У них есть постоянные укрепления (wujwun, множ. ч. wujwut; в настоящее время это название употребляется для отдельных бревенчатых изб, а также для поселков русских и обруселых туземцев, состоящих также из деревянных изб). Не легко понять, какими именно укреплениями могли быть такие wujwun в прошлом. Описания настолько неполны и неясны, что не могут дать представления о них. Вот одно из них: "Тогда Таньги спрятались в wujwun. Они сломали другой wujwun и бревнами его покрыли стены первого. Наверху, на крыше, около входного отверстия есть второй этаж. Там стоят лучшие стрелки из лука и стреляют вниз, в осаждающих". По всей вероятности, это простая, полуподземная землянка приморских коряков {Иохельсон, "Коряки", стр. 454.}, с деревянным щитом вокруг входного отверстия. Такие землянки вполне могли служить укреплениями. В казацких отписках о войнах с коряками первой половины XVIII века часто упоминаются маленькие укрепления, в которых коряки обычно защищались от русских. То же "самое было и у камчадалов. Однако все такие укрепления принадлежали приморским жителям.

Согласно устного сообщения В. И. Иохельсона, у приморских коряков до сих пор существуют сказания о набегах и нападениях оленных чукоч. У приморских коряков были укрепленные поселки. Они были расположены на высоких скалах, узких мысах или на островках, находящихся недалеко от берега. Доступ туда был закрыт каменной стеной или деревянным тыном. Оленные коряки также устраивали укрепления в местах, подобных вышеописанным. Они сгоняли свои стада в загон, сооруженный из нарт. Иногда же угоняли оленей на отдаленные пастбища. Мужчины оставались в укреплении, готовые к битве {Иохельсон. "Коряки", стр. 795.}. Некоторые из поселков камчадалов также были окружены "укреплениями из камней или из земли. В одном древнем поселке на северо-западе Камчатки я нашел остатки таких укреплений. Они имели форму большого прямоугольника со входом, обращенным к морю. В чукотских сказаниях о войнах с казаками также упоминаются подобные укрепления, построенные чукчами. В одном сказании говорится, как оленные чукчи, отступая от казаков, выбрали себе для укрепления местность, расположенную под скалой. Казаки влезли на скалу и, сбрасывая оттуда большие камни, разрушили укрепление и перебили людей. Уцелевшие воины построили себе укрепление на земле Neten, близ мыса Peek. Они выстроили его под нависшим утесом, так что казакам было невозможно сбрасывать на них камни сверху. В таком укреплении они с успехом оборонялись от казацких набегов.

ВОЙНЫ С КАЗАКАМИ

Казаки, как уже было сказано, также назывались Таньгами. Существительное melgь ("огниво") {См. стр. 18.} прибавляется очень редко. Среди населения реки Анадырь употребляется также слово qacak ("казак"). Qacaumel ("казакоподобный") обозначает также "скверный, грубый, жестокий".

В одном сказании описывается впечатление от первой встречи с казаками.

"Когда они пришли, наши люди их очень боялись, потому что у них такой страшный вид. Усы у них торчали, как у моржей. Наконечники их копий были длиной с локоть, и такие широкие и блестящие, что затемняли солнце. Глаза у них -- из железа, круглые и черные. Вся одежда -- железная. Как злые олени, они рыли землю концами своих копий, вызывая на борьбу наших воинов".

Согласно чукотским сказаниям, русские очень жестоко обращались с туземцами. Они убивали всех пленников и мирных жителей. Ударом топора между ног они разрубали человека надвое, женщин разрывали пополам, как сухую рыбу. Иногда они усаживали пленного, завязывали ему вокруг шеи веревку, а другой конец веревки привязывали к его memьrum virile. Затем тыкали ему в лицо куском раскаленного до-красна железа. Человек вскакивал и отрывал себе привязанное

Чукчи убегали от казаков по всем направлениям. Затем они остановились, собрали силы для сопротивления и начали успешную борьбу с завоевателями.

Во многих сказаниях русские изображаются с очевидной насмешкой.

"Жила маленькая девочка, по имени Gьnkь-ŋeut. Люди собрались в шатре для благодарственного жертвоприношения. Они закрыли дымовое отверстие и начали петь. Но были они не люди, а собаки. Некоторые из них пели: "кеу, кеу, кеу". Другие лаяли: "коон, коон, коон!" {Эти звуки являются длинными, протяжными и монотонными. Ими стараются показать переливы пения русских. Чукотское пение сильно отличается от нашего. Оно состоит из коротких, дрожащих, быстро меняющихся гортанных звукоа. Чукчи часто говорят, что пение русские похоже на собачий вой.} Тогда хозяйка шатра сказала девочке: "Посмотри... Кто это поет? Зачем они закрыли вход и дымовое отверстие?" Девочка нашла щель и заглянула внутрь. Там все были собаки. Чукчи пришли тогда и избили их. Собаки убежали на запад и сделались русскими. Некоторые из них остались, однако, собаками, и другие стали пользоваться ими для езды. Те, кого избили чукчи, рассердились на них и начали войну. Эх, мы не знаем. Наши люди били собак, а они стали людьми" {В гренландском фольклоре мы встречаем рассказы об erkigdlit, баснословных злонамеренных чужеземцах с собачьими мордами вместо лиц. Dall, Murdoch и др. переводят их имя как "гниды". Оленные чукчи называют приморских собачников подобным же образом -- родившиеся из собачьего помета.}.

Сказки, подобные приведенной, конечно, могли быть найдены только у оленеводов, в противовес русским собачникам.

Почти во всех сказаниях упоминается имя Jəkunnin, начальника казаков. Это имя было дано майору Павлуцкому {Аргентов говорит, что имя "Павлучка" часто встречается в чукотских сказках. Я не мог отыскать этого указания в известных мне статьях Аргентова, я нашел его в журнальной заметке, которая относилась, к моим собственным работам. В заметке упомянуто, что статья Аргентова очень редкая, появилась в Сибири и была напечатана в одной из сибирских газет. Имя "павлучка" мне не попадалось в чукотских сказаниях. Чукчи вообще склонны изменять чужие имена, переделывая их по-своему.}. Происхождение этого имени не выяснено. Возможно, что оно" происходит от русского имени Яков. Но Павлуцкого звали Дмитрий, а не Яков (Якуня). Русские на Колыме и Анадыре часто имеют особенное уличное имя. Возможно, что Павлуцкий имел добавочное имя "Якуня". В сказках Павлуцкий -- сильный рослый воин. Он одет в блестящую кольчугу. Сказка сравнивает его с огромной белой чайкой Larus argentatus. Он стоит перед толпой чукоч в полном вооружении, прыгает вверх выше стоячего дерева, потрясая копьем. У него есть пасынок или приемный сын. Это -- молодой воин из оленных людей. Он -- помощник Jəkunnin. Поражение Jəkunnin началось со смерти его помощника. В некоторых сказках сына Jəkunnin, которого зовут молодой Jekunnin, берут в плен и убивают. В других сказаниях молодой Jəkunnin, попав в плен, изменяет русским и приводит на их стоянку чукотских разведчиков. В некоторых сказках говорится, что чукчи останавливают подвоз провизии к русским. Некоторые подробности этого описания до известной степени соответствуют действительности. Павлуцкому с его казаками, так же как и всем прочим казацким отрядам, приходилось брать от тунгусов, чуванцев и даже от коряков оленей и дорожное продовольствие для своих нужд. Туземцы поневоле должны были принимать участие в казацких походах. Это вызывало иногда открытые возмущения, но чаще туземные проводники просто убегали от казаков в удобный момент. Между солдатским отрядом, привезенным Павлуцким из

Якутска, и местными уроженцами казаками постоянно возникали недоразумения и ссоры. Местные русские предания рассказывают, что часть казаков, измученная трудностями похода, бросила Павлуцкого и ушла обратно на Колыму. Зачинщиком этой измены считается Кривогорницын. Он был казачий пятидесятник. При мне на Нижней Колыме, в деревне Походской, жил Кривогорницын, далекий потомок "изменника". Походская деревня является древним казацким поселением. Последний Кривогорницын был слепой нищий, он скитался по домам, и соседи считали, что он наказан за грехи предка. Чукотские сказки изображают Павлуцкого злым и жестоким. Все жестокости казаков, о которых я упоминал выше, связаны с именем Павлуцкого. Поэтому ему дали прозвище Əqə təŋŋılin Jəkunnin ("жестоко-убивающий Jəkunnin"). Он хотел истребить всех чукоч. Он собирал меховые шапки всех убитых ими людей. Он послал Солнечному Начальнику (Царю) двадцать нарт, нагруженных этими шапками. Он сказал: "Я не оставлю в живых ни одного чукчи. Все будут убиты". Солнечный Начальник ответил: "Там в траве спряталось еще очень много маленьких птичек".-- "Тогда пойду я и прикончу их". Поэтому, когда Павлуцкий был взят в плен, чукчи, в свою очередь, замучили его до смерти. Сказания тунгусов и русских также подтверждают, что Павлуцкий был взят в плен и замучен до смерти. Он был ранен и упал на землю, но чукчи еще очень долго не могли найти в его кольчуге уязвимого места. Ему перерезали горло только тогда, когда с него сняли латы. Чукотское предание говорит, что сперва его ранили в правый глаз, а затем убили ударом ножа в живот, сквозь складки кольчуги. В другом сказании говорится, что с него сняли все доспехи и медленно изжарили на большом огне. Поджаренное мясо срезали кусочками и совали ему в рот. Другая сказка утверждает, что его раздели до-гола и заставили бегать по снегу. Ему привязали к голове большую палку и подгоняли, как молодого оленя, заставляя его бегать быстрее {См. стр. 168.}. Все это время его били бичами и костяными колотушками для выколачивания шатра. От каждого удара у него выступала кровь. Так он умер.

Один очень интересный рассказ, записанный на Среднем Анадыре, рассказывает, как два брата-оленевода, Mane и Manaqtun, воевали с русскими. Manaqtun попал в плен. Mane, в свою очередь, удалось одному захватить русское судно, на котором поднимался вверх по реке большой начальник. Он проделал это следующим образом. Судно проходило речные стремнины. Несколько казаков. шли по берегу и тащили его бечевой. Mane спрятался в кусты и стал ждать их приближения. Казаки тащили судно с большим трудом, так как оно было тяжело нагружено. Они были безоружны. Все их оружие лежало на судне. Когда они подошли совсем близко, Mane выскочил из кустов и набросился на них. Казаки были очень истощены, устали и не могли оказать почти никакого сопротивления. Mane перебил их всех своим копьем. Затем он схватил бечеву. На судне остался один командир, сидевший на корме. Mane держал бечеву. "Эй, ты, там! Все оружие, которое есть на корабле, выброси в воду. Иначе я отпущу бечеву". Командир собрал все ружья и длинные ножи (мечи) и выбросил их в воду.

Все подробности этого эпизода принадлежат одной старой казацкой сказке о ранних подвигах на Нижней Волге Ермака, завоевателя Сибири. Эта сказка была занесена казаками в район Анадыря. Чукчи заимствовали ее и применили ее к описанию своих собственных героев.

Приморские жители, как уже было сказано, принимали лишь небольшое участие в войнах с Таньгами. Однако в сказаниях нередко встречаются упоминания о собаководах, присоединяющихся к оленным чукчам. Но неизменно сказание сообщает, что собаководы очень малочисленны. Весьма вероятно, что это были даже не приморские жители, а просто бедняки из оленеводов, у которых не было оленей, и они пользовались для езды собаками. В старину многие из оленных чукоч имели очень мало оленей и держали поэтому собак.

ВОЙНЫ С ЭСКИМОСАМИ

Войны чукоч с эскимосами сохранились в народной памяти с меньшей отчетливостью и яркостью, должно быть, потому, что они более древни. В некоторых сказках говорится о жестокой и непримиримой войне между двумя приморскими народами. По описаниям их образа жизни и материальной культуры можно заключить, что одни из них были чукчи, а другие -- эскимосы. Источником их существования является охота на тюленя. Они никогда не видели домашнего оленя. Они ездят на собаках, но даже собак у них очень мало. У них подземные дома, укрепленные с внутренней стороны челюстными костями кита. Однако это не эскимосы: это -- злые духи (kelet). Главным способом борьбы с ними была магия.

В других сказаниях, менее фантастического характера, два народа также ведут войну друг с другом. Это -- оленные люди (Cawcuwat или Cawcu) и Ajwa-nat, "люди этой стороны" (wotenqatkenat); выступают против людей той стороны (ənkekinet); западные ("пришедшие с подветреной стороны", əjgьsqьlьt), против восточных ("пришедшие с наветреной стороны", ajvatlat) {См. стр. 8.}. Обычно первое название означает чукоч, а под вторым подразумеваются эскимосы; но это можно утверждать не вполне определенно. Даже и в старину большую часть приморских жителей составляли чукчи. Но их роль в этих войнах обрисована в сказаниях очень неясно и неопределенно. С другой сгороны, эскимосы Азиатского берега, в противоположность эскимосам острова Лаврентия и американским, называют себя "Оленным племенам" (Cawcuwat), указывая этим на то, что они ближе к оленным стадам, чем "люди другого берега" (Rocgьlьt). Название Ajwanat, данное им чукчами-оленеводами, они, в свою очередь, относят к народу другого берега {Чукотское название острова Лаврентия, Əjguen, по всей вероятности, связано с именем Ajwan (стр. 27).}. Основываются эти названия на том, что азиатские эскимосы в торговле с "людьми другого берега" отдают продукты оленеводства (оленье мясо, телячьи шкурки, готовую одежду из оленьих шкур) в то время как "люди другого берега" приносят им продукты морской охоты (тюленьи кожи, ремни, ворвань). Хотя все это соответствует действительности, но значение этого контраста в сказаниях чересчур подчеркнуто.

Один из наиболее часто встречающихся эпизодов рассказывает о борьбе воина Cawcu с приморским Ajwan. Однажлы летом оленевод пошел к морскому берегу и увидел, как Ajwan разрезал кита. На берегу лежало много убитых моржей. Оленеводу очень захотелось морской пищи. Он приходит к Ajwan'у или же посылает к нему кого-нибудь из членов своей семьи и просит у него китового жиру. В некоторых вариантах Ajwah удовлетворяет его желание, и он, до ольный, уходит домой, неся с собой желанную пищу. Так, например, в сказке о "Счастливом женихе" герой приходит к Ajwan'у и видит на земле целую тушу моржа. Он говорит: "Я пришел за жиром". Они отвечают: "Вот туша; сейчас ее разрежем: дадим тебе кусок". Он говорит: "Лучше не разрезайте ее. Хорошая ноша, как раз по моему плечу". -- "О, нет! Разве ты сможешь снести ее?" -- "Ну, да! если не откажете дать". Он взвалил себе на плечи тушу и отнес ее домой {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 253.}. Однако Ajwan чаще отказывается дать жир. Такой отказ противоречит северным обычаям. По обычаю, охотник, поймавший кита, должен дать' кусок китового мяса каждому кто попросит у него. Поэтому после отказа Aj-wan'a начинается борьба, в которой оленевод побеждает и убивает Ajwan'a. Тогда он берет себе жир. В третьей части сказания об "Əlendi и его сыновьях" два сына послали своего отца к соседу Ajwan'a попросить кусок китовой кожи. Ajwan отказал и в насмешку положил ему за пояс штанов кусок тюленьего жира. Сыновья Ajwan'a рассердились и отправились мстить за отца. Туша кита лежала на берегу моря. Работники Ajwan'a разрубали мясо. Оба сына Əlendi подбежали к работавшим и, угрожая копьями, обратили их в бегство. Ajwan крикнул: "Постойте! Сначала убейте меня, потом берите моего кита!" Но они не обратили внимания на его слова. Он сказал: "Принесите все нужное для состязания". Принесли моржовую шкуру и кости моржовых голеней. Ajwan разостлал шкуру на земле, расщепил кости на острые осколки, обтыкал ими шкуру остриями вверх, затем он смазал всю шкуру жиром. Сделав это, он встал на середину шкуры и сказал: "Подходи!"

Братья все еще рубили китовое мясо, отрезали куски величиной с лахтака и перебрасывали на берег. Ajwan стоит крепко, как будто врос в землю. "Подходите, негодные! Что вы за люди!" Прыгнул далеко младший, как будто прилетел; попал на шкуру ногами, как будто прильнул к ней. Говорит Ajwan: "Кто начнет, ты?" -- "Нет, ты".-- "Нет, ты, если ты отниматель!" -- "Ну, ладно, согласен!" Схватился за Ajwan'a. Куда ни толкает, как ни двигает -- неподвижен, как дерево. Откуда ни хочет схватить его рукой за шею или за руку не может, словно дерево. Пробует тихо руками, откуда бы схватить, медленно примеряется. Наконец, ладонь наставил, как топор, ударил по шее, голова отскочила, как волчок, тело немного стоит. Стоят кругом и смотрят товарищи. Убил, упало. Убежала на тундру жена Ajwan'a, увидев, как его голова покатилась. Юноша прыгнул назад к товарищу на ките. Покончив, понесли. Ну, и ноша же была {Там же, стр. 351.}.

Эти подробности очень распространены и повторяются в нескольких сказках. Иногда прибавляются и некоторые другие детали. Например, победитель просто разрубает кила пополам, берет в каждую руку по одной половине и так несет их домой. Затем он бросает тушу на землю около своего шатра и восклицает: "Вот, ешьте!"

Существует одна очень характерная сказка о войне между приморскими жителями Азиатской и Американской стороны. Она описывает борьбу двух племен: эскимосов Азиатского берега и эскимосов с острова Лаврентия. Сказка однако записана среди приморских чукоч. На Азиатском берегу упоминаются два поселка: Nuukan на мысу Дежнева и Uŋasik на мысу Чаплина. Оба выступающие мыса азиатского материка, Чаплин и Дежнев, служили, разумеется, исходными пунктами для всех походов азиатских туземцев на американское прибрежье.

"Два человека с мыса Чаплина, один из них шаман, были унесены вьюгой в зимнее время на пловучем льду. Льдину пригнало к острову Лаврентия, к поселку Cibиkak. Жители выбежали, убили одного из них, просверлив ему череп острым сверлом. Шамана оставили в живых, рабом сделали. Одну ночь только с ними переночевал, потом позвал своих моржей -- духов. Много моржей пришли, стали в ряд так, чтобы он мог пройти по их головам. После многих приключений шаман вернулся на Чукотский мыс и рассказал людям, какая судьба постигла его товарища. Люди решили отомстить за него. На следующее лето со всех поселков собрались на берегу воины. Сели в лодки. Много больших лодок отплыло к острову Лаврентия. На берегу они увидели поселок. Густой туман лежал на земле. Почти все воины сошли на землю, хотели сзади напасть на врага. Несколько человек направились прямо к поселку, под прикрытием тумана. Сказал старик: "Подайте голос, завойте по-волчьи". Они завыли, как волки. Другой старик, из жителей острова Лаврентия, сказал тогда: "О, они здесь". Молодые воины ответили. "Это не может быть! Ведь мы на острове". -- "Ну да, да! Ответьте им". Тогда они заревели, как моржи. В это время большой отряд нападающих медленно подходил к ним сзади. Неожиданно они набросились на островитян и стали убивать их. Женщины в страшном испуге стали давиться. Другие же резали моржовое мясо, чтобы угощать победителей. Большое побоище было! Много женщин увезли с собой на мыс Чаплина.

Через четыре года отправились островитяне мстить за нападение. Они пришли ночью, все люди спали. Они убивали людей, просто просовывая копья сквозь меховую стену спального полога. Один маленький мальчик, сирота, успел убежать от них во-время, разбудил других. Нападавшие убежали к морю. На следующий год старики с острова Лаврентия сказали: "Довольно. Пусть мир будет". Пришло лето, и на берег сошлись много островитян. Они принесли очень много деревянных сосудов и отдали их людям этой стороны. Сказал старик нашего берега: "Как ответите вы? Дайте им шкуры". Дали им мягкие шкуры. "Что это за шкуры?" -- "Оленьи шкуры." -- "Что такое олени?" -- "Они с рогами." -- "Что такое рога?" Тогда им показали голову оленя. Они смотрят, говорят: "О, как чудесно. Нос -- как дыры в кожаном покрытии байдары".-- "Попробуйте-ка лучше мясо". Сварили оленьего жиру. Потом они попробовали его: "О, это очень вкусно". Они ушли и оставили старика. Он был шаман. Люди этого берега взяли его в плен так же, как островитяне взяли четыре года назад одного из наших людей.

Это очень типичное описание войны между двумя приморскими народностями, живущими на противоположных берегах Берингова моря.

ВОЙНЫ С ТУНГУСАМИ И ЮКАГИРАМИ

Столкновения чукоч с тунгусами происходили в глубокой древности и почти совершенно не отразились в народных сказаниях. Одно или два сказания, повествующие об этом, очень коротки и бедны подробностями. Сказания самих восточных тунгусов, напротив, изобилуют подробностями о приходе чукоч и борьбе их с тунгусами, заселявшими страну. Что касается юкагиров, то чукотские сказки почти совсем не упоминают о них. Но юкагирские предания отмечают, что чукчи и юкагиры жили мирно и дружно. Когда юкагиры неумышленно убили одного чукчу, то, увидев его лицо, они горестно воскликнули: "Солнце, посмотри, мы убили своего брата" {Иохельсон, "Юкагирские материалы", стр. X.}. Но чукотские сказания ничего не говорят о Veemьlьt ("поречанах"), как они называют юкагиров.

ВНУТРИПЛЕМЕННЫЕ ВОЙНЫ

В чукотских сказаниях встречается несколько описаний войн между различными частями чукотского племени. Даже в настоящее время чукчи с большим недоверием смотрят на некоторые отдаленные группы оленных чукоч. Такими группами являются, например, оленеводы района Чауна в представлении колымских чукоч, а на Тихоокеанском берегу такой же дурной славою пользуются чукчи Телькенской тундры. Об этих ветвях оленных чукоч обычно говорят, что они "скверные" люди, бедные, нерадивые и беспечные. Они, в свою очередь, платят той же монетой, и на почве взаимных оскорблений и насмешек между разными группами часто разгораются ссоры и драки.

В одной из сказок говорится о том, как "Кивающий головой", Əlennut и "Крикун" отправились в поход на коряков.

"По дороге они зашли к Ajvatlat {"Восточные". Этим именем называют чукоч телькенских и анадырских. Русские называют этелькенских обитателей "туманскими чукчами" (см. стр. 27).}. Они жили на берегу озера. Большое было озеро, совсем толстый лед. На середине озера вырублена прорубь. "Идите, принесите воды!" -- сказал младшим "Кивающий головой". Пошли за водой. Около проруби стоит Tave. Ноги широко расставил, большой человек, силач. "Что вам надо?" -- "Мы за водой".-- "Не будет вам воды". Они пошли обратно. "Почему вы не принесли воды?" -- закричал Əlennui. "Tave не дал нам. Иди теперь сам". -- "Я пойду",-- сказал "Крикун". -- Взял котел, спустился с берега. Подошел к проруби. "Уходи отсюда". -- "Не дам тебе воды". "Крикун" подошел к нему, поставил котел на лед, схватил Tave и повернул его головою вниз. Он пробил его головою тонкий ледок на проруби, потом отшвырнул его в сторону, набрал воды и пошел назад. Восточные схватились за копья. "Стойте!-- закричал "Кивающей головой". -- Разве можем мы ссориться, если мы одного племени? Лучше пусть мы пойдем и обратим свой гнев на людей другого племени". Тогда наладился мир между ними, и все вместе они пошли на Таньгов.

На Анюйской ярмарке в 1895 году, о которой я уже упоминал выше, Əjgeli, "главный чукотский начальник", затеял ссору с людьми с Чауна. Один человек с Чауна был убит. Əjgeli, который был по обыкновению пьян, увидев труп убитого, громко сказал: "А, человек с Чауна! Собаке -- собачья смерть!" Он даже толкнул труп ногой. Люди с Чауна узнали про это и решили заставить его раскаяться в своих словах. На следующий день они встретили его, когда он ехал в русский поселок, и хотели остановить его и отнять его оленей. Ему удалось выдаваться и уехать от них. Тогда они заявили, что убьют Əjgeli, так же как русские убили одного из их числа. Əjgeli пришлось уехать с ярмарки. Я был тогда с ним. Первые пять дней мы ехали очень быстро, боясь погони. За три года до этого Əjgeli и его люди поссорились с людьми с Чауна, и дело чуть не дошло до убийства.

Менее значительные ссоры возникают иногда из-за оленьих пастбищ. Сказка о "Счастливом женихе" содержит очень интересный эпизод такого рода.

"Вернулся с пастьбы старший сын, говорил отцу: "Ох! Сосед на нашем пастбище пасет!" Говорит: "Чем же он рассержен, что так делает? Это пастбище для осени, почему он занял мое пастбище, разве дальше мало места? На что он гневается?" Говорит: "Это отнесите туда и воткните на пастбище". Дал им стрелу с деревянным наконечником: "Этим возвращу у него землю! Дам знак запрещения!" Они пошли на пастбище и воткнули. Поставили там стрелу и потом осенью собственное стадо пригнали. Посмотрели, а стрелы нет, -- унес другой пастух, сосед. Ищут ее везде, смотрят, а все моховище потоптано. Стали искать на огнище, нашли там обгорелый обломок стрелы. Чужую стрелу он, кажется, употребил, чтобы вскипятить котел (ибо так велика стрела). Вскоре после этого они переночевали на другое место. Кочует осенью тот сожигатель стрел, они, недвижные, его видят. Кочует поезд, проходит мимо, вытянулся длинной линией. Лук достал старик, пять оленей убил, одного за другим, так что пять нарт остановились. Люди обидчика запрягли своих оленей в нарты, пешком медленно пошли. Так старик отомстил за сожженную стрелу".

Насчет приморских жителей я упомяну, что между селениями Lūren и Janra-ŋai существовала древняя вражда, тянувшаяся более чем через десять, поколений и не исчезнувшая окончательно даже и в настоящее время.

РАБЫ

Чукчи называли рабов: мужчин -- purel, а женщин -- ŋaucgьn. Последнее название есть просто вариант слова ŋausqət ("женщина"). Другими синонимами слова purel являются əmulьn, vьjolьn, gepьlьn. Собственно говоря, purel -- это иноплеменник, взятый в плен, или иногда -- человек своего племени, порабощенный в силу обычая кровавой мести. Я буду говорить об этом ниже. Əmulьn означает также "слабый", "хилый" и употребляется как ругательство, в особенности с приставкой ciq (ciq-əmulьn -- "очень слабый"). Vьjolьn означает "помощник" и применяется также и по отношению к духам -- помощникам шамана. Gьpьlьn значит "работник" и применяется ко всем работникам -- мужчинам и женщинам, даже к родственникам. Тем не менее все эти слова употребляются в презрительном смысле и ими пользуются как ругательствами; Все эти слова почти без всякого различия применяли по отношению к настоящим рабам.

В настоящее время рабов у чукоч не существует. Однако воспоминания о рабстве очень свежи и ярки. Так, например, двое знакомых мне чукоч -- Araro, очень богатый оленевод с западной тундры, и Ajŋanwat -- считали себя потомками рабов иноплеменников из племени Таньгов. Соседи нередко подсмеивались над их происхождением, называя их poralcьnьn ("рабское отродье"). Между ними и их предками-рабами было уже несколько поколений. Ajganwat считал себя Таньгом по происхождению, несмотря на то, что даже прапрадед его жил среди чукоч и говорил на их языке. Заклинания, которыми владел Ajŋanwat, как это вообще подобает всякому чукче-оленеводу, действительно упоминали его происхождение от Аталь-Таньгов (то есть от чуванцев).

В сказаниях часто встречаются рабы, мужчины и женщины, взятые в плен во время войны. В сказании об "Əlendi и его сыновьях" подробно описывается раб, по происхождению Ajwan. Герой побеждает его в единоборстве. Затем, чтобы ослабить его сопротивление в дальнейшем и сломить его дух, он избивает его увесистой дубиной по мускулам всех мягких частей тела. После этого он крепко привязывает его к шесту и увозит его с собою на нарте, как бревно. Тот стонет от боли, просит пить. В доме победителя он становится пастухом. За малейшую провинность хозяин жестоко избивает его. Раб отомщает ему предательством, и в конце концов хозяин убивает его.

Лучшими рабами считались подростки, юноши и девушки. Случалось, что их брали в плен вместе со стадом, которое они пасли, именно потому, что они знали свое стадо лучше, чем их победители. В сказке о Talo, воспитаннике Таньгов, герой после победы над врагами отбирает у них пятнадцать стад и вместе сними восемьдесят молодых рабов. Все остальные пленные были убиты. В сказке о "Превращенном шамане" шаман отбирает у врагов несколько стад и смешивает их в одно. При каждом стаде было по несколько молодых пастухов, и все они вместе составили толпу. Вернувшись домой, герой делит добычу, оленей и пастухов на две части и отдает половину своему брату {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 241.}. С течением времени такие пленные смешались с чукчами, стада были перерезаны и съедены победителями, и часть их даже перешла во владение к их пастухам. В сказке об "Əlendi и его сыновьях" говорится, что даже вероломный раб Ajwan; если бы он вел себя лучше, получил бы от хозяина часть стада, хотя оно и не было военной добычей. Пленные женщины исполняли различные тяжелые работы, а также служили наложницами своим хозяевам. Иногда их продавали в другое стойбище, но в общем их положение очень мало отличалось от положения чукотских женщин.

За взрослую женщину платили большой мешок табаку (80--120 фонтов). Молоденькие девушки были дешевле. Чукотские торговцы продавали пленных: женщин с Американского берега даже русским поселенцам. Но об этом я буду говорить в последней главе.

Я уже упоминал, что в настоящее время рабов у чукоч не существует. Мне рассказывали в поселке Valqatlen, что за несколько лет до моего посинения на одном оленном стойбище, недалеко от поселка, умерла старуха, проданная оленеводам приморскими чукчами, которые взяли ее в плен во время набега на жителей Американского берега. В последнее время она была бездетной вдовой и жила в стойбище брата своего первого мужа. Другие женщины называли ее с некоторым оттенком презрения "женщиной-рабыней" (ŋaucgьn).

Мне говорили что в случае убийства кровавая месть может быть заменена порабощением одного из членов семьи убийцы. Этого человека заставляют выполнять всю работу, лежавшую на обязанности убитого. Так, например, родственники чукчи, убитого в 1895 году на Анюйской ярмарке, пришли наследующий год на ярмарку и потребовали уплаты за убитого. Им предлагали чай, сахар и табак. Они взяли все это, но затем заявили, что они хотят того казака, который убил их родственника, или хотя бы какого-нибудь другого казака. Он должен пойти с ними на тундру и жить в семье убитого, заменяя мужа его вдове и отца его маленьким детям. Только тогда нанесенная обида может считаться заглаженной. Они повторили свое требование и на следующий год и снова получили отступного чаем и другими товарами.

В подобных случаях человек, взятый из семьи убийцы, должен перейти в семью убитого и во всех отношениях заменить его. Мне известен другой случай подобного же рода. Pequl, чукча приморского происхождения, имел двоюродного брата, который ушел в пастухи к владельцу огромного стада на тундре близ реки Россомашьей. Спустя несколько лет он был убит в драке. Pequl отправился на реку Россомашью, чтобы отомстить за брата и получить вознаграждение. В виде выкупа (kьtkaw) он взял от семьи убийцы много оленей и прихватил также и мальчика, сына сестры убийцы. Он так жестоко обращался с мальчиком, что тот даже пробовал покончить самоубийством. Тогда семья мальчика дала в обмен за него много живых оленей, и Pequl отпустил его домой. Pequl грозил еще взять из этой же семьи одну молодую женщину, но она сказала, что покончит с собой, если он ее увезет.

Я не знаю других случаев такой замены убитого родственника живым врагом, но мне рассказывали, что в старину такие случаи были не редки. С человеком, взятым из семьи убийцы, обращались как с рабом. Он должен был слепо повиноваться каждому распоряжению хозяина. В случае непослушания хозяин имел право убить его. Я думаю однако, что такие сообщения сильно преувеличены или, по крайней мере, рабы такого рода встречались у чукоч не часто.

Упомяну еще одну необычную подробность в сказании о войне между жителями Азиатского берега и острова Лаврентия, о которой я уже говорил выше. Здесь также после заключения мира одного человека оставляют добровольным пленником вместо человека, убитого в начале схватки. В настоящее время мне неизвестны такие случаи, за исключением упомянутых выше.

Глава IX
ПРАВО

СОВЕТ СЕМЕЙНОЙ ГРУППЫ

По имеющимся у меня сведениям, в древние времена, в случае какого-нибудь "неудобного дела", запутанного правового столкновения внутри семейной группы, собирался совет из стариков и молодых, мужчин, принадлежащих к этой семейной группе. (Чукчи называют всякого рода неурядицы, раздоры и преступления {У чукоч нет специального термина для понятия "преступление". Производные корней taiŋ и qəsm означают лишь всевозможные проступки и нарушения, относящиеся к предписаниям религии, преимущественно в их обрядовой части, а также и плохую удачу, как последствия этих нарушений. Так, например, прилагательное nьtaьŋqen значит "приносящий неудачу", в противоположность nьkьntaqen (@приносящий удачу", "ударный"). Существительное tajŋьkwut (множ. чис.) в смысле "защитники против неудачи" употребляется для обозначения связок амулетов-охранителей. Существительное qəsьuurgьn означает "несчастье", посылаемое духами kelet и т. д.} одним и тем же словом akawka-vabrgьn -- "неудобное бытие"). Старики садились и обсуждали дело. Молодые мужчины стояли сзади и молча слушали. Если недоразумения возникали между членами различных семейных групп, то для разрешение их собирались мужчины из обеих семейных групп. Старики каждой стороны выбирали одного или двух ораторов, которые говорили по очереди. Старики высказывались "за миролюбие" (am-jerketь), и молодые должны были повиноваться их решениям. Если соглашения достигнуть было невозможно или же заинтересованные стороны были недоступны никаким убеждениям, то старики говорили: "Пусть поиграют" -- nuucvetьrkьnet {Franz Boas сообщает, что у центральных эскимосов существует институт временных начальников, распоряжения которых, однако, не являются строго обязательными (Central Eskimo, стр. 581). У чукоч точно также решение семейных советов не носит безусловного характера.}. Тогда оба спорщика вооружались копьями и вступали в состязание. Конечно, это лучше, чем неорганизованное мщение, но я не знаю, насколько действенны были решения совета. В настоящее время у чукоч нет ничего похожего на семейные советы и их совещания.

Мне уже приходилось упоминать, что чукчи очень красноречивы и многословны. Всякое событие, случающееся в их жизни, подробно обсуждается на ближайшем сборище -- например, на празднике или во время оленных гонок. Каждый считает долгом высказать свое мнение. При таких обсуждениях, как правило, наибольшее значение имеют мнения стариков. Однако от таких, обсуждений еще очень далеко до настоящего совета. В главе о браке я приводил сообщение Д. Меликова о "совете старейших", причем он утверждает, что такие советы существуют даже и в настоящее время. Там же я говорил, что, насколько мне известно, у чукоч в настоящее время таких советов нет. Закон устанавливается и поддерживается поступками отдельных людей, и не существует никаких общественных постановлений, осуждающих или наказывающих чьи-либо проступки.

УБИЙСТВО И КРОВАВАЯ МЕСТЬ ВНУТРИ СЕМЕЙНОЙ ГРУППЫ

Главным преступлением является, конечно, убийство. Оно карается по обычаю кровавой мести. В самом начале моего знакомства с чукчами я с удивлением заметил, что все убийства разделяются на две категории: на совершенные внутри семейной группы и вне ее. Кровавой местью караются лишь убийства, относящиеся ко второй категории. Убийства первой категории не подлежат кровавой мести и остаются вовсе без наказания. Объясняя такое положение вещей, чукчи приводят как формулу обычного права: "с ним поступили как с одним из своих" (cinitu-lьgnin) или "как с родственником с ним поступил" (cicetu lьgnin). Эта формула утверждает право каждой семейной группы самостоятельно решать все свои внутренние дела, не распространяющиеся за ее пределы. Приговорив к смерти кого-либо из членов своей семейной группы, чукчи обычно прибавляют: "Разве он был назначен на жизнь? Все разно кем-нибудь чужим был бы убит" (Jəqqəi jegtelelqəl? Tьmŋalvalag ecvecə nьnmьnen).

Эти значит, что "скверных людей" нужно убивать внутри своей семейной группы. Мне пришлось видеть несколько таких случаев. Так, например, в районе реки Олоя года за два до моего приезда чукча Lejvьtegьn был убит своими родственниками. Это был злой и завистливый человек. Он обижал своих домашних и был жесток даже к своим упряжным оленям. Оленные чукчи считают ездовых оленей самыми близкими "к сердцу" (liŋliŋkin). От корня liŋьlьn происходят также термины, относящиеся к кровавой мести (liŋьleerkьn -- "искать кровавой мести"), liŋ -- корень существительного liŋ iŋ ("сердце").

Однажды во время поездки Lejvьtegьn убил одного из своих оленей необдуманным ударом. После этого родственники решили убить его. Они сказали: "Иначе его все равно убьет кто-нибудь, и нам прядется вести вражду кровомщения. Брат Lejvьtegьn'a пришел к нему на стойбище и, уловив благоприятный момент, ударил его ножом в спину. Этот поступок получил общее одобрение соседей, так как Lejvьtegьn был "скверный человек, источник мучения для других" (ətqi tawemьnŋььrgьn) {Общее согласие соседей на убийство злого человека имеет большое значение также и у эскимосов (Boas, Central Eskimo, стр. 582).}. Я уже упоминал {Ср. стр 26.}, как один чукча был убит своим сыном и племянником, с согласия его жены, также за свою крайнюю жестокость. Однако мне известны случаи, когда убитые вовсе небыли "плохими людьми" и убийство совершалось только по личным соображениям материального характера. Таким является, например, случай братоубийства, упомянутый выше. В другом случае, в начале девяностых годов прошлого века, чукча Jajaq был убит своими племянниками. Он был богатым оленеводом, и юноши просто хотели забрать себе его стадо. С другой стороны, Jajaq за несколько месяцев до своей смерти совершил жестокое убийство в семье приморских жителей близ мыса Эрри. Эго убийство не могло, конечно, остаться без наказания. Поэтому убийцы могли оправдаться тем, что своим поступком они разрушили почву для кровавой мести и предотвратили возможную вражду. Чукча Qavretto также был убит в ссоре своим двоюродным братом. Убийца женился на вдове своей жертвы и присоединил его стадо к своему. У убитого остался маленький сын; он остался жить на стойбище убийцы. Никто не отомстил убийце за смерть Qavretto. Чукчи, рассказывавшие мне подробности этого убийства, говорили: "Чŋj же делать? Это их дело" (Qailoqьm miŋkri. Ərrmg-lii -- буквально "Ну, что же, конечно, их знание").

Отмечу еще несколько случаев иного характера, тоже происшедших внутри семейной группы.

Мать убила своего сына ударом тяжелой палки. Мальчику было около семи лет. Отец у него был, как говорят чукчи, "мягкий" (jьrkum valьn), и это убийство прошло без последствий. Были также два случая убийства жены мужем: один убил жену горящей головней, другой -- ударом ноги в живот, причем женщина была беременна. Оба убийцы не понесли никакого наказания. Напротив того, в третьем случае богатый оленевод на западной Колымской тундре, по имени Qituwgi, убивший свою жену, вынужден был уплатить большой выкуп брату убитой. Он отдал ему девять оленей, среди них две ездовые упряжки, и много отборных пыжиков. Мне говорили даже, что этот выкуп мог быть еще больше, но убитая была женщина и к тому же уже не молодая.

Я упоминал также и другой случай {Ср. стр. 101.}, когда, наоборот, жена, с помощью дочерей, убила своего мужа. Она не уплатила никакого выкупа и вообще не понесла никакого наказания, так как у убитого не было родственников.

УБИЙСТВО И КРОВАВАЯ МЕСТЬ ВНЕ СЕМЕЙНОЙ ГРУППЫ

Убийство, совершенное вне пределов семейной группы, редко остается неотомщенным, "Это очень позорно -- не отплатить за кровь,-- говорят чукчи.-- Даже самый дальний родственник должен принять это близко к сердцу. Друг тоже должен мстить за своего друга, и более того -- товарищ по жене".

Я уже упоминал, что группа людей, принимающих участие в кровавой мести, обозначается особенным термином, cin-jьrьn -- "группа сердца" (от корня ciŋ, тождественного корню liŋ -- "сердце"). Прежде всего это -- родственники по мужской линии ("со стороны старого быка"). Мне говорили, что родственники убитого по женской линии ("со стороны матки") принимают участие в кровавой мести лишь тогда, когда нет никого из родственников по отцовской линии. Зять, живущий в шатре тестя, как приемный сын, считается членом семьи отца своей жены. Поэтому он принимает активное участие в кровавой мести. Зять, живущий отдельно, приравнивается к родственникам по женской линии. Он принимает участие в мести лишь при отсутствии родственников по отцовской линии. В общем во всех ссорах и случаях кровавой мести права родственников по отцовской линии превышают права родственников по женской линии. В тех случаях, когда сталкиваются интересы нескольких семейных групп, человек должен придерживаться родства по отцовской линии.

Все сказанное остается в силе и в отношении азиатских эскимосов.

Жители поселка Uŋasik говорят: "В случае ссоры родственник по отцу становится ближе, а материнский родственник -- дальше". Все же поговорка, утверждающая, что в случае нужды даже самые отдаленные родственники выступают как мстители, обычно вполне ее ответствует действительности. Так, например, когда один чукча был убит в 1885 году на Анюйской ярмарке, обиду почувствовал прежде всего отчим, то есть человек, не связанный с ним ни по отцовской, ни по материнской линии. Он начал переговоры с начальством и был первым, кто получил плату за кровь. Однако другие чукчи, очевидно, считали, что он не имеет права на эту плату, поэтому она была сразу же украдена у него. Он даже принес остатки этой платы обратно к русскому начальству, прося сохранить их для передачи брату покойного. В конце концов он, конечно, взял их себе.

С этого времени каждый день к русским начальникам приходили разные чукчи из Чаунского района. Некоторые из них заявляли, что они -- двоюродные братья убитого или, пожалуй, троюродные, может, и еще дальше. Другие же просто говорили, что они были его земляки. Они говорили: "Мы ходили по той же земле, что и он. Этого достаточно для того, чтобы мы жалели о его смерти". Большинство из них заявляли, что они желают получить часть платы за кровь; другие же просто ругались в лицо помощнику исправника и грозили отомстить русским. После того они уходили. При этом они заявляли, что все это пока не имеет никакого значения и что вопрос о кровомщении возникнет в будущем году, когда на ярмарку приедет брат убитого.

Иногда случается, что ни один родственник не хочет выступить мстителем за убитого. Родных или двоюродных братьев у того нет, а белее отдаленные родственники не хотят принимать участие в ссоре, в особенности если враждебная семья достаточно сильна, чтобы выдержать борьбу. Если у убитого есть малолетние сыновья, то на них падает долг кровавой мести, и рано или поздно они ее осуществляют.

Aiŋanwat дал мне подробное описание, как производится в таких случаях кровавая месть. Я знал многих чукоч, упомянутых в его рассказе, и то, что они мне рассказывали, вполне совпадало с рассказом Aiŋanwat'a. Самым выдающимся из братьев, упомянутых в рассказе, был старший. Его звали Valьrgьn. Ему было около сорока лет. Это был сильный, крепкий и энергичный человек. Соседи говорили, что в гневе он становился просто опасен. Но обычно он был тих и спокоен, и сам никогда никого не оскорблял и не обижал.

"Один шаман, оленный человек. Сосед захотел убить его. В стаде исполнил над ним, ибо сонные там спят. Надо сказать, что тот с тремя детьми, со слабыми детьми. Впрочем, старший отрок -- порядочный мальчик. Уже при стаде начал днем ходить. Также убитого младший братишка, как раз одинаковы с племянником. Одного возраста как раз. Что же, сосед этот попрежнему силой убивает оленей для своего горла. Гу! Вдова сына, попрежнему долго спящего {Оленные чукчи считают, что человеку, заботящемуся о стаде, нельзя спать долго.}, колотит; говорит: "Отца убили, а вдобавок вы долго спите!

Постоянно стреляющие излука мальчики, побуждаемые к стрельбе матерью. Этот шурин мужа, младший брат, тоже вместе. Попрежнему убивает оленей насилием убийца, сделал их бедными, потом сделал их без стада. Потом уже в сторону отошел, убийца отделился. Попрежнему стреляют из лука с дядей. так как одного возраста. Потом, юношами стали, приобрели зрелое тело на следующий год, совершенно возмужали, стали мужчинами. Этот убийца туда к (восточной) наветреной стороне ушел.

Что же, окончательно созрев, стали искать. Как же, стрелять прекрасно выучились. В былинку стреляют и как раз попадают. Стали искать: где же убийца? Что же по жительствам туда далеко искали, в большом скоплении жительств, притворно, как будто идут к Чукотскому носу. Расспрашивая, разузнавая по жителям, точно узнали вести. Что же, при расспросах заговорили: "Вантам, к морскому народу с зимовья вышел, пошел за ворванью". Домашние же (его) по направлению пути (медленно кочуя) остались ждать. Эти же только (собственное) тело (привезли), без шатра, каждый день едут навстречу, но возвращаются приходят домой, все пешком, не ездят на оленях. Постоянно в виде ранца колчаны носят на плечах. Наконец, в один день там показался едущий на оленях и также кочевой поезд там показался сзади. Движется поезд. Что же мстители заговорили: "кажется, вот он!" Там стали ждать, ибо движется убийца как раз к ним. Что же, сблизились, совсем близко сделались. Вот понял их (намерение), ибо с луками. Как только понял, остановился. Ибо они сказали: "Так вот настигли мы тебя?" -- "Ух! вот что!.. Ух!.. Если бы дома на стойбище!" Они только натягивают луки. "А над нашим разве дома совершили?" В середину печени попали; разве не умеют стрелять? Хорошо пробило. Вскочил, кинулся с раной, побежал. Тогда другой в бегущего туда выстрелил. В середину спины попал. Упал тут, бросились на него. Еще живой, смотря, смотрит. Ножом по голове ударили, темя разбили. Что же, вот кочующий поезд приближается. Только при оставлении сказали -- уже на расстоянии голоса стали, приблизились. "Вот! вашего (убитого) дикого оленя покидаем!" Бросились бегом домой. Жена из-за мужа тут разбила стойбище. Так они совершили возмездие.

Вернулись убийцы домой. Поспешили потом сюда, ибо в средней стороне жили. Лживо говорили по жительствам во время дороги: "Мы идем на Чукотский нос". А на деле убийство совершили. Однако только у родственников об убийце спрашивали тайно, о назначенном для умерщвления: "Где он, где?" Чужим говорили: "Мы идем на Чукотский нос". При этом с полным знанием двигаются. Потом же они в страхе ушли домой. Поспешно ушли, в боязни ушли. Но все-таки лето захватило их, поневоле там летовали. Будущий год настал, еще при первом появлении прохлады (в августе) двинулись прямо сюда. Когда же осень была, они очень быстро шли, кочевым поездом через Чаун сюда, издали. из серединной страны. Но были застигнуты летом. Здесь они летовали, где-то тут за рекой, по эту сторону Колымы, годовали тут. Опять наступил следующий год, на подветреную сторону перешли (через реку). Только там, где конец жительства, в Индигирской стороне остановились. Как если бы сказать, что они до мест без жителей (чукоч) хотели миновать на русскую землю. На краю жительств там остановились. Таким образом совсем на подветреной стороне очутились. Там внушили им забвение (со стороны родственников убитого) через много лет. Десять раз (уже) годовали здесь. Самый младший брат, должно быть, из такой дали погублен чарами".

Затем следует описание чар. Младший брат ранил дикого оленя, подошедшего к его стойбищу. Преследуя его, он сбежал на лед и сломал себе шею. Поэтому считали, что олень был магический. Эта часть рассказа была приведена выше {Ср. стр. 27.}. Рассказчик указывает, что этот человек, участвовавший прежде в кровавой мести, погиб от случая, связанного со стрельбой. Когда он умер, он все еще держал в руках лук, готовый для стрельбы. Это был тот же лук, которым брат его пользовался десять лет назад, когда он мстил за отца. Несмотря на этот инцидент с чарами, рассказчик, говоря о бегстве на запад, прибавляет несколько собственных замечаний, порицающих недостаток храбрости у них после убийства. Его замечания очень интересны.

"Напрасно они бежали. Напрасно они, разве их работа дело убийства? К чему же они собственную землю покинули. Так как грех убивать во второй раз. Они только отомстили. Право, если бы там жили бы, ничего (худого) не видели бы, так как возмещающие кровь, иные (из таких) даже вместе живут, входят в приятельство, связываются групповым браком и тому подобное, ибо в единении становятся, когда намерение исполнили. Как бы великий труд окончили {То же самое мы наблюдаем и у американских эскимосов. Franz Boas сообщает о центральных эскимосах: "Их отношение к подобного рода обидам совершенно чуждо нашему пониманию. На наш взгляд, кажется довольно странным, что убийца поселяется среди родственников своей жертвы, несмотря на то, что те могут в любое время убить его, и он знает об этом. Его встречают приветливо и иногда оставляют в покое в течение одного, двух месяцев. Затем его вызывают на состязание, и если он побежден, то его убивают. Если же он выходит победителем, то он имеет право убить одного из своих противников. Иногда на него неожиданно нападают во время охоты сразу несколько его спутников и тут же убивают его" (Boas, Central Eskimo, p. 682). Все это можно встретить также и у чукоч.}. Другие, однако, когда возмездие совершено, опасаются, ибо убийца каждый имеет родственников. Иные же именно убийцу не убивают. Другого убивают: или сына, как раз близкого человека, брата или кого. Заставляют мучиться тоскою. Говорят: "ты тоже тоскуй и томись". И, конечно, только что убивший постоянно боится. Если же так совершилось возмездие, ему лучше становится, бояться перестает" {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 23.}.

Из всего этого можно заключить, что кровавая месть у чукоч останавливается по большей части после совершения первого акта возмездия и дальнейшие убийства случаются очень редко. Часто даже семьи, состоявшие во вражде, после первого акта мести заключают мир и связывают себя узами дружбы. Я не могу сказать, что мне известны такие случаи дружбы в действительной жизни, но, с другой стороны, продолжительная кровавая месть с целой серией убийств также противоречит обычным условиям чукотской семейной жизни. В чукотской семье родственная связь не настолько сильна, чтобы поддерживать продолжительную вражду. Так, по крайней мере, у оленных чукоч, во всех случаях кровавой мести, которые мне известны, мстит сторона пострадавшая -- и то лишь в первый раз. После этого фактическая кровавая месть заменяется либо платежом виры, либо, напротив, магическим воздействием. После этого кровавая месть прекращается и вражда считается ликвидированной. У приморских чукоч я встречал продолжительную вражду между двумя поселками. Но здесь вражда носила совсем другой характер. В основе ее не было семейной кровавой мести.

Чукотские сказания описывают случаи кровавой мести с еще большими подробностями, чем рассказы из действительной жизни, приведенные выше. Так, например, в сказании об "Убитом насильнике" (Ermecьn tьtnjo) один чукча нападает на своих соседей и забирает себе всю их добычу от тюленьей охоты. В конце концов соседи убивают его. Я уже приводил это сказание, так как оно дает очень характерное описание "насильника" среди приморских жителей {Ср. стр. 66.}.

Во второй части этого сказания говорится, что у убитого остались две жены. Одна из них была в это время беременна и вскоре родила двух близнецов-мальчиков. Мальчики росли очень быстро; но семье приходилось переносить большие лишения, и часто им нечего было есть. Женщины, однако, постоянно принуждали их к упражнениям для того, чтобы они смогли отомстить за отца. Они говорили сыновьям: "Мы голодаем из-за того, что враги убили вашего отца; когда он был жив, у нас всегда было всего вволю. Поэтому вы должны отомстить за его смерть. Пусть семьи его убийц также мучаются и голодают, как мы". Мальчики повиновались им. Они бегали, носили тяжелые бревна и упражнялись с копьями. Они выросли и стали сильными и ловкими юношами. Однажды они убили десять диких оленей и накормили старух-матерей, которые почти умирали с голоду. Вскоре они поссорились со своими соседями, которые убили кита. Старуха сказала: "Вашему отцу нанесли очень много ран. Теперь идите и отплатите за это". Они пошли и вступили в борьбу со своими соседями. Они убили их всех. Всех живших на берегу они уничтожили. Детей убитых они превратили в голодающих сирот {Богораз, "Чукотские материалы", стр. 373. Часть этой сказки взята из другого, еще не опубликованного варианта.}.

Интересно отметить, что идея кровавой мести появляется даже в связи с охотой и рыболовством. Так, чукчи говорят, что охота на лисицу и выдру и другого зверя вызывает у зверей соответственную жажду кровомщения. Один из охотников говорил мне, что каждый раз, перед тем как в его западню попадает лисица, он видит ее во сне. Она нападает на него и хочет его загрызть {Другой охотник видел во сне лисицу в виде женщины, проявлявшей к нему недвусмысленную благосклонность. Он подходил к ней, но каждый раз оказывалось, что она крепко спит. По таким снам он угадывал, что в его капкан попала лисица и издохла там.}. Говоря о лисицах, он называл их "мстителями" (liŋьlьt). "Между людьми и зверями существует постоянная вражда, побуждающая их к кровавой мести",-- объяснил мне еще охотник. Когда человек убивает лисицу, то другая лисица хочет отомстить за ее смерть. Поэтому она бросается к капкану и, в свою очередь, попадает в него. Чем сильнее вражда со стороны зверей, тем удачнее бывает охота. На этом же основании во время ужения рыбы удильщик делает вызов рыбе, чтобы она попадалась лучше. При ужении хариуса сквозь прорубь во льду, когда рыба видна в воде, но не идет на крючок, удильщик обычно произносит следующее заклинание:

"Vaj, vaj, vaj, ətla-ŋaw-merga qame-lō-tьnpьk gagtьnьmcaw-e-gьt".

"Вот, вот, вот, от по матери бабки, во время еды по лицу ударяющей, ты получил наставление".

То есть:

"Хорошо, хорошо, от твоей бабки, которая била тебя по лицу во время еды, ты получил урок осторожности".

Употребляется и другое заклинание:

"Jo, jo, tanŋьnaqut emi?"

"О, о, большие Таньги, где (они)?

То есть:

"О, о, где эти большие Таньги?"

Здесь рыбы приравниваются к Таньгам, древним врагам чукотского племени.

Когда рыба уже поймана, рыбак произносит еще одно заклинание:

"Gьk, gьk, gьk, kьrŋa-takalgьn qəjŋewkun".

"О, о, о, старый бычачий свояк, позови его".

То есть:

"О, о, о! призови своего старшего товарища".

Последнее заклинание считается наиболее действительным из всех. Рыбак, не произнесший этой формулы после удачной рыбной ловли, вскоре утрачивает все свое рыболовное счастье.

ВИРА

Вира уплачивается за убийство, или же чаще за меньшие преступления, направленные против человека или собственности. На чукотском языке имеется несколько терминов для выражения этого понятия. Одним из терминов является qəl-vil (буквально "цена несчастья"). Так называется вира, уплачиваемая за тяжелые преступления, например, за убийство и за крупное воровство.

Термин puurьn (буквально "обмен") применяется к случаям более мелкого воровства и телесным повреждениям, не повлекшим за собой смерти. Этот же термин служит для обозначения всех видов возмездия, включая и кровавую месть. Puurьtkulьn ("меняльщик") употребляется в том же смысле, как и название liŋьlьn ("мститель"), приведенное выше. Слово kьtkaw (буквально "жесткое воздаяние") употребляется для обозначения всех видов кровавой мести и для виры в том числе. Слово ŋьrkьcvaj ("оплата стыда") употребляется при насилиях над женщинами, а также при уплате за кровь и иногда даже за оскорбительную брань. Вира взимается с убийцы в тех случаях, когда он достаточно богат или имеет много сильных родственников, готовых защищать его, или же при обоих этих обстоятельствах. Чукчи по характеру отличаются умеренностью и здравым смыслом. "Большая уплата всегда лучше крови" -- говорят они. Я приводил уже подробности убийства на Анюйской ярмарке, когда русские платили виру за убитого чукчу. Чукчи даже в пылу самой горячей ссоры не требовали крови убийцы. Я должен, однако, отметить, что драка была так неожиданна и коротка, что туземцы даже не заметили, кто именно из русских нанес смертельный удар их товарищу. Русские, конечно, знали, но держали это в секрете. На следующий год казак, убивший чукчу, предусмотрительно не явился на Анюйскую ярмарку. Не зная имени убийцы, люди Чауна решили мстить "князю" Ejgeli. Поэтому Ejgeli совсем не хотел приехать на ярмарку в следующем году, но все же должен был явиться по своим служебным обязанностям. Однако своих оленей он оставил далеко от места ярмарки и приехал туда на русских собаках. Он жил в русском поселке и избегал показываться на торговых стойбищах. Спустя несколько дней после его приезда брат убитого чукчи встретил его у русского исправника и сказал, что он придет к нему. Через несколько часов Ejgeli попросил увезти его с ярмарки в Нижне-Колымск. "Иначе они убьют меня, -- настаивал он.-- На этот раз мне не удастся избавиться". Так этот случай едва не закончился кровавой местью.

Я приводил также случай с одним приморским чукчей, у которого убили двоюродного брата на стойбище в районе Анюя. Он взял в виде выкупа за убитого маленького мальчика из семьи убийцы и большую часть его стада. На следующий год он опять приехал к ним и снова взял у них много оленей. Он заявил, что виру можно взимать в течение трех лет. Иначе дух жертвы не успокоится. Его требования были сочтены непомерно большими. Когда он ехал обратно, его остановил один из родственников убийцы и потребовал, чтобы он возвратил половину взятых оленей. Люди, бывшие с ним, сразу же начали делить стадо пополам. "Это в последний раз мы даем тебе что-нибудь, -- сказал он.-- На следующий год мы будем биться с тобой, если ты снова придешь". Брат чукчи, убитого русскими, также настаивал на обычае взимать виру в течение трех лет. Но на третий год он ничего не получил. Общее количество товаров, полученных им и его отчимом, составляло сумму около трехсот рублей. Сюда входили чай, сахар, табак, котлы, пестрый ситец и т. п. Он просил также водки,- но у русских ее в это время уже не было, и они не могли удовлетворить его просьбу. В обоих случаях, как видим, вера, выплаченная за кровь убитого, была достаточно велика.

В третьем известном мне случае вира была значительно меньше. Ссора, послужившая поводом к убийству, произошла также на Анюйской ярмарке, в 1894 году. На ярмарку явился чукча с одной только упряжкой оленей (qun-gekeŋə) и остановился в шатре одного из анюйских оленеводов, который прибыл на ярмарку в сопровождении всех своих многочисленных двоюродных братьев. Чукчи из района реки Россомашьей считали этого человека убийцей. Два года тому назад он убил в пьяной драке одного из своих товарищей. Они считали, что на них лежит долг отомстить за убитого. Они явились на стойбище вышеупомянутого оленевода, вооруженные ножами и ружьями. Хозяин стойбища заявил, что он будет защищать своего гостя. Людей у него на стойбище было больше, чем "мстителей". Между обеими сторонами началось препирательство. Сторона, считавшая себя обиженной, хотела получить, по меньшей мере, упряжку убийцы, как вещь, "близкую сердцу" liŋliŋkin. Но обвиняемый наотрез отказался отдать им свою упряжку. "Лучше я умру",-- сказал он. После длительных препирательств и взаимных угроз "мстителям" пришлось удовольствоваться несколькими пыжиками. Шкурок было двадцать, общей стоимостью в пятнадцать рублей. Это как раз такое количество, какое может нагрузить один ездок на оленях на свои небольшие сани. Спустя некоторое время я встретил одного из "мстителей". Он сказал: "Ладно, после всего этого он должен был вернуться к своей семье с пустыми руками. Чай и табак, "желанные его сердцу", были отняты вместе с этими пыжиками". С точки зрения чукоч, такое объяснение было вполне удовлетворительно. Сила желания приобрести тот или иной товар в чукотской торговле повышает его цену. Чукча готов отдать любую цену за вещь, возбудившую его желания, ибо он не в силах отказаться от нее. Русским торговцам хорошо известна эта слабость чукоч, и они широко пользуются ею в торговле. В данном случае чай и табак были действительно "близкими сердцу" обвиняемого.

МЕЛКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Мелкие преступления караются или личным наказанием или же уплатой виры. В первом случае провинившегося вызывают на состязание в борьбе и наказание налагают после победы. Я уже приводил {Ср. стр. 116.} отрывок из сказания о "Счастливом женихе", в котором дается, с очень характерными подробностями, описание подобного случая.

"Герой женился на гордой девушке. Всем раньше отказывала. Пришел сосед из соседнего жительства. Отвергла. На утро, уйдя, отправился к стаду. Застал ее в стаде, схватил ее, раздел, задавил в снегу, взял ножик и расцарапал ей все лицо. На следующий год этот человек говорит: "Пусть будет опять бег взапуски!" Собрались все люди. Побежали все. Между тем девушка вышла замуж. Муж -- молодожен не раздевается, в верхней рубашке бежит на состязании. Прибежали назад; опять он один прибежал; других нет. Другие бегающие пришли сзади. Парень встрепенулся, говорит: "Ну, хватайтесь! Ну!" Гнев в лицо бросился. Стал в позу, говорит: "Ну, кто же схватит меня?" -- "Ну, пусть вот тот схватится", -- указывает на прошлогоднего соседа, изрезавшего лицо его жены. В одежде борется парень. "Нет!" -- говорит тот, опустив голову. "Ну, ну, скорее!" Пристает настойчиво. Тот отказывается, не может. Пока тот отказывается, он сам на него бросился, подскочил, ногой пнул по лицу. Тот покатился, улетел навзничь и обмер. Немного погодя он сел. Говорит ему: "Ну же, торопитесь". Тот встал, отказывается. Он схватил его, опрокинул навзничь, вытащил свой поясной нож, ноздри разрезал ему ножом в отместку, веки. Все лицо разрисовал ножом, располосовал во все стороны".

В действительной жизни нередки случаи, подобные описанному в приведенном отрывке. Мне придется впоследствии снова вернуться к ним. Конечно, для того чтобы так наказать обидчика, необходимо сначала победить его в состязании. Каждый раз как я обращал на это внимание моих чукотских друзей, они неизменно возражали мне: "Виновный будет побежден". Это является руководящей идеей всех испытаний и состязаний, имеющих целью восстановление справедливости. На самом деле, некоторые подобные случаи приводили к совершенно обратным результатам. Так, например, Vaatuwge, один из трех братьев-мстителей, о которых я говорил выше, в молодости, пьяный, затеял драку с чукчей по имени Peŋewgi. Они вступили в борьбу; Vaatuwge был значительно сильнее своего противника. Он повалил его, схватил за ногу и дернул с такой силой, что нога у него выскочила из сустава. Peŋewgi так и остался хромым на всю жизнь. Peŋewgi оказался в совсем печальном положении. Его единственный двоюродный брат, Peŋeqlut, хотя и сердитого нрава, был плохой борец. А у обидчика, как уже сказано, были два брата. Все три брата славились силой и ловкостью. Так что обида Peŋewgi осталась невозмещенной.

Не менее характерный случай произошел при мне в районе Верхнего Анюя.

Чукча Umkuum полюбил жену другого чукчи, Ooqaj, жившего на соседнем стойбище. Молодая женщина отвергла его. Тем не менее он явился к ней в шатер в отсутствие ее мужа, схватил ее у входа в спальный полог и овладел ею. Все это произошло среди бела дня, на виду у всего стойбища. Обидчик пообещал женщине новую тюленью шкуру в виде возмещения, однако не исполнил своего обещания. Она пожаловалась своему мужу. Тот вызвал оскорбителя на состязание в борьбе. Но в результате борьбы оказалось, что у обоих противников силы были равные. Обиженный принадлежал к сильной семье. У него было семь братьев, взрослых и сильных. Вскоре после состязания Umkuum потерял четырех лучших оленей. Соседи насмехались над ним, говоря, что лучше было пожертвовать одной тюленьей шкурой, чем четырьмя оленями, потерю которых они считали карой за неисполненные обещания.

На одном из стойбищ в районе реки Анюя двое молодых чукоч поссорились из-за карт. Произошла борьба. Тот, который считал себя обиженным, повергнул своего противника на землю. Побежденный вскочил, схватил лежавший тут же большой кусок дерева, который был приготовлен для выделки полозьев к саням, и занес его над головой победителя, намереваясь ударить. Однако победивший успел схватить дерево за противоположный конец, выхватил его из рук нападавшего и отбросил в сторону. Затем, в свою очередь, возобновил нападение. Он пнул своего противника ногою в лицо, точь-в-точь так же, как описано в вышеприведенной сказке. Тот снова упал на землю. Все лицо его было в крови. Побежденный юноша принадлежал к сильной семье, у него было много дядьев и двоюродных братьев. Почти все они на следующий день явились на стойбище обидчика. Вытащив ножи, они угрожали перерезать сухожилия его ног, чтобы он больше не мог пинаться. Однако дело кончилось миром. Несколько дней спустя, когда поулеглись разгоревшиеся страсти противников, юноша, подвергшийся угрозам родственников побежденного, заявил, что он был прав, выхватив у него из рук дерево и ударив его. Он сам стал требовать возмещения за обиду, заключавшуюся в том, что на его стойбище было обнажено оружие. В конце концов он действительно получил kьtkaw ("жесткое воздаяние", то есть выкуп, -- см. стр. 184), состоявший из четырех штук оленьего "камуса" (шкура оленьих ног). Ценность выкупа была совершенно незначительная и имела только моральное значение.

Вскоре после моего первого посещения Анюйской ярмарки ко мне явились Ejgeli, Qituwgi и другие главари местных чукоч. Они приветствовали меня довольно церемонно, но на деле они желали выпить водки в виде ответа на приветствие и, конечно, получили ее. Их было пятеро или шестеро. Я удовлетворил их просьбу, однако вслед за ними стали являться новые посетители с просьбой о том же, так что мой запас вскоре истощился. Один из опоздавших, которому нехватило водки, настойчиво требовал угощения. В конце концов он так надоел мне, что я, потеряв терпение, попросил оставить меня в покое. Он отошел в сторону, недовольно ворча. Часа через два я стоял у ворот Анюйской крепости, беседуя с проходящими чукчами и делая обычные заметки в своей записной книжке. Неожиданно ко мне подошел сзади мой обойденный гость и ударил меня кулаком по руке, так что моя записная книжка полетела на землю. "Ах ты, такой сякой!-- закричал он.-- Ты приходишь сюда и все время болтаешь с людьми, записываешь их слова на бумагу и не можешь дать глотка водки человеку, приходящему в твой изобильный дом". Затем, отступив немного, он сорвал с себя кухлянку (меховой балахон), оставшись " полуголым. Он требовал, чтобы и я сделал то же самое и вступил в. борьбу с ним. "Я стою на своей собственной земле, -- прибавил он, -- и я могу разделаться с тобой, как захочу". Он был прав, так как даже в официальном порядке русская территория считалась только в ограде крепости, а все пространства за оградой считались чукотской землей. Каждый вечер чукоч выпроваживали из крепости и закрывали ворота, так что это различие было весьма ощутительно. Мальчик лет десяти подбежал к моему противнику и изо всех сил старался оттащить его в сторону. Это был его сын. Однако отец был тверд в своих намерениях. Ему было лет пятьдесят. Его звали Rьnto, он происходил от приморских чукоч. Телосложение у него было слабое, но характер он имел вспыльчивый и несдержанный. Результатом его несдержанности были два глубоких шрама у него на животе. У меня не было, однако, никакого желания вступить в борьбу. Но, с другой стороны, я не хотел допустить и мысли об открытом отступлении, несмотря на то, что мой противник находился на своей земле, а я -- на своей. Затруднение разрешилось благодаря приходу одного из моих товарищей по ссылке. Эго был человек сильный и смелый. Не обращая внимания на неприкосновенность территории, он бросился к Rьnto, схватил его за голову и поднял на воздух. Затем он отпустил его и спросил, улыбаясь: "Чего тебе надо?" Всем видом своим он выказывал самые мирные намерения. Rьnto ничего не сказал. Он только повернулся и пошел по направлению к своему дому. На следующий день он пришел в крепость и принес с собой искупительный подарок -- олений язык моему другу, как человеку, превосходившему силой нас обоих, и кусок обыкновенного мяса -- мне. "Вчера я был скверный,-- сказал он,-- прими этот kьtkaw. Таков обычай. И дай мне мой глоток водки". Это было так лукаво, что мой друг был совершенно очарован и настоял, чтобы желание Rьnto было исполнено.

ВОРОВСТВО

Как я уже говорил, воровство довольно распространено среди чукоч, особенно среди оленных. Главным объектом кражи являются олени. Расплата за воровство такова же, как и за более серьезные проступки, а именно: состязание в борьбе, личная расправа или возмещение убытка и пеня. Обычай предписывает, чтобы возмещение было не только равноценно похищенному, но содержало бы в себе некоторую надбавку, составляющую пеню. Это имеет место, конечно, лишь в том случае, если вор сознается в своем проступке и изъявит желание исправить его, "вынужденный стыдом", как говорят чукчи. Если же вор упорно не желает сознаться, очень трудно заставить его вернуть украденное. Здесь многое зависит от силы и упорства той или иной стороны. Я приведу несколько известных мне случаев.

У одного оленевода, человека миролюбивого, пропало девять оленей. Они отбились от стада, как это вообще не редко случается, и не были найдены. Впоследствии выяснилось, что олени пристали к соседнему стаду и были присвоены его хозяином. Его собственные пастухи донесли об этом владельцу отбившихся оленей, но сам хозяин упорно отрицал факт кражи. Тогда оленевод, потерпевший ущерб, рассердился не на шутку и послал своих людей к соседу требовать выкуп. Его сын, племянник и один из его соседей пришли к стаду обидчика во время его отсутствия и взяли себе двух сильных ездовых оленей, одного хорошо объезженного бычка и трех оленей среднего качества. Они сказали пастухам: "Идите, скажите хозяину, что это сделали мы". Но на этом дело не закончилось. На следующий день они снова пришли на стойбище неудачливого вора. Племянник, любивший всякие ссоры, перед уходом сказал: "Может быть, он выкажет недовольство. Тогда мы зададим ему хорошую трепку". Они пришли на стойбище и некоторое время мирно беседовали с домочадцами обидчика. Однако сам он сидел в сторонке, молча, опустив глаза. У него нехватило смелости начать ссору. К тому же я должен отметить, что племянник принадлежал к очень сильной семье и у него было шесть взрослых братьев. Затем они вернулись домой и разделили между собой добычу. Племянник взял себе молодого бычка. Сыну досталась упряжка, а отцу все остальное. Соседи говорили: "Это правильно, ведь он потерял то, что было близко сердцу -- ездовых оленей". Мне передавал этот случай один из его участников.

Другой подобный случай окончился более миролюбиво. Однажды летом несколько оленей отбились от своего стада и пристали к соседнему стаду. Пастухи увидели, что один из этих оленей очень жирный, и решили убить его для себя. Они метнули аркан, но аркан порвался, и олень убежал. На рогах у него остался кусок ремня. Часа два спустя хозяин первого стойбища пришел к стаду соседа, держа в руках обрывок аркана. Олень пришел обратно к своему стойбищу, и хозяин сразу догадался, кто именно хотел своровать его оленя. "Чей это аркан?" -- спросил он, смеясь. Он был уже старик, и потому этот инцидент не имел никаких последствий. Кроме того, стада паслись очень близко друг от друга. При таком условии олени часто перемешиваются, и пастухи не считают за большое преступление убить оленя, приставшего к их стаду. Иногда, желая убить какого-нибудь оленя, они сами заявляют хозяину: "О, я взял твоего оленя". Затем они, конечно, отдают взамен другого оленя из своего стада.

Я уже говорил, что на побережья Ледовитого океана открытое воровство оленей в летнее время приносит серьезный ущерб стадам богатых оленеводов.

Чукча Lewtьqəj говорил мне по поводу такого воровства: "Плохо оставаться летом на реке Palaw. Пастухи очень воруют. Когда я летовал там, то почти в каждой ложбине я находил туши своих оленей. Ноги у них были отрезаны и съедены, все же остальное оставлено гнить {Чукотские пастухи, когда у них нет котлов и топлива, часто убивают оленя и едят его ноги. Твердые сухожилия и костный мозг съедаются сырыми. Остальное мясо по необходимости бросают на месте.}. Кого ни спросишь: "Кто оставил здесь тушу?", все отвечали: "Я не знаю". Однажды я увидел Qoptььrgьn'a, сына Tьqo, сидящего около убитого оленя и грызущего толстую кость. Я спросил его: "Почему ты не относишь тушу своему отцу, раз уж ты убил оленя? Он ведь тоже голоден". Он ничего не ответил. "Или, может быть, если ты хочешь, я отдам тебе все свое стадо". Мы оба сняли свои меховые рубахи. Он быт молод, но ничего не мог со мной поделать, потому что большой гнев овладел мною. Я повалил его на землю, схватил свой толстый кожаный пояс, начал бить его по голой спине, пока вся она не покрылась кровью. После этого я решил никогда больше не приходить в эту землю воров". Lewtьqə: было около-пятидесяти лет, характер у него был тихий и спокойный, но обиды повторялись слишком часто для того, чтобы оставлять их безнаказанными. Чукотский "начальник" Ejgeli и приморский торговец Cepat однажды также поссорились из-за украденных оленей. Cepat, будучи приморского происхождения, не мог иметь достаточную опытность в оленеводстве. Его стадо, большею частью состояло из оленей, недавно купленных из других стад. Благодаря этому привычка оленей к стаду была слабее, чем в обычных стадах, и Cepat почти каждое лето терял нескольких оленей. В одно лето от его стада отбился большой отрывок, больше трехсот оленей. Вскоре с реки Олой дошел слух, что олени пришли к стаду Ejgeli и он оставил их у себя. Весной Cepat и Ejgeli встретились, как обычно, на ярмарке. Cepat спросил о своих оленях. Ejgeli заявил, что он ничего не знает об этом. Cepat угрожал, что на обратном пути с ярмарки он нападет на стойбище Ejgeli. Но здесь произошла та драка на ярмарке, о которой я уже не раз говорил, и внимание Cepat'a было отвлечено.

У приморских чукоч воровство встречается гораздо реже, чем у оленеводов. Это можно объяснить, пожалуй, отсутствием у них ценных предметов. Однако мне все же известны несколько случаев воровства. Об одном из них я уже говорил выше {Ср. стр. 28.}. Жители селения Quluci жаловались на обитателей селения Lūren. Последние ограбили собачников Quluci, когда они возвращались с побережья Тихого океана с грузом чужеземных товаров.

Другой случай произошел с чукчей Qoplanto, из Мариинского Поста (ныне поселок Анадырск). Зимой 1898 года он встретил на тундре двух мужчин из поселка Valqatlen. Они шли в Мариинский Пост с большим запасом водки, предназначенной для продажи. Qoplanto присоединился к ним, провел с ними ночь, и купил у них немного водки в обмен на пушнину, которую он вез с собой. Затем он отнял у них силой часть их водки и уехал прочь, несмотря на то, что их было двое. Они не особенно сопротивлялись, так как были чужими в этом районе. Qoplanto к тому же был хозяином "переднего дома" в своем поселке (в северной части Анадырского лимана, против русского поста). Однако, когда Qoplanto уходил, они сказали ему: "Ну, теперь уж ты постарайся не заезжать на нашу землю. Тогда мы в свою очередь сосчитаемся с тобой". Зимой 1900 года, когда я собирался ехать в северные поселки, Qoplanto сначала предложил мне свою помощь в перевозке клади, но перед самым отъездом он откаказался. Он объяснил мне, что боится ехать в поселок Valqatlen из-за этого дела.

ЗАКОНЫ, ОХРАНЯЮЩИЕ СОБСТВЕННОСТЬ

Я уже говорил, что у оленных чукоч отец семьи считается владельцем и хозяином стада даже в том случае, если он очень стар и немощен. Я приводил известные мне факты, касающиеся этого. С другой стороны, чукчи говорили мне, что как только сын становится взрослым и может заботиться о стаде, отец часто передает ему вполне добровольно управление стадом, а сам становится только помощником. Это бывает даже и тогда, когда отец еще достаточно силен и в состоянии исполнять необходимую работу. Точно так же, если сын женится и в шатре семьи есть только один спальный полог, отец уступает сыну "место хозяина" (ajgьsqaron -- "левая сторона"). Если же они решают жить в отдельных шатрах, то отец предоставляет сыну передний шатер, а для себя ставит новый шатер сзади. Но такие случаи редки. Обычно старики продолжают до конца считаться хозяевами своих стад, и сыновья их живут в задних, а не в переднем шатре. Если же отец передает свой шатер и стадо сыну, как это сделал Aiŋanwat, то это обусловливается обычно какими-нибудь личными мотивами и соображениями. По большей части таким мотивом является "оленное счастье". Старик утратил это счастье и надеется, что сын снова приобретет его.

В семье Ejgeli его многочисленные сыновья вели с ним скрытую и осторожную борьбу. Но старик ревниво оберегал свои права и быстро предотвращал всякое посягательство на них со стороны сыновей. Насколько мне известно, он остался полным хозяином своего имущества до самой смерти. Он умер года два спустя после моего отъезда из Колымской области.

Считается, что семья или семейная группа не имеет прав на собственность отдельных своих членов. С другой стороны, оленевод, потеряв свое имущество, может быть уверен, что кто-нибудь из его ближайших родственников окажет ему помощь, за исключением тех случаев, когда они сами очень бедны или слишком скупы. Брат обращается за помощью к родному или к двоюродному брату, и тот дает ему значительную часть своего стада, достаточную для того, чтобы он мог снова развить хозяйство. Так, например, в 1894 году, три брата, сыновья Tatko, дали своему двоюродному брату пять "двадцаток" {Чукчи считают пятерками, которые называют "руками", и двадцатками, называя их "людьми" (вр. стр. 60).} молодых важенок из своих стад, несмотря на то, что старший брат считался очень скупым. Этот двоюродный брат был прежде также владельцем большого стада, но промотал его. Теперь же он, сделавшись старше, решил исправиться и стать благоразумнее.

Другой знакомый мне чукча, Ajŋabrgьn, о котором я уже говорил выше, обеднев, обратился за помощью к своим родственникам, жившим на Индигирской тундре, и они дали ему сто пятьдесят важенок. В других случаях чукчи берут своих обедневших родственников к себе помощниками. Им предоставляют самые благоприятные условия жизни и обещают через некоторое время отделить им часть стада.

Большая часть имущества переходит от отца к "главному наследнику" (eun-milgьlьn). Он получает шатер и становится хозяином переднего шатра. Вместе с шатром к нему переходит и основное тавро, самое древнее в стаде, которым помечена большая часть оленей. Другие сыновья, а также дочери" получают животных, помеченных их собственным тавром и переданных им в свое время лично отцом. Если у богатого оленевода нет детей, то он прилагает все усилия, чтобы достать себе какого-нибудь наследника. Для этого он поселяет у себя на стойбище кого-нибудь из своих бедных родственников. При его жизни тот несет обязанности помощника, а затем стадо переходит в его владение. Иногда же бездетный чукча, почувствовав приближение смерти, призывает к себе кого-нибудь из своих родственников или друзей и передает им свое имущество. Но чаще бездетные семьи усыновляют кого-нибудь, мальчика или девочку, тоже из семьи родственников, женят их и передают им основное имущество по дому и по стаду. Иногда случается, что после смерти какого-нибудь чукчи не остается определенного наследника. Это может случиться, например, если единственный сын и наследник умер от заразы и старик отец тоже вскоре умирает от горя, так как чукчи вообще "легки на смерть" {Ср. стр. 23.}. В таких случаях приходят родственники и, установив степени своего родства с умершим, отдают наследство ближайшему из его родственников. Однако определенных правил относительно этого не существует. Мне рассказывали, что в старину в таких случаях собиралась вся семейная группа и обсуждала, кому именно передать наследство, но мне неизвестны такие собрания в настоящее время. Иногда родственники делят наследство на равные части, иногда же большую часть его отдают более бедному из них. С другой стороны, я знаю случаи, когда один из родственников, случившийся вблизи, забирал все наследство, в то время как более близкие родственники умершего не получили ничего. Во время моего пребывания на реке Россомашьей разгорелась крупная ссора из-за наследства. Старик чукча, происходивший от приморских жителей, умер бездетным. У него было большое стадо. Это стадо взял себе его троюродный племянник, который был хозяином переднего шатра соседнего стойбища. Никто не помешал ему в этом, и несколько лет он продолжал спокойно владеть стадом. Вскоре он тоже умер, и стадо перешло к его сыну, Akьmloke. Тогда с арктического побережья пришли двое братьев и заявили, что они -- сыновьЯ двоюродного брата первого владельца стада и поэтому имеют больше прав на стадо, чем Akьmloke. Они потребовали выкупа. Akьmloke был "сильный человек" (ermecьn), всегда готовый к борьбе: поэтому он отказался удовлетворить их требование. Однако младший брат, U'mkь ("Полярный медведь"), был тоже сильный и смелый юноша. Он сказал, что он скорее умрет, чем уйдет обратно с пустыми руками. Дело чуть не дошло до драки, но присутствовавшие при этом розняли их. Я не знаю, чем все это закончилось, так как вскоре я уехал оттуда.

Если "главным наследником" является дочь и она остается жить в шатре отца после замужества, то она имеет такие же нрава на наследство, как и сын. Если же дочь живет отдельно, на стойбище мужа, то она получает в наследство только оленей, отмеченных ее собственным тавром. Некоторые из таких оленей остаются в стаде ее отца, даже после ее замужества, и ей отдают их только при дележе наследства. Женщины, состоящие в более отдаленном родстве с умершим, не имеют права на получение части наследства.

Бездетная вдова не имеет прав на получение части наследства. Она должна, уйти из шатра и даже не может взять с собой что-нибудь из домашней утвари. Она имеет право только на оленей, отмеченных ее личным клеймом. С ними она возвращается в свою семью. Подобным же образом должен уходить из шатра и усыновленный зять после смерти своей жены. Он может остаться лишь в том случае, если снова женится на какой-нибудь женщине из этой же семьи.

Молодая вдова, имеющая маленьких детей, сама является частью наследства, оставленного ее мужем. Вместе со стадом она переходит к наследнику и становится его женой. Иначе она должна вернуться в свою семью, не имея права взять что-либо из имущества. Она может взять к себе детей, но тогда они теряют права на наследство. Пожилая вдова с сыновьями -- подростками получает стадо после смерти мужа и становится хозяйкой над всей его собственностью.

У приморских чукоч еще с древних времен по наследству переходит лишь небольшое количество вещей. После смерти отца сыновья делят между собой его оружие, сети и тюленьи шкуры. Старший сын получает самые лучшие вещи: например, лучшее ружье. Шатер также часто делят на части, так как каждый из сыновей, женившись, хочет иметь свой отдельный шатер. Как только, он найдет Довольно жердей на подпоры, он сразу же строит себе отдельный дом. У оленных чукоч дележ шатра на части считается большим грехом. Они предпочитают совсем бросить шатер на произвол судьбы. Приморские же чукчи просто ломают старый дом, снимают кожи, шесты и так далее, делят их между собой, и затем каждый из них строится отдельно.

- Оставить комментарий
- Тан-Богораз Владимир Германович (yes@lib.ru)
- Год: 1934
- Обновлено: 28/04/2014. 897k. Статистика.
- Описание: Этнография

Оценка: 7.59*10 Ваша оценка: Не читал OK

Связаться с программистом сайта.

Мудрых и полезных советов.

26 238 13 250 4995